НЁМАН

4/2013
АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звязда»

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Таргонская*
Стильредактор *С. В. Казак*
Набор *Е. Г. Кахновская*

Подписано к печати 10.04.2013 г. Формат 70 ×108[1]/[16]. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л.19,15. Тираж 3196. Заказ 1153.
Цена номера в розницу 15 500 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-84-61; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

ЕЛЕНА ПОПОВА

Три дамы в поисках любви и смерти

Повесть

Дамы находят друг друга

Их было трое: Бубновая, Червоная и Крестовая. Могла быть и Пиковая, но она была им несимпатична и они, не сговариваясь, не допустили ее в свою компанию.

Разбежка в возрасте между ними была лет пятнадцать: одной сорок пять, второй пятьдесят с хвостиком, третьей почти шестьдесят. Из-за подобной разбежки они вряд ли могли так уж сойтись. Не возраст их свел, а похожая судьба. Так что из-за этой родственности судеб они сразу нашли, узнали, бросились друг к другу, понимая, что никто больше их так не поймет и не утешит, как они сами в тесном своем кругу.

Так, в толпище людей и на широких проспектах, где эти толпища протекают прореженной рекой, дети почему-то замечают только детей, а собаки собак, подтверждая в который раз могучий инстинкт родства и стремление к тождественности.

Бубновая (45лет) была тусклой, небрежно подкрашивающейся блондинкой, немного усохшей и вытянутой, одевалась в свободные джемпера и длинные юбки, что делало ее еще более костлявой, усохшей и вытянутой, чем она была. Очков она не носила, но взгляд ее водянистых, неопределенно-голубых глаз был близорук, а веки всегда чуть припухшие, как будто она только что встала после долгого тяжелого сна. Побывала она и в браке, коротком и бессмысленном. Оба пытались любить друг друга и оба не смогли. Детей не было.

Как-то была она в одних совсем не обязательных гостях и именно поэтому курила одна на кухне, глядя в окно на освещенный перекресток. Тут-то и появилась Червоная (50 с хвостиком). Она была средней комплекции, чуть неуклюжая, в брюках, коротко и неудачно стриженная, о чем знала и что портило ей настроение. Хотя, если присмотреться, изначальной миловидности она еще не была окончательно лишена. С каким-то стуком даже рухнула она на хлипкий кухонный табурет и сказала:

— О! Ску-ка!

И потянулась за сигаретами Бубновой. Та протянула ей зажигалку. Взгляды их встретились, и они тут же поняли друг друга.

— Выпьем? — предложила Червоная и взяла стоявшую на полу у холодильника бутылку вина. — Не бойся, это я принесла. Я пью только свое вино.

Червоная не только побывала в длительном браке (муж ушел к другой), но имела двоих детей, которые жили далеко от нее, в иноземщине. Они виделись коротко и счастливо один, а порой и два раза в год (от этого-то и появилось у нее пристрастие к особо хорошему вину), но каждый день своей жизни,

с утра, иногда даже с шести, и до вечера, порой очень позднего, она была одна (работа — это не жизнь), и особенно вечерами или в праздничные дни казалась сама себе несуществующим призраком, тонущем в безвоздушном пространстве.

Червоная ловко откупорила бутылку и разлила вино в высокие стаканы для сока, так как других в кухонном шкафчике не оказалось. Они замечательно посидели, обеим было интересно друг с другом. Бубновая больше слушала, но слушала внимательно, а Червоная говорила и тем более охотно, что ее с таким вниманием слушали. Так что договорились встретиться буквально через день, а потом вообще стали часто встречаться.

Крестовая присоединилась скоро, тоже в каких-то гостях. Она громко и весело смеялась, но глаза у нее при этом были печальные. Слово за слово, обе поняли — своя.

Напрашивалась в их компанию Пиковая, хозяйка дома, но что им с ней?

Все у нее было хорошо и даже отлично. Какой интерес об этом слушать? Похвасталась разок и ладно.

Крестовая (под шестьдесят) была как бы «кармической» вдовой. Она дважды овдовела самым натуральным образом, а третий ее муж, молодой и грустный, сбежал, испугавшись такой же участи. Она была полна, моложава, до сих пор кокетлива. Думать, за что такая судьба, ей было странно и страшно.

С сыном от первого брака она давно жила врозь, там и внуки без нее выросли. Вообще, жизнь ее была не заполнена до предела.

Все трое были из породы «жен». Не путать с женщинами-одиночками. Женщины-одиночки совсем другой подвид, крайне отличный. А женщины-жены — в прошлом ли, настоящем или будущем — это женщины-жены. Попадая в разряд одиночек (в отличие от одиночек натуральных), они вянут, хиреют, блекнут, увядают, просто растворяются, теряя охоту жить. Тогда как истинным одиночкам в таком качестве не так уж и плохо. Они по-своему довольны и любимое их занятие — вылизывать свою шерстку.

Женщины-одиночки — кошки.

Женщины-жены — собаки.

Так что, сошлись три дамы породы собачьей, сбились маленькой стайкой и стали жить вместе (духовно, конечно).

Бывало, они ссорились, как без этого, дулись друг на друга, обижали и обижались, прикалывали, насмешничали, но потом опять собирались вместе.

Как-то осенью, субботним днем Червоная заехала за обеими на машине. Настроение у всех в тот день было не то, чтобы очень, но впереди была целая суббота, а за ней воскресенье, короче, впереди только хуже. Решили поехать куда-нибудь.

Червоная оглянулась на подруг, сидящих на заднем сидении и, перед тем, как тронуться, сказала в который раз за это утро:

— Куда?

— Куда привезешь! — лихо воскликнула Крестовая.

— Да уж, куда хочешь, — добавила Бубновая.

— Девки, я же вас просто терпеть не могу за это! — сказала Червоная. — Какие-то дурищи безголовые! Не знаете куда — туда и попадете! Черту в пекло.

— А, куда попадем, туда и попадем! — опять лихо воскликнула Крестовая. — Хоть черту в пекло! Давай, жми на газ!

— Да, — сказала Бубновая. — И мне все равно.

Машина тронулась.

— Может, действительно куда-нибудь съездим? — сказала Бубновая с романтичной интонацией в голосе, расправляя прилипший к рукаву теплого жакета желтый листок.

— Куда? — поинтересовалась Крестовая.

— Да хоть в Прагу! Я за бензин заплачу.

(Вино в основном ставила Червоная, закуской занималась Крестовая, но Бубновая зарабатывала больше всех.)

— Была я в Праге, — сказала Червоная. — Приятно. А что дальше?

— И я была в Праге, — сказала Крестовая. — Приятно, да. А что дальше?

— Погуляем... — сказала Бубновая неуверенно.

— Столько пилить за рулем, чтобы прогуляться по Праге и выпить пива? Девочки, я не девочка.

— В этом мы как-то не сомневаемся, — сказала Крестовая, и это у нее почему-то получилось зло.

— Скажите спасибо, неблагодарные, что я вас вообще везу, — огрызнулась Червоная, и это у нее тоже почему-то получилось зло.

Вот так, переругиваясь, выехали за город, а потом решили проехать еще, где за водохранилищем был знакомый ресторан. Вроде, ехали как надо, сначала по просторному шоссе, потом по узкой асфальтированной дорожке, обсаженной средней высоты деревьями. Ехали-ехали, и вода уже поблескивала издали, а знакомого ресторанчика все не было. День был осенний, туманный, но не до такой степени, чтобы заблудиться.

— Заехала не туда, родная, — сказала Крестовая мягко.

— Я знаю, как ехать, — ответила Червоная.

Еще проехали и довольно долго.

— Нет, — опять не выдержала Крестовая. — Определенно напутала.

Червоная промолчала. Все смотрели на дорогу. И тут вдруг от дороги пошла развилка, и на ней они увидели щитовой указатель, на котором было написано: «Кафе «Путник», 100 метров».

— Что-то не припомню такого, — сказала Крестовая.

— Так мы же по другой дороге ехали, — робко вставила Бубновая. Она иногда робела, как бы слабела душой.

Червоная опять промолчала.

— Ну, девочки, — сказала Крестовая. — Это же какие-то сто метров! Можно заглянуть. И название хорошее.

— Поэтичное, — тихо откликнулась Бубновая.

Кафе «Путник»

Через сто метров дорога тупо уткнулась в небольшой, легкий, как бы игрушечный домик, на фасаде которого, над легким, невысоким крыльцом светилась в тумане надпись «Путник».

Машин поблизости не было, и Червоная без помех поставила свою в самом удобном месте. От этого настроение ее немного улучшилось.

Кафе было небольшим — на несколько столиков, все они сейчас пустовали.

— Рентабельно ли держать такое заведение в пустынном месте? — заметила Крестовая дама, сбрасывая пальто и вглядываясь в свое изображение в зеркале, висящем у входа.

— Наверное, рентабельно, если держат, — отозвалась Червоная, уже располагаясь за уютным столиком.

Крестовая чуть замешкалась и тут увидела в зеркале, прямо за своей спиной, незнакомое лицо: утиный, немного вытянутый носик и узко и глубоко посаженные блестящие глаза. На какую-то долю секунды ей сделалось не по себе, она быстро оглянулась и вздохнула с облегчением — перед ней стоял официант. Был он среднего роста, но такой щуплый, что от этого казался ниже и мельче.

— Мы вполне рентабельны, — сказал официант с достоинством и в то же время как-то вкрадчиво. — Вы в этом убедитесь. Что будем заказывать, дорогие дамы?

И он положил на стол пухлое меню в потертой кожаной папке.

Червоная дама быстро просмотрела меню и протянула Крестовой.

— О! — только и сказала Крестовая, глянув на список вин.

Вин было множество: сухих и крепленых, знакомых и незнакомых наименований. Водки и коньяка не было вовсе.

— А что, водки нет? — поинтересовалась Крестовая.

— Дамы хотят водки?

— Просто из любопытства.

— Водки не держим. Люди разные, ведь так? Есть люди безмерные, а до города не так близко и до дороги сто метров, это же надо дойти. Скандалят, ссорятся... А кто и за рулем, — говоря это, он склонил голову набок и совсем стал похож на взъерошенного, плохо кормленного утенка.

— Мы пьем вино, — сказала Крестовая.

— Какое?

— Хорошее, хорошее! — сказала Червоная. — Но лично мне — минералку, минералку с соком. Я за рулем.

— И все эти вина у вас есть? — спросила Бубновая робея.

— Конечно.

— Все эти марки?

— Все абсолютно!

— Где же ваш бар?

— Это вам так обязательно?

— Слушай, не будь навязчивой! — сказала Крестовая и толкнула ее в бок, добавила на ухо. — Это такой пиар, это у них всегда.

Крестовая опять начала читать список вин, но заплутав во множестве знакомых и незнакомых названий, махнула рукой:

— А, давайте... Что-нибудь легкое, белое, сухое...

Дальше пошли названия блюд, простые, но с многими подпунктами. Типа котлеты, а дальше подпункты: котлеты из телятины, баранины, свинины, говядины, крольчатины и даже дикой утки, с грибами, брусникой, под белым и красным соусом, груборубленные и мелкорубленные... Все и не перечислить. Так же отбивные и тефтели. На десерт шли пироги, ну а уж начинка для этих пирогов занимала несколько листов, отпечатанных доволно мелким шрифтом.

— Неужели все это у вас есть? — ахнула, не удержавшись, Бубновая дама.

— Абсолютно все, — ответил официант. — Мы любим лаконизм в еде, но в то же время стремимся к разнообразию, — и опять склонил голову набок.

— Разнообразие — это прекрасно, — сказала Крестовая дама почему-то мечтательно.

Заказали котлеты из крольчатины. Крестовая потребовала из дикой утки, хоть котлеты из дикой утки стоили на десять долларов дороже. После некоторого раздумья и молчаливого переглядывания заказали две порции на троих пирога с ежевикой.

Официант сразу вдруг став каким-то стремительным, тут же принес все заказанное.

— Разогрел в микроволновке, — шепнула Крестовая Бубновой, — они наловчились. — В долю мгновения, как фокусник, откупорил вино и разлил по бокалам. Червоная, разумеется, получила свою минералку с соком.

— Хорошо вам, — сказала Червоная с выраженной завистью.

— Так и ты давай немного! — лихо и весело вскрикнула Крестовая.

— А кто извозчик?

— Чуть-чуть! Можно!

— Нет уж, — сказала Червоная. — Я правил не нарушаю.

— А я когда-то водила! — опять вскрикнула Крестовая, залпом выпив весь бокал. — Врезалась в дерево прямо в нашем дворе!

— Вот именно. Пьяная была, — сказала Червоная.

— Нет, просто это не для меня.

И вспомнив, наверное, подробности этого происшествия она вдруг стала безудержно хохотать, колыхаясь всем телом. А может, это вино ударило в голову. На глазах у нее даже выступили слезы.

— Может, хватит? — сказала Червоная.

Но Крестовая все хохотала и хохотала, и это уже начало действовать всем на нервы.

— Ладно, — сказала она наконец, — схожу в дамскую комнату.

Официант оказался неподалеку.

— У вас, надеюсь, простите, есть дамская комната? — спросила Крестовая и при этом чуть покачнулась.

— Конечно. Я вас провожу! — ответил официант и повел ее в глубь зала.

Там, в самом углу, была дверь.

— Это, надеюсь, для дам? — пошутила Крестовая и опять чуть покачнулась.

— Разумеется, для дам. Для джентельменов с той стороны, — он неопределенно кивнул.

— Спасибо, — сказала Крестовая дама. — Больше можете не беспокоиться.

— Выключатель справа.

— Не беспокойтесь.

А ведь беспокоиться было о чем...

Крестовая дама

Крестовая открыла дверь и шагнула... в темноту. В темноте для чуть выпившей женщины нет ничего хорошего. Тем более, дверь за ней с шумом захлопнулась. Она протянула руку и стала беспомощно нащупывать выключатель. Но выключателя не было. Первой мыслью была закричать, и она закричала:

— А-а-а! — и стала спиной биться о дверь. — А-а-а!

В ответ — ни отзвука, словно она находилась в звуконепроницаемой камере. От страха ей перехватило сердце и стало трудно дышать... Тут вспыхнул свет.

Яркий летний день окружал ее. Она была в своей старой, еще родительской квартире. Рядом стоял первый муж — студент четвертого курса математического отделения университета — худенький, в очках. Выражение лица у него было злое.

— Что ты кричишь? — сказал муж резко. — Посмотри на себя!

Она подошла к зеркалу. Из старого материнского зеркала на нее смотрела она сама — только двадцати трех лет от роду. Тогда уже пухленькая, но все равно еще стройная, с лицом хорошенького пуделя. Ведь и волосы у нее тогда были завиты, как у пуделя. Она приблизила к зеркалу лицо — глаза действительно были размазаны. Не отрывая глаз от своего отражения, привычным движением она нащупала на столике бумажную салфетку и огрызок карандаша «Живопись», тогда большой дефицит. И подправила макияж.

Их маленький сын был с родителями на даче, и вчера, воспользовавшись этим, они отправились в гости. Шумные, бестолковые молодые гости, без чинных столов и скучных разговоров, с дешевым вином и салатом из помидоров, поданным прямо в тазике. Хорошо было, весело. Но он, муж, свинья такая, все испортил, опять ее приревновал. А ведь она всего лишь курила и болтала с каким-то незнакомым парнем на лестничной клетке. Так, ни о чем, но глаза у нее блестели. Почему блестели? — спрашивал. Так ведь весело было. Когда весело, у нее всегда глаза блестят. Тогда новый вопрос и опять дурацкий: почему ей весело с незнакомым парнем?

Стоит напротив, весь из себя злой, и трясется — такая она преступница. Сам трясется, и очки его противные трясутся, вот-вот свалятся. И нисколько она его такого не любит. И не помнит, как она в него влюбилась вообще. Да, он милый был, хороший, он математик, он умница, но он скучный, скучный и даже уже теперь — зануда.

А ей всего двадцать три, ей так хочется веселиться, да, веселиться. Она женщина-бабочка, она где-то это вычитала и ей понравилось. Да, ей просто хочется веселиться, порхать с цветка на цветок, помахивая сверкающими на солнце крыльями... А он? Он просто заедает ее жизнь!

Она посмотрела на трясущиеся очки на его носу и сказала:

— Вот дурак!

Ничего, вроде, обидного. Но он почему-то страшно обиделся.

— Мерзавка! — закричал он и ударил ее по лицу.

— Очкарик! — закричала она и затопала ногами. — Очкарик! Очкарик!

Тогда он схватил свою джинсовую курточку, которую она ему подарила, и выскочил из квартиры. А она пошла в родительскую спальню, бросилась на материнскую кровать и долго рыдала, уткнувшись в материнскую подушку, отчаянно жалея себя.

Начинался вечер... Мягкий такой, прекрасный июньский вечер, и ветерок подул теплый, донося запах родного города. Себя стало еще жальче. Как прекрасна могла бы быть жизнь! Вот и ребенок на даче, они одни в квартире, как все могло бы быть хорошо. Опять пошли бы в гости, или пригласили бы гостей, или просто погуляли в веселой вечерней толпе.

— Очкарик! — сказала она с ненавистью. — Противный очкарик!

И тут зазвонил телефон. Она босиком промчалась по квартире и сняла трубку... Женский казенный голос ей сообщил, что ее муж (имя и фамилия совпадали), перебегая улицу в неположенном месте, попал под машину и скончался на месте, не приходя в сознание.

Ужас охватил ее, ужас не той, двадцатитрехлетней (двадцатитрехлетняя рыдала, конечно, рыдала неистово, но забыла о нем меньше, чем через год), не той, а этой, шестидесятилетней Крестовой дамы, ужас нестерпимый. Не зная, что делать с этим ужасом, как от него спасаться и куда девать себя, она бросилась из квартиры и побежала вниз по лестнице, но уже в подъезде поняла, что бежать-то ей некуда. И вернулась. Толкнула тяжелую дверь родительской квартиры, но вошла совсем в другое место...

Она вошла в свою собственную квартиру, в которой жила уже со своим вторым мужем, квартиру небольшую, но очень уютную. Из прихожей была видна гостиная с мягкой мебелью и стенкой Коперник — когда-то предметом зависти менее обеспеченных подруг. Мягко горел торшер...

Первым делом она подошла к зеркалу — все тому же старому зеркалу, которое забрала из родительской квартиры, — и увидела себя тридцатипятилетней, хорошенькой, чуть-чуть располневшей, с модной тогда стрижкой. Неплохо, неплохо, — повторяла она про себя и готова была стоять так долго, бесконечно долго, жадно впитывая свое отражение, если бы из спальни не позвал муж.

Они жили вдвоем, сын так и остался у бабки с дедом, которые вообще-то его и вырастили, заменив родителей. Но мать он любил тоже, как можно любить дорогую игрушку, с которой иногда дают поиграть.

— Соня, — позвал муж.

Еще несколько лет назад он считался самым импозантным мужчиной в их научно-исследовательском институте, высокий, с ранней благородной сединой на висках при вполне молодом лице. При том — перспективный молодой ученый. Она добивалась его три года и таки добилась, таки отбила у суховатой, строгой жены, заведующей лабораторией в том же заведении.

О! Это была битва! Борьба! Каждодневный адреналин в повышенных дозах. Он то уходил от жены, то возвращался. То звонил чуть ли не каждый час, то неделями не звонил. Она была терпелива, наша веселая, легкомысленная Крестовая дама, она ждала, как бы мучительно порой это ни было. Бесконечные, унылые выходные, веселые для всех, кроме нее, праздники, среди них — три Новых года. Наконец, она ждала его двадцать четыре дня, почти месяц, из Крыма, где он отдыхал с семьей... И после — ни слова упрека, вызова, мести — одна любовь, да, одна любовь.

Она не была навязчива, не звонила. Нет! Она ждала, только ждала и дождалась. А строгая, волевая жена первая впала в истерику и подала на развод.

— Соня, ты что, не слышишь?

— Да? Что тебе?

Она как раз собиралась забежать к подруге. Та жила совсем рядом, в соседнем доме. Очень хотелось поболтать.

— Я на полчасика.

Муж в это время всегда смотрел программу «Время», но сейчас почему-то не появился из спальни.

— Соня, зайди же...

— Что? — сказала Крестовая дама, входя в спальню.

Ей очень хотелось к подруге, та намекала на какие-то новости про общих знакомых. Иногда так хочется просто поболтать, вот так, да, посплетничать, легко, весело, не задевая глубин, порхая над жизнью.

Муж сидел на своей кровати, и в его позе было что-то тревожное и сгорбленное.

— Да? — сказала Крестовая дама, скрывая раздражение. — Я слушаю.

— Сядь, — сказал муж.

Крестовая дама села рядом, просто села рядом. Не взяла за руку, не прислонилась, чтобы почувствовать его плечо или чтобы он почувствовал ее плечо. Хотя, наверное, должна была это сделать.

— Помнишь, я проходил медосмотр...

Муж работал в особом отделе с особыми химикатами и, хоть все было предусмотрено, раз в год должен был проходить медосмотр.

— Так вот, вот... да... — замялся муж. — Вроде, у меня проблемы...

Тогда Крестовая дама взяла его за руку и крепко сжала.

— Глупости! Не думай об этом! Вот увидишь — все будет хорошо! Иди, посмотри телевизор.

Она поцеловала его в щеку и все-таки пошла к подруге. К тому же, была уже в сапогах. Но особой приятной болтовни на этот раз не получилось. Стало вдруг скучно обсуждать общих знакомых, в конце концов, что они ей? Да пусть живут, как хотят. Подруга раздражала: о чем бы ни шла речь, все переводила на себя. Щеки ее раскраснелись, она говорила торопливо, невнятно, захлебываясь. Возможно, у нее тоже были проблемы, но Крестовой даме это было совсем уж неинтересно. Она смотрела на ее бледный, нечистый лобик, раскрасневшиеся щеки и думала: «Боже, да она просто дура. И кофточка ужасная. Как можно такое носить!»

Она поколупала кекс, сделала несколько глотков чая и засобиралась домой.

Конечно, она приходила к нему в больницу и приносила все, что он просил. И все твердила одно: чепуха, пройдет, все образуется. Она сама свято верила в это, потому что если бы не это, ужасающая реальность ее бы убила. А она не хотела умирать.

Собираясь к нему, она тщательно красилась и делала прическу, думая что это его подбодрит. Как будто ее хорошенькое, ухоженное личико, закованные лаком локоны лучше, чем любые слова говорят ему: все образуется, все будет хорошо. Но к ее удивлению, он смотрел не на нее, а как-то сквозь и был совсем чужим.

«Наверное, я его раздражаю, — подумала Крестовая дама. — Здоровые люди раздражают больных».

И стала ходить к нему реже. Но все равно каждый такой визит стоил ей усилий. Она как будто взваливала себе на плечи какую-то невероятную тяжесть, как минимум средних размеров гору, расплющиваясь под этой тяжестью не только костями, но и всем своим существом.

— Все образуется, все будет хорошо, — выдавливала она из себя. А сама думала: «Боже мой, за что мне такая мука, ведь я ему совсем не нужна!»

Однажды она встретила у него его первую жену, мимо которой все эти годы победоносно проходила по коридорам института.

К ее удивлению, первая жена как-то уж очень ловко чувствовала себя в палате, знала всех сестер по именам, все что-то заворачивала или разворачивала, складывала, поправляла и убирала. Но главное, что резало ее душу и задевало, мелко так задевало, но все-таки задевало, — он смотрел на свою первую жену с особой теплотой и благодарностью, совсем не так, как смотрел теперь на нее, Крестовую даму.

«Ну и слава Богу, ну и пусть! Главное, чтоб ему хорошо!» — думала Крестовая дама с нехорошим оттенком в чувствах.

Но это было потом. Теперь же Крестовая дама стояла у двери спальни и думала, что сейчас она должна войти, и знала, что он ей скажет.

— Сонечка... — позвал второй муж.

Нет, это было выше ее сил! Она быстро вышла из квартиры. Сердце билось отчаянно и такое же отчаяние было в ее душе.

Она стояла перед дверью и с ужасом понимала, что идти ей все равно некуда, что опять придется толкнуть эту дверь и войти... И знала, где окажется, и этого не избежать. Все равно придется ей пройти этот путь, на который толкала ее неведомая ей сила.

Она так и сделала. Толкнула.

Она оказалась в своей квартире, в которой жила и сейчас, но еще до евроремонта, хоть и тогда очень прилично обставленной. Она переехала

туда после смерти родителей, разменявшись с уже взрослым сыном. Прожив жизнь врозь, им было уже невозможно жить вместе. Тем более, он был уже женат.

Она подошла к зеркалу... Из все того же материнского, чуть потускневшего от времени зеркала на нее смотрела пятидесятилетняя женщина, полноватая, ухоженная, симпатичная.

«Все в порядке, все еще в порядке...» — подумала Крестовая дама и пошла в глубь квартиры.

В большой комнате сидел ее третий муж, младше ее на десять лет, но уже заметно лысеющий. Он листал альбом, утонув в большом кожаном кресле.

— Как дела? — спросила Крестовая дама.

— Нормально, — буркнул он.

В то время у него почти всегда было плохое настроение. Он все думал о чем-то и заметно похудел. Наверное, потому, что вот уже третий месяц, как ушел с работы. И понятно, что ушел. Работа ему не нравилась. И начальник попался какой-то пакостный. Впрочем, если вспомнить, такое с ним было почти всегда: работа не нравилась и начальники попадались не из лучших.

«Ничего страшного, — думала Крестовая дама. — Найдет другую. Надо сделать ему что-нибудь приятное. Может, купить хороший парфюм? Да, хороший мужской парфюм. До праздников далеко, все равно — пусть порадуется».

Она уже прикидывала, где это купит, хороший мужской парфюм... В новом магазинчике рядом с ее работой... И уже представляла себе и этот магазинчик, и как входит в него, и как перебирает матерчатые полоски с ароматами... Представляла под приятную, убаюкивающую мелодию, которую пела ее неплохая в общем-то, но слепая и ленивая душа.

— А как у тебя? — послышался его голос.

— Хорошо.

Она давно уже ушла из своего научно-исследовательского института, в котором после смерти второго мужа стало быть уже совершенно невыносимо, да, особенно встречая его жену, которая скользила по ней взглядом, как по пустому месту. Это было самое неприятное. Лучше бы ударила. Если тебя бьют, ты все-таки существуешь.

У него осталось двое детей.

Подвернулся случай, и она ушла к знакомой в частную фирму по производству минеральных удобрений. Да Бог с ней, с наукой! У Крестовой дамы не было с ней особого романа, страсти то есть, с этой наукой. Попала в нее случайно, как большинство... И только.

Зарабатывала она хорошо. В основном занималась всякими бумажными делами. Вела деловую переписку и на английском, восстановив его после английской школы.

Более того, когда потребовалось, она взяла сбережения у родителей и отдала в дело. Знакомая оказалась приличным человеком, никогда ее не обманывала, так что она получала свой процент и от общего дохода.

— Что ты там листаешь? — спросила Крестовая дама у своего третьего мужа, присаживаясь напротив него на диван.

Все-таки рабочий день — это рабочий день, все-таки она устала.

— Твои альбомы! — сказал он почему-то с раздражением.

Свои альбомы с фотографиями она не прятала, но и не выставляла на показ, они лежали на подсервантнике, в углу, сбоку от телевизора. Он ими как-то не интересовался. Он вообще мало интересовался тем, что не было связано с ним лично.

— Может, сходим поужинаем? — спросила она мирно, поглаживая рукой диванную подушку.

Рядом был очень славный, какой-то домашний ресторанчик с клетчатыми скатертями, клетчатыми салфетками, клетчатыми занавесками и абажурами. С огромным полосатым котом, который, заявив о себе — потершись о ноги и помурлыкав в меру, — по зову хозяйки уходил на кухню. Она уже прикидывала, что они там закажут и как им будет приятно там посидеть, как не спеша выпьют бутылочку винца, потом отправятся домой, и как хорошо, что идти недалеко, потом ванна, легкое чтение в постели, потом...

Она посмотрела на него и вдруг увидела, что он действительно неважно выглядит.

— Я не хочу есть! — сказал он, зло чеканя слова.

— Там так хорошо кормят, — сказала она.

— Я не хочу есть! Тебе это понятно?

Крестовая дама выдержала паузу и сочувственно вздохнула:

— Зря ты так, ей-богу, — сказала она все еще мягко. — Все образуется.

— Как?

— Образуется, — сказала Крестовая дама убежденно. — Так или иначе. Уж как-нибудь!

— Вот именно, как-нибудь! — огрызнулся третий муж.

— Да, как-нибудь, — сказала Крестовая дама вдруг жестко, — она-то хотела есть. В обеденный перерыв на работе только слегка перекусила. — Знаешь, в сорок два года искать себя — это смешно.

— Ты-то себя нашла.

— Я и не искала. Вот она я. Довольствуюсь тем, что имею. Я вполне счастлива.

— А я нет!

— Я вижу... — сказала Крестовая дама вдруг жалобно и тихо.

— Что видишь-то? Что? — закричал ее третий муж.

— Тебя...

— Как-то сомневаюсь...

Они редко ссорились и сейчас ей было не по себе.

— Кто это? — спросил он, показывая на одну из фотографий в альбоме.

— Мой первый муж...

— Где он?

— Умер. Несчастный случай. Я тебе говорила!

— А это? — он показал фотографию с ее вторым мужем.

Этих фотографий, обоих мужей, было совсем мало, почти ничего. Разве что общих, с друзьями, в компании, но надо было избавиться и от них. Как она сглупила!

— Ты прекрасно знаешь, я ничего не скрывала.

Он помолчал немного.

— Ты знаешь, — сказал вдруг тихо, — я не хочу становиться в этот строй...

Крестовая дама смотрела на него во все глаза, она была оскорблена, она была даже в каком-то потрясении, ведь она ничего для него не жалела, он пришел на ее территорию, месяцами жил за ее счет, она делала ему дорогие подарки и возила на курорты.

Сказав последние, так оскорбившие ее слова, он вжался в кресло и стал каким-то совсем маленьким и щуплым. И там притаился, как обессиленный, но злой зверек.

«Никчемный! Никчемный!» — вертелось в голове у Крестовой дамы, и она чуть не выговорила это слово, но не выговорила, сказала только:

— Ты... ты... — и все.

И ушла в спальню плакать. И все ждала, что он придет и они помирятся. И все уладится. Они слетают куда-нибудь близко: в Ригу или в Вильнюс, просто на выходные. Что-нибудь купят, на что-нибудь посмотрят... И она уже даже прикидывала, что купят и на что посмотрят...

Но он не пришел.

Она долго плакала, а потом напилась снотворного, но и во сне продолжала ждать его прихода.

Утром его уже не было.

Она знала, что его нет, но все равно пошла искать — так она и поступила когда-то.

«Что же я такого сделала? — думала Крестовая дама. — Что я сделала не так? Я его любила. Я для него делала все, что могла. Абсолютно все! Не надо замахиваться на многое, надо любить то, что есть. Вот и работал бы себе, и работал, где работал... Кто виноват, что ему нигде не нравится, что он всегда всем недоволен... Я виновата? Я не виновата...»

Она пошла на кухню, дверь в кухню была закрыта.

«Может, он там? — подумала Крестовая дама — просто сидит и пьет кофе». Подумала и толкнула дверь. И вошла... в кухню своего детства. Да... Со знакомыми занавесками, знакомым большим столом, покрытым клеенкой, знакомой старой плитой...

У плиты стояла ее молодая мать.

— Я же сказала, Нюся, займись ребенком! — закричала мать.

И Крестовую даму подхватили на руки, и понесли куда-то в глубь квартиры. Она почувствовала знакомый, до ужаса родной запах домработницы Нюси. От нее пахло земляничным мылом. Крестовая дама до сих пор любила этот простой дешевенький запах.

Проходя через коридор, Нюся (тогда семнадцатилетняя девчонка) взглянула на себя в зеркало, и Крестовая дама тоже взглянула на себя в зеркало и на руках у Нюси увидела очаровательную трехлетнюю малышку с кудрявыми волосами, пухлым личиком и карими глазками.

Нюся внесла ее в огромную комнату (ведь Крестовая дама была совсем маленькая). Солнце било в окна, отражаясь в сияющем, до блеска натертом паркете, и по солнечным пятнам весело проносились тени — это волновались доходившие до их окон кроны деревьев.

— Ну, иди, иди ко мне, малышка, — сказал отец, уже тогда плотный с шелковистыми усами под маршала Буденного.

Нюся опустила ее на пол, и трехлетняя Крестовая дама побежала по солнечному паркету к зовущему ее голосу, зовущим рукам.

Отец подхватил ее и прижал крепко-крепко, поднял высоко-высоко.

— Дай! Дай! — кричала трехлетняя Крестовая дама и тянулась к буфету, на котором стояла любимая мамина безделушка, хрупкая фарфоровая балерина. — Дай!

(Если бы тогда она взглянула на себя в зеркало, то увидела бы, наверное, не прелестное детское лицо, а раздутый красный шар.)

— Хозяйка не велит! — испуганно сказала Нюся.

— Пускай у моей дочурки всегда будет все, что она захочет, — сказал отец и протянул ей балерину — хрупкое фарфоровое чудо.

Крестовая дама схватила ее пухленькой детской ручкой за ту ножку, на которой балеринка стояла, сжала в кулачке и радостно засмеялась, затрясла каштановыми кудряшками. И вместе с ней засмеялся отец и ее нянька Нюся, казалось, засмеялись даже солнечные блики на навощенном паркете. Но уже

через минуту балеринка стала Крестовой даме не интересна — она просто бросила ее на пол.

Из кухни прибежала мама и стала собирать то, что осталось, потом склеила все эти ручки, ножки, головку, и несчастная балерина теперь стояла в глубине буфета за другими безделушками, вся перетянутая клеем, как бинтами, как воин после боя.

Конечно, никто не ругал трехлетнюю Крестовую даму, но ей все равно было стыдно и хотелось убежать. Да, ей хотелось отсюда убежать. Она выбежала в прихожую и добралась до входных дверей, но ведь ей было всего три года, она не могла даже дотянуться до дверной ручки, да если бы и дотянулась, разве у нее достало бы сил ее открыть.

Тогда она стала колотить ладонями по двери и кричать.

Вот сейчас прибегут отец, мать, Нюся, ее подхватят на руки, беспомощную трехлетнюю девочку, и унесут в ту жизнь, тот мир, в котором она всегда будет что-нибудь разбивать, все, к чему только ни прикоснется.

Но за ней никто не прибежал.

Дверь открылась, и официант сказал:

— Все в порядке?

— Спасибо. Все хорошо, — сказала Крестовая дама и вышла из туалета.

— Все действительно хорошо? — навязчиво повторил официант, и, чуть приподнявшись на носки, даже заглянул ей в глаза.

— Да, прекрасно! — ответила Крестовая дама.

«Несчастный официантишка! — думала она. — Провокатор! Не выйдет! Не выйдет!»

Она окончательно взяла себя в руки и даже чуть тверже направилась к своему столику.

Телевизор

Червоная и Бубновая, потягивая одна — сок, вторая — вино, смотрели телевизор. Небольшой плоский экран светил со стены прямо над ними.

— Нормальный туалет? — спросила Червоная

— Вполне, — отозвалась Крестовая.

— По туалетам можно судить о заведении. Знаете Г. (она привела их общую знакомую). Вот была у нее недавно. Мебель, обстановка — все красиво! Захожу в туалет... Ужас! Запах старого унитаза!

— Фу! — сказала Крестовая.

— Фу! — протянула Бубновая.

— Я ее перестала уважать.

— Ну, это уже слишком, — сказала Крестовая дама. — Раньше так у всех пахло, у кого больше, у кого меньше. Это запах советской власти... Или унитазом, или хлоркой. У Нюси всегда пахло хлоркой.

— У какой Нюси? — спросила Червоная.

— Маминой домработницы.

По телевизору между тем показывали бои. Дым черным смерчем поднимался то там, то здесь между вполне обычными панельными домами.

— Ей-богу, надоело, — сказала Червоная дама. — Ей-богу!

Дальше шли кадры разрушенных домов, ошеломленные лица беженцев, носилки с ранеными, большеглазые, серьезные детские лица.

— Где это? — спросила Бубновая дама.

— Где-нибудь обязательно творятся такие вот безобразия, — сказала Червоная. — Вы только представьте, девочки, раз — и у вас нет дома.

— Ну, это невозможно, — сказала Крестовая и даже зажмурилась. — Я даже представить не могу.

— А ты представь!

— Даже без мужчин можно жить, но без дома...

— Я к родственникам пойду, — сказала Бубновая.

— Так в том-то и дело — у родственников тоже нет. Ни у родственников, ни у друзей. Ни у кого нет дома! Вы только представьте!

— Давай без страшилок! — махнула рукой Крестовая дама.

Услужливый официант налил ей вина, она тут же нервно выпила.

— Мне рассказывали одну историю, — не унималась Червоная. — Про знакомого знакомого одних знакомых. Ну это еще во время Отечественной войны было. В оккупацию. Шел мальчик лет десяти, еврейский мальчик, очень хороший, положительный, послушный, умненький, в школе учился замечательно, на скрипочке играл замечательно, родители ему всегда говорили: будешь хорошим, с тобой ничего плохого случиться не может. Вот он идет, а навстречу — пьяный немец. Мальчик, может и испугался, на курточке у него, понятно, желтая звезда, но наверное думал: со мной ничего плохого случиться не может. Я же хороший. А немец его — раз... и застрелил, как букашку.

— Что мы здесь делаем, девочки? — сказала Бубновая с редкой для нее агрессией. — Мы все-таки отдыхаем.

Она взяла пульт и стала переключать программы.

Пошли кадры Венеции.

— О! — сказала Бубновая дама. — Венеция — моя мечта.

Между тем камера скользнула вниз — улицы Венеции были залиты водой, люди шли, утопая почти по колено.

— Соберешься — покупай резиновые сапоги, — сказала Червоная дама. — На гондоле там наверняка не проедешь.

— В сапогах не хочу, — сказала Бубновая с обидой. — Как это? Я всю жизнь об этом мечтала... Погулять по Венеции. И вдруг в резиновых сапогах?

— Да, — подхватила Червоная, — как в колхозе.

— Нет совершенства, девочки, — сказала Крестовая грустно. — Мечты приходится корректировать.

Бубновая опять переключила программу.

На этот раз шла обычная передача, передача-сплетница, в которой люди судили друг друга, рассказывали друг о друге, делились сокровенным и в то же время злобствовали, при этом все получали видимое удовольствие.

— Я пришла к нему, — рассказывала большая полная женщина с детским лицом. — А он что? Он чуть не выгнал! И тараканы кругом! Тараканы! Я мебель купила... Дешевую... все равно... А они уже табуретки пропили... Они все пропивают! Это называется — отец!

И все присутствующие в аудитории вдруг закричали разом. Кто обвинял детей, кто родителей, кто школу, кто соседей, кто общество, а кого конкретно — трудно разобрать, потому что кричали одновременно. Полная женщина с детским лицом прижала к груди не по размеру маленькие кулачки и заплакала.

— Ну, это совсем неинтересно, — сказала Червоная дама и переключила канал.

Но и там, на другом канале, тоже сидели какие-то люди, жаловались, плакали и кричали.

— Это совсем неинтересно, — повторила Червоная дама. — Сами виноваты, пусть сами и разбираются. Что других-то грузить. — И нажала на выключатель.

Но телевизор, что удивительно, не выключился — каналы замелькали один за другим: то там что-то взрывалось, то кто-то стрелял, то кто-то кричал или смотрел с экрана особенно душераздирающим взглядом.

— Да что же это такое! — воскликнула Червоная дама. — Этот телевизор такой навязчивый!

— Не говорите! — подхватил официант. — То его вообще не включить, а то вдруг врубится — остановить невозможно.

Как бы подтверждая это, экран телевизора как-то издевательски подмигнул и программы опять понеслись с головокружительной быстротой.

— Разбирайтесь сами, девочки, — сказала Червоная дама. — А я пошла в туалет.

И она пошла в туалет, решительно толкнула дверь, на которой светился медальончик с женской шляпкой. «Хорошо, что хоть шляпка, а не этот пошлый треугольник, расширяющийся книзу», — подумала она.

До последнего несся ей в спину разноязыкий, раздражающий крик телевизора.

«Пусть разбираются!» — опять подумала она зло.

— Выключатель справа, — послышался голос официанта.

Червоная дама

Короче, она вошла и оказалась в полной темноте. Но она вовсе не растерялась — не такой она была человек, а спокойно протянула руку вправо и стала нащупывать выключатель.

Вспыхнул свет, она осмотрелась, определяя, куда направиться дальше, как с удивлением поняла, что оказалась в каком-то другом месте. Да, в своей собственной квартире. «Что такое? — подумала Червоная дама. — Что происходит? Ведь я совсем не пила...»

И не из таких она была, кто сначала думает, а потом действует. Она всегда действовала. Так что без раздумий отправилась в глубь квартиры и тут же наткнулась на своего мужа, который ушел от нее несколько лет назад... Если точнее, ровно четыре.

Сколько раз потом днями и ночами она перетирала этот день и этот разговор: что ему сказала она, да что ей сказал он, да как бы надо было сказать, да что ответить. Как лучше, как правильнее, чтобы все стало на свое место. Но теперь что-то как бы сдвинулось в ее голове, и она стала такой, какой была четыре года назад. И думала также, и чувствовала. Противостоять этому было невозможно, хоть и одновременно она, раздваиваясь, наблюдала за собой со стороны, глядя, как через стекло, страдая от бессилия.

Он и раньше ей изменял, но она как-то смотрела на это сквозь пальцы. С кем не бывает? Мелькнуло и прошло. Ведь он был хороший муж и хороший отец. Но на этот раз было что-то другое. История эта продолжалась уже несколько месяцев, регулярно кто-то звонил, и когда она брала трубку, слышала лишь осторожное дыхание, а когда говорила: «Але!» или «Вас слушают!» — связь отрубалась.

Наверное, нужно было перетерпеть, да, конечно, мудрее всего было бы перетерпеть, переждать — именно так поступают мудрые женщины. Но, как оказалось, она не была мудрой женщиной. А может, в тот день у нее самой

было не то настроение — погода, плохой сон, да просто не с той ноги встала. Короче, ее понесло...

Он сидел к ней спиной, и она видела его чуть сгорбленную спину, уже начинавший светиться затылок, чуть оттопыренные уши. И от этого его вида она почему-то впала в еще большую ярость. Вот, лысина светится, уши торчат, а туда же!

«Негодяй! Негодяй! — бушевала ярость в душе у Червонной дамы. — И я должна это терпеть! Я должна терпеть! Не буду терпеть!»

И ее прорвало.

— Кто это тебе звонит все время? — спросила она напряженно-ледяным тоном.

— А кто звонит? — спросил он тоже напряженным голосом.

И Червонной даме даже показалось, что проступающая сквозь поредевшие волосы кожа на его затылке чуть покраснела.

— Это я у тебя хочу спросить. Со мной не говорят, на меня только дышат.

Вот с этого и началось... Она встала не с той ноги... И погода... И поза, в которой он сидел, спиной, чуть сутулясь, поза, вызвавшая у нее особенную ярость... Да, даже поза! А ведь он совсем не хотел уходить тогда из дома. Да, погода, мокрый снег, да, устал, да свое, как у каждого, свое собственное настроение, когда бы просто посидеть в уголке на диване, уставившись в телевизор и ни о чем не думая. Она же, Червоная дама, распалялась все больше. И по-своему она, конечно, была права. Сознание этой правоты поддерживало.

Да, она — фундамент их существования, камень краеугольный, верная подруга, труженица. А он — просто негодяй, помойный кот, старый импотент, да! Тридцатилетняя Лолита? Чего уж там! Пора искать помоложе! С его-то развращенностью как раз.

Она кричала долго, летала, как на крыльях — огромных, черных, перепончатых крыльях, как у летучей мыши. И вот уже взлетела высоко-высоко — на вершину ораторского искусства, все было ясно и просто, как на ладони — она жертва, а он — негодяй. Она права, а он — тысячу раз нет. И он должен это понять.

Наконец, речь ее была победоносно закончена. Он встал и повернулся к ней лицом. Он был очень бледный и угол правого глаза подергивался.

— Ты меня никогда не любила... — сказал он тихо и даже жалобно. — Да, работа, дом, дети, хозяйка... Ты лучше всех! Но меня ты никогда не любила...

Он прошел в прихожую, оделся и вышел. Под этот мокрый снег, в дождливую метель... Вот так. Просто вышел. И уже не вернулся. Вернее, заехал, когда ее не было дома, взял кое-какие бумаги, свой ноутбук и все.

Но тогда, в тот вечер, четыре года назад она почему-то думала, что он вот-вот и вернется. Только немного успокоится, остудит голову под мокрым, противным снегом. И все ждала, все прислушивалась, не открывается ли тихо входная дверь. Но дверь все не открывалась. В десять часов она почувствовала, что слабеет и еще противный липкий страх, какой бывает, когда надвигается что-то неотвратимое. Она вынула из холодильника бутылку шампанского...

Праздничный напиток с новогодними веселыми пузырьками привел ее в чувство и вернул уверенность в себе.

«Я и так долго терпела, — думала Червоная дама. — Я столько терпела! Я должна была сказать! Я просто высказалась!»

Думала она и о том, что сказал он ей. В чем упрекнул. Она его не любила? Как это не любила? Тогда — зачем? Все — зачем?

Они давно были вместе, с двадцати четырех лет... Он был застенчив и довольно не уверен в себе, а она была сильной, спортивной, напористой. Это ему нравилось. Они были почти одного роста и когда она надевала свои высокие каблуки (12 см.), то была намного выше. Встречаясь с ним, она эти туфли не надевала.

Перед тем, как пожениться, они встречались почти год. Он был влюблен больше, но и она привязалась к нему очень скоро. Без него ей было неуютно и скучно, с ним она чувствовала себя как бы на своем месте. Да и замуж было пора. Пора! Пора! — говорила мать. Так любовь это или не любовь? Она думала, что любовь. Да нет, это действительно была любовь.

Другое дело, сколько людей — столько любовей. Когда он рассказывал ей про себя, впускал в свой мир, открывал душу, она слушала, конечно, и была, вроде, внимательна, но ей было это неинтересно. Он был какой-то другой. Совсем другой. Как вообще-то и все. Это надо понимать, это надо принимать, как данность. Ей было интересно на общем их пространстве и только.

Вместе строили они свою жизнь, совместный добробыт: квартиру, дачу, фирму по продаже евроокон, родили и воспитали двоих хороших детей, хлопот-то было море. И все, все добросовестно тянула она с ее энергией, спортивностью, напористостью. И вот результат: сын в Штатах, дочь замужем и уже получила гринкарту на жительство в Канаде.

Их жизнь обеспечена, стабильна, здоровье еще не подводит. А ему все мало, все чего-то не хватает. «Любви! — подумала Червоная дама с яростью. — Любви ему не хватает! Все есть — птичьего молока нет!»

И вспомнила, что его любимый торт — Птичье молоко.

Понятно, не так уж она обабилась: продажа евроокон не была мечтой его жизни, да и дети никогда не занимали целиком. Но ведь это жизнь, да, это жизнь. Потом есть еще такая хорошая вещь, как хобби. Ему надо было просто найти для себя какое-то хобби.

Червоная дама прислушалась — дверь ответила молчанием. За окном все валил мокрый снег. Может, он уехал на машине? В такую погоду? Нехорошо...

Она не поленилась накинуть шубу и спуститься на лифте вниз, выглянула во двор. Их машина стояла на своем месте, покрытая снегом, как ватой.

Она вернулась домой и допила оставшееся шампанское. Набрала номер мужа — он не отвечал. Тогда она набрала тот самый номер, из которого дышала прямо ей в ухо незнакомая женщина, она знала его наизусть — у них был определитель.

— Да? Я слушаю... — пискнул почти детский голос.

И тогда ее опять прорвало, она закричала, сама поражаясь своей грубости, своей вульгарности, как какая-то последняя уличная торговка, и даже упиваясь этим.

Что удивительно, на той стороне связь не отрубили — ее слушали. И не просто слушали, а как бы втягивали в себя, высасывая всю ее энергию.

Она не выдержала первая, бросила трубку и зарыдала.

Через год они продали фирму и разделили все через адвоката. Из нажитого имущества — квартира, дача, машина — он не взял ничего, все оставил детям и ей.

Всегда найдутся те, кто расскажет. Кто-то говорил, что он счастлив, кто-то — наоборот, кто-то — что он серьезно болен, кто-то — что открыл новое дело. Но она знала, что он по-прежнему живет с ней в ее небольшой квартирке в дальнем микрорайоне. Это был достоверный факт.

И уже после того, как дочь уехала в Канаду, она как-то столкнулась с ним лицом к лицу.

Он сидел в кафе за столиком, один, лицом к улице. Он вообще любил заходить в кафе и сидеть там один, особенно, если хотел что-то обдумать, как быть наедине со всеми. А она просто шла мимо, заметив его, остановилась...

Их разделяла только стеклянная стена и расстояние не больше метра.

Она стояла и смотрела на него, а он смотрел на нее. Сколько это продолжалось, трудно сказать. Время как-то остановилось. Она не могла бы сказать, постарел он или похудел, а может ни то, и ни другое... Не могла бы сказать, как он вообще выглядит и во что одет, она видела его как бы изнутри. Он был Он, с которым она прожила почти двадцать пять лет. И в то же время Он был не Он, с которым она прожила почти двадцать пять лет, а кто-то совсем другой.

Потом она просто пошла дальше, но в голове ее все-таки промелькнула наивная мысль, что сейчас он выбежит из кафе и ее окликнет. Но он этого не сделал. Все.

Как выскочила Червоная дама из женского туалета, она не знала, просто не зафиксировав в сознании этот момент — через дверь или через стену. Она как бы выпала из другой реальности, как падают с высоты в сугроб. Но так как там был не сугроб, а крепкий деревянный пол, то она даже ударила коленку. И злясь, и чертыхаясь, пошла к своему столику.

Разборки

— Я бы выпила вина! — сказала Червоная дама мрачно.

— Подруга, ты за рулем, — сказала Крестовая и отодвинула от нее бутылку.

Тут взгляды их встретились, и они что-то поняли друг про друга.

— Ты что-нибудь там видела? — спросила Крестовая.

— А ты?

Опять взгляды их встретились. Ушибленная коленка болела, и Червоная дама сделалась агрессивной.

— Надо бы разобраться в этой хреновине! — сказала Червоная дама.

— А я против?

— Пошли вместе! Что они тут устроили? Что здесь такое творится? Что за лавочка такая? Пошли!

— Пошли! — бесстрашно сказала Крестовая. — Я, понятно, чуть выпивши, но ты-то как стеклышко!

— Разберемся! — сказала Червоная и решительно встала.

Поднялась и Крестовая. И тоже решительно.

— Девочки, вы куда? — забеспокоилась Бубновая.

— В туалет! — ответили Червоная и Крестовая разом.

— Так вы же там только были.

— Забыли кое-что...

И обе, Червоная и Крестовая, поддерживая друг друга, что, впрочем, было совершенно излишне, направились к туалету.

— И я, девочки, — забеспокоилась Бубновая и, подхватив сумочку, побежала за ними.

На пути их неожиданно появился официант:

— Дамы хотят в дамскую комнату?

— Да! — ответила Червоная за всех.

— Выключатель справа.

— Знаем!

Тут подошла Бубновая и они, все трое, остановились у двери, с светящейся женской головкой под кокетливой шляпкой, но застыли вдруг в нерешительности.

— Может, я первая? — сказала Бубновая.

— Не советую, — сказала Крестовая.

— Почему?

— По кочану, детка!

Постояли еще, чего-то боясь.

— Ладно, что уж! — сказала Червоная и толкнула дверь.

Дверь распахнулась прямо в прохладный, мокренький вечер. Где-то далеко мерцали огни, отражаясь в озере. Шумели деревья. Пахло сыро и чуть гниловато. Пахло близкой водой.

— Фокусы, — сказала Червоная дама. — Это какие-то фокусы.

— Дамы не забыли включить свет? — донесся голос официанта.

Червоная дама протянулу руку вправо, вдоль наружной, холодной стены дома и нащупала выключатель.

Вспыхнуло освещение. Прямо перед дверью показалась дорожка, усыпанная гравием, по бокам ее сидели керамические лягушки и в их открытых пастях светили фонарики. В конце дорожки виднелся небольшой голубой домик.

— Так вон же туалет! — весело воскликнула Бубновая дама и ступила на дорожку.

— Не смей! Не смей! — готовы были вскричать, как Червоная, так и Крестовая, но что-то сдавило им горло и они не могли выдавить ни звука.

Бубновая дама

Между тем, Бубновая дама быстро и все так же весело добежала до домика, легко потянула дверь и вошла.

Там было пусто. Дощатый пустой домик неизвестного предназначения. Под потолком горела самая обыкновенная лампочка в сто ватт, свисая на простом проводе. Домик был маленький, так что и этого освещения вполне хватало.

«Это совсем не туалет», — подумала Бубновая дама. Впрочем, она пошла сюда скорее, как водится, за компанию и уже думала вернуться, но сила привычки была велика и нужно было сделать то, что делается в таких случаях, — хотя бы напудрить нос.

Она достала из сумочки пудреницу и посмотрела в маленькое зеркальце, но почему-то увидела там не себя, а своего бывшего мужа Пашу. Было такое чувство, что он заглядывает ей через плечо.

Она огляделась и увидела, что она совсем не в этом крошечном домике, а в своей квартире. Голова закружилась. Она опять торопливо взглянула в зеркальце и увидела свой собственный нос, — блестящий, надо бы напудрить, — а потом глаз, уже с чуть размазанной карандашной подводкой. А потом вдруг она опять увидела Пашу — он заглядывал ей через плечо. Это было, по крайней мере, странно, потому что зеркальце было маленькое. И как он мог в нем уместиться?

Она оглянулась. Паша действительно стоял рядом, и они были в ее квартире. Паша улыбался своей обычной улыбкой — чуть-чуть, уголками губ.

Она не любила эту улыбку, по которой никогда нельзя было понять, нравится ему что-то из происходящего или нет. Это была маска, за которой

он прятался. И эта маска ее раздражала. Он вообще ее раздражал. Дома он всегда ходил в шортах, особенно подчеркивающих его непропорциональную фигуру, — коротковатые ноги и от этого казавшееся еще более длинным тело. В обычной одежде это было почти незаметно, но в шортах... Шорты ему просто не шли, но она стеснялась ему об этом сказать.

Так что в этих шортах, в выходные дни он сновал по кухне и готовил завтрак (он любил готовить), зачем-то поминутно хлопая дверцей холодильника и — поочередно — дверцами кухонных шкафчиков. И у нее мелькала глупая мысль: что этот человек делает в моем холодильнике и в моих шкафчиках, просто в моей кухне, совершенно забыв о том, что они были женаты уже почти год и можно сказать, что это был и его холодильник и его шкафчики.

Они были женаты уже почти год, но она к нему так и не привыкла, он был в ее жизни чем-то ненужным, инородным. Была у него своя квартира, и он предлагал их квартиры объединить. Но интуиция подсказывала ей, что спешить с этим не надо, что их совместная жизнь долго не продлится. И она не спешила.

Когда их познакомили, ей было тридцать семь. Перед тем был ряд поверхностных отношений, так и не приведших к браку. И одна знакомая как-то бестактно и очень обидно заметила, что на ней какой-то особый венец безбрачия, и посоветовала сходить к знахарке. К знахарке она не пошла, но когда ее познакомили с Пашей, просто взяла и вышла замуж, назло этой женщине и себе. Вот вам венец! Вот вам безбрачие! Тем более, все подруги, близкие и дальние, уговаривали в один голос: материально обеспечен, с квартирой, компьютерщик, программист, не дурак, не урод. Что еще нужно для счастья?

Она сидела на кухне и пила уже вторую чашку кофе. И курила уже вторую сигарету. Вообще же она курила совсем мало и даже не каждый день. А тут раскурилась что-то.

Она курила, а муж все мелькал и мелькал перед глазами в своих шортах и со своей ни к чему не относящейся улыбкой, и все хлопал дверцей холодильника и дверцами кухонных шкафчиков, то одной, то другой, то одной, то другой — хлоп-хлоп, хлоп-хлоп, хлоп-хлоп...

«Да что же это такое? — подумала Бубновая дама. Что происходит? Что я здесь делаю? Что он здесь делает?»

После второй чашки кофе сердце у нее заколотилось, как бешеное. И она поняла, что должна что-то сделать! Хоть что-то! Иначе ее сердце просто выскочит из груди... и она умрет.

Она взяла пустую уже чашку из-под кофе и швырнула на пол. Пол на кухне был кафельный и чашка тут же разбилась вдребезги, за ней полетело блюдце, декоративная тарелочка, в которую она обычно нарезала хлеб, ну а потом уже все остальное, что попадалось под руку.

Муж выключил газ и выскользнул из кухни, а она все швыряла на пол самые разные предметы. В какой-то момент она услышала, как тихо хлопнула входная дверь и щелкнул замок. Тогда она взяла веник и стала подметать пол, сгребая множество стеклянных осколков.

Она вынесла к мусоропроводу два ведра. И тут же забыла про Пашу. Ей не было его даже жаль. И вечером, когда она улеглась на их совместную широкую тахту, одна, она с особым удовольствием потянулась и минуту или две даже что-то напевала.

Бубновая дама сидела в пустой холодной будке и крутила в руках пудреницу. Нет, она совсем не жалела о Паше. Ни тогда, ни теперь. Но пора было возвращаться. Наверное, ее ждали. Ей даже показалось, что ее зовут.

Она машинально опять щелкнула пудреницей и глянула в зеркальце. Но то, что она там увидела на этот раз, заставило больно сжаться сердце.

Ведь увидела она там Митеньку, свою первую любовь.

Учились они в одном институте, на параллельных курсах, и любовь эта была с первого взгляда.

Он был тонкий, синеглазый, совсем мальчик, так и она была, понятное дело, девятнадцатилетней. Он ходил в рваных кроссовках и старой курточке. Это совсем его не заботило. Он всегда был веселый, от избытка этой веселости он мог вдруг обежать ее кругом или вспрыгнуть на парапет, если они шли по набережной. И походка у него была легкая, какая-то летящая. Он был балагур, а она застенчива и молчалива, но чувствовала себя с ним, как ни с кем, свободно. Только улыбалась на все его шутки, на все его приколы. И от ее улыбки он веселел еще больше. Он немного картавил, но и это в нем ей нравилось.

Весь день они были вместе, только на лекциях сидели в разных аудиториях, а так, в остальное время они и не разлучались. На переменах, в библиотеке, потом он провожал ее домой и засиживался допоздна, и после шел на работу. В соседнем городе у него оставалась больная мать, ему она помочь не могла, так что он все время работал: то ночным сторожем, то дворником, то кем-то еще. И она всегда удивлялась, когда же он спал? А он говорил: «На лекциях».

Ее мать все боялась, что между ними произойдет, что обычно происходит между парнем и девушкой, и когда они были у нее дома, то и дело входила в комнату — то за одним, то за другим.

Потом у него начались неприятности в институте... Ведь он все время спал на лекциях... Особенно зверствовал один преподаватель по кличке Сократ, ничего общего с великим философом не имевший, хоть и преподавал марксистско-ленинскую философию. Он все писал на него какие-то докладные... Митенька завалил один экзамен, потом второй... Как раз в это время стала сильнее болеть его мать... Деталей Бубновая дама уже не помнила. Помнила только, что Митеньке пришлось взять академический отпуск и срочно уехать.

Они договорились, что летом она к нему приедет и они поженятся. Между ними это давно было решено.

Пришло лето, она сдала все экзамены и стала собираться. Но тут мать и лучшая подруга стали ее уговаривать этого не делать.

— Ты всегда была обеспеченной, ты не представляешь, каково это — жить в бедности! — говорила мать.

— Он такой неприспособленный! — вторила ей лучшая подруга. — Жизнь пройдет, пока он чего-нибудь добьется. Куда нам спешить? Мы еще такие молодые!

Отец, как всегда, отмалчивался. Но скорее всего, поддерживал мать.

В конце июня Бубновая дама стала собирать чемодан. В июле этот чемодан все еще стоял открытым. В августе она его захлопнула и опять забросила на шкаф.

И Митенька, с его телефонными звонками и письмами, вот так же постепенно стал исчезать из ее жизни, пока не исчез совсем.

А ведь никогда ни к кому больше не было у нее такого чувства, как к Митеньке. Все ждала, все надеялась: придет, она еще так молода! Не пришло.

И вот теперь сидела Бубновая дама в пустом холодном домике, как в клетке, в совершенно непонятном для нее месте, и смотрела на Митеньку, отражавшегося в ее маленьком зеркальце с таким чувством, будто рассталась

с ним вчера. И ее уже чуть подостывшее, подсушенное сердце разрывалось от любви и боли.

Мать любила ее самозабвенно, каждый Новый год дарила очередное двуспальное постельное белье, и молилась, все молилась за ее счастье, только бы ей было хорошо. Но что такое ее хорошо? Их хорошо? О своем «хорошо» каждый может знать только сам.

Умерла мать, и отец умер. Давно уже не видела она свою когда-то лучшую подругу, но слышала от людей, что ничего хорошего в ее жизни не произошло. Первый ее муж пил, и второй, вроде, тоже.

Где теперь ее мать?

Где теперь ее когда-то лучшая подруга?

Где их слова, сломавшие ее жизнь?

— Митенька... Митенька... — шептала Бубновая дама.

И все смотрела, и смотрела в зеркальце. Но в зеркальце его уже не было. И самое ужасное — он вдруг исчез и из ее памяти. Она силилась вспомнить его, его лицо, его улыбку... и не могла, падая в глухую пустоту.

— Митенька! — закричала Бубновая дама и разрыдалась.

Она рыдала долго в пустом, холодном домике, рыдала, сотрясаясь всем телом, и над ее головой сиротливо покачивалась лампочка в сто ватт на голом проводе.

Потом она как-то взяла себя в руки, вышла из домика и почти ослепшая от слез пошла назад по гравийной дорожке. Но в разинутых пастях лягушек, сидящих по краям, уже не горели лампочки, она шла в темноте и все время спотыкалась, сбиваясь с дорожки в какую-то грязь. Но не расстраивалась от этого, хоть и была педантичная чистюля и даже зануда.

Пусть! Грязь так грязь! Разве в этом счастье? А в чем счастье?

Гравийная дорожка обрывалась не у двери, у которой еще совсем недавно стояли ее подруги и официант, а у глухой, слепой стены. Она пошла вдоль этой стены, все всхлипывая, все соскальзывая в грязь, слезы все лились...

— Митенька, Митенька...

Найти! Разыскать Митеньку! Обойти сто земель, истоптать сто сапог. Она была готова на это. Но ведь Митеньки больше нет, ее Митеньки, тонкого, синеглазого. Вместо него уже кто-то другой — раздавшийся и заземленный, с женой и детьми...

Наконец, она обошла все здание и оказалась перед входом в кафе. Она вошла и тут же окунулась в атмосферу скандала.

Все трое

У дверей в дамский туалет, в противоположном от входа конце зала, стояли Крестовая и Червоная дамы и официант.

— Где она? — кричала Червоная дама на официанта. — Что вы с ней сделали? Вы нам за все ответите!

— За все! За все! — поддерживала Крестовая фальцетом.

— Откройте дверь! Немедленно откройте дверь!

— Откройте! Откройте!

Дамы дергали за ручку и даже били по двери ногами — дверь не поддавалась.

Тогда они бросились к официанту, он же, отступая, только втягивал голову в плечи, суетливо бил по бокам руками и озирался.

Бубновая дама не спеша вытерла слезы и подошла.

— Да мы вас задушим просто! — закричала Червоная дама и протянула руки к его хлипкой шее, но заметив Бубновую даму, осеклась.

— Ладно, — сказала она смягчившись. — Но дверь вы нам все-таки откроете.

На этот раз он поспешно ее открыл. Все трое заглянули — туалет, как туалет, чисто, цивилизованно, пахнет цветочным ароматизатором.

— Мы уезжаем! — воскликнула Червоная дама гневно и пошла к выходу, по дороге ухватив с вешалки свою куртку.

Остальные пошли за ней.

— Мы даже не пробовали пирог, — заметила Крестовая с заметным сожалением.

— Дамы не только не попробовали пирог, — скромно заметил официант. — Дамы не расплатились.

— Столько хватит? — робко спросила Бубновая, доставая из сумочки деньги.

— Вполне, — заметил официант. — Деньги — это деньги. Величина суммы роли не играет.

Дамы вышли из кафе и направились к машине. Официант вышел проводить их на крыльцо.

— Всего доброго! Приезжайте еще! Будем рады!

— Как же! Дождетесь! — буркнула Червоная дама, открывая машину.

— Не забывайте, — по-прежнему приветливо сказал официант и скрылся в доме.

В машину забрались молча, молча тронулись. И потом молчали. Только иногда вздыхали, то одна, то другая.

На шоссе было уже много машин — возвращались в город, и у всех машин были включены фары.

— Черт, — сказала Червоная. — Фары не горят!

— Как-нибудь доберемся, — сказала Крестовая. — Только не нервничай.

— Все равно неприятно.

Опять замолчали. Навстречу неслись огни... И вдруг кошмарным чудовищем возникла перед ними громадина МАЗа. Он появился так непонятно, так неожиданно, так некстати, что в первую долю секунды они онемели от ужаса, а во вторую заорали все разом, и каждая вспомнила, наверное, свое уже непоправимое прошлое, в котором каждый отвечает за себя, а главное, им уже не оставляли надежды на будущее. Вот-вот — и этот безжалостный судьбоносный гигант отнимет у них это будущее...

Но они не погибли, нет. Чудо это было или просто талант водителя вдруг заметившего у своих колес маленькую машину... Он вцепился в руль и совершил фантастический маневр на грани трех жизней, а потом вытер со лба холодный пот и поехал себе дальше. Он был совсем мальчишка, только после армии. Так что быстро забыл об этом.

Ошеломленные дамы въезжали в город с подаренным им будущим.

Их встречи после этой истории как-то быстро сошли на нет.

Крестовая дама стала вышивать гладью и совершенствовалась в этом. Покупала все более сложные трафареты, потом много времени она стала уделять своему младшему внуку.

Червоная дама начала учить английский и уехала к дочке в Канаду. Там она тоже возилась с внуками, пела в хоре и посещала лекции по экологии. Бубновая встретила неплохого человека, вышла за него замуж и постаралась полюбить его детей.

Эпилог

Так что со временем все как-то устроилось. Будущее — это великий благодетель и вечная надежда. Но Червоная дама еще долго не могла успокоиться, и все пыталась найти это странное кафе «Путник», глянуть на него хотя бы издали.

И где-то за год до отъезда в Канаду она проезжала мимо похожего места. Никакого домика там не было, только поблескивало озеро, в этом месте рукавом уходя в берег. Она вышла из машины и подошла к воде.

У камышей копошилась стая уток. Заслышав ее шаги, утки бросились в рассыпную, и только одна продолжала невозмутимо что-то выискивать в воде. Вдруг она кого-то неуловимо напомнила Червонной даме. В этот момент она высунула из воды свою утиную головку, склонила ее набок, глянула блестящим утиным глазом.

— Ах ты, дрянь паршивая! — закричала Червоная дама и запустила в нее пучком сухой травы.

Откуда нам знать, что есть этот мир. Если нам известна только одна из его форм.

ТАТЬЯНА ЩИТОВА

Музыка, возьми меня в ладошки...

* * *

Какое счастье просто жить
И воздух, как напиток, пить.
Прогуливать судьбы уроки.
Писать стихов простые строки.

Какое счастье просто жить.
Кому-то голову кружить.
Любви переполняться светом.
Зимою наслаждаться, летом.

Не злиться и других не злить,
Капусту и детей растить.
Имея смелость быть собой,
Порой идти за правду в бой.

Над неудачами шутить,
Деньгами весело сорить,
Очистить сердце от коросты...
Какое счастье жить так просто!

И на вопрос «Быть иль не быть?»
Ответ у жизни находить,
Надеясь повисеть немного
Еще на ниточке у Бога!

Летний мир

Люблю роскошный летний пир!
Забыв о скуке,
В себя вбираю летний мир:
Цвета и звуки.

А летний ветер, как пожар,
Охватит платье,
И я влечу, как в лузу шар,
В твои объятья.

И вдруг пойму, что мне дано
Безмерно много:
Простора светлое вино,
Ты и дорога.

Благодарю за крепость сил,
За страсть к Отчизне,
Что Бог избрал и пригласил
На праздник жизни.

За всесвязующую нить,
За быль и небыль,
За это счастье: просто жить
Под вечным небом!

* * *

«Я с каждой волной воскресаю»...
М. Цветаева

Я разговор с тобой веду
На языке воды и света.
Я — ливень. Я — росинка лета.
Я — отражение в пруду.

Я — ручеек. Я — океан.
Я, превращаясь, возвращаюсь.
Рекой Гольфстрима я вращаюсь
Меж побережий многих стран.

Нигде не поймана с поличным,
Со всем сливаюсь. Я — вода.
Первичен Бог, а я всегда
Несовершенна и вторична.

Музыка

Музыка, возьми меня в ладошки,
Покачай белиссимо пиано,
Распахни январское окошко
В летний зной, в цветущую поляну,

Где танцуют под ажурной сенью
Пастушок с пастушкой менуэт
И уводит в даль тропа оленья
К шуму вод в ущелия просвет.

Удержи невидимою сетью,
Удержи, как бабочку в горсти.
Ты ведь можешь в прошлые столетья
Без труда меня перенести!

От прилива жара до мороза,
До мурашек зябких по спине.
От молчанья до апофеоза
И назад к звенящей тишине.

Все на свете музыкою дышит:
Небеса, земля и человек.
Гаммы рассыпает дождь по крыше
И звенит, как колокольчик, смех.

Музыка лежит в первооснове.
Суть ее божественно светла.
Музыка звучала в первом слове,
Первым словом музыка была!

Первому снегу

Все в какой-то дымке,
Как на старом снимке.
Осень дни считает,
Снег лежит и тает.
А на небосклоне
Облака повисли.
Пуганой вороне
Поверяю мысли.
Мысли сумасбродные,
Светлые и грешные.
Плен ты мой? Свобода ли?
Осень моя вешняя...

РАИСА ДЕЙКУН

«Вернись, Пегас, вернись!»

Рассказы

Ася

В городе, в котором я прожила больше десяти лет, было много необычного. Современные здания, кварталы многоэтажных домов мирно соседствовали в нем с сооружениями далекого прошлого: узкими улочками, старинными воротами и валом с множеством фортов, крытым вокзалом, красными островерхими черепичными крышами домов и кирх, разведенным во время войны (и так и не сведенным) мостом...

Город рассекала надвое река с островом посередине и Кафедральным собором на нем с могилой великого ученого и мыслителя Иммануила Канта. Война пощадила эту могилу, и она сохранилась в своем первозданном виде, как и памятник Шиллеру в центре города.

Это был город трех портов: морского рыбного, морского торгового и речного. И во всем его облике проявлялась причастность к морю. Почти все въездные знаки у границ города содержали символическое изображение парусов или якорей, остановочные павильоны вдоль шоссе и панно на жилых и административных зданиях расписаны на морскую тематику. Об этом же говорили вывески: «Океан», «Дары моря», «Атлантика», «Балтика» и др.

Из-за обилия военных и своего стратегического расположения город (как и одноименная область) имел статус полузакрытого.

Город-призрак и он же — город-сад. Только на одной из его улиц произрастало более ста видов уникальных деревьев и кустарников.

Необычный город, ни на какой другой (ни в России, ни в Беларуси) не похожий. И люди, населяющие его, были необычными. Наверное, на них он накладывал свой отпечаток.

Аля Разина была профессиональной художницей и моей подругой. Ее бородатый супруг Аркадий, хотя и пребывал в должности главного режиссера кукольного театра, в моих глазах был большим занудой. У них рос удивительный сын, сын-вундеркинд по имени Давид. Мальчик был небольшого росточка, худенький, хрупкий, с огромными оленьими глазами. Порой казалось, что он просто прозрачный и светится. Будучи вундеркиндом, Давид вместо положенного по его возрасту второго класса ходил в шестой. Трудно ему было, но не из-за учебы — тут он давал фору и учителям, что уж говорить про одноклассников. А те, уязвленные его умностью, не могли спокойно существовать с «прозрачной малявкой» (так они его прозвали) и постоянно издевались над пацаном. Дошло до того, что двое из переростков взяли Давида за ноги и держали его вниз головой над лестничным пролетом. Узнав об этом дичайшем факте, папа Аркаша (так звала его подруга), побывав в школь-

ной учительской, заявил педагогам, что его сын подобен хрустальному сосуду и обращаться с ним надо соответственно. После своего блестящего (по его мнению) выступления, папа-бородач с достоинством удалился, а его «хрустальный сын-сосуд» остался. Что тут началось! Мало того, что «речь» папы подслушали ретивые одноклассники Давида, так еще классная «педагогиня», как окрестила ее моя подруга, которая и без того недолюбливала слишком умного ученика, во всеуслышание объявила перед классом требования горе-папаши. Папа сделал только хуже сыну. Его совсем затравили этим «хрустальным сосудом»: щипали, пинали и спрашивали с издевкой, чего не звенит, если он «хрустальный сосуд»? Давид стоически терпел издевательства и становился еще прозрачнее, а на предложение матери перевестись в другую школу, наотрез отказался.

Такая вот была эта семейка.

В отличие от мужа (напоминавшего своим видом косолапого медведя, а вернее — толстокожего носорога), Аля была девушка изящная, хрупкая (сын в нее удался), изысканная. Будучи натурой тонкой, впечатлительной, она очень переживала за сына и не только за него.

— Это же надо так не любить себя, чтобы ничего с собой не делать! — восклицала моя подруга, глядя с недоумением на меня. Она имела в виду мое игнорирование косметики. Всей!

Я в свою очередь тоже недоумевала: зачем она мне? Из русых длинных волос она предлагала мне сделать короткую стрижку, остатки покрасить в черный цвет, а широкие густые брови-шпалы (по ее выражению) проредить и сделать из них тонкие дорожки. Глаза советовала «нарисовать» как следует, а губы — очертить контурным карандашом и закрыть яркой помадой! Только тогда (по ее мнению) я стану похожей на «приличную девушку», а не буду напоминать ей всякий раз Марью из какой-то древней сказки.

— А с мужем как быть? — поднимала я в удивлении одну из своих бровей-«шпал». — Хочешь, чтобы он подал на развод немедленно? Он же терпеть не может раскрашенных, разряженных. А я мужа своего люблю. Так что терпи меня такую, какая я есть.

Она терпела, «рисовалась-красилась». В том числе оформляла мои детские книжки.

Несмотря на нашу непохожесть (внешнюю и внутреннюю), мы славно ладили друг с другом. Порой даже доверяли свои сердечные тайны. Видно, не зря существует в природе закон взаимного притяжения, когда, казалось бы совершенно разные по характеру и темпераменту, люди испытывают взаимный интерес, тянутся друг к другу.

— Ну, что случилось на этот раз, чего губы накопылила и лоб наморщила? Опять что-то с Давидиком случилось? Так давай я вмешаюсь — небу жарко будет! (Меня в городе хорошо знали, как и то ведомство, где я работала-служила). Или Аркаша достал?

— На этот раз не они, а Ася, — скорбно сообщила подруга и тяжело вздохнула.

У Али кроме мужа Аркаши и сына Давидика жила-была в этом городе и ее сестра Ася, которая была ведущей актрисой нашего драматического театра. Насколько она была талантливой, настолько же безалаберной и не приспособленной к жизни. Выскочив в юности замуж за летчика, родив дочь, она забросила семью и полностью отдалась работе в театре. Сначала была занята на вторых ролях, а когда в театре появился новый главный режиссер,

который сходу влюбился в Асю и начал давать ей главные роли, вот тут Асю и понесло: не выдержала девушка славы, такого пристального внимания шефа, прессы, телевидения — она начала пить. Сначала понемножку, потом все сильнее и сильнее. Допилась до того, что Але пришлось помещать ее в больницу скорой помощи. Я же ей и помогала в этом и не один раз вместе с ней навещала ее заблудшую сестру.

Когда я спросила, что еще такого натворила Ася-сестра, Аля вдруг ни с того ни с сего выдала мне:

— Ты знаешь, кто такой Иероним Босх?

— Ха! Иметь такую подругу и не знать кто такой Иероним Босх? Сама же меня, дремучую и некрашеную, знакомила с ним.

— Забыла, прости. Слушай, ты же знаешь, что Аська ничего не смыслит в моей «мазне», но, тем не менее, терпеть ее не может. Как и я ее кривляний на сцене. Но мы все равно очень любим друг друга. Мы же — сестры!

— Да знаю я, чего распинаешься? Рассказывай уже. Да, и причем тут Босх?

— Моя Аська побывала в... аду!

— Так, ясно! А больше она нигде не побывала?

— Во сне, который ей не дает покоя.

— Насколько я знаю твою сестру, что-то я не замечала, чтобы она сильно была обременена мистическими переживаниями.

— В том-то и дело. Вот послушай.

...После «замочки» очередной премьеры Ася спала сном праведницы в качалке у матери на даче. И ей приснился сон. Ведет ее какой-то старец в белых одеждах куда-то и ничего не говорит. Ася и так и этак спрашивает: куда он ее ведет, ну, тот не выдержал напора и признался, что в ад. Ася испугалась, начала вырывать руку, но не тут-то было. Тот намертво вцепился в ее слабую ручонку и не отпускал. Так и пришли они в какое-то помещение без окон и дверей, без света дневного и искусственного, без воздуха. В том помещении оказалось много людей, которых тоже держали старцы за руки. Потом Ася увидела страшную, толстую собаку. Старцы подпихивали своих пленников к ней, а она их заглатывала. Как с какого-то кошмарного конвейера несчастные появлялись снова из ее зада, но были уже совершенно черными. Вот-вот наставала и очередь Аси. От увиденного ужаса Ася стала кричать, вырываться и за шаг до открытой пасти собаки ей это удалось. Она бросилась бежать, слышала за собой топот чьих-то бегущих ног. Долго еще блуждала она по черным лабиринтам того ада. Выбралась вся в поту и мыле. С уверенностью Ася заявила сестре, что побывала в аду...

— Так, а причем тут все-таки Босх?

— Как причем? А притом, что сон сестры мне показался очень знакомым. Я свернула голову, чтобы вспомнить картину и образы, описанные Асей. И после мучительных терзаний я вспомнила Босха и его триптих «Сады земных наслаждений». Это же в нем есть сцены не только сотворения человека и его земной жизни, но и прорисована картина подземного царства, образы его жителей и... описание «съедения» людей Люцифером. Ася увидела во сне именно эту картину, а она ее в глаза не видела никогда, — закончила подруга со слезами на глазах.

Я тоже вспомнила Иеронима Босха — нидерландского живописца, который писал свои мистерии в конце XV — начале XVI столетия. Дивные. Неземные. Таинственные. Многие — до сих пор неразгаданные.

— И что теперь делать? Чего ты рыдаешь без поры и времени? А может это и к лучшему? Ведь твои бесконечные вымученные нотации ей были как

мертвому припарка. А тут — Босх! Ну и что, что она слыхом не слыхала ничего о нем? Главное, что б помог! А он поможет, будь спок! — уверенно и жизнерадостно заявила я подруге, чтобы привести ее в чувство. — Давай подождем, как она себя поведет после этого сна. Ну не просто ж так он ей явился, этот твой Босх!

Оказалось, я как в воду глядела. После того странного сна Ася повела себя не менее странно: она перестала пить, присмирела, притихла, а в ее глазах появилось что-то сродни блаженному сумасшествию.

Мать и Алю такие резкие перемены в буйной их родственнице напугали не меньше, чем прошлые ее похождения. Аля отправилась к духовному своему отцу Антонию. Тот, ни много ни мало, возглавлял епархию. Вернувшись от него, она поведала мне такое, о чем я вообще не имела представления. Православный святой отец, выслушав мою подругу, заявил ей, что и сон, и происходящее с ее сестрой после него — совершенно закономерные явления. Он рассказал ей о полчищах демонов, окружавших дома праведников, которые им не принадлежат, и за души которых они борются, всячески искушая их, в том числе и зеленым змеем. Дома же грешников, которые закоренели в своих грехах, которые своими руками вымостили себе дорогу в ад, окружают стаи ангелов. И получается, что демоны, сделавшие свое черное дело, оставляют свои жертвы, понимая, что там им уже делать нечего. А ангелам остается только плакать и молить Бога дать беднягам последний шанс.

«Твоя сестра настолько стала подвластна зеленому змею, что даже если бы и захотела, сама от него не избавится. Вот почему от нее уже отступили злые демоны и почему к ней приступили Божьи ангелы. Это бывает перед смертью», — закончил Антоний...

Мы были потрясены. Матери Аля ничего не сказала. Только посоветовала ей чаще бывать в церкви и молиться, молиться за Асю.

Я молилась вместе с ней. Не помогло. Вскоре Аси не стало.

Ангелы Рублева

Мой друг Георгий тоже был художником, причем известным, и не только в Украине. Он работал в разных жанрах и техниках: живописи, станковой, книжной, мини-графике, декоративно-прикладном искусстве, дизайне. Изобрел и стал автором собственной графической техники «брызги дождя».

Его работы расходились по миру прямо из мастерской и попадали в галереи и частные коллекции России, Польши, Германии, Испании, Франции, Англии, Кореи, США, Канады, Австрии. И, конечно же, Украины. Он был участником международных выставок.

Был. В 2010 его не стало.

Мы познакомились с ним вскоре после того, как я перевелась из того необычного города поближе к своей исторической Родине — Беларуси. Попала служить в древний украинский город на Десне. Мужу, полиграфисту, специалисту высокого класса, не нашлось в то время приличного места в моем родном областном центре. Его пригласили в этот город, где полным ходом велось строительство полиграфического предприятия. Туда как раз требовался специалист такого класса, чтобы мог установить, наладить и запустить в работу импортные офсетные печатные машины.

В городе, в котором мы стали жить, было много церквей и древних подземных пещер, куда водили (и водят) туристические группы, делегации своих

и зарубежных гостей. Вот там мы и встретились с моим другом первый раз в одной из пещер. Георгий делал наброски с натуры в подземном храме. Штрихи его карандаша были легкими, стремительными и точными. Мне понравилось. Потом мы столкнулись в редакции молодежной газеты, где он работал художественным редактором, а я принесла тематическую страницу своего ведомства. Позже, когда мы узнали лучше друг друга, я заказала ему изготовление клише-заголовка газеты, которую я, помимо основных своих служебных обязанностей, стала выпускать и редактировать.

Потом я побывала на его персональной выставке, увидела его необычные картины и среди них — много с изображением храмов не только тех, что были в городе, но и разбросанных по всей области. Выставка впечатлила, я пощелкала ее на «цифровик». Съемку я имела неосторожность показать начальнику. А он сразу увидел руку Мастера и потребовал свести его с художником. Так впервые я оказалась вместе со своим начальником у Георгия дома, где он показал и еще кое-что, не вошедшее в ту выставку. Начальник мой стремился в столицу и делал неимоверные шаги на этом пути. Проще говоря, он при всяком удобном случае делал подарки вышестоящим начальникам, от которых зависел его перевод в столицу, в министерство. Он стал постоянным заказчиком у Георгия, а я — посредником.

О своем даре видеть ауры окружающих людей мой друг поведал мне, как о совершенно обычном явлении. Свой дар Георгий не считал даром Божьим, а тяготился им. Когда я удивилась этому, мол, это же так интересно, так увлекательно уметь видеть то, что недоступно другим. Мой друг на мои «сопли-вопли» заметил, что это только на первый взгляд может показаться интересным и увлекательным, на самом деле это — сущий ад. И рассказал мне, как он «мается, задыхается», в полном смысле слова, когда видит в автобусе или троллейбусе переплетающиеся ауры. Зрелище не для слабонервных. Отключиться от него по «щучьему велению, по его хотению» он не может — не дано. И вынужден он «лицезреть свет и прозрачность окружающих», можно сказать, насильно, помимо воли.

После первого такого своего «открытия» он пошел в самую большую действующую церковь города. Начал с пасхальной литургии. На пасху, ясное дело, народу в церквях — не протолкнуться. Вот и в тот раз храм Божий был заполнен до отказа. Но то, что увидел там Георгий, его потрясло не меньше, чем в первый раз, когда он осознал, чем владеет. Он воочию увидел, что большинство людей пришло туда, отдавая дань моде, по какой-то, только им известной, привычке, как мало их интересует, происходящее в храме. Обилие черного цвета преобладало. Он был потрясен, несколько дней приходил в себя. Потом пошел в обычный будний день. И... снова был потрясен: там были старушки и несколько молодых девушек-монашек. Всех их окружали прозрачные дымчатые ореолы, от которых отходили лучи, устремляющиеся вверх к куполу, к Господу. Он понял, что эти люди искренне и от всей души верят в Бога, пришли отдать ему дань и хвалу не по принуждению, не отдавая дань моде, не для «показухи», а от чистого сердца.

— Знаешь, как стекла витражей оживают и играют под лучом солнца, просвеченные им насквозь? Они напоминают тогда ожившую картину детского рисунка и разноцветных сказочных человечков-гномов с этого рисунка. Так и я увидел сказочных существ. Они парили в воздухе, они тянулись к небу, — глядя куда-то в сторону, и, очевидно, видя в этот момент в своем воображении тех сказочных человечков, рассказывал мне Георгий.

Когда я спустя какое-то время спросила Георгия, видит ли он мою ауру, какая она — черная или белая? — он снисходительно и в то же время душевно рассмеялся и сказал:

— Ну, подумай сама, если бы твоя аура была черная, разговаривал бы я с тобой вообще, а тем более дружил бы с тобой, поверял ли свое сокровенное?

Я была счастлива. Мы продолжали общаться, дружить.

Сняв погоны и выйдя на пенсию, я вернулась, наконец, в Беларусь. Родственники помогли купить недостроенный коттедж, вернее, его подобие. Он нуждался в достройке-перестройке, дизайнерской обработке. Первым делом я вспомнила своего друга Георгия. Позвонила-позвала. Он, бросив все свои дела, примчался. Привез в подарок внушительный темно-синий с золотым тиснением фотоальбом художников Украины, который он забрал в столице перед самой поездкой ко мне и с которым сам знакомился в дороге. Вещь была что надо! В альбоме, который пестрел известными фамилиями маститых мастеров, несколько страниц было отведено Георгию, его работам. Он был преисполнен гордости, и я от всей души искренне порадовалась успеху друга.

Тщательно оглядев мое «поместье», друг поднял вверх большой палец и коротко резюмировал:

— Объект годен к работе!

После этого он немедленно приступил к ней. Опытная рука Мастера произвела быстрый набросок-эскиз будущего вида моего теремка, нанесла на лист тонкого картона недостающие штрихи, произвела прикидку-расчет на нужные строительные материалы. Георгий побыл два дня и укатил назад в свой город, который за два десятка лет жизни в нем стал и моим родным.

— Труба зовет, надо кое-что закончить, — произнес он на вокзале, садясь в автобус, и посмотрел на меня не так, как всегда, мне даже не по себе стало на какой-то миг. Он что-то знал, я — нет.

А потом раздался звонок с моей бывшей работы-службы: «Приезжай на похороны своего друга...»

Георгий жил с матерью в частном доме. Его жена с сыном — в Германии. Я не один раз бывала в том доме. И всегда поражалась, как он сам, своими руками обустроил его, а также небольшое подворье из шести соток земли. В саду-огороде все было необычно, не так как у других. На яблони и груши плелись не только цветы-вьюнки разных оттенков, но и огурцы, фасоль. Ближе к концу участка он соорудил печку для обжига керамических рисунков-изделий, которые потом помещал на холст или на паспарту из бархата (разного цвета) с искусственно созданными «волнами». Рамы для них он заказывал не абы какие, а на багетной фабрике или у мастера-самоучки, который изготавливал их из дуба, клена, ясеня, липы, березы (смотря для какой работы). Рядом находилась беседка с крышей из камыша, а в ней — круглый стол в окружении необычных стульев из березовых чурок с вычурными спинками. Везде росли цветы. Особенно много было ромашек-гигантов. Они были неприхотливы и цвели почти все лето.

В самом доме тоже было все «не так». Начиная со ступенек. Они напоминали клавиши пианино, были белыми и черными. Мебель — не магазинная, ширпотребовская, а вся сделанная его руками из совершенно немыслимых составных частей.

Ну, не был бы мой друг Мастером!

И вот я снова в его доме-мастерской. Да только по такому печальному поводу! Господи! Ему бы жить да жить! Творить и творить! Войдя в главную

комнату-мастерскую, я наткнулась на что-то такое, от чего по телу пробежала дрожь: посередине стоял мольберт, на нем находилась картина, от вида которой я оторопела.

Перед самым моим отъездом в Беларусь мы гуляли с Георгием по древнему Валу, с высоты которого далеко была видна бегущая внизу Десна, дорога-шоссе, ведущая на Киев, отчаливающий от пристани прогулочный катер. Георгий рассказывал мне свой недавний сон-видение:

«Я нахожусь на берегу того самого острова, куда летал писать картины. Волны океана подкатываются к моим ногам, откатываются назад и снова омывают их. В душе моей поселяется ощущение дивной легкости. И вдруг я оказываюсь в пещерах, дома. Я узнаю центральную их галерею, украшенную скульптурными изображениями и орнаментальными росписями. Я ощущаю, предвижу, жду какой-то встречи. Я четко слышу шаги нескольких человек, они приближаются, спешат навстречу ко мне. И вот, из бокового ответвления подземного храма появляются они — три ангела с золотыми крыльями за плечами. Божьи странники излучают покой, умиротворение, любовь. Они словно сошли с полотен Рублева.

— Ну, вот ты и пришел, мы тебя ждали, — произносит средний из них».

...Ангелы-странники на последней картине Георгия излучали покой, умиротворение, любовь.

— У него был нарушен вестибулярный аппарат, а еще... сердце, врожденный порок. Ты разве не знала? — раздался за ухом печальный голос его мамы Веры. — Он спешил закончить свою, как оказалось, последнюю работу, потому и не взялся за ремонт твоего дома сам...

Я кивнула головой, говорить не могла. «Он знал, что скоро уйдет к своим странникам, потому и посмотрел на меня так на вокзале. Он попрощался со мной, а я — дура невидущая — даже не поняла этого, и про сон его вещий забыла», — стояла я перед его странниками и корила-винила себя, на чем свет стоит, вроде я могла что-то сделать, а не сделала.

«Вернись, Пегас, вернись!»

Альберт Березин был довольно известным в литературных и художественных салонах областного центра человеком. Вообще-то это был его литературный псевдоним, а настоящее ФИО было куда менее благозвучным — Олег Афанасьевич Сопликин. Но как же такую фамилию выносить на обложку поэтического сборника или фотоальбома? А их у него насчитывалось за два десятка лет творческого труда несколько, да еще один фотоальбом именной и два — в соавторстве с другими фотохудожниками. Пописывал он и литературоведческие критические статьи на своих коллег поэтов-писателей: одних захваливал, других валил навзничь. К первым относились все те, кто хвалил его «нетленки», к другим — те, кто был независим от чьих-либо веяний и влияний, тем более его, кто имел свой «почерк» и кто не видел в нем самом Божьей искры, считал его стихи вымученными и выморочными, а его самого — надутым и напыщенным индюком. Будучи время от времени ведущим какой-нибудь литературной встречи, он в упор не замечал тех — других, пропускал их «мимо кассы» и не давал пикнуть, чтобы о себе заявить, а будучи членом совета местного отделения союза писателей, всегда настаивал вычеркнуть таких «непокорных» из списков претендентов на какие-либо номинации или премии.

И вдруг Альберт Березин — еще тот любитель и завсегдатай всех литературных (и окололитературных) и всяких других творческих посиде-

лок — перестал на них появляться. Кто-то пустил слух, что он заболел, кто-то — исписался, а недоброжелатели что — «сдулся».

А он и, правда, заболел. Болезнь его была необычной.

Как все творческие люди, будучи членом двух творческих союзов, поэт, литературовед, фотохудожник Альберт Березин, наряду с незаурядными способностями и каким-никаким талантом, был самолюбивым, тщеславным и неуверенным человеком. Болезненное самолюбие и тщеславие порождало у него обидчивость и настороженную мнительность, а еще — зависть. Эта дама его совсем замучила. Капля за каплей просачивалась она в его душу, разъедала нутро. Он терпеть не мог, если кто-то из коллег по творческому цеху преуспевал на пути к Парнасу. Как так? Он такой талантливый, такой многогранный и на тебе — какой-то, или, какая-то, что-то там выдала «на-гора» да еще и на уровне республики! Такого не должно было быть! Он первый, он лучший, он самый талантливый! Негативные эмоции, чужие успехи наносили ему серьезные душевные раны. Его высокий (как он считал) интеллект не позволял тонкой, ранимой душе быть спокойной, ибо, как известно, знания умножают скорбь. Он крайне нуждался в положительных эмоциях и в дополнительном притоке биологической энергии. Универсальным и быстрым энергоносителем оказался... алкоголь.

В то утро, как всегда, Березин сел за стол. Но ему что-то совсем не писалось. Голова была пустая, как барабан, и отказывалась работать. Мозг словно испарился. Альберт исходил по́том. Как он ни силился что-то изобразить — потуги были напрасными: строчки не ложились на бумагу, не появлялись на мониторе компьютера. В очередной раз он вставал из-за стола, шел на кухню за чашкой кофе, курил — не помогало. Тогда он отправился под душ — то же самое. Прибегнул к испытанному средству — коньяку. Потянул одну рюмку, вторую — ноль на массу, как говорят водители.

И это после двух десятков лет ежедневного корпения за столом: над листом бумаги с карандашом, затем — за пишущей машинкой, а последние пять лет — за компьютером! К концу дня с ужасом, похожим на панику, поэт осознал, что не может выдавить из себя ни одной строчки.

— Да что же это такое? — начал рыться в воспоминаниях Березин. — Да ничего же не случилось со вчерашнего дня, никаких стрессов, никаких особых переживаний и на тебе, словно вышиб кто из седла! — в сердцах воскликнул он, выливая в рюмку остатки коричневой жидкости из бутылки. И вдруг, словно споткнувшись на этом слове, встал, как вкопанный, посреди кабинета: его память сотворила чудо — перед глазами появилась яркая картинка. Он вспомнил события, предшествовавшие его такому, можно сказать, творческому недомоганию, а, вернее, сон, который приснился ему под то самое утро, и свою реакцию на него.

...Он был дома, на отцовском подворье. В руках держал поводья танцующего красавца коня. Он был необыкновенной масти — «в яблоках». Вот Альберт-Олег птицей взлетает на спину красавца и скачет-несется по знакомой с детства Поляне — широкому просторному лугу. А луг тот синий-синий от цветов колокольчиков. Они бьют коня по ногам и разбегаются во все стороны и словно звенят ему вслед победным звоном. А он несется во всю прыть, а потом вместе с конем отрывается от земли и плывет по небу, словно парит на крыльях. Потом снова оказывается на земле, на отцовском селище, привязывает своего скакуна к жердине. Тот весь лоснится от пота, нервно вздрагивает от прикосновений, когда хозяин принимается его оглаживать и отирать специальной щеткой.

А на соседском огороде тоже гуляет-резвится конь. Вернее, кобылица. Она белой масти. Вся, как натянутая струна, танцует-гарцует-носится по огороду и начинает призывно ржать. И вдруг его «яблочный» обрывает коновязь, взбрыкивает и одним махом перелетает отделяющий его от красавицы-белянки забор. Вот они, бок о бок, носятся уже вдвоем по соседнему участку, и как Олег ни зовет своего скакуна назад, чем только не приманивает, тот ухом не ведет в сторону хозяина. Мало того, лошади вылетают с огорода и несутся сломя голову в сторону луга. Вскоре он их уже и не видит, обе скрываются из виду совсем, только вдалеке слышится, а потом затихает топот четырех пар копыт...

В холодном поту Альберт просыпается. Сон стоит перед глазами. К чему это? — задается вопросом поэт. — И коня у меня нет, и огорода. Квартира и та на шестом этаже? Куда ночь — туда и сон, — бормочет поэт на подсознательном уровне. Так говорить учила его мать, когда он был еще маленьким и ему, бывало, снился какой-нибудь страшный сон. А еще тот сон надо было смыть водой. Вспомнив наставления матери, Альберт поплелся в ванную. Стоя под горячей струей душа, он смывал с себя остатки ночных видений. Позавтракав, привычно уселся за письменный стол. И... стал маяться.

Вспомнив все это, Березин ужаснулся, страшная мысль-догадка прорезала мозг: «От меня отвернулась Муза. Да это же мой Пегас ушел от меня! Неужели сон обернулся явью?» Он похолодел. «Да ну, не может быть, чушь какая-то собачья. Вот сейчас возьмусь и выдам на-гора новый стих, а то и поэму намахаю», — он сдвинул брови и взялся за карандаш, чтобы потом сесть за компьютер и завершить начатое. Но ничего не выходило ни на бумаге, ни на экране. Сюжет будущего стихотворения не просматривался даже вдалеке, рифма ускользала куда-то. Голова была пустая, только перед глазами маячил конь, перемахивающий через изгородь...

— Пойду-ка я прогуляюсь, — произнес Альберт вслух. Пошел. Прогулялся. Сел за стол. Пусто в голове, пусто на странице. Мысль о покинувшем его Пегасе неотступно преследовала. Она была странная, зудящая, неотвязная, гложущая, непреоборимая, отравляющая все его сознание и осязаема до такой степени, что ему хотелось оттолкнуть ее руками. Безысходная тоска охватила поэта. Образ коня в «яблоках» проник в сознание, завладел им, угнетал его. Он теперь мог думать только о нем.

— Вернись, Пегас, вернись, родненький! — как заклинание шептал неустанно Березин, осушая очередную рюмку.

— Ну, что, допился-дописался? Говорила, отдыхать надо, перерывы делать, отвлекаться и от того, и от другого. Не обращать внимания на писанину других. Пишут себе — и пускай пишут. А ты? Послушал? — за спиной стояла жена Алина, которая была далека от творческих мук супруга, но всячески поддерживала его, втайне гордясь, что он у нее «член аж двух творческих союзов». «Регалии» мужа возвышали и ее в глазах подруг, родни, коллег по работе в детском садике.

Так прошло несколько месяцев, в течение которых Альберт Березин не смог написать ни строчки. Зато плотно подсел на «энергокомпенсатор» — спиртные напитки. Жена, чье благополучие напрямую зависело от Пегаса мужа, начала искать способы его лечения. Сначала заставила съездить (вместе с ней, разумеется) к знакомой бабке-знахарке, убедив благоверного в том, что его «сглазили» в одном из союзов завистники-коллеги. Бабка внимательно выслушала жалобы болящего и посоветовала найти сувенирного коня, объяснив, что подобное лечить надо подобным. Точеную деревянную

лошадку, укрепленную на куске древесины, нашли в сувенирном отделе центрального универмага города. Что там колдунья шептала на коня, потом на него, давала выпить какую-то воду, ею же и опрыскивала, Альберт слабо запомнил, в его голове билась одна единственная мысль-заклинание: «Вернись, Пегас, вернись!»

Только ни заклинания, ни бабка не помогли. Наваждение усиливалось с каждым днем. Образ уносящегося «яблочного» коня поглотил все помыслы, преследовал во сне. Он сходил в церковь (по совету жены) и воззвал к Богу за помощью. Но вместо ожидаемых небесных видений, заветных строк на бумаге ему виделся уносящийся конь, чудился удаляющийся топот копыт...

А тут еще в писательском союзе собрались издать сборник и у Березина попросили что-то «свеженькое», нечитаное, не опубликованное. А что тут дашь — все мало-мальски приличное читано-перечитано на многочисленных творческих встречах, напечатано в его тощих книжонках-сборниках. Все все видели, слышали. Находясь в состоянии тихой паники, Альберт обратился к известному психотерапевту, о котором был наслышан от друзей и знакомых. Тот и жил, и работал в «ближнем зарубежье», был учеником знаменитого Довженко, давно практиковал, снискал славу настоящего специалиста человеческих душ, у него была своя клиника.

Импозантный, седой и кучерявый доктор-психотерапевт внимательно вгляделся в глаза Альберта-Олега, взял его за руку, начал с ним беседовать-расспрашивать...

Со времен Фрейда психиатры знают, что человек может обрести покой от снедающей его тревоги, если получит возможность высказаться. Психотерапевт в познании этой истины не был исключением. Он слушал пациента внимательнейшим образом.

«Так. По типу темперамента товарищ холерик. Неустойчивая психика. Легко внушаем, мнителен, склонен к преувеличениям, слаб как личность. Все время чего-то боится и непрерывно об этом думает, зависть гложет, что кто-то лучше пишет, больше издается, читается, востребован», — пронеслось в его голове и затем легло на чистый лист истории болезни.

— А сосед что? Соседка, говорите? Кто она? Тоже поэт? Нет? А кто же? Пишет прозу? Ерунду какую-то? Издается? Продается? Игрушку сделала по своей сказке? Деньги лопатой огребает? Ясно! Вам нужно пройти полный курс психотерапии. Приступим со следующего понедельника.

«На почве постоянных возлияний получился своеобразный самогипноз — он сам себе внушил, поверил, вбил в голову, что от него отвернулась, сбежала Муза, а вернее — конь-Пегас. Сбежал к соседке, — легла новая запись на лист бумаги. — Включился эффект ноцебо[1]. Его можно подавить. Включим-ка мы ему другой эффект — плацебо[2] и выдадим установку-рецепт: нельзя завидовать, нельзя желать другим того, чего не хочешь получить сам. Проведем процедуру очищения подсознания, уничтожим накопившуюся грязь...» — продолжил доктор записи.

Во время последнего лечебного сеанса психотерапевт положил перед поэтом чистый лист бумаги и попросил записать на нем все скопившиеся обиды, перечислить «творческие пакости», которые он делал коллегам, сказал, что читать не будет, чтоб не стеснялся в выражениях и ничего не скрывал. Объяснил, что это будет первый шаг его к душевному спасению, своеобразное

---

[1] Ноцебо — в переводе с латинского означает «наврежу себе».
[2] Плацебо — таблетка или микстура «от всех хворей».

покаяние в грехах. Когда облегчит таким образом душу, и Бог, и сами грехи отпустят его. Тот послушно все исполнил. Доктор зажег свечу, взял исписанный с двух сторон лист и, глядя в глаза Альберта своими колдовскими (желудево-черными) глазами, сказал: «Как сгорит сейчас этот лист бумаги, так улетучатся из твоей головы всякие дурные мысли, чувство зависти, желание насолить другому человеку...»

Доктор приступил к гипнотерапии. Погрузив больного в легкое фазовое состояние, которое позволяло проводить мотивированную эмоционально насыщенную «суггестию с апелляцией» к высшим человеческим чувствам, психотерапевт вовлек Олега-Альберта в активный процесс личностной перестройки: «Весь твой прежний чувственный мир станет для тебя неприемлемым, ты будешь чувствовать по-новому, по-другому будет реагировать твоя душа на поступки и слова людей и знакомых, и незнакомых; ты будешь иначе смотреть на природу, на искусство, на успехи и просчеты свои и чужие...»

Альберт не заметил даже, как под воздействием чарующего, монотонного, усыпляющего голоса доктора он уснул. Когда открыл глаза, то увидел уже погашенную свечу и горстку пепла от своей недавней писанины-исповеди.

— А теперь, дружок, езжай вместе с семьей на море, оно завершит лечение, «смоет» с тебя остатки «болезни», поможет укрепить твой дух, твою волю, оздоровит и успокоит лучше всяких целителей и психотерапевтов, — закончил доктор свой последний сеанс курса психотерапии.

Альберт так и сделал: закрыл-забросил все дела, взял в охапку свою Алину и укатил в Крым. Южное солнце, море, здоровый сон, довершили дело: к концу второй недели поэт страстно захотел к столу, к листу бумаги и карандашу, «мышке» и клавиатуре. У него проснулся зверский творческий аппетит, голову переполняли свежие мысли, умопомрачительные идеи; он думать даже забыл о своих «конкурентах», ему хотелось петь и прыгать. А главное — творить-писать!

ВЛАДИМИР СТАСЮК

Солнце в росинке

Кормление уток

Придя неслышно, как всегда,
В пальто неотразимо алом,
Она стояла у пруда,
И уткам белый хлеб бросала.

И птицы, видя за версту
Те взмахи царственной рукою,
Ее послушные персту,
К ней плыли суетной толпою.

И, уплывая в полумглу
От берега с присохшей тиной,
Все воздавали ей хвалу
На языке своем утином.

Рыбка в аквариуме

Рыбка, словно на экране,
Ты куда плывешь, грустна,
И зачем стеной зеркальной
Ты от нас отделена?

Ты, с подругами недавно
Разлученная сачком,
Из кормушки тянешь дафний
И глотаешь червячков.

А наскучит тебе плавать —
Ты замрешь, и предо мной
Чуть колеблется опальный,
Точно флаг, плавник спинной...

Цветок

Вот, гляжу я на тебя:
Ты — цветок, а я — садовник.
Солнце вешнее любя,
Тянешь ты к нему ладони.

Знаю: проклята земля,
И она погибнет скоро,
И к тебе любовь моя
Тоже выросла из сора.

Только мне, как мотыльку,
Разве дня такого мало?..
Солнце ластилось к цветку
И слезой роса сияла.

Божья коровка

Одета в пурпурные тоги,
Кружится бабочка, легка,
А ты травинкой у дороги
Все гладишь яркого жука...

И чтоб его неосторожно
Никто не придавил пятой,
Ты спрячь коровку эту божью
Здесь, под душистой резедой...

Прогулка с фликером

О, световозвращающий
Телохранитель мой,
Ты лунной ночью тающей
На мне дрожишь блесной.

Зачем влекут нас дымные,
Туманные огни?
Любовь, о негасимая,
В мои глаза взгляни!

Блудный сын

Я помню сон: мне грезилось о том,
Как, праздно расточив свое именье,
В раскаяньи, вернувшись в отчий дом,
Перед отцом упал я на колени.

Ладонь коснулась моего лица:
«О, кто, коленопреклоненный, кто ты?»
...От высохших и теплых рук отца
Мой лоб холодным покрывался потом.

«О, сын возлюбленный, от плоти моей плоть,
Зачем стоишь и плачешь у порога?
В моем дому уютно и тепло,
Есть место всем, обителей здесь много.

А ты не верил слову моему,
Не исполнял, чему тебя учили,
И думал ты, что нет меня в дому,
Что на погосте уж давно почил я...»

Чтобы от слова: «Отче, помоги!»
Перед тобой не распахнулись двери,
Тебя связали путами враги
И радовались твоему неверью...»

ТАТЬЯНА КРИВОШЕЕВА

Два рассказа

Эх, теть Клав!..

1

Наталья и Света приехали перед обедом, и Могилевщина после бесснежного Минска встретила их и морозом, и картинными избушками с нахлобученными белыми шапками. Водитель маленького автобуса, на который сестры пересели, сойдя с поезда, притормозил у въезда в деревню. Отсюда им с сумками идти было недалеко. Но Света все же вздохнула:

— Где наши сыновья? Вырастишь и машину купить поможешь, а ездят другие.

— Ты чего это заворчала? — спросила Наталья, меняя руки. — Тяжело? Давай еще что-нибудь мне.

Бабушкина хатка, как ее называли двоюродные сестры, низенькая, почерневшая, уже не была подвержена действию времени, потому что давно вросла в землю. Еще перед войной дедушка, сначала бригадир, потом председатель колхоза, собирался рядом с ней построить новый дом, уже готов был венец сруба. Хатка стояла у ровка, то есть ручья, как говорили в селе, поэтому не повезло новому дому: его бревна немцы использовали для строительства моста взамен взорванного партизанами. Зато мост стал Гераськиным, по имени дедушки Герасима.

Дальняя родственница, уведомленная о приезде сестер, заранее протопила печь — и давно нежилое помещение показалось сестрам гостеприимным и уютным. Ее муж починил электропроводку, вот и получалось: в тепле и со светом.

Все в этот день удавалось. Стоило Свете (она была родом из Студенца и постоянно приезжала в деревню, пока была жива мать) подумать о завтрашних заботах — и они разрешались почти сами собой: тут же находились люди, чтобы выкопать могилу, внести и вынести гроб, везти его на санях до кладбища.

Уже в сумерках на обочине дороги остановилась «газель». Приехавшая Тома сама не смогла открыть просевшую дверь в сенцы, но, услышав лязганье клямки, Света поспешила ей на помощь. На ходу поцеловались. Тома оставалась прежней: маленькой, худенькой, похожей на подростка, но странно было видеть у этого подростка лицо пожилой женщины. Ничто из ее одежды (скромное темное пальто с капюшоном) не говорило о появлении в студенецкой глуши гостьи из Бельгии. Тома побежала рассчитаться с водителем. А вскоре, сняв не открывавшуюся до конца входную дверь в сенцы, четверо сельчан внесли в комнату богатый гроб с позолоченными ручками и поставили посередине комнаты под иконой.

Когда плач Светы и Натальи утих, они разглядели, что тетя Клава в гробу не похожа сама на себя. Перед ними была благообразная старушка с зачесанными вверх волосами, подвязанная под подбородком простым беленьким платочком. Если это тетя Клава, то сейчас она, по своей привычке, тряхнет непослушными вихрами городской стрижки, скажет:

— Ну что, племянницы, скисли?

Зажгли у изголовья покойницы на этажерке свечку. Нашли для живых, но подмерзших гвоздик, приехавших вместе с гробом, трехлитровую банку вместо вазы. Рядом с цветами и свечой поставили привезенную без рамочки фотографию, с которой настоящая тетя Клава, любящая, торжественная по случаю фотографирования, сияющими глазами смотрела на скорбящих племянниц.

Зимним субботним вечером студенчане, оповещенные о покойнице, были заняты своим делом, если и забегали, то с вопросом, чем помочь; убирались в доме, варили холодец, мылись в бане.

Света и Наталья не хлопотали, долго слушали Тому, смотрели на нее с восхищением: вопреки мнению своего авторитетного, постоянно работавшего за границей мужа и московских родственников, решила хоронить тетю Клаву на родине и отважилась (рядом с водителем одно место) привезти за семьсот километров гроб с ее телом.

— Последний раз, когда разговаривали по телефону, она, будто в шутку, спросила меня, свободно ли место рядом с бабушкой, — доказывала правильность решения Томы Света. — Будет лежать в родной земле рядом со своими.

Женщина задумалась, потом вернулась к прерванной мысли:

— Но она ни о чем не просила, знала, что хлопотно и дорого.

— Дорого, да, дорого, — подтвердила Тома.

— Счастливая, ее мечта исполнилась, — подытожила Наталья и залилась слезами.

В сенцах, в выварке для белья, устроили холодильник, сложив привезенные для поминок продукты, сверху придавили старым чугунным утюгом, чтобы не залезли коты. Света несколько раз созванивалась с Любой, троюродной сестрой из Костюковичей, чтобы та договорилась с батюшкой об отпевании.

Разговор по-прежнему возвращался к тете Клаве. Тома рассказывала подробно, как за неделю до смерти тетя Клава сломала в локте правую руку.

— Мне завтра улетать в Брюссель, свой курс лечения закончила, дела в Москве уладила, а тут теть Клава звонит, и голос у нее нервный, сердитый, слышно, что очень расстроена. Завезла ее в больницу, ждала, пока наложат гипс, говорила с лечащим врачом. Виталий и Марина обещали ее навещать.

— Мне кажется, — вступила в разговор Наталья, — она заранее все решила и только ждала случая. Ты говорила, умерла тихо, не разбудив, не потревожив больных в палате.

— Да, медсестра принесла утром градусники...

— Помните, как наша бабушка ушла из жизни ну прямо волевым решением, — продолжала Наталья. — Спросила у мамы, когда заканчивается отпуск, и уложилась в этот срок, чтобы дочке не тратиться, не приезжать еще раз. Вот и тетя Клава.

— Одиноко ей было, хотя и не жаловалась. Подруга ее умерла, с которой на фабрике работала, потом кума. Приедет в Студенец, а здесь тоже ни тети Гани, ни мамки нет — пусто, — пригорюнилась Света. — Наталья правду говорит, она сама так решила, а иначе кто бы смотрел за ней?

Тома обиженно возразила:

— Я собиралась вернуться в Москву к ее выписке из больницы, но теть Клав...

— Теть Клав да теть Клав! Да что же это такое! — неожиданно громко перебила ее Света. — Ты даже мамой ее ни разу не назвала! Внуки есть, а дочки нет! Разве так бывает? С десяти лет смотрела. Забрала сразу после смерти тети Мани. Замуж не вышла...

— Не сразу. И не потому она замуж не вышла.

— Перестаньте, девочки, — с досадой в голосе сказала Наталья и добавила: — Мне кажется, она слышит нас. Не хочу, чтобы ей было больно. На сегодня хватит и слов, и слез. Завтра будет трудный день. Ложитесь-ка отдыхать.

Тома засопела, но послушно полезла на печку. Наталья, сидя у гроба, стала читать молитву об усопших из привезенного сборника. Однако мысли ее возвращались к разговору. Ей тоже не нравилось, что Тома не называла тетю Клаву матерью, но Наталья, много лет проработавшая в школе, считала, что в таких вопросах никто не вправе навязывать свое мнение. Кроме того, в воспоминаниях детства навсегда запечатлелся рассказ матери, навестившей Тому в интернате вскоре после смерти тети Мани.

Не горожанка, мать только в сумерках нашла где-то на окраине Минска интернат и в будке вместе со сторожихой — Тому: всех детей разобрали на каникулы родственники. Пар поднимался над двумя чашками чая, женщина резала сало — свой нехитрый ужин, и ветки с необлетевшими листьями стучались в маленькое оконце. Детская острая жалость к сиротству сестрички осталась на всю жизнь. И, пожалуй, самую успешную в личной жизни Тому Наталье всегда хотелось защитить, как делала это и тетя Клава, даже когда Тома была неправа.

Света постелила Наталье на кровати, себе на грубке. Не давая погаснуть пламени, сестры следили за свечкой, попеременно читали поминальные молитвы, вкладывая в строки Священного Писания свои скорбные чувства. Последней, дольше всех, читала старшая — Света. Перекрестившись, помянула мать, отца, сестру, трагически погибшего племянника — неизбывную боль души. Подумав, она своей новой шубой поверх одеяла укрыла ноги Натальи, спавшей на кровати.

Догорела свеча. Щелчок выключателя убрал и свет. Установилась глухая тишина и такая плотная темень, что при желании, казалось, ее трудно было бы раздвинуть руками. В двух шагах от покойницы, уставшие после долгого и тревожного пути, сестры спали в родной хате. Спали спокойно, защищенно.

Их сон стерег сундук возле окна. На нем они сидели девчушками, в ожидании бабушкиных блинов, болтая ногами, не достававшими до пола. Рядом на узеньких подоконниках буйно, ярко-розово цвели тети Клавины бальзаминки.

Их сон стерег темный лик Божьей Матери в обрамлении крупных соцветий герани. За стеклом их сухие цветки даже не запылились. Что ж с того, что поблекли? Может, полстолетия назад сама бабушка Матрена Стефановна любовно украшала ими икону.

Их сон стерегли полукружья венских стульев с растопыренными ножками; чтобы не упасть, на них нужно было садиться очень осторожно. Поэтому и стояли стулья торжественно у стены.

Их сон стерег закрытый московской клеенкой с вечными подсолнухами хрупкий стол, а над ним и над кухонным шкафчиком — портреты многодетной крестьянской семьи. Посередине, разделенные счетчиком, большие портреты в темных деревянных рамках под стеклом — дедушки и бабушки

в молодости. Вокруг них — портреты их детей: четырех дочерей и двух сыновей, одинаково ясноглазых, молодых и красивых. Над кухонным шкафчиком, тоже в рамке и под стеклом, — множество мелких семейных карточек, а по центру на одной из них — Стефан, могучий прадед со стертой на фотографии бородой, и прабабушка Химка (Ефимия), едва достающая ему до плеча.

С фотографий вся родня смотрела на сестер знакомыми с детства глазами, и можно было позавидовать глубине чувств, дружескому и любовному единению тех, кто готовился принять младшенькую — Клавдию.

А за окном поднявшаяся метель стучалась в старые ворота, раскачивала накренившийся забор, закутывала бабушкину хатку в белый саван.

2

Утром каждый был сам себе командир. Тома хлопотала с немудреным завтраком, заставляла сестер есть московские бутерброды; она же обнаружила, что продукты в «самодельном» холодильнике подмерзли, пришлось внести выварку и поставить за занавеской у печи. Блинчики с творогом, вареньем, которые Света напекла еще в Минске, она положила на хранившую тепло грубку, укрыв их поверх полотенца ватным одеялом. Наталья нашла в сенцах деревянную лопату и пошла в светлый снежный двор расчищать заметенную дорожку, чтобы добраться до колодца. Белесый воздух был крепко сжат утренним колким морозом, но ни ветра, ни метели не было. Не успела она сойти с крылечка, как во дворе с большим бидоном появился незнакомый мужчина.

— Водички вам...

— Проходите, — пригласила Наталья и посторонилась, пропуская его вперед.

— Вот спасибо, Мишка, за водичку, — обрадовалась выскочившая в сенцы Света, показывая, куда поставить бидон. — Теть Клава маленькими ведерками из колодца носила, а ты сразу вон сколько! Давай обмету ноги-то.

Мишка Маковей в новенькой фуфайке, постучав ногами, прошел в комнату к гробу и остановился, всматриваясь в лицо покойницы. Предложенный табурет не заметил, на вопросы женщин не отвечал. Долго молчал, потом судорожно махнул рукой: «Эх, теть Клав!..» — и спешно вышел.

Вновь проскрипела дверь, вошла родственница Светы по мужу — краснощекая с мороза Людка. Отдышавшись, сказала, что с печкой управилась и картошку для поминок поставила, как обещала. С минуту помолчала у гроба.

— Слышь, Светка, мой Петька с хлопцами пошли копать могилу.

— Правда? — подхватилась Света. — Я им покушать снесу. И погреться. Тома, помоги-ка.

— Свет, ты ж старше меня, — сказала Людка, — а бегаешь, как молодая.

— Это я здесь молодая...

Теплый бабушкин платок, вытащенный из сундука и завязанный вместо городской шапки, так шел Светлане, что сестры залюбовались ею, ее выразительными карими глазами, бабушкиной статью (бабушка слыла красавицей), полной, высокой, такой модной нынче у молодых грудью. Может быть, потому, что красоту ее так и не оценили близкие люди: муж, сыновья, невестки, она сохранялась, несмотря на годы, а может, светила изнутри.

— Я снег чистить, — вспомнила Наталья.

— И не ходи! — остановила ее Людка. — Там Иван Кондратенка да Матвевны Сашка от дороги к дому чистят дорожку, без тебя управятся.

Стукнула калитка, но нескоро появился посетитель. Из сеней по ногам резануло холодом, запахло морозной свежестью. Это была восьмидесятилетняя Натальина тетка Лида, Лидия Прокофьевна, до пенсии работавшая в деревенской школе учительницей. Поклонилась всем у порога, расцеловалась с племянницей, с ее помощью сняла пальто, пуховый платок оставила на плечах. Подойдя к гробу, просто и спокойно сказала: «Здравствуй, Герасимовна! Ладно ли доехала до дому? — и уже с другой интонацией добавила: — Молодцы, деточки...»

Тетя Лида принесла гостинец — шоколадные конфеты в кульке, бутылку вина («Поставь, пригодится») и теплые шерстяные вещи: безрукавки, рейтузы, носки, рукавички. Как детей, заставила Наталью и Тому одеться. Вязаные вещи были толстые, добротные, заботливо хранимые, без следа моли.

Лидия Прокофьевна отдыхала после подъема на взгорок: «Ох, снегу насыпало. Тяжелехонько, а все таскаю ноги».

Забежавшая на минутку соседка Матвеевна присела рядом, на подол юбки посыпались мелкие частые слезы: «О Герасимовне девчатам расскажу...»

— Жалостливая была, — всхлипывая, говорила Матвеевна. — В запрошлом годе так меня выручила. Не знала, что делать с цыпленком, невзлюбила наседка и все. Забьет, проклятая. Куда девать? Клюет и клюет.

А Клава говорит:

— Дай я возьму.

— Зачем тебе один?

— Возьму.

Тома знала про эту тети Клавину заботу.

Цыпленок был «ладненький»: не желтый, только что вылупившийся — перышки уже белые, маленький гребешок, одинаковый в эту пору и у курочек и у петушков. Но такой тщедушный — не на что посмотреть: худой, просвечивалось синеватое тельце, замызганный — с прилипшей грязью и следами крови на головке и перышках.

Сначала тетя Клава устроила ему жилище в картонной коробке из-под обуви. Ложилась спать — коробку с цыпленком ставила рядом с собой. Утро (она, как и все деревенские, вставала очень рано) начинала с завтрака — чашки московского кофе с конфетой, а уже накормленный цыпленок сидел на ее плече.

— Моя компания, — говорила тетя Клава и добавляла: — Повезло тебе, ох, повезло!

Цыпленок ходил за ней всюду по пятам, как собака. Соберется в магазин — и он следом за ней. Дойдут вместе до дороги, тетя Клава повернется:

— Иди ко двору! — И цыпленок быстренько бежит домой. А в магазин она ходила чаще всего из-за своей большой опеки: детей, собак, петухов, кошек и прочей живности.

Когда питомец подрос и места ему стало мало в коробке, спинку металлической кровати он превратил в куросадню, но свою хозяйку не оставил. Уезжая осенью в Москву, тетя Клава отнесла тяжелую, как говорят, красную курочку Матвеевне.

— Столько возилась, а ведь никакой выгоды себе: ни яиц, ни мяса, — вздохнула соседка.

А выгода, по понятиям тети Клавы, была.

Быстро вернулась румяная, с опушенными инеем ресницами Светлана.

— Аккуратно вырыли, с любовью, хоть места там впритык. Никого не потревожили, кома земли не уронили на соседние могилки, — и проговорилась о сокровенном: — Я ж переживала понапрасну.

«Да, — подумала Наталья, — не копают на городских кладбищах могилы с любовью, нет такого в прейскуранте, все на потоке».

— А Пират? Жив ли Пират? — спросила Тома, увидев наполненные слезами глаза Натальи.

— Где уж, давно нет! А как чуял теть Клаву, — подхватила разговор Людка. — Она только к деревне подъезжает, а пес уж сидит на взгорке, встречает. Откуда знает?

— Телеграмму ему Клава отправляла, — пошутила незаметно вошедшая пожилая женщина: — За зиму оголодает, высохнет, последний год хромал (собаки погрызли), зато за лето отъестся, гладкий, справный.

Наталья вспомнила, как ходили с тетей Клавой помогать грести сено ее двоюродной сестре Гане. Шли по мягкой песчаной дороге. Пират, как обычно, бежал впереди. Расположившись прямо на обочине дороги, обедало крестьянское семейство. Не успели с ним поздороваться, как проехал грузовик — и все исчезло в клубах пыли. Когда пыль рассеялась, тетя Клава показала на Пирата. Он бежал как ни в чем не бывало, держа в зубах большущий кусок сала. Тут уж тетя Клава не на шутку разозлилась, стала его распекать за воровство, грозить наказанием, на что Пират только виновато косил глазом. Но добычу не бросил.

Громко стукнула калитка, заскрипел снег под мужскими сапогами.

— Кажется, это Кадик Шевцов, — неуверенно произнесла стоявшая у окошка Тома. — Кадик Агнии Демьяновны! Я не видела его с детства.

Пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел рослый, плотный троюродный брат с корзинкой искусственных цветов.

— Не зря когда-то нянчили, какой мужчина вырос! — бросились обнимать Аркадия сестры.

— Я еще вчера вечером приехал, да Люба оставила в городе ночевать.

Аркадий, сняв шапку, причесывал волосы, вытирал носовым платком оттаявшие усы, румяные щеки. С появлением младшего братца (ему уже было далеко за сорок) стало спокойнее на душе у сестер.

— А что Ольга не приехала? — спросила Света.

— Дети приболели.

Жена Аркадия, Ольга, редко бывала в Студенце, хотя помощь из деревни шла постоянно. Свете неудержимо захотелось напомнить, сколько помогала тетя Клава Агнии Демьяновне, матери Кадика, которая то на холодильник, то на секцию, то на машину сыну деньги собирала. Тетя Ганя держала большое хозяйство, хотя с трудом с ним справлялась. Тетя Клава ворчала, жалея ее, но всегда помогала и не любила об этом говорить. Сдержалась, промолчала и Света.

— Ольга к столу передала закаток с нашей дачи, — сказал Аркадий, протягивая Свете сумку. — Компот из вишни, огурчики, помидоры...

— Помидоры? — Свете стало по-настоящему плохо.

— Тома, подержи!

На меже большой бабушкиной усадьбы, как живая, стояла тетя Клава.

— Посмотри, какие у меня помидоры! И без парника!

Действительно, в уголке между полуразвалившейся пуней и забором, распластав по земле могучие темно-зеленые ветви, росли три помидорных дерева, сплошь усыпанные мясистыми оранжево-красными плодами.

— Понюхай, как пахнет! Вот это помидор — так помидор! А огурец, — продолжала она, — сорвал с грядки, потер о юбку и хрусти. Разве такое найдешь на рынке или в магазине?

С каждым годом все меньше она оставляла земли для огорода. «А помочь не было как, — с горечью думала Света, — приедешь на выходные или

праздник, так у матери на подворье еле обернешься. Если и успеешь сделать что для тети Клавы, то самую малость. А земелька труда каждодневно просит».

Как просто, без слов и признаний любила она эту студенецкую землю. Эх, тетя Клава! Добрая, бесхитростная душа...

Приехав в Студенец из Москвы, говорила, что там ее пенсия за лето накапливается. Но не из экономии она приезжала в Беларусь: без студенецкого воздуха она не прожила бы столько лет, без этого полуразвалившегося дома на пригорке с иргой и пучконосами в палисаднике, без кладбища с родными могилами. Москвичка Клава, открытая, ни на что не завидная. У нее всегда можно было одолжить денег.

За ними однажды поздно вечером постучался в окно Васька Соловей, а у нее (вот незадача!) только крупная купюра, за эти деньги собиралась прожить пол-лета.

— Теть Клав, я разменяю, — канючил Васька.

— Клавочка, не делай этого, не давай, — говорила приехавшая погостить сестра, — не принесет. Пьяница. Все пропьет.

— А дрова? Я сама не порублю, суковатые. А забор? Ворота поправить...

Василий был одним из немногочисленных ее помощников.

Дала взаймы. И принес.

Текла неторопливая скорбная беседа. Сетовали сельчане, что, дескать, теперь в Москве будет негде остановиться, а покойница всех привечала в своей однокомнатной квартирке. Сейчас упоминание об этом уже не задело Тому за живое, потому что у нее большая квартира в Москве, служебная за границей, а когда-то гости — незнакомые женщины из Украины, продававшие цветы, командированный из Свердловска, хворая из Студенца, дальние родственники из Сибири — сменяли одни других и вызывали чувство протеста. Кто-то по делу приехал и хотел пожить, кто-то полюбоваться столицей, кто-то прописаться, зацепиться в Москве. И тетя Клава никому не отказывала. А Тома вела с приезжими негласную войну, особенно когда тетя Клава была в Студенце. Вот и Наталью с малыми детьми не пустила на порог, когда те проездом были в Москве. Наталья добрая, ни разу не упрекнула. А тетя Клава, зная, что Наталья возвращаться из поездки будет вновь через Москву, бросила все в Студенце и примчалась в столицу. Хотя Наталья так и не заехала. Прости, теть Клав, за все прости...

Вновь заскрипела дверь — и из-за большого венка с белыми цветами появилась полная молодая женщина. Наталья не узнала дочку, зато Света воскликнула:

— Алена! Вот это да!

— Не могла же я не проститься со своей московской бабушкой!

— Ты одна?

— Нет, сейчас Сергей подойдет, никак не может припарковать машину — у вас здесь столько намело, как в другой стране.

Алена, присев у гроба, казалось, всецело завладела вниманием покойницы, шепотом передавала поклоны из Минска, стараясь ни один не забыть, а это имена были из «вражеского лагеря» — с родней бывшего мужа и с ним самим Наталья не общалась. А тетя Клава все равно и для них оставалась родным человеком.

Мать оценила поступок дочери: оставить свой магазин, встать в ранний час (что само по себе было подвигом для Алены), проехать четыреста километров, может быть, и побеспокоиться о матери. Наталья с любовью смотрела на дочь.

3

К двенадцати часам вся комната заполнилась людьми. После службы в городской церкви привезли батюшку Александра, русоволосого, очень стройного в длинном черном облачении. Нанесли в дом холода, запаха снега и ладана. Батюшке помогала троюродная сестра Люба, учительница музыки, певшая в церковном хоре. Черный, кирпичиком, хлеб разрезали на части, положили в гроб по бокам, в головах, ногах покойницы, вставив в него свечи. Когда свечи в гробу и в руках присутствующих зажгли, вся комната приняла торжественный, строгий вид. Началось отпевание.

Света, хотя и стояла с зажженной свечой, не слышала слов священника, а мучительно искала ответ на вопрос. Ей вспомнилось, как год назад перед пасхой (успеть убраться, ведь бабушка проверит!) тетя Клава собиралась в Студенец, купила билет и не доехала. Почему не доехала? Каждой весной она столько лет подряд добиралась до родной деревни, часто ехала на электричках с пересадками, чтобы сэкономить. Так поступала и сама Света. Из деревни осенью везла тетя Клава осмаленных петухов, сушенные в русской печи лук, свеклу, капусту, варенье в пластиковых бутылках. Да ведь, если разобраться, и не себе гостинцы!

Почему не доехала в тот последний раз? По телефону тетя Клава не захотела объяснить. А сейчас, во время панихиды, Света явственно увидела в суете и грохоте вокзала ее мечущуюся жалкую фигурку, почувствовала запах железной дороги, услышала оглушительные непрерывные объявления о приходящих и уходящих поездах.

Отказали ли больные ноги? Перепутали ли платформу подслеповатые глаза? Смела ли спешащая, ничего не видящая жестокая толпа?

Поезд ушел без нее. Растерянность, досада, отчаяние. И приказ себе: «Сиди дома и не рыпайся!»

Несколько теплых слез упало на ладонь с зажженной свечой. Просто и задушевно звучал голос батюшки Александра, в нем была печаль о бренности сущего и радость за сестру, отошедшую после земного подвига в лоно бесконечной жизни. С теплой лежанки свисали вязанные тетей Клавой тапочки, у заслонки стоял ее любимый чугунок, на московском коврике над кроватью шли олени на водопой. Дома. Она была дома!

Бледно-сумрачный день продолжался без солнца, белый от инея и неба. До деревенского кладбища гроб везли на санях, рядом с лошадью бежала собака, и племянницам она показалась удивительно похожей на Пирата. Дальше, попеременно меняясь, гроб несли мужчины, и ветер развевал волосы на их обнаженных головах. Провожающие, а они растянулись длинной цепочкой, за гробом шли след в след: так много за ночь намело снега.

Натальина дочь Алена вдвоем с мужем несли венок сразу за гробом. Мысли Алены то возвращались в Минск, и она по инерции думала об уплате аренды, об отсутствии продаж перед новогодними праздниками, то вспоминалась живая баба Клава такой, какой запомнилась в последний раз...

Приглашенная на новоселье, баба Клава не предупредила о своем приезде. А когда уже в Минске окончательно заблудилась в районе-новостройке, вернулась на вокзал и дала телеграмму.

Она сидела в зале ожидания, маленькая, горбоносая, в шубейке и бежевом шерстяном платке, завязанном домиком. И когда подскочила на скамейке, увидев нас, показалась такой смешной... Родная, родная баба Клава, мы бы встретили на машине, предупреди ты заранее, но ты всегда боялась причинить другим малейшее беспокойство... Где сейчас то живое, прекрасное, что

было в тебе? Нет — и никогда не будет! В груди Алены стало горячо, слезы навернулись на глаза, нога не попала в проторенный след, застряла в снегу.

Особенно трудно идти было Лидии Прокофьевне, она задыхалась, но ковыляла, поддерживаемая Натальей. Когда они, наконец, дошли до места погребения в конце деревенского погоста и Наталья, оставив тетку, подняла голову, измученная душа ее задрожала от радости.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

За невысоким деревянным забором кладбища расстилалась белоснежная равнина с кое-где раскиданным по ней мелким кустарником. Среди этой белизны были отчетливо видны причудливые очертания гребней свежего, нетронутого снега. Голая верба со звенящими обледеневшими ветвями казалась сказочным хрустальным деревом. А за ослепительной равниной, скрытая подо льдом глубокими сугробами, текла река. За рекой высились зубцы серо-синего бора. Дома, она была дома!

Хлопотунья-Света не дожидалась, пока на могиле вырос холм уже одушевленной земли и был поставлен прочный дубовый крест, смотревший в снежные просторы. Шепнув Наталье, она поспешила обратно в опустевшую без хозяйки бабушкину хатку, где Люба, Людка и Матвеевна накрывали стол. А Наталья и Тома вместе с родственниками и сельчанами стояли до конца траурной церемонии.

Самое страшное в похоронах — обратный путь с кладбища. Но тут Наталье пособила баба Малаша. Улыбаясь с фотографии, она замыкала целый ряд похороненной родни. Баба Малаша, или Меланья Стефановна, была родной сестрой бабушки. Она до самой смерти жила в Студенце со своим непутевым сыном, который, по пьянке попав под поезд, потерял правую руку. Многодетная, она могла бы уехать к своим благополучным детям «во все удобства» в другие города или к младшей дочери совсем близко в Костюковичи. Но не уехала, кормила на свою пенсию сына и его жену, когда они пропивали все свои гроши, терпела от них брань, даже побои. Сухая, с коричневым деревенским загаром, корявыми жилистыми руками, она первая, бросив работу, приходила проведать приехавшую в гости к Матрене родню. Не жаловалась, не сетовала на судьбу, молчала о своем горе. Зато от всего сердца разделяла радость встречи. Скинув с головы линялый цветастый платок, подбоченясь: «Эх, эх, эх!», — понарошку готова была пуститься в пляс. Такой и осталась в памяти.

«Спасибо, баба Малаша», — прошептала Наталья и поклонилась могиле.

4

Поразительно, что небольшая комната смогла вместить так много людей.

— Радуется Герасимовна, что стольких собрала, — вздыхая, промолвила Матвеевна.

Поминали дружно доброту, отзывчивость покойницы, трогала сердце деликатность простых людей. Казалось, сестрам не о чем больше беспокоиться, стол получился хороший, но у красивой Светланы обострились все морщинки у глаз, ссутулилась Тамара, вытирала покрасневшие нос и глаза Наталья.

— Теть Клав завсегда с уважением к людям, — сказал Иван Свербила, и его все поддержали.

— Простой человек, а столько от него света и тепла, — заметила Люба.

— Такие все Ларченки были — сурьезные люди. Она последняя, — добавил старик в сером, смятом у ворота пиджаке.

— Теть Клава идет, шатается, а все шутит, — заговорил Мишка Маковей, и перед Светой всплыла живая тетя Клава с ее обычными шуточками-прибауточками: «Я и по-еврейски научилась понимать, потому что все московские евреи считали меня, с горбатым носом и кудрявыми волосами, за свою».

— Ой, блины забыла поставить, — вскочила Света и, приподняв с грубки ватное одеяло, достала тарелки с теплыми, будто только что испеченными блинчиками. — Ну и печь!

— Сколько людей собралось проводить бабу Клаву, сколько родни! — сказала восхищенно Натальина дочка Алена. — Нет, в Минске сейчас не так, сидит каждый в своей евроноре, знать никого не хочет. Родственники нынче не в почете, на свадьбу даже не пригласят — чего тратиться!

На краю стола, где сидело большинство мужчин, зашевелились: Сашка Жмейда и еще какой-то парень, взяв под мышки опьяневшего Мишку Войтова, молча вынесли из дома и посадили во дворе прямо в сугроб. Беседа продолжалась спокойная и чинная. Наталье захотелось красиво сказать о значимости жизни покойницы, и ей это было сделать несложно. Профессиональные навыки учителя не подводили, да и судьба тети Клавы была проста и незатейлива: деревенское детство, юность под бомбежками, эвакуация в Саратовскую область, послевоенная жизнь в московском бараке, тяжелая работа на ткацкой фабрике, воспитание сироты.

— Клавдия Герасимовна была замечательным человеком, с чистым и добрым сердцем, — зазвенел Натальин голос. — У нее мы учились стойкости, радушию и любви. Она была оптимисткой. Таким было целое поколение.

Наталью слушали внимательно, не стучали посудой, не гремели стаканами, согласно кивали.

— Братья сражались на фронте, а семья вынуждена была покинуть родной край вслед за отступавшей армией и под бомбежками пробираться на восток — в эвакуацию. После войны тоже легкой судьбы не искала: полуголодная жизнь в бараке, тяжелая работа на ткацкой фабрике. Осиротела племянница — и ей нашлось место в сердце: воспитала, дала образование.

— Тому смотрела, — подтвердила Матвеевна.

— Клавдия Герасимовна смогла победить и немощь старости. В ней, маленькой и слабой с виду, была сердцевина могучего дерева — крепкого крестьянского рода. Все сама. Болели ноги, но она заставляла себя идти в магазин. Слепли глаза — она умудрялась набирать многозначный номер телефона. Помнила обо всех. Не жаловалась, не осуждала, а помогала, заботилась, отдавала. Даже в самые трудные годы она говорила «У меня все есть». Довольствовалась малым, но с какой радостью привозила московский гостинец, дарила с ним свою наивную, светлую душу. Это все с нами, она не унесла в могилу! Вечная ей память...

Женщины заплакали.

— Эх, теть Клав! — забыв, как величала покойницу Наталья, сказал Мишка Маковей. И все от мала и до велика почувствовали себя осиротевшими ее племянниками.

5

Возвращались на Аленином «Додже» в Минск не поздно, хотя все уже окутал глухой декабрьский мрак. Тома тоже решила ехать с сестрами, а потом

лететь на самолете в Москву. Когда садились в машину, Света хотела отдать Наталье половину денег, что брали на похороны (деньги не понадобились: ни разу ей не пришлось открыть кошелек), да замешкалась во время прощания с родней. «Ладно, успеется», — и попросила Сергея притормозить на краю кладбища. Наталья, сидя рядом с водителем, напряженно всматривалась в придорожную снежную тьму, боясь пропустить кладбище. Ей представлялось, что сквозь темноту должны проступить очертания огромных деревьев, обрамлявших кладбище.

— Ну, что же вы, остановитесь! — неожиданно для всех воскликнула Света. — Просила ведь — на краю.

— Ничего не видно, — оправдываясь, сказала Наталья.

Остановились, но выйти даже не пытались из-за сильных порывов ветра. Окрестность исчезла, выметенная неистовой стихией. Мельтешили в глазах, превращаясь в белую непроницаемую стену, снежные хлопья, выхваченные из тьмы светом фар — начиналась настоящая буря. Сквозь шум непогоды Наталье почудился мамин голос: «Клавочка, что это ты придумала? Куда же они полетят? Метель...» Худенькая большеглазая девушка с вьющимися волосами, заколотыми за уши, в крепдешиновом платье и открытых, без каблучков, босоножках одну за другой открывала клетки и выпускала на волю снежно-белых голубей...

Милая, милая тетя Клава, родная душа... Прости...

Нескоро в салоне машины вновь раздались голоса. Наталья слышала, как Тома подробно рассказывала Алене о сложной системе лечения своей болезни. Им со Светой она тоже пыталась что-то объяснить, показывая какие-то графики, диаграммы — все бумаги у нее были под рукой. Тогда было не до того. Наверное, для Томы это очень важно. Наталья подумала о своей черствости. А как любили друг друга их матери!

Света про себя благодарила Богородицу за то, что дала и силы, и ума прожить достойно сегодняшний день, молилась, как умела, за тетю Клаву.

Машина мчалась вперед, удаляясь от родной земли. Земли обетованной...

Собака сына

Анна проснулась от голоса матери. Та звала громко и отчетливо:

— Аня! Аня! Аня!

— Да, мамочка, — радостно встрепенулась женщина и, полусонная, помчалась к больной матери в соседнюю комнату. Зов показался Анне осмысленным, хотя последнюю неделю мать стала невнятно говорить.

Солнце светило из левого верхнего угла окна сквозь прозрачную, лишь слегка приглушающую свет, штору. Не глядя на часы, Анна поняла, что еще очень рано. Все равно пробуждение было легким, радостным, как будто не было ночной тревоги, внезапно ударившей ей в грудь. Около двух часов ночи она проснулась. От глубокой, полной тишины и от страха. Страх был детский, необъяснимый, до умопомрачения. Но ноги не отнялись, наоборот, сами понесли в мамину комнату. Не зажигая света, Анна стала искать на запястье пульс. Мать так тихо лежала на правом боку, на котором Анна всегда оставляла ее на ночь, что не слышно было даже дыхания. Пульс отыскала не сразу: он был слабый, но частый. Потом, стоя на коленях на кровати, Анна зачем-то нашла свой, вырывавшийся из-под пальца. Глаза Анны, привыкшие к темноте, видели очертания худенького маминого тела, руки чувствовали нежную теплоту жизни. Чтобы прогнать страх, унять сердцебиение, нужно

было хорошенько отругать себя, дуру бестолковую, тормошащую спящего человека. Отругать и заставить себя спать. Это было непросто в пустой, гулкой, погруженной во мрак квартире.

Состояние матери (достаточно было одного беглого взгляда на нее) оставалось прежним. «День начался хорошо», — все равно сказала себе Анна и разрешила другим мыслям обрушиться на нее. Первая была о собаке. Анна пошла в детскую, где обитал Джим, и заглянула за диван. На нее, едва видимые из-под длинной челки, устремились два собачьих глаза.

— Сегодня поедем в больницу. Увидишь, Джим, тебе помогут, потерпи.

Анна вчера позвонила Жене, другу сына, жившему в соседнем подъезде их дома, и попросила помочь отвезти Джима в ветлечебницу.

— Я не знаю, что случилось, но он не ест, не пьет и вообще еле ходит, просто тает на глазах... — дрогнул у женщины голос. — Я ни разу не была в ветлечебнице, боюсь — не доберусь с больной собакой.

— Конечно, Анна Алексеевна, какой разговор, отвезу сразу после работы.

Джим появился в доме год назад с возвращением со съемной квартиры сына с семьей.

— Это наша собака Баскервилей, — пошутил сын, и небольшой серый пес исчез в детской. Невестка вслух отметила, что против собаки свекровью не было сказано ни слова. «Что ж, если забирать семейство, то со всем скарбом, — рассуждала Анна, — да и что собака привнесет новое по сравнению с отношениями невестки и свекрови». Возвращение было необходимо и Анне: находясь постоянно с больной матерью, разум которой редко бывал ясным, она сама часто, казалось, заходила в тупик. Нанять сиделку — на это ушли бы все их деньги: те, что зарабатывала Анна, и мамина пенсия. «За что тогда жить? Да и смогу ли доверить маму чужому человеку?» Общение с семьей сына, особенно с внучкой, давало новые впечатления да и помощь.

Три года женщина смотрела мать одна, а когда сын сказал о десяти днях отпуска (работы у него летом было невпроворот), Анна заволновалась: сын уедет — и вдруг это случится. Это... Анне страшно было подумать о смерти матери. Да, несколько лет мать была полностью прикована к постели, сломав, как это бывает со старыми людьми, шейку бедра, что усугубило ее болезнь. Ее преследовали галлюцинации; в образах детей, женщин, пьяных мужчин, они заполняли всю комнату, лезли в тарелку во время еды, усаживались на подоконник, буянили и дебоширили. Лекарства, которыми была заставлена вся тумбочка, продляли жизнь, давали успокоение в виде сна, но они же иссушили, произвестковали ее плоть. Остались старческие кости, обтянутые кожей с набухшими бороздами кровеносных сосудов, глубоко ввалившиеся глаза и большой горбатый нос. Преображенная за время болезни, мать напоминала Анне израненную птицу, трепещущую в своем неведомом мире. Израненную, но живую! Когда очень, невыносимо плохо, можно приникнуть лицом к маминым коленям, и она, даже безумная, почувствует боль, трясущейся, лишенной координации рукой тронет, как маленькой, волосы. И одиночество отступит. «Мамочка, птичка моя, только живи! Я справлюсь».

Когда болезнь матери стала прогрессировать, Анна поменяла свою работу, к которой привыкла за долгие годы, на другую, что была рядом с домом и где ее присутствие было необходимо до обеда, а часть работы можно было взять с собой. Анна старалась скрывать, что ухаживает за тяжелобольной матерью — инвалидом первой группы. Молчала о бессонных ночах, о жизни, замкнутой в пространстве между домом, работой, поликлиникой и аптекой. Сетовала только на то, что с каждым годом все больше тратит денег на лекар-

ства и времени на выписку льготных рецептов, просиживая в очереди не только к участковому врачу, но и к неврологу, окулисту, другим специалистам.

Сыну Анна сказала: «Поезжайте, отдохните, поменяйте обстановку. Иринке нужно погреться на солнышке, весной она часто болела». Так Анна осталась одна. Одна. Брат с семьей жил далеко, двоюродная сестра, с которой они были близки, отдыхала с внуком в Украине, подруги тоже разъехались кто куда: шло лето — время отпусков.

Привычные заботы: дать лекарства, умыть, причесать, сменить памперс, покормить — выполнялись Анной привычно, автоматически. Минимум времени на себя — вот уже третий день, как она вышла после отпуска на работу. И все равно дни после отъезда сына еле тащились. Взгляд Анны остановился на календаре: «*Четверг*. Завтра приедет сестра». В обычное время четверг был перевалочной базой выходных. Память фиксировала четверг, затем понедельник — так быстро проходили суббота и воскресенье. Сейчас же она сама, подобно погонщику ленивого стада, понуждала к движению время: «Завтра уже *пятница*. В *субботу* вернется сын». *Завтра*, *послезавтра* — как недостижимые галактики. И снова Анну охватил страх перед останавливающимся временем. Месяц назад у них был отец Олег, он исповедовал и причастил мать. Умом Анна была готова к неизбежному, и деньги собраны и отложены, но сердцем...

Перед уходом на работу Анна вынесла на улицу Джима, поставила на непримятую чистую траву под деревьями. Он не сдвинулся с места, только как-то удивленно покачнулся и вновь принял прежнее положение. Анна отошла в сторону. Еле переставляя лапы, пес медленно, с неимоверным трудом поплелся к ней. Шатаясь, покорно остановился у ее ног. Тоска и отрешенность были в поднятых на Анну глазах. «Не жилец, — ударило в голову. — Что же случилось? Что я скажу сыну?» Еще в понедельник вечером они долго гуляли...

На прогулках Джим всегда бежит впереди. С невероятной скоростью мелькают его опушенные шерстью носочки-лапки. Двумя белыми фонтанчиками бьют вверх длинноволосые челка и хвост — два хохла, не случайно Джим из породы китайских хохлатых. Ни один ребенок не пропустит его без радостного возгласа: «Собака!», норовит погладить велюровую серую спинку, воспринимая как живую мягкую игрушку. Взрослые, разглядев стрижку, добавят:

— Какая у вас красивая собака!

— Собака не моя, сына, — обязательно поправит Анна.

А Джим знай бежит себе дальше, окунаясь в завораживающий мир запахов: то его не догнать, то вот он распластался на траве, и его долго не сдвинешь с места. Собаке за прогулку нужно столько успеть: пообщаться с другими четвероногими, взять сладостный след особы противоположного пола, окропить свою территорию — деревья, столбы, урны и однажды даже спящего пьяного.

«Что же случилось? Собаку словно подменили! — чувство вины заговорило в ее душе. — Недоглядела. Да что теперь рассуждать!» Ловко подхватив на руки, понесла Джима домой: нужно было спешить на работу.

Нужно было спешить и с работы. Запирали только наружную дверь в квартиру, а внутреннюю, выходящую в общий с соседями коридор, Анна уже несколько лет не закрывала на ключ. При надобности можно было позвонить по сотовому и попросить соседку (спасибо, что та не отказывалась) заглянуть к маме, дать воды, лекарство, зажечь свет, просто сказать слово. Было время, когда мать громко стонала и звала всех, кого помнила, живых и мертвых. Было время, когда мать падала, неудержимо сползала на пол, цепляясь за про-

стыню; остановить ее было невозможно. Тогда Анна подкладывала матрац, ватное одеяло, чтобы не ударилась при падении, а потом не замерзла, лежа на полу. Постепенно силы матери иссякли, она перестала и кричать, и падать, а привычка у Анны осталась — не переводя дыхания, не снимая обуви, вбежать в незапертую дверь, позвать: «Мама! Мамочка!», из прихожей увидеть ее — и только тогда разуваться, раздеваться и продолжать жить дальше.

* * *

Женя появился, как договаривались, вовремя, в половине шестого. Джим безучастно лежал у Анны на коленях, когда они неслись в потоке грохочущих машин — был час пик.

Ветлечебница находилась в одноэтажном здании под огромными старыми деревьями. Анна обратила внимание на отсутствие во дворике травы, она была или вытоптана, или не росла под выпиравшими могучими корнями лип и кленов. Очередь занимали на улице, потому что в узком коридорчике перед кабинетом все сидячие места были заняты. Женя успокоил, что очередь движется быстро (сам недавно возил свою собаку на прием). Но на деле оказалось иначе: очередь остановилась — собаке делали сложную операцию. Что ж, придется потерпеть...

Анна измаялась в томительном ожидании; положить Джима было некуда, все время держать на руках — тяжело. Рядом находился Женя, но взять у Анны собаку он то ли не догадался, то ли не захотел — вдруг какая-либо опасная инфекция. Только через полтора часа очередь вновь двинулась. К этому времени Анне повезло: она заняла освободившееся местечко на выступе фундамента у водосточной трубы. Женя, стоя у открытой двери, следил за очередью. Беспокойство за мать (может быть, ей что-нибудь нужно, и некого попросить ей помочь: соседка в деревне), жалость к чуть живой собаке, нескончаемое ожидание (почему не пришло на ум поехать к частному ветеринару) — все было мучительно для Анны. Собаки породистые и дворняжки, на руках хозяев и на поводках, кошки, выглядывающие из корзинок, коробок, из-за пазух, мяукающие, лающие, стонущие животные завертелись перед глазами женщины в нескончаемом хороводе. Наконец Женя позвал:

— Анна Алексеевна, наша очередь.

Врач внимательно осмотрел Джима, задавая вопросы Анне, затем сказал:

— Не могу понять, что с вашей собакой, но состояние ее вызывает опасение. Завтра начнете обследование, я дам направление на УЗИ сердца, сдадите анализы — и тогда снова ко мне. Чем могу помочь сегодня? Только капельницей. Это платно. Согласны — тогда стелите пеленку.

Доктор присел к столу, взял ручку:

— Фамилия?

— Чья?

— Собака ваша?

— Сы... Моя!

— Фамилия?

— Васильева.

Ловко и быстро доктор привязал лапы собаки к столу. Джим, который страшно боялся малейшей боли, оскалил зубы, попробовал лаять, вырваться — это было бесполезно.

— Держите! — в руках врача мелькнул шприц, и через секунду иголка была зафиксирована пластырем, а из пластмассовой бутылки закапала прозрачная жидкость. — Следите за иглой.

Анна то упрашивала собаку лежать тихо, говорила нежные, ласковые слова, то грозно прикрикивала, заставляя подчиниться, — помогало мало. Справа у стены под капельницей спокойно лежал большой черный кот.

— Как вам это удается? — с завистью спросила измученная Анна у хозяина кота.

— Привык. Пятая капельница, — ответил тот.

На минутку Анна отвлеклась, когда у доктора появился очередной пациент — кот с разорванным брюхом. Коту ввели обезболивающее. У его хозяйки, нестарой женщины, рассказывавшей о происшедшем, не переставая дрожали руки. «Ей бы тоже не помешала помощь», — подумала Анна. Свой жалкий вид ее не волновал: сердце сжималось при виде распластанной на столе собаки. Джим не успокаивался. «Значит, еще есть у него силы, а у меня — надежда», — Анна не отрываясь, смотрела на бегущие друг за другом капельки. Вдруг они остановились.

— Доктор! Не капает!

— Вы же сами прижали ему вену. Осторожнее! Что за беспокойный пес! Держите сильнее, чтобы хоть половину лекарства ввести.

Доктор покрутил колесико — капельки ускорили движение. Все внимание Анны было приковано к ним, сверкавшим подобно бисеру. «Кап-кап-кап...» — нехотя отсчитывали капельки секунду за секундой, и женщине казалось, что это в ее вену неудачно укололи иглу, которая вот-вот прорвет стенку сосуда: так нестерпимо больно — жжение распространяется до самого сердца, но нужно терпеть, пока движется живительная влага.

Обратный путь домой был в мыслях о матери, вернее, в угрызениях совести. Было уже около десяти вечера, и мама, беспомощная, одинокая, столько времени лежала в темноте. Руками Анна придерживала лапы Джима, свернувшегося на ее коленях. Когда она подумала, что он спит, Джим поднял голову и лизнул руку. Анне вспомнилось, как весной, когда матери стало значительно хуже, она выпросила у участкового врача направление в больницу.

— Прежде чем вызвать скорую, поставите на направлении дату. Не забудьте, — напомнила врач.

Скорую вызвали в праздник, 9-го мая, потому что дома был сын и он помог донести бабушку до машины. А часа через полтора, если не быстрее, вновь встречал у подъезда своего дома. «Все изменения в соответствии с возрастом. Оперативное вмешательство не показано», — сухо сказал врач приемного покоя больницы скорой помощи, отдавая Анне заключение. Анна понимала: столько умирает молодых людей, а она носится с почти древней старухой, ища ей помощи и облегчения от страданий. Быстрое возвращение бабушки из больницы было встречено молчанием невестки и внучки. И только Джим от всего собачьего сердца заливался от радости, прыгал вокруг старушки, норовил лизнуть ее в лицо.

Дома все оставалось без изменения, словно Анна отлучилась на минутку. Вид у мамы был непроницаемо спокойный. Совсем недавно она перестала радоваться приходу дочери, и Анна никак не могла привыкнуть к этому, ей хотелось бы, чтобы мама корила, упрекала, ругала за долгое отсутствие, но этого теперь не было — все страшная болезнь отняла. Больная и время воспринимала, наверное, по-своему: есть ее Аня рядом или нет.

Через полчаса после приема лекарства, когда Анна усадила мать в кресло, чтобы покормить ужином, та неожиданно пришла в беспокойство и что-то пыталась сказать. Пыталась сказать больше глазами, полным неудовольствия взглядом (как ты не понимаешь?), лихорадочными жестами, чем бессвязной речью. Анна по привычке, как уговаривают больного ребенка: «Ну, хотя бы

пол-ложечки», скормила матери привычный ужин. Сама без желания попила чай и готова была идти спать, но, вспомнив, что давно не поливала комнатные цветы, поплелась за водой. В последнюю очередь прошла из зала на балкон, где свисали разноцветным каскадом петуния и суприфиния. Августовским вечером белые, лиловые, розовые граммофончики издавали нежный аромат, но Анна ничего не чувствовала.

В большой квартире было по-прежнему беззвучно и полутемно. Но когда женщина проходила мимо маминой комнаты, что-то остановило ее. Мгновение — и Анна была у кровати привычно лежавшей матери. Глаза ее были открыты — но взгляда, взгляда не было...

— Где же душа? — изумилась Анна.

Дверь на балкон была приоткрыта. Выскочила на балкон.

— Где же душа?

Створки новой пластиковой рамы были плотно закрыты и, казалось, не пропускали даже воздуха. Анна резко распахнула их: в лицо ударила ночная свежесть. От последнего этажа многоквартирного здания совсем близко было до городского неба, мутно-серого, с близоруко щурившимися звездами. Крики и нецензурная брань молодежи, «отдыхавшей» в сквере у дома, обрывки ссоры соседей из открытого окна этажом ниже — все летело в небо, точно в мусорную свалку. Добраться до густой синевы чистого и высокого неба, белокрылых облаков, сияющих звезд было неимоверно трудно.

На часах застыло без пяти двенадцать. Был канун праздника Преображения Спасителя — Яблочный Спас. Иисус Христос, взяв с собой трех учеников, шел к горе Фавор, возвышавшейся над холмами Галилеи...

А собака осталась жива, постепенно вернулась к обычной жизни, и помощь ветврачей ей не понадобилась.

АНТОН ЕВСЕЕНКО

Любви и жизни гимн

* * *

Даль чиста и прохладна,
Солнце светит, не жжет.
Листья дышат на ладан,
Лес оранжево-желт.

Голубой, а не синий
Купол неба высок.
Ярко факел осины
Освещает лесок.

Лишь осенние кроны
Краски вместе сольют,
Лес похож на огромный
Разноцветный салют.

Там в холмах-мавзолеях
Партизаны лежат.
Схоронили в земле их
Много лет уж назад.

Пущи помнят, как люди,
Те суровые дни.
Из беззвучных орудий
Салютуют они.

Вы позвольте мне, липы, быть с вами

Вы позвольте мне, липы, быть с вами.
У меня никого больше нет.
Ко мне тянутся липы ветвями,
Не промолвив ни слова в ответ.

Купола Ваши в выси бездонной,
Ваши корни на той глубине,

Где сомкнулись родные ладони,
К ним давно не притронуться мне.

Что ты замерла, липа живая,
Ко мне нежно прижавшись листвой,
И беззвучно к себе призывая,
Будто я тебе родственник твой.

Своей нежностью ты человечна,
Только речь бессловесна твоя,
Ты молчать будешь мудро и вечно,
К людям нежные чувства тая.

* * *

С обоями бетон
И нет жены-подружки,
Я ем сухой батон
И сплю на раскладушке.

Развод, жилья дележ,
И от любви ни пепла,
Но отделилась ложь
И погасилось пекло...

Песня о сироте

Унесли маму звездные реченьки,
А в приюте мы были ничьи.
И ночами тряслись наши плечики,
И из глаз согревали ручьи.

Повернув на немокрую сторону
Ком подушки движеньем одним —
Далеко мы летали за шторами
На свиданье к мамам родным.

Улыбались нам звездочки дальние
И манили к себе меж гардин.
Так спасибо, тебе, Мироздание,
Что как-будто я был не один.

Я мечтаю...

Я мечтаю: хоть в этом году,
Когда сад расцветет, принесу раскладушку
И поставлю в весеннем саду,
Пусть весны аромат отстоится мне в душу.

И от яблонь цветов лепестки,
Что осыпят мои одеяло и щеки,
Мне покажутся нежным касаньем руки.
Поцелуем твоим — соловья перещелки.

ОЛЕГ ГОРГУН

Мы с тобою встретимся...

То, что было...

На холодном маленьком перроне
иногда увидишь через лет
так пятнадцать друга, что зеленым
полем в школу шли когда-то, свет

над деревней только занимался,
полный книг рюкзак давил плечо...
А потом лет десять он спиваться
где-то неизвестно предпочел.

«Как дела?» — «Нормально. В Солигорске
на шабашке был. А ты как там?» —
«Хорошо. Учусь». — «Домой как, в гости?» —
«Да. А ты?» — «Я тоже к родокам».

И, насунув крышу капюшона,
я смотрю на рельсы и табло.
Ветер скоро снежных туч нагонит.
То, что было, видимо, прошло.

* * *

Глухо зимним вечером в деревне.
Придавило небом, как плитой,
черные безликие деревья
и сугроб под тыном голубой.

Ты вчера смеялся! Я потерян
Был опять под звонкий этот смех...
В тамбуре со скрипом сжались двери.
Синий поезд тронул в белый снег.

И когда-нибудь в такой же вечер
в старенький блокнот черкну о том,
что забыть не смог. Хотя до встречи
мы уже с тобой не доживем.

Также за квадратом белой рамы
тихо будет сыпаться снежок...
За чертой прямой кардиограммы
мы с тобою встретимся, дружок.

ТАТЬЯНА БУДОВИЧ

Запомни меня счастливой

* * *

белые гнезда облаков
небесные птенчики
лето,
запомни меня счастливой
здесь и сейчас

* * *

Взлетают над синим морем
стайки чаек,
словно кто-то из горсти снег
высыпает.
И в соленом просторе
оживает
то, что сердце на самом дне
скрывает.

* * *

Ждать устал телефон
звонка,
прикосновения руки — рука.
А летняя жара — дождя.
Лишь мне
не надоело ждать.
Не в близости, а в приближении
любви счастливые мгновения!

* * *

Посидим с тобой у камина,
одиночество согревая.

Я тебя никогда не покину,
хоть с тобою знакома едва ли.

И мне странно видеть бывает
неба высь в твоем взгляде рассеянном.
...Гроздь стихов никто не срывает
в золоченом саду осеннем.

* * *

ты стал для меня ключом
им я отворила все двери
ни ношею ни плечом
ни сладкой ложью ни верой

назад не ищем пути
нам «счастье» бродяжье по нраву
а ветер все вслед летит
колышет спелые травы

* * *

Эта осень до края моя,
от мерцающих ягод калины
до высот, там, где клин журавлиный
чертит неба живой океан.

Эта осень до края моя,
до последней травинки на поле.
Только здесь и сейчас, а не после
безнадежно счастливая я.

Перевод с белорусского Геннадия Авласенко.

РАГНЕД МАЛАХОВСКИЙ

Медоносных цветов пыльца

* * *

купальским вечером
лучи цветка папоротника
выхватили
фигуру девушки
которая все идет и идет
ко мне

* * *

на дне реки
несметные богатства
ждут своих искателей
пришел на берег рыбак
удочку забросил

* * *

медоносных цветов пыльца
на спинке пушистой
лакомки-шмеля
свое лето

* * *

каждым вздохом
каждым маленьким волнением
каждым мгновением
держится за жизнь
чистый ручей
посреди болота

* * *

старый пирс
на пустынном пляже

под нашими ногами
прогибались тонкие доски
стареют
свидетели
первой любви

* * *

планета теряет
магнитное поле
и мы с высоты
наблюдаем тучу
с морем дождя

* * *

будет холодной зима
возле дровяника
острые щепки
следят
за топором в колоде

* * *

пожар ворвался
в хату
в заброшенной деревне
бесстрашно и безуспешно
глухими выстрелами
выгоняет непрошенного гостя
старый шифер

* * *

ржавеет засов
на калитке во двор
возле дедовой хаты
что-то большее
продано
с этой
землей

Перевод с белорусского Натальи Капы.

ТАТЬЯНА ЛАШУК

Синий птах

Рассказы

Казанская

В 1914 году, собираясь на фронт, молодой новобранец Георгий подарил своей невесте Марии небольшую икону Казанской Божьей Матери. Чтобы молилась нареченная и ждала целого-невредимого с войны. Неизвестно, как далее сложились судьбы молодых людей. Время было суровое и кровавое: шли битвы под Сморгонью, а потом нагрянули революция, эпидемия гриппа и гражданская война. А может, облетела пуля Георгия стороной, вернулся он с войны и обвенчался со своей Машей, а икону молодые в местный храм пожертвовали. Во всяком случае, она была там, когда в начале семидесятых обветшавшую церковь в присутствии кучки недовольных прихожан закрыли, спилили крест, драгоценную утварь конфисковали, а те иконы, которые для победы мировой социалистической революции материальной ценности не представляли, свалили грудой в сарай на растопку печи. Образ Казанской был невелик и провалился в поленице дров, откуда и вытащила его шустрая девочка, другая Маня, и принесла домой. Мать ее была в колхозе передовицей, членом партии, но выбросить икону не поднялась женская рука — спрятала женщина икону на дно комода и забыла про нее.

Тридцать лет прошло. Лик в забытьи почернел и стал почти неразличимым. А потом стали твориться в стране чудеса: торжественно отметили тысячелетие Крещения Руси, попов стали избирать в депутаты, показали по телевизору пасхальную службу, а крашенные яичные скорлупки перестали заворачивать в газетку и выбрасывать тайком. И взрослая Маня повела крестить своих подросших детей-пионеров в отремонтированную на скорую руку церковь, а после — нашла Казанскую и повесила на стену. Вскоре Манин муж уехал в город заниматься коммерцией, преуспел и развелся с Маней. После этих событий завела Маня себе перед сном такую привычку: детей и скотину накормит, управится с хозяйством, а когда все в доме спать полягут, открывает купленный в церкви слепенький мягкий молитвослов и начинает читать пред Казанской торжественные и прекрасные в своей старинной непонятности слова:

— Избранней от всех родов Заступнице рода христианского... — читает она быстрой жаркой скороговоркой. Скупо горит лампочка, в натопленной хате тепло и тихо, только точит старые деревянные стены жучок да из кухни может порой раздаться упругий скок — это кот лакомится тараканами.

— Не могу я больше, — обязательно собьется с велеречивости Маня и начнет свою сердечную речь. — Я же не виновата, Мать Пресвятая Богородица! Ушел и детей бросил, как чужих... Сколько я за ним ходила, кормила-стирала-обшивала, а он... а-а-а...

Варька и Мишка, когда в первый раз подслушали мать, сначала напугались.

— Слышь, а мамка, наверно, того... — шепнул в Варькино ухо брат и даже крутанул пальцем у виска.

— Тише, — одернула его старшая Варька. — Батюшка сам в церкви сказал, что молиться надо... А ты уши тут не развешивай... Спи давай!

А между тем Варька и сама, когда в хате никого нет, улучала случай и подходила к иконе:

— Богородица, сделай так, чтобы Митька на меня обратил внимание! Ну, пожалуйста, ну что тебе стоит!.. Я себя вести хорошо буду и свечку тебе поставлю... Ты ж добрая!

Дни проходили одинаково, а все молодое росло и крепло, а старое также незаметно ветшало. И потому домочадцы нескоро заметили, как медленно меняется икона: сползала к краям чернота и прояснялись два Святых Лика — Дева и Младенец. Только как-то на Пасху, перед самым праздником, Варька удивилась и спросила у матери:

— Мам, это ты икону так протерла?

— Нет, — отозвалась та из кухни, где пеклись в печке настоящие пышные куличи. — Ах да, если надо, сама возьми тряпку и протри!..

А еще через пять быстрых незаметных лет, когда Варьку выдавали замуж за Митьку, то благословляли молодых этой самой иконой, и можно уже было на ней прочесть надпись: «Образъ Богородицы Казанскія»...

Синий птах

Петька с радостной и чистой душой чавкал по жидкому февральскому снегу в школу. Радость сидела за спиной в тяжелом портфеле, спрятанная в картонную клетку упаковки из-под чая. У радости было синее пластилиновое тело, желтые спичечные ноги и глаза-бусинки.

...Вчера Петька наскоро нацарапал математику в тетрадь, а остальные учебники просто свалил в портфель, предусмотрительно достав оттуда дневник. Все равно мать ушла на вечернюю смену и проверять уроки не будет. Петька поужинал надоевшими макаронами и включил телик: показывали интересный боевик. Но тут Петьку осенило воспоминание: Марина Сергеевна сказала назавтра вылепить зимующую птицу. Классную Петька любил, потому что она была молодая и красивая, с черными блестящими волосами. Сходство с Белоснежкой добавляло и наличие двадцати семи не всегда послушных и отнюдь не поголовно добрых гномов, которыми Марина Сергеевна с переменным успехом руководила.

Петька вернулся к столу и достал коробку с пластилином. Снял крышку и разочарованно дернул ртом: там лежали только два нетронутых брусочка зеленого и синего цвета. Петька задумался: получалось слепить разве что попугая. Попугай, конечно, тоже зимующая птица — сидит себе в тепле и в доме, — но вроде бы не та, какая надо.

Петька раскрыл учебник и нашел рисунок снегиря, воробья и вороны. Затем решительно взял синий кусок, пожмякал его в руках, хорошенько согрел и начал ваять воробья.

Результатом он остался очень доволен: получился как живой, хотя и синий. Петька выковырял из крышки маминой пудреницы два черных камушка и вставил птенцу глаза.

...В школу он входил Петькой, а вошел — и сразу стал Карасем. Потому что как может рассчитывать на имя собственное четвероклассник с фамилией Карасев?

Первым уроком как раз и было природоведение. Марина Сергеевна немножко пощебетала у доски про птиц и про кормушки и предложила показать домашнее задание. Отличница Ленка, соседка Карася по парте, гордо достала толстобрюхого снегиря и первая осторожно, пробно хохотнула, увидев творение Карасевых рук. Дальше хохоток пошел по рядам, все усиливаясь и, наконец, добрался до последней парты, где восседал долговязый Мишка Воробьев. Лишенные невинности незнания, дети быстро и вслух прокомментировали Мишке:

— Слышь, Воробей, а ты — голубой!

— Тебя Карась гомиком сделал!

— Чеееевоо? — вытянул шею Мишка и убедился в достоверной синеве воробья.

— Мальчики, успокойтесь! — тщетно взывала Марина Сергеевна. — Я сказала, тише!

— Ну ты вообще! — протянул Мишка. — Я с тобой поговорю, козел!..

Красный до слез Карась сидел, закрыв птенца руками. Мир казался маревом жгучего стыда. Подошла Марина Сергеевна и куда-то унесла воробья, потом прозвенел звонок идти в столовую. На обратном пути Воробьев выждал Карася в коридоре и втолкнул в туалет. Стайка первоклашек с испуганным любопытством метнулась к стене, предвкушая крутые мужские разборки.

— Ты чего, совсем охренел?

— Я...

Воробьев ударил его кулаком в нос — полоснула жуткая боль и — кап-кап-кап — на полу расцвели алые пятна.

Карась глотнул воздуха и истошно закричал. Дальний потомок семинариста с птичьей фамилией от души двинул его ногой под зад и выскочил из туалета, но нарвался как раз на подбегавшую классную. Карася доставили в медпункт, а Марину Сергеевну вызвала на ковер завуч и долго на нее кричала, потому что учитель не умела справляться со сложной педагогической ситуацией.

— И опять, Марина Сергеевна, опять из-за вас будут жалобы родителей. А что скажут в отделе образования вы вообще подумали или как?!

Марина Сергеевна была молодая и красивая, и на днях завуч сама видела ее под руку с молодым человеком, что очень раздражает после сорока пяти.

...Наконец страшный день закончился и наступила ночь. В старом доме в спальном районе горело незанавешенное окно кухни на втором этаже. Здесь Петькина мать, отоспавшаяся за день вахтерша, бодро мыла пол и громко шваркала мокрой тряпкой. А Петька спал на ветхом продавленном диване. Во сне он был в лесу, стал птицей и легко-легко перелетал с ветки на ветку. А на самой вершине сосны сидела черноволосая Марина Сергеевна в золотом сказочном платье и так хорошо, весело смеялась. В это время настоящая полуголая Марина Сергеевна бессонно лежала в постели, завернувшись в одеяло. Рядом спало, отвернувшись лицом к стене, крупное мужское тело. А Марина смотрела во тьму и тоскливо думала, что ей уже двадцать шесть, а она все еще полужена, и что давно пора решиться поменять и эту опостылевшую работу, и этого эгоиста.

...Луна вынырнула из облаков и осветила школьные окна. Лунный прожектор пробрался в класс и ярко осветил шкафную полку и синего пластилинового воробья. Птица вдруг встрепенулась, повернула голову и легко подлетела к окну. Треснуло от удара клювом стекло и осыпалось ледяными треугольниками на подоконник. Воробей свободно вылетел в окно и полетел, все выше поднимаясь над школой.

Синяя Птица Счастья искала своего хозяина.

Одно стихотворение

НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЕВА

А старуха без старика

А старуха без старика
Повяжет белый платок, —
И застарелая тоска
Ударит больно в висок...

А старуха без старика
Выйдет на двор налегке.
Ей запах его табака
Почудится в чьем-то дымке...

А старуха без старика
Поднимет его колун;
И как ни слаба рука —
Щепок летит табун...

А старуха без старика
Достанет его портрет:
— Ну, вот я жива пока,
А тебя уже нет...

И затуманится взгляд,
И всхлипнет она у окна:
— Две свечки долго горят,
И быстро гаснет одна...

БОРИС КРИВЕЛЕВИЧ

Быль

Бывают беспомощные горы...
Улыбка. Шутка. Ясный взгляд.
К вершине уходил,
с которой
он не пришел уже назад.

Мы много дней его искали...
Сухие слезы сердце жгли.
Мы наспех ели. Мало спали.
Но, — так бывает, — не нашли.

Мы не нашли его.
Но надо
спускаться вниз. Пора. Должны.
Мы прятали глаза
от взгляда
к нему приехавшей жены.

В ее глазах тоска кричала,
тускнела боль...
Ну что сказать?
Как объяснить?..
Она молчала.
...Мы снова шли его искать.

СТАНИСЛАВ ЛУКАШЕВИЧ

Боль Афгана

Болит душа и кровоточат раны
У матерей, вдов, жен и их детей.
Им ночью снятся «черные тюльпаны»,
Их будит стук упавших костылей.

И слезы вновь и мокрая подушка.
В который раз тот образ шлет им Бог.
Афганский мальчик и в зубах игрушка...
Война его лишила рук и ног.

Афганка-мать, смахнув слезу украдкой,
Взывает к матерям планеты всей,
Чтоб поклялись над детскою кроваткой
Не отдавать такой войне детей.

ВАЛЕНТИНА ТРУШКЕВИЧ

Мода

Она сама не помнит,
Который век живет.
То в нежном шелке тонет,
То от корсетов стонет,
То плачет, то поет.
То макси, миди, мини,
Сандалии, каблук.
То узкие бикини,
То кимоно, то клинья,
То балахоны вдруг.
То стрижки, то кудряшки,
То снова парики,
То пояса, то бляшки,
То джинсы, то тельняшки,
То кнопки, то замки.
То яркий цвет, то бледный,
То синь, то голубой,
То темный тон, то светлый,
То мягкий, незаметный,
То пестрый, то рябой.
То черное на белом.
И вновь ее каприз:
То с пышным сочным телом
И в декольте столь смелом...
То стройный кипарис.
То шпильки, то танкетки,
То шкурки соболей,
То шляпки, то «таблетки»,
То шальки, то горжетки —
Кумиры у людей.
Так создано природой,
Что моды звонкий крик
Звучит для всех народов
Заманчиво и строго
С тех пор, как мир возник.

АНАТОЛИЙ БЕСПЕРСТЫХ

Золотой петушок

Серебрятся ели на рассвете,
В синей дымке тихая река,
Поклониться ссыльному поэту
Я пришел сюда издалека.

Даже травы шепчутся стихами,
Свежей негой дышат облака,
И — не за горами, за долами —
Золотого слышу петушка.

Он взмахнул огнистыми крылами,
«Ку-ка-ре-ку!» — раздалось с плетня.
Вышел Пушкин на крыльцо и няне:
— Во дает! Как в сказке у меня!

АЛЛА ЛОПОШИЧ

Аллилуя женщинам

Моей дочери Марине Устименко

Несомненно, что женщина — тайна,
Кладезь света, любви, доброты.
Вдохновение чувств не случайно
Перед сутью ее красоты:
Ослепительна, словно Жар-птица,
Красно-солнце над грешной Землей,
Каждодневная зорька-денница
И криница с живою водой.
Но порою за женщин досадно:
Что не ценят их горний удел...
Пусть
убогим воздастся стократно,
Кто на собственном «Я» заржавел.
Ну, а я воспевать женщин буду.
Пела песни о них и пою,
Прославляя Вселенское чудо,
Как и женскую долю твою...

ЛЕОНИД СВЕТИК

* * *

Я фараон,
я грозный Сесострис.
Весь мир
передо мной
укрыт молчаньем.
И только писки
вездесущих крыс
Мне служат о земном напоминаньем.
Четыре грани
мой хранят чертог,
А там за ними,
света обелиски.
Чуть слышно сфинкс
у ног моих прилег.
Пусть отдохнет,
Ведь в вечность
путь не близкий.

ВИКТОР СОЛОНЕЦ

* * *

Я родился — отмеченный маем,
Через год после тяжкой войны.
Моя мама была молодая,
Но седая от прошлой беды.

Солнце пашню теплом обнимало,
И к расцвету готовился сад.
Все село в хату к нам набежало,
Чтоб решить, как младенца назвать.

Побелили, как к празднику, хату —
Был я первым младенцем в селе.
И встречали меня, как солдата,
Победившего в смертной войне.

НАТАЛЬЯ ГРИКО

* * *

Когда я была дождем
И землю собой орошала,
Когда я была огнем
И молнии стрелы метала,
Когда я была грозой
И небо собой оглашала,
Когда я была звездой
И путь в ночи освещала,
Когда я была зарей
И вместе с солнцем вставала.
Когда я была Луной —
Влюбленным в пути помогала,
Тогда я была с тобой!

ТАТЬЯНА ЯРОШЕВИЧ

На ладонях браславского лета

Сознанье твое — озерное,
мысли — восторженно-чистые.
Любуюсь с горы костелом,
к небу взмывающим птицей.

Ресницы твои — сосновые,
взмахами верные ветру.
Состояние невесомости
на ладонях браславского лета.

День убаюкал солнечные блики,
и лунным светом наполняется река.
Насыщенная, цвета ежевики,
ступает ночь, листая облака.

Читает их, внимая звездным буквам,
прописанным движением часов,
а ветра пышные изысканные букли
свисают над подушкой гроздью снов.

ИННА ЯЖЕВИЧ

* * *

Ночь. Тишина. И свет небес.
Я в этот час открыла душу.
Исчезла боль. Покой исчез.
А то, что есть — сама разрушу.
Хочу быть чистой от всего,
И для стихов родиться снова,
И стать Вселенной одного
Простого, искреннего слова.

ЕВСЕЙ ЛОПУХИН

* * *

Уезжают куда-то соседи,
Говорят: «Не живется нам тут:
Неказист отчий край, очень беден,
Мы получше поищем приют.
Уголков в мире много прелестных».
…Но зачем мне чужая страна,
Если родина славится песней,
Если мужеством дышит она?
Полита если родина кровью
И омыта горючей слезой,
Если стала моею любовью
И судьбу разделила со мной?

БАРБАРА ПИМ

Лекарство от любви[*]

15

Далси предложила Виоле посетить церковь Невила Форбса в четвертое воскресенье поста. Утро выдалось прекрасным и по-весеннему теплым. Они вышли из автобуса и направились прямиком к церкви.

— Пожалуй, мне стоит навестить тетю Гермиону и дядю Бертрама после службы, — задумчиво обронила Далси. — Сегодня же принято посещать родственников и делать им маленькие подарки. Наверняка они меня ждут. О, взгляните на объявление! Оказывается, здесь сегодня торжественная вечерня с благодарением.

— Ничего особенного! — тоном превосходства пояснила ей Виола. — У англокатоликов это обычная практика во время поста.

— Тогда, наверное, вам стоило бы надеть шляпку. Или они в наши дни не обращают внимания на такие мелочи, как непокрытая голова?

— Не знаю. Но я не ношу шляпы в принципе. А на такой случай у меня всегда есть с собой небольшая кружевная мантилья черного цвета. Она мне очень к лицу.

— Ну, это уж не столь и важно в подобных обстоятельствах, — резонно возразила подруге Далси, почти обидевшись за свою уже изрядно поблекшую от времени шляпку из голубого фетра. Остается лишь надеяться, что Виола в процессе службы не станет обряжаться в кружевную мантилью, привлекая к себе тем самым ненужное внимание со стороны прихожан. В конце концов, случайные люди в церкви должны вести себя очень ненавязчиво и не мешать верующим. Ведь у них цель — наблюдать за происходящим, а не превращаться в объект для постороннего наблюдения.

Они вошли в храм, взяли с полки у дверей Псалтырь и сборник церковных гимнов и уселись на одном из последних рядов. Людей в церкви было совсем немного, в основном, пожилые дамы. Впрочем, боковым зрением Далси отметила небольшую группу молодежи, устроившуюся возле самого прохода.

Заиграл орга́н, и женщины одновременно уставились на алтарь. Сейчас из церковных глубин должен показаться красавец священник, похожий как две капли воды на своего младшего брата Элвина Форбса. К их великому разочарованию, первыми появились хористы, с десяток мужчин и женщин, последние — в строгих платьях пурпурно-алого цвета. А следом за ними немного шаркающей походкой вышел и сам священник, высокий лысый человек в круглых металлических очках с толстыми линзами. Он был очень невзрачен: никакого сходства с красавцем Форбсом или с тем вальяжным священником, которого они встре-

---

[*] Окончание. Начало в № 2, 3, 2013 г.

тили на выставке. К тому же, он был значительно старше своего брата. «Много-много старше», — разочарованно констатировала Далси. Можно только удивляться тому, что у этого замухрышки возникли какие-то там проблемы сердечного свойства.

— Это не он! — убежденным тоном сказала Виола, когда священник начал гнусавым голосом читать службу.

— А кто же еще? — возразила ей Далси. — Он ведь старше своего брата, так что все верно.

Служба шла своим чередом, и, наконец, наступило время проповеди. Тема ее — «Кто без греха, тот пусть бросит первый камень» — показалась Далси, как нельзя лучше, подобающей случаю. «Интересно, как ему удастся развить эту тему», — подумала она. Ведь большинство слушателей Невила — обычные люди, и у каждого из них за душой есть свои грехи. Однако уже первые слова проповеди заставили ее насторожиться.

— К нашему огромному сожалению, — прогнусавил он первую фразу, — один из наших дорогих братьев сегодня не с нами. Его нет среди нас, и это большая печаль для всех нас.

И вот уже целая россыпь слов «крайне сложные и непредвиденные обстоятельства», «терпение и всепрощение», «упование на милость божью» вдруг сложились в единую картину.

«А ведь Виола права! — мысленно восхитилась Далси прозорливости своей подруги. — Это не Невил Форбс! Это кто-то другой, тот, кто хорошо осведомлен о «крайне сложных и непредвиденных обстоятельствах», случившихся в жизни старшего брата Элвина. Что же у того стряслось?» Насколько она помнит последние номера «Дейли миррор» (любимое чтиво ее служанки мисс Лорд) никаких сенсационных заголовков на первой полосе типа «Тайная жизнь исчезнувшего священника» она там не видела.

Далси с трудом дождалась окончания проповеди, чтобы поделиться с Виолой своими соображениями по поводу всего увиденного. Но едва она открыла рот, как услышала у себя за спиной.

— Добрый вечер! По-моему, вы у нас впервые на службе. Прошу вас на чашечку чая. Мы всегда устраиваем небольшие чаепития после окончания вечерней воскресной службы. Даже в пост.

Далси повернулась и узнала в женщине, облаченной в пурпурное платье хористки, экономку мистера Форбса-старшего. В руках у женщины была начатая бутылка молока и пакет с кусковым сахаром.

— С удовольствием! — немедленно согласилась Далси, опередив возможные возражения Виолы.

— Тогда прошу следовать за мной в холл!

Женщина повела их по проходу мимо орга́на к уже знакомой двери, притаившейся в боковой стенке.

«Итак, сейчас мы попадем за кулисы, — размышляла Далси, вдыхая тяжелый, напоенный ладаном воздух. — И моментально совершим переход от небесного к земному». Впрочем, глядя на служек, которые деловито прибирали алтарь и собирали свечи по всему храму, можно было сделать вывод, что для них этот переход уже свершился. Один из них небрежным движением сбросил с себя рясу, и Далси увидела под ней обычный кожаный пиджак. А у другого из-под рясы выглядывали вполне современные джинсы.

— У нас холл находится здесь, — проговорила женщина, открывая ту самую дверь, которая вызвала такое любопытство у Далси в ее прошлое посещение храма. — Очень удобно, знаете ли!

— А что это там за шум? По-моему, у вас уже танцуют! — воскликнула Виола, прислушиваясь к громыханию музыки, доносящейся из холла.

— Да, это наша молодежь устроила себе небольшую танцевальную вечеринку. Как всегда, по воскресеньям. Конечно, шума от их музыки много, но мы уже привыкли.

В просторном помещении с десяток молодых людей с упоением отплясывали под ультрасовременные ритмы.

«Да, здесь особенно не поговоришь», — подумала Далси.

— А ваш священник выступил сегодня с очень хорошей проповедью, — сделала она первую попытку перекричать жуткую какофонию звуков.

— Да это же вовсе не наш викарий! — прокричала ей в ответ экономка. — Он просто временно исполняет обязанности отца Форбса, только на время поста. А вот и ваш чай!

Перед ними возникла молоденькая девушка с подносом, на котором стояли чашки с чаем.

— Спасибо, Ширли! — Экономка взяла чашки и передала их Виоле и Далси. — Вам с сахаром?

— А что, отец Форбс заболел? — испугалась Далси того, что сейчас разговор примет общий характер и она так и не успеет узнать все, что ей хочется.

— Не то, чтобы заболел, — неохотно выдавила из себя женщина. — Просто, вся эта история с мисс Спайсер серьезно выбила его из колеи. Вы же знаете, такое случается сплошь и рядом. Прихожанка влюбляется в своего священника. Тем более, в такого красавца, как наш! — с гордостью в голосе добавила экономка. — Но он ведь дал обет безбрачия. Целибат! А тут она со своей любовью! Очень неловкая ситуация получилась!

— Но откуда вы знаете, что она его любит? — не выдержала Виола.

В танцах наступил короткий перерыв, меняли пластинку, а потому экономка перешла на обычный голос.

— Да она сама об этом трубила на каждом шагу. И ему призналась в любви! Я собственными ушами слышала весь их разговор. Отец Форбс пытался урезонить бедняжку, наставить на путь истинный, но где там! У него с ней было столько проблем!

Странно! Точно так же выразился и Элвин, когда говорил о своем брате. Дескать, у них с матерью столько проблем с ним.

— А где он сейчас? — упорствовала в своем любопытстве Далси.

— Уехал к матери. У нее на западном побережье отель для отдыхающих. По-моему, это Тейвискомб — небольшой курортный городок. В любом случае, ее отель «Орлиное гнездо», насколько мне известно, приносит постоянный и устойчивый доход. Золотая жила, одним словом!

— А мисс Спайсер? Она поехала вместе с ним?

— О нет! Что вы! Разве она может бросить свою мать одну? Почтенной миссис Спайсер уже далеко за восемьдесят. К тому же, в последнее время она постоянно падает. Ее никак нельзя оставлять без присмотра. Конечно, отец Форбс выбрал совершенно неподходящее время для своей отлучки. Пасха ведь на носу. Сейчас в церкви полно работы. А все эти приходящие священники! — женщина понизила голос до шепота. — Проку от них, знаете ли, совсем немного! Но, наверное, так надо было. Скорее всего, это наш епископ порекомендовал отцу Форбсу пойти на такой крайний шаг. Хоть бы он вернулся уже к самой Пасхе! — женщина издала тяжелый вздох. — Приходите к нам на Пасху! Уверена, вам понравится, как ведет службу отец Форбс.

— Не сомневаюсь! — вежливо согласилась с ней Далси.

Когда они с Виолой вышли на улицу, было уже совсем темно.

— Думаю, вам стоит перенести свой визит к родственникам на другой день, — проронила Виола в своей обычной меланхоличной манере.

— Пожалуй, вы правы! Слишком много информации обрушилось сегодня на мою голову. Давайте зайдем куда-нибудь по пути и поужинаем.

А заодно и обмозгуем, что нам делать с этим небольшим курортным отелем на западном побережье.

— Как, что? — насмешливо парировала ей Виола. — По-моему, самое время отправляться в Тейвискомб, где находится этот самый отель «Орлиное гнездо», чтобы увидеть все собственными глазами. Составить полную картину происходящего, так сказать, непосредственно на месте.

— А это мысль! — обрадовалась неожиданной подсказке Далси. — В самом деле, что мешает нам провести предстоящие пасхальные каникулы на морском побережье, а? Завтра же напишу туда письмо с просьбой сообщить мне о своих расценках. Как вы думаете, Виола, у них ведь имеются в гостинице рекламные проспекты с прейскурантом?

— Тише, Далси! Успокойтесь! — попыталась остудить ее пыл подруга. — Неудобно же! На нас уже люди начинают обращать внимание.

16

Между тем жизнь в отеле «Орлиное гнездо», единоличной владелицей коего являлась мать братьев Форбсов, шла своим размеренным и устоявшимся годами чередом. Здесь уже начались приготовления к приему первых постояльцев нового курортного сезона. Так, накануне Вербного воскресенья в гостинице затеяли генеральную уборку. Кардинальной чистке и проветриванию подверглось буквально все, включая чучело орла, украшающего гостиничный холл. Своеобразный символ и зримое напоминание о том, в честь кого назван сей приют любителей уединенного отдыха на взморье.

Однако в этом году дела как-то с самого начала пошли наперекосяк. Во-первых, только в средине поста миссис Форбс обнаружила, что в столовой до сих пор лежат на столах скатерти, которые были постелены еще летом. Вполне возможно, такое недоразумение со стороны прислуги случилось потому, что в прошлом сезоне они у себя в отеле впервые опробовали веселенькие скатерти из пластика, которые не нужно было стирать каждый день. И все же, и все же... Эта досадная мелочь явилась первой в нескончаемой череде плохих знамений, надолго лишивших миссис Форбс спокойствия и сна. Ибо вторым таким знамением стал сам орел, вернее, его чучело. Царственной птице надоело терпеть все те издевательства, которым он подвергался со стороны горничных, чистивших его перья. До поры до времени он стоически сносил их над собой, но в этот раз не выдержал, изловчился и серьезно поранил когтем руку служанки, мывшей его оперение.

Наконец, третьим, поистине завершающим аккордом стало неожиданное появление в отеле старшего сына миссис Форбс — Невила. Он явился без всякого предупреждения, поздно вечером, с небольшим саквояжем в руке и в своем неизменном черном облачении католического священника. Конечно, миссис Форбс предпочла бы увидеть на его месте Элвина. И не столько потому, что тот был ее любимцем. Просто, от младшего сына было бы больше проку. Подумайте сами, какой толк может быть от человека в сутане на кухне, в столовой или за стойкой регистрации? К тому же, люди, особенно отдыхающие, без особого восторга воспринимают фигуру священника, праздно шатающегося среди сугубо цивильной публики.

А потому миссис Форбс не стала бы возражать и, даже напротив, была бы очень рада, если бы Невил вымелся из отеля еще до начала пасхальных каникул. Иначе он и в самом деле может нанести серьезный урон семейному бизнесу. Да и вообще! У миссис Форбс в голове не укладывалось, как можно бросить приход, пусть и не самый оживленный в Лондоне, и уехать за три девять земель от своей паствы в самый разгар поста. Объяснить же

причину своего неожиданного появления у матери сын поначалу категорически отказывался. Впрочем, миссис Форбс уже давно не нуждалась ни в каких объяснениях. Все, как всегда, мгновенно решила она, квалифицировав причину известным выражением «проблемы с женщинами». Ибо такое с ее старшим сыном происходило регулярно. Все начиналось, как невинная дружба священника и прихожанки, а потом неожиданно для себя и всех окружающих несчастная влюблялась в прелата, загоняла Невила в угол, и начинались те самые «проблемы с женщинами», справиться с которыми у него самого не было уже ни сил, ни возможностей. Да, этот обет безбрачия, он так некстати ее старшему сыну. «В конце концов, ему следует определиться и выбрать одно из двух: либо жениться, либо уйти в монастырь», — размышляла миссис Форбс, явно раздосадованная поведением своего старшенького. Впрочем, женись он на очередной прихожанке, влюбившейся в своего священника, и где гарантия, что это не случится снова? Разве что его избранницей окажется сильная женщина, способная постоять и за себя, и за неприкосновенность своего семейного очага.

Вот Элвину, тому не повезло с женой, это правда. Женился на какой-то серой мышке. К тому же, совершенно бесхарактерная особа. И вообще! Конечно, Марджори — славная девочка, но ее сыну она уж точно не пара. Элвину с его положением нужна совсем другая женщина. А пока же и у младшего сына на семейном фронте — увы! — одни неприятности.

Миссис Форбс, занимавшаяся у себя в кабинете разбором утренней почты, с тяжелым вздохом отложила в сторону письмо от Грейс Виллитон. Глядя на эту костлявую, немного нескладную женщину с длинным носом и маленькими пронзительными глазками, трудно было поверить в то, что это именно она родила двух красавцев сыновей, которые, слава богу, ничего не позаимствовали по части внешности у родной матери. Гортензия Форбс уже заранее знала содержание письма миссис Виллитон (они со сватьей так и не перешли на «ты» и на обращение по имени). Наверняка сообщит пару-тройку гадостей про сына, а потом попросится к ней на постой. Так и есть!

«В мою последнюю встречу с Элвином у него дома я лишний раз убедилась в том, что превыше всего на свете ваш сын ставит собственные удовольствия, потакая всем своим желаниям. Так, он сам рассказал мне, что пасхальные каникулы намеревается провести в Италии и уже забронировал себе номер где-то в Тоскане. Что ж, я думаю, Марджори тоже заслужила несколько дней отдыха у моря. А потому, если вы не возражаете, то мы приедем в Тейвискомб во вторник или среду, сразу же после Пасхи. Надеюсь, в это время у вас еще найдутся свободные комнаты для нас двоих. Нам есть о чем поговорить...»

Миссис Форбс взяла со стола следующее письмо.

«Мадам! Буду весьма признательна, получить от Вас прейскурант с расценками на услуги в Вашем отеле. Прилагаю чистый конверт с маркой для ответного письма. Заранее благодарю Вас. Далси Манаринг».

Миссис Форбс разгребла ворох бумаг на своем столе и откуда-то снизу извлекла небольшой проспект с цветными фотоснимками отеля и просимым прейскурантом. Впрочем, цены уже давно успели устареть, ну, да бог с ними. Нового проспекта все равно нет. Она вложила глянцевый листок в чистый конверт, заклеила его и только потом заметила, что неизвестная просительница по имени Далси Манаринг наклеила на конверт марку достоинством целых три пенни.

— Надо же! Какое расточительство! — пробормотала она недовольным голосом. — Проспекты и прочая печатная продукция рассылаются по почте всего лишь за два пенса. Но ничего! Сейчас мы это быстро исправим!

Миссис Форбс взяла промокашку, смочила ее теплой водой из чайника и, прижав к марке, держала ее до тех пор, пока та не отклеилась. После чего приклеила на конверт марку нужного достоинства, а эту спрятала в один из ящиков письменного стола.

Покончив с делом, миссис Форбс снова вернулась к письму от миссис Виллитон. «Хорошо, что они собрались нагрянуть к ней уже после Пасхи», — подумала она. Хотя, если честно, никаких проблем с гостями не возникло бы, надумай они приехать в Тейвискомб и на саму Пасху. Нельзя сказать, что в эту пору года от постояльцев в отеле не было отбоя. Да и в разгар летних отпусков приезжие отнюдь не брали штурмом стойку регистрации в гостиничном фойе. Несмотря на все красоты, о которых так красочно живописал туристический проспект, отель был расположен все же не очень удобно, естественно, с точки зрения отдыхающих. А именно, он находился на довольно значительном удалении от моря. А потому фразу из проспекта «Рядом море и магазины» следовало бы сократить, оставив только про магазины.

Местонахождение «Орлиного гнезда» в глубине побережья создавало определенные неудобства для отдыхающих, которые не могли позволить себе роскошь выходить на пляж в купальном костюме прямо из номера и в таком же виде возвращаться обратно. А потому пустующих комнат в гостинице было предостаточно в любое время года, что отнюдь не поколебало решимости миссис Форбс поселить родственниц сына в одном из номеров, выходящих окнами не к морю, а во двор. Эти комнаты дешевле, а никто не собирается драть с них три шкуры. Разумеется, они вообще могут пожить у нее бесплатно, так сказать, на правах близкой родни. Но, зная принципиальный характер миссис Виллитон, можно было уже заранее предвидеть: никаких одолжений такого плана она не потерпит. «Нет, нет! — воскликнет она с негодованием. — Об этом не может быть и речи! Мы с Марджори вполне кредитоспособны. И потом, это же ваш доход, миссис Форбс. Ваш, если хотите, источник существования».

— Привет, мамуля! — в двери появился Невил. Это детское обращение прозвучало немного странно в устах священника, облаченного в сутану, но Гортензия Форбс, судя по всему, даже не обратила внимания. — Чем занимаешься?

— Да вот ломаю себе голову над тем, в какие комнаты поселить Марджори и ее мать.

— Ну, по-моему, как раз-то с этим проблем нет. У тебя полно свободных комнат. Выбор более чем обширен.

Невил издал короткий смешок.

— Выбор есть, это правда! — не поддержала шутливый тон сына миссис Форбс. — Скажи на милость, почему ты слоняешься по отелю в этом странном одеянии? — неожиданно добавила она с плохо скрываемым раздражением.

— Мама, я священник. Надеюсь, ты не забыла об этом! «Странное одеяние», как ты изволила выразиться, — это моя униформа. Между прочим, в Лондоне так ходят все священники.

— Так то в Лондоне! А здесь ты у всех на виду. И выглядишь в этом балдахине, словно старый монах. Впрочем, какая-то польза от него все же есть. Во всяком случае, не так быстро снашивается цивильное платье. Невил! — резко перевела она разговор на другое. — Я думаю, тебе надо побеседовать с Элвином. У них там что-то разладилось с Марджори. А она, при всем том, очень милая девочка.

— Я с самого начала знал, что именно так все и закончится. Эта женщина ему совершенно не подходит. Элвин влюбился в хорошенькую

мордашку и потерял голову, как мальчишка. Не подумал о том, что в браке главное — это общность духовных интересов.

— Но ведь и твои прихожанки влюбляются в твою хорошенькую мордашку, ни мало не заботясь об общности духовных интересов. Разве не так? — рассмеялась миссис Форбс в ответ.

Невил вспыхнул до кончиков волос. Конечно, он прекрасно знал, что чертовски хорош собой. Но хорошенькая мордашка — это все же слишком! Он украдкой глянул на себя в зеркало. Красивое лицо с правильными чертами, очень похож на Элвина, но у того гораздо более озабоченный вид. Да и волосы у него светлее, чем у младшего брата. Вон как распушились на висках, словно локоны, обрамляющие головки ангелов на картинах итальянских мастеров эпохи Возрождения.

— Если ты имеешь в виду мисс Спайсер, мама, то она полюбила меня отнюдь не за мою внешность!

— О, да! Так я тебе и поверила! По весне, знаешь ли, все женщины одинаковы. Теряют разум, словно... самые обычные кошки!

Вполне возможно, на кончике языка миссис Форбс вертелось и более крепкое выражение, но строгое облачение сына заставило ее сдержаться.

Неожиданно она притянула его к себе и обняла.

— Ты так похож на своего отца! — проговорила она с нежностью. — И ты, и твой брат, вы оба! И проблемы у вас одинаковые. Все никак не можете разобраться со своими женщинами, господи прости!

— Мама, ты преувеличиваешь!

— Ни капельки! В остальном же, вами можно только гордиться. Подумать только! Один — профессор, второй — священник. Какая мать не гордилась бы?

— Ну, во-первых, Элвин — не профессор, — педантично уточнил Невил.

— Хорошо-хорошо! Доктор философии или как это там у вас называется! Но все равно, в один прекрасный день он станет профессором, уверена в этом. А ты будешь епископом.

— Вот это уж точно весьма маловероятно!

— Взгляни, дорогой, как там мой кофе. Я люблю, когда он хорошо перекипит. Тогда у него и вкус покрепче.

— Мама, что за причуды! Перекипевший кофе — это такая гадость!

— А я всегда кипячу его для своих постояльцев. От этого у него цвет темнее. Приходится думать и о таких мелочах, когда работаешь с людьми, дорогой. Кстати, какие у тебя планы? Собираешься встретить Пасху вместе с нами?

— Да. Епископ любезно разрешил мне взять кратковременный отпуск для восстановления сил. Я объяснил ему, что нахожусь на грани нервного и умственного истощения.

— Даже так? Но с таким диагнозом, дорогой, тебе самое место в клинике для душевнобольных, а не на морском побережье, да еще в канун открытия курортного сезона. Кстати, ты рассказал епископу о своих шашнях с мисс Спайсер?

— Мама! Что за выражения! Естественно, о мисс Спайсер у нас с ним речи не было. А что, если мне жениться на ней? — неожиданно добавил он вполголоса, словно рассуждая сам с собою вслух.

— Жениться на ней? — эхом повторила конец фразы миссис Форбс.

— Ну да! Из нее, между прочим, получилась бы очень хорошая жена.

— А я была уверена, что ты в свое время давал обет безбрачия или как это там у вас называется.

— Все верно! Но в жизни любого священника бывают ситуации, когда приходится поступаться какими-то принципами... ради счастья ближнего.

— Не знаю, что тебе и сказать, сынок. Честное слово, не знаю. Так мой кофе закипел? Он уже, наверное, весь выкипел! Кстати, если пойдешь на прогулку, брось это письмо в почтовый ящик. Какая-то дама из Лондона попросила послать ей прейскурант на услуги в нашем отеле.

Невил машинально взглянул на имя адресата. Некая мисс Далси Манаринг. Красивый почерк. И конверт с маркой наверняка прислала. Мать-то уж точно не стала бы тратиться на то, чтобы отослать ей свой прейскурант.

17

Когда наступила пора действовать, то есть когда нужно было уже бронировать номера в гостинице, Далси вдруг охватила странная нерешительность. Более того, ей даже категорически расхотелось останавливаться именно в «Орлином гнезде». Предусмотрительно связавшись заранее с городским бюро по туризму, она на сей момент располагала обширной информацией о том, как обстоят дела в сфере гостиничного бизнеса в далеком Тейвискомбе. Ибо на руках у Далси имелся полный перечень всех отелей и пансионатов, расположенных в этом курортном городке.

— Пожалуй, вначале нам все же стоит выбрать что-нибудь другое, — поделилась она своими соображениями с Виолой. — Оглядимся, посмотрим на родовое гнездо Форбсов, так сказать, со стороны и на месте решим, что делать дальше. К тому же, у нас нет никаких стопроцентных гарантий, что Элвин в Италии. А вдруг он тоже гостит у матери? И тогда получится очень неловко. Вот если бы он прислал нам хоть одну открытку из Тосканы, то можно было бы и не сомневаться с выбором местопроживания.

Как оказалось, открытку Элвин Форбс все же отослал, только не им с Виолой, а Лорел. Во время очередного сеанса связи с тетей Далси по телефону девочка среди прочего сообщила и эту новость: доктор Форбс прислал ей из Италии поздравительную открытку с видом какой-то церкви.

— Как это мило с его стороны! — восхитилась вслух тетя, а про себя подумала, что открытку он должен был послать, в первую очередь, им с Виолой, а уже потом — ее племяннице. В конце концов, Лорел — еще совсем ребенок! Что, впрочем, отнюдь не умаляет его похвального желания заняться культурным образованием подрастающего поколения.

— Я вообще отказываюсь понимать вас, Далси! — довольно апатично реагировала на все ее терзания Виола, мысли которой были в последнее время заняты очередным сердечным увлечением. — Ну, и какая нам разница, где сейчас находится Элвин! Мы же не к нему в гости собираемся! По-моему, вы слишком сильно комплексуете по пустякам.

— Да я и сама знаю, — согласилась с ней Далси. — Но знаете, как это бывает? Вначале ты начинаешь свой научный в кавычках поиск, руководствуясь сугубо академическим интересом. А потому не испытываешь никаких терзаний, вторгаясь в чужую жизнь. Но мало-помалу тобой начинают овладевать сомнения, а правильно ли ты поступаешь, когда суешь без спроса свой нос в чужую жизнь, и тебе даже делается стыдно за собственную бесцеремонность. — Далси действительно слегка покраснела. — Вот так случилось и со мной. Вначале праздное любопытство, и только! Зачем я ходила в церковь, где служит Невил? Да еще потом и вас потащила с собой. Зачем мне нужно было выяснять все эти подробности, связанные с его личной жизнью? Господи! И когда все это началось!

— Что «все»? — не поняла ее Виола.

— Мой интерес к семейству Форбсов.

— О, я думаю, он зародился еще прошлым летом, на конференции.

— Наверное, вы правы. А все из-за Мориса. Если бы он не разорвал тогда помолвку, то я бы и не поехала на эту конференцию. И не встретилась бы там с Элвином, и вообще...

Она сконфуженно замолчала, не зная, что еще сказать в свое оправдание.

— И все же я не вижу никаких препятствий для нашей поездки в Тейвискомб. Это будет даже занятно. И «Орлиное гнездо» вовсе не должно пугать вас неотвратимостью наказания за ваш повышенный интерес к сыновьям миссис Форбс.

— Нет-нет! Решено! Первую ночь мы проведем в каком-нибудь другом отеле. Вот их список. Выбирайте на свой вкус.

— Тогда вот этот! — Виола ткнула пальцем в первое же попавшееся название. — Гостиница «Якорь», — прочитала она вслух. — «Атмосфера христианского тепла и уюта». Что за глупости пишут во всех этих проспектах!

— Почему? — не согласилась с ней Далси. — Вполне возможно, кому-то именно этого и не хватает в жизни: христианского тепла и уюта. Значит, выбор сделан. Звоню в «Якорь» и бронирую номер на одну ночь. Кстати, судя по адресу, гостиница располагается почти рядом с «Орлиным гнездом». Что удобно во всех смыслах.

И в самом деле! «Орлиное гнездо» было видно из окна их номера как на ладони. В реальной жизни вид у владения миссис Форбс был не столь внушительным, как на фотографии, помещенной в проспекте, который она переслала Далси. Отель оказался гораздо меньше, гораздо невзрачнее, и никаких автомобилей на стоянке рядом с парадным входом. И вообще, безлюдность со стороны фасада гостиницы настораживала и даже пугала.

— Наверное, они еще просто не готовы к открытию курортного сезона, — проронила Далси, внимательно обозревая местные окрестности до тех пор, пока не стало совершенно темно. — Но все равно завтра надо что-то решать. Меня уже предупредили, что свободных номеров в «Якоре» нет. Тем более, что мы заказывали номер только на сутки. По их словам, на Пасху у них всегда аншлаг. Вот что значит атмосфера истинного христианского тепла и уюта.

— Да уж! Чего-чего, а тепла здесь хватает, — процедила сквозь зубы Виола, но, оказавшись возле стойки, не преминула вступить в контакт с администраторшей. — Что бы вы нам посоветовали? — доверительным тоном обратилась она к высокой, несколько сухопарой женщине в безукоризненно белом, накрахмаленном до хруста халате, делавшим ее похожей скорее на зубного врача, чем на работницу сферы обслуживания. — Вот, к примеру, «Орлиное гнездо».

— «Орлиное гнездо»? — переспросила администраторша и рассмеялась веселым переливчатым смехом, который, по всей видимости, тоже способствовал формированию атмосферы той самой атмосферы христианского тепла и уюта. — Ах, что вы, мадам! Это же такая развалюха! Говорят, внутри там вообще все, как при царе Горохе. Одно старье.

— Отель принадлежит некой миссис Форбс, если я не ошибаюсь, — вступила в разговор Далси, делая вид, что она сосредоточенно изучает перечень отелей и гостиниц в городе.

— Да! Весьма эксцентричная старуха. И вообще! Что-то у них там творится неладное.

— Неладное? — испугалась Далси. — Вы хотите сказать, что их лишили лицензии?

— О, нет! Тут совсем другое. Вдруг ни с того ни с сего появляется ее сынок. Старший, тот, который священник. И это в разгар поста, самое напряженное время в любом приходе. Представляете?

Женщина впилась в нее тяжелым немигающим взглядом.

— Да, но я не вижу здесь ничего экстраординарного, — попыталась отбить атаку Далси. — А что, если они тоже захотели создать у себя атмосферу христианского тепла? — не удержалась она от колкости. — Вполне разумное намерение в преддверии Пасхи, не так ли?

— Вот как раз для этого иметь у себя священника под рукой совсем не обязательно! — оставила без внимания администраторша ее саркастический выпад. — Он только распугает всех клиентов своей сутаной.

— Ну, и чем займемся сейчас? — поинтересовалась Виола после ужина. — По-моему, собирается дождь.

— Давайте пройдемся к тому замку, который мы видели из окон поезда, когда подъезжали к Тейвискомбу, — предложила Далси. — Это, должно быть, где-то совсем недалеко отсюда. Потом прогуляемся по побережью, а заодно рассмотрим и родовое гнездо миссис Форбс со всех сторон.

Перспектива провести весь вечер в спальне, бесцельно валяясь на собственной кровати, между прочим, весьма характерная особенность именно английского времяпрепровождения праздников, так вот, такая перспектива показалась Виоле малопривлекательной. А потому предложение Далси, несмотря на скверную погоду, было принято. Тем более, и время-то было детское, только половина восьмого вечера.

На улице и в самом деле было очень сыро и ветрено. Прогулка по морскому побережью сулила мало приятного.

— Давайте прямо сейчас, — проговорила Далси, сделав особое ударение на слове «сейчас», — отправимся в «Орлиное гнездо» и зарезервируем у них два номера на завтрашний день.

— Вы точно уверены, что хотите поселиться именно там? — с сомнением в голосе поинтересовалась Виола. — Здесь рядом, буквально в двух шагах, есть еще один отель. Весьма респектабельный, по-моему. Называется «Бристоль».

— Не знаю, хочу я того или нет, но какой-то непреодолимый рок влечет меня в это проклятое «Орлиное гнездо». Все это уже начинает смахивать на античную трагедию, когда человек не властен над собой, безропотно подчиняясь неумолимому ходу событий.

К отелю «Орлиное гнездо» женщины подошли в кромешной тьме. Как ни странно, но вблизи, да еще в темноте, здание смотрелось весьма внушительно. В нем даже появилась та величественность, которую уловил фотограф, делая свои снимки для рекламного проспекта. Что при свете утреннего дня, когда Далси изучала проспект, показалось ей чистейшей воды приукрашиванием действительности. Но вот сейчас, вглядываясь в маленькие башенки и узкие готические окна, словно сошедшие с картинок, на которых изображались средневековые замки, она не могла не признать: да, что-то есть завораживающее в этом пейзаже. Некая печать таинственности лежит на самом здании, поражающем вблизи безупречностью пропорций и утонченностью архитектурного стиля.

Впрочем, гостиница утопала в темноте не только снаружи. Все вокруг казалось вымершим: ни одного освещенного окна.

— Может, они все собрались в столовой и сейчас ужинают, а окна столовой выходят во двор, — предположила Виола. — Давайте поищем центральный вход.

— По-моему, мы как раз и стоим напротив него. У меня такое впечатление, что этой дверью никто и никогда не пользуется. Или она распахивается только по каким-то очень торжественным дням. Например, когда на трон вступает кто-то из династии Стюартов. Но как бы то ни было, а я вижу, что оттуда изнутри пробивается тусклый свет. Значит, в гостинице кто-то есть. Вперед!

В полутемном вестибюле, заставленном крохотными скамеечками для ног, об одну из которых немедленно споткнулась в полумраке Далси, с грохотом перевернув ее, не было ни души.

— Ну, и что дальше? — недовольно спросила у нее Виола. — Где здесь администратор? Кто нам покажет номера? Здесь вообще есть кто живой?

— Тише! Я слышу голоса!

Они замолчали, прислушиваясь. Говорила женщина с ярко выраженным местным акцентом. Второй голос был мужским: четкая дикция, правильная речь.

— Я еще не готов принять окончательное решение, — произнес мужской голос. — Вполне возможно, в один прекрасный день я приму такое решение. Но в любом случае, это будет мой выбор, и никто не навяжет мне его. По-моему, или это мне показалось, но хлопнула входная дверь. Пойду, взгляну, кто там.

— Нет уж! Предоставь это мне, Нев! Ты даже не знаешь, как надо обращаться с клиентами.

Раздался по-старчески хриплый смешок, а вскоре в вестибюле появилась и сама миссис Форбс.

— Добрый вечер, леди! Что вам угодно?

Первое чувство, испытанное Далси, очутившейся лицом к лицу с той, о которой она так много размышляла в последнее время, — это удивление, на смену которому тут же пришло разочарование. Надо же! Эта женщина совершенно не похожа на Элвина.

— Нам нужны комнаты. Но прежде хотелось бы взглянуть на то, что вы можете нам предложить, — начала деловую часть разговора Виола, пока Далси приходила в себя от потрясения. Но постепенно ее внимание переключилось на священника, маячившего за полураскрытой дверью. Наконец-то Невил Форбс собственной персоной!

— Как вам будет угодно!

Все четверо стали неспешно подниматься по широкой деревянной лестнице, устланной темно-красным турецким ковром. Мисс Форбс важно шествовала первой. Они молча прошли по длинному коридору, стены которого украшали старинные гравюры, изображающие разнообразные батальные сцены. Все двери в комнаты были закрыты, а тишина показалась Далси почти кладбищенской. Неужели здесь никого нет, испугалась она. Или в этом здании такие толстенные стены, что ни один звук не проникает наружу?

Наконец, хозяйка остановилась возле одной из запертых дверей и, повозившись некоторое время со связкой ключей, нашла тот, что ей нужен, открыла дверь и сделала шаг в сторону, пропуская вперед Далси и Виолу.

Первое, что бросилось Далси в глаза, это то, что в комнате была только одна кровать: широкая двуспальная кровать, покрытая белым вафельным покрывалом. О, нет! Виола никогда не согласится на такой вариант — спать вместе. Но не вступать же в пререкания с матерью Элвина! Придется довольствоваться тем, что она предлагает.

Со смешанным чувством облегчения и стыда Далси услышала сердитый голос Виолы.

— Нет! Это нас не устраивает. Нам нужна комната с двумя кроватями и горячей и холодной водой в номере. Или же две отдельные комнаты, но тоже с водой.

Некоторое время миссис Форбс задумчиво изучала Виолу.

— Это обойдется вам гораздо дороже, мадам. Вы же знаете, какие цены сегодня на стирку белья. В этих прачечных заправляют самые настоящие бандиты, грабители с больших дорог. А тут сразу еще один дополнительный комплект придется стирать.

— Мы не возражаем! — поспешила успокоить ее Далси. Немного странно, что владелица не торопится демонстрировать им отдельные номера. — Неужели все одноместные номера уже забронированы?

— Нет еще! Но люди могут приехать в любое время. Вы же знаете, как это бывает!

— Вот когда они приедут, тогда пусть и волнуются. А пока приехали мы! — нетерпеливо перебила ее Виола. — А потому имеем все права выбирать.

— Сегодня никого нет, а завтра пожалуют сразу пятьдесят человек. Особенно в разгар охоты. В столовой не протолкнуться, а уж стирки — горы! — продолжала упорствовать старуха.

— Мама все еще живет прошлым, — шепотом проговорил Невил, обращаясь к Далси. — Когда-то ее отель действительно был прибыльным бизнесом, но сейчас... Разве что летом, в самый разгар курортного сезона, кто-нибудь случайно забредет к нам. Но не беспокойтесь! У нас хорошая кухарка. И горничная убирается каждый день. Условия вполне комфортные. И две отдельные комнаты мы вам, конечно, сыщем.

— Вот и прекрасно! — милостиво согласилась Виола. — Завтра же утром мы привезем к вам свои вещи.

Далси мельком заглянула в одну из одноместных комнат. Чистенько, но вид абсолютно нежилой. Интересно, проветриваются ли здесь когда-нибудь постели? Страх, передавшийся ей по наследству от матери. Впрочем, подцепить ревматизм, валясь на влажных простынях и сбитых матрасах, — это и в самом деле пара пустяков. Но отступать было уже поздно.

— Так мы вас ждем завтра утром! — услышала она у себя за спиной голос Невила, уточнявшего какие-то последние мелочи с Виолой, и снова подумала, что бессильна перед неумолимой волей рока.

18

Утром они перенесли свои пожитки в «Орлиное гнездо» и отправились бродить по городу. У Далси уже возникла очередная идея: сходить на церковное кладбище и постараться отыскать там могилу мужа владелицы отеля.

— Почему вы так уверены, что мистер Форбс упокоился именно в Тейвискомбе? — удивилась Виола, выслушав столь неожиданное предложение. — Вполне возможно, отец братьев Форбс погиб на одной из двух мировых войн.

— Нет! — упорствовала Далси. — Я уже внимательно изучила список всех местных жителей, погибших на войне. Их фамилии перечислены на мраморной табличке у основания того обелиска в центре города, установленного в честь героев-фронтовиков. Имени Форбса среди них нет.

Церковное кладбище встретило их покосившимися от времени надгробиями, выстроившимися в два ряда возле аллеи центрального входа.

— Ну, и что вы здесь собираетесь искать? — недовольно поинтересовалась Виола. — Вы только взгляните на даты!

Действительно, на надгробных плитах были выбиты годы, весьма далекие от тех дат, которые были нужны им: 1887 год, 1891 год, 1874 год и так далее.

— Просто это старая часть кладбища, — не сдавалась Далси. — А если мы пройдем вглубь, то там наверняка начинаются захоронения уже более поздних времен.

— Доброе утро, леди! — услышали они чей-то жизнерадостный голос и одновременно повернулись на него. Навстречу им торопливо шел невы-

сокий мужчина, облаченный в цивильный костюм крапчатой расцветки, и лишь рубашка с высоким воротом-стойкой выдавала в нем священнослужителя. — Чем могу быть вам полезен? — добродушно поинтересовался он у них, подходя ближе.

— Я так понимаю, что вокруг церкви располагаются исключительно старые захоронения? — не удержалась от вопроса Далси, вопреки своим вечным страхам показаться постороннему человеку назойливой и даже чрезмерно любопытной.

— Вы абсолютно правы! — прежним жизнерадостным тоном ответствовал ей священник. — Последние сорок пять лет здесь уже не хоронят. Разве что старую мисс Форбс, для которой было сделано особое исключение, когда она скончалась пару лет тому назад. Да и то, ее захоронили не в отдельной могиле, а просто подхоронили к родственникам в старом фамильном склепе. Та еще была работенка, доложу я вам! Когда вскрыли склеп, то оказалось, что там нет ни дюйма свободного места.

— И что вы сделали? — заинтригованно спросила Далси.

— А что в таких случаях делают? Вежливо попросили остальных обитателей склепа потесниться, только и всего. Пожалуй, нам стоит заранее подумать о том, чтобы на месте нашего собственного погребения родственники не забыли установить табличку с надписью: «Свободных мест нет». В противном случае потомки, не задумываясь, перетрясут все наши кости.

Священник заразительно рассмеялся собственной шутке. И Далси тоже невольно улыбнулась, а потом спросила, где находится новое городское кладбище и как туда добираться. Ей очень хотелось выяснить также, имеет ли отношение старая мисс Форбс, столь решительно потревожившая вечный покой своих предков, к Элвину и его матери, но она постеснялась спросить об этом, испугавшись, что служитель культа может превратно истолковать ее повышенный интерес к семейству Форбсов. К тому же, он явно спешил куда-то по своим церковным делам и, любезно раскланявшись с дамами, решительным шагом направился в сторону храма.

Они с Виолой еще немного погуляли по старому кладбищу и даже отыскали на одной из аллей то самое фамильное захоронение Форбсов. Настоящая скульптурная композиция в викторианском стиле: несколько полулежащих фигур под сводчатым перекрытием в окружении детей и собак. Среди многочисленных табличек с упоминанием имен тех, кто покоится в склепе, им бросилось в глаза имя некого Арчибальда Форбса, погибшего во время войны с бурами.

— Как вы думаете, Элвин и его брат имеют отношение к этому, судя по всему, весьма благородному семейству? — спросила Далси у Виолы.

— Если брать в расчет только их наружность, то, вне всякого сомнения, в их венах течет какая-то капля благородной крови. Чего никак нельзя сказать о матери: та явно из простолюдинок. Впрочем, это всего лишь мое предположение. Вполне возможно, что они просто однофамильцы, и только. Знаете что? Давайте-ка мы зайдем в кафе и выпьем по чашечке кофе прежде, чем вы потащите меня в новый поход. К тому же, у меня уже разболелись ноги от этого бесцельного шатания среди чужих могил.

Далси не посмела возразить, ибо ей никак не улыбалось тащиться, пусть даже и днем, на новое кладбище в одиночестве.

Священник был прав: городское кладбище действительно находилось в пределах городской черты. Отшагав минут двадцать по главной улице городка и миновав газозаправочную станцию (главный ориентир на их пути), женщины вдруг неожиданно для самих себя вышли в чистое поле, но чуть поодаль, справа от дороги, начинался кладбищенский массив.

Сердце Далси упало при виде бескрайней череды могильных памятников, уходящих вдаль до самого горизонта.

— Ну, вам здесь работы, как минимум, на пару недель! — язвительно заметила Виола, мысли которой были заняты тем, что надо не забыть послать возлюбленному в Лондон очередную открытку. И еще вопрос: что написать в этой открытке и не покажется ли ему слишком смелой ее подпись в конце — «С любовью, Виола».

— Я думаю, мы сориентируемся по датам захоронения, указанным на памятниках в самом начале кладбища, — робко предложила Далси. — Вот взгляните! Уже пошли более поздние годы: 1904, 1927.

— Вот именно! А что в промежутке между этими годами? Неужели вы думаете, что покойники лежат здесь рядами в строгом соответствии с хронологией? Кого-то подхоронили к его родственникам, а кто-то сам изъявил желание упокоиться вон под той развесистой ивой в конце аллеи. Так что обычная логика поиска нам здесь не поможет.

— А что, если нам разделиться и каждой двигаться своим маршрутом? — выдвинула встречный план Далси.

— Ни за что на свете! Увольте меня от ваших маршрутов! Ни за какие коврижки я не намерена шастать по кладбищу одна в поисках неизвестно чего. Да и время нас подпирает. Взгляните на часы, уже половина первого: скоро ленч.

— Может, у кого спросить? — не сдавалась Далси, лихорадочно озираясь по сторонам. На самом горизонте, там, где кладбище поднималось вверх, копошилось несколько фигурок. Скорее всего, родственники, пришедшие на кладбище накануне Пасхи для того, чтобы убрать могилы своих близких. — Подойдем к ним поближе! — заторопила она Виолу и почти бегом направилась вперед по центральной аллее.

Они преодолели уже большую часть пути, как неожиданно Виола крикнула ей.

— Стойте! Взгляните вон туда! Если меня не подводит собственное зрение, то вон те двое — это миссис Форбс и Невил.

— Не может быть! — выдохнула Далси, не веря своему счастью. Но уже в следующую минуту ею овладел страх. — А вдруг они нас заметили?

— И что такого? Мы тоже имеем право посещать кладбище для того, чтобы оставить там цветы на могиле близкого человека. Вполне возможно, у нас здесь родственник похоронен.

— Нет-нет! Прошу вас! Они не должны нас увидеть. Давайте спрячемся за тот памятник и подождем, пока они уйдут.

Они остановились возле помпезного мраморного надгробья, изображающего коленопреклоненного ангела и укрылись в тени его поникших крыльев. Через какое-то время миссис Форбс в сопровождении сына неспешно прошествовала почти рядом с ними.

— Как все же уместно смотрится наряд католического священника на кладбище! — не удержалась от комментария Далси. — Черное — это ведь цвет траура, который как нельзя кстати именно среди надгробных плит. Что ж, путь свободен! Поспешим.

Вскоре они уже стояли возле могилы, украшенной памятником из темно-серого мрамора с прожилками. Памятник сразу же выделялся на фоне соседних могил, украшенных надгробиями исключительно из белого мрамора. Могила была рассчитана на двойное захоронение, но пока пустующее место было обильно засыпано каменной крошкой ярко зеленого цвета, издали похожей на изумрудную траву. В двух мраморных вазах по обе стороны надгробья стояли свежие нарциссы. На памятнике золотыми буквами было написано следующее:

Моему Возлюбленному Мужу
ГЕЙСФОРДУ АРТУРУ БРЭНДРЕТУ ФОРБСУ
Покинувшему этот мир
11 апреля 1924 года
В возрасте 42 лет

И далее следовало незамысловатое двустишие.

Нет больше радости, но есть Любовь
И Вера в то, что мы соединимся вновь.

Далси почувствовала, как у нее увлажнились глаза. Больше всего на свете ей сейчас не хотелось, чтобы Виола в своей обычной, высокомерной манере прокомментировала поэтические достоинства текста. Но по каким-то непонятным причинам Виола молчала, никак не отреагировав ни на чувства Далси, ни на сам памятник.

— Как величаво звучит: Гейсфорд Артур Брэндрет Форбс, — нарушила, наконец, молчание Далси. — Наверняка в его жилах текла благородная кровь. Но сейчас это уже не узнать.

«Орлиное гнездо» встретило их прежним безмолвием и отсутствием кого бы то ни было живого. Судя по всему, кроме них с Виолой, других постояльцев в гостинице по-прежнему не было. Косвенным подтверждением тому был и один-единственный стол в столовой, сервированный к ленчу только на две персоны. Далси мельком взглянула на него, отметив про себя, что сервировка безукоризненна: туго накрахмаленные салфетки, свернутые в конфигурации самых причудливых форм, ваза с нарциссами в центре стола. Точно такие же цветы они недавно видели на могиле мужа миссис Форбс. Стоило им переступить порог столовой, как немедленно появилась пожилая женщина и принялась хлопотать возле стола. Слава богу, что это не сама миссис Форбс, обрадовалась Далси. Ей совсем не хотелось сталкиваться с хозяйкой гостиницы или ее сыном после недавней встречи на кладбище.

— Хорошо, что их нет! — прошептала она Виоле. — Я не готова поручиться, что они не заметили, как мы бродим среди чужих могил.

— Какая разница? — равнодушно пожала плечами Виола. — Да и с какой стати им здесь быть? Заперлись сейчас у себя в комнате и трапезничают по-домашнему. Уж не сомневаюсь, им-то подают не из общего котла!

Однако к немалому удивлению привередливой Виолы и разборчивой в еде Далси, предложенный им ленч оказался просто превосходным. И уж никакого сравнения с той бурдой, которой их потчевали накануне в оазисе христианского тепла и уюта под названием «Якорь».

— Оленья печень! — объявила кухарка, ставя перед ними тарелки с печенью в обрамлении огромной порции овощного гарнира.

— Надо же! — вполне искренне удивилась Виола. — Оказывается, есть еще места, где подают такие деликатесы. Сейчас отведаем на вкус.

Блюдо оказалось очень вкусным. Таким же восхитительным был и пудинг, сваренный на патоке. Кофе, ароматный и крепкий, тоже не разочаровал. Правда, постоялицы и не подозревали, что кофе для них сварил лично сам Невил, категорически запретивший матери разлить по чашкам то, что осталось от ее «хорошо перекипевшего» утреннего кофе.

Они как раз заканчивали трапезничать, когда в столовой появился и он сам, в своей неизменной черной рясе.

— Надеюсь, миссис Ньюкомб не разочаровала вас, — проговорил он с улыбкой. — Она ведь у нас полноправная хозяйка на кухне.

— Все было очень вкусно! Большое спасибо! — совершенно искренне поблагодарила его Далси, стараясь не встречаться с ним взглядом. Она начала с преувеличенным вниманием озираться по сторонам.

Но Невил истолковал этот маневр по-своему.

— Рассматриваете гравюры на стенах? Забавные картинки, да? Их когда-то давным-давно купил на аукционе мой дедушка, мамин отец, всего лишь за каких-то десять шиллингов, представляете? Они ему так понравились, что он, не задумываясь, расстался с деньгами, вознамерившись украсить такой выгодной покупкой стены своей гостиницы.

— Вот как? Значит, гостиница изначально принадлежала вашей матушке?

— Да, можно сказать, что мой отец въехал в нее только после женитьбы. Точнее, он в каком-то смысле женился на этой гостинице, — рассмеялся Невил и тотчас же перевел разговор на другое. — Ну, и какие планы у вас на вторую часть дня?

— Да вот хотели бы совершить экскурсию в замок. Он ведь открыт для посещений, не так ли?

— И что вы там забыли, хотела бы я знать? — на уже привычном местном диалекте спросила у них миссис Форбс, неожиданно появившись в дверях с пухлой пачкой то ли старых счетов, то ли свежих квитанций. — Одни руины и грязи по колено!

— Ты не права, мама! — Невил постарался смягчить категоричность матери. — Кое-что интересное там все же сохранилось. Конечно, первозданный вид замка потерян безвозвратно. Столько перестроек выпало на его долю! Но если вы являетесь поклонницами викторианского стиля, то там вы его найдете в невероятных количествах.

— И за это удовольствие каждой из них придется выложить по полкроны! — недовольно фыркнула миссис Форбс. — Не дороговато ли для такого пустячного развлечения? Лучше отправляйтесь к морю и подышите всласть свежим воздухом. Такого в Лондоне уж точно нет! — подвела она черту под своими рекомендациями.

— А миссис Форбс ведь откровенно не хотела, чтобы мы поехали в этот замок. Почему? — стала размышлять вслух Виола, пока они шли на автобусную остановку.

— Да, что-то в этом есть, — согласилась с ней Далси. — Знаете, о чем я подумала? А вдруг отец Невила и Элвина имеет какое-то отношение к прежним обитателям замка? Уж слишком имя у него не плебейское. Что ж, у нас есть отличный шанс проверить свою догадку прямо на месте.

Снаружи замок производил впечатление неприступной крепости. Возвышаясь на вершине холма, в окружении вечнозеленых деревьев, он казался совершенно необитаемым. Но вот они подошли к массивным дубовым дверям, распахнули их и оказались почти в привычной для любого музея обстановке. Прямо в холле стоял небольшой столик, на котором были разложены билеты, путеводители, открытки с изображением замка, тут же стояла коробочка для денег. Из дальних комнат доносились негромкие голоса. Видно, шла очередная экскурсия. Далси и Виола не стали дожидаться ее окончания и решили начать осмотр самостоятельно. Уже первые залы поразили их обильной роскошью, являющейся отличительной чертой викторианского стиля. В глазах зарябило от многочисленных безделушек, столь любимых в те далекие годы: разнообразные пресс-папье, бесконечная череда статуэток и восковых фигурок, морские ракушки, поделки из морского тростника, какие-то картинки в рамочках, искусственные фрукты и цветы, упрятанные под стеклянные колпаки. Невозможно было представить себе, что когда-то среди этого моря вещей текла обычная человеческая жизнь. Впрочем, в комнатах все же сохранился своеобразный, несколько

старомодный уют, так выгодно контрастирующий с утонченным аскетизмом, присущим интерьерам дворцов XVIII века.

Вскоре они догнали экскурсионную группу и присоединились к остальным. Подле них стояла пара, сразу же привлекшая внимание Далси. Высокая элегантная женщина лет тридцати пяти в модном костюме из твида с небрежно перекинутой через плечо меховой горжеткой, а рядом с ней — плотный коротышка, значительно моложе ее, облаченный в тесно облегающие синие джинсы и ярко оранжевый кардиган, связанный вручную из грубой домашней шерсти.

— Затхлое местечко, — проговорил он негромко, обращаясь к своей спутнице. — И грязища кругом, жуть! Такое впечатление, что вот эти драпри не снимали с окон уже лет двести. Тихий ужас!

— А здесь кто-нибудь живет в настоящее время? — не удержалась Далси, остро чувствуя собственную ущербность рядом со столь красивой дамой. А еще, эти вечные ее башмаки на прямом ходу, которые смотрятся особенно безобразно в сравнении с изящными туфельками на ногах незнакомки.

— Да, какие-то дальние родственники занимают одно крыло здания, насколько мне известно, — небрежно обронила дама.

— Разве не осталось прямых потомков?

— Был один, да весь вышел! — хихикнул молодой человек. — Уж слишком оказался строптивым. С характером, одним словом, парень.

— Пожалуй, «характер» — это не совсем точное слово, — поправила своего спутника женщина. — Уж скорее, «без характера». Дело в том, — пояснила она, обращаясь к Далси, — что единственный родной племянник последней владелицы замка женился на женщине совершенно неподобающего происхождения. Самый настоящий мезальянс. Естественно, молодого человека тут же лишили всяких прав на наследство. Что было особенно досадно, ибо единственный сын почтенной миссис Форбс погиб в автомобильной катастрофе. Вот так и оборвалось наследование по прямой.

— Неужели брак был настолько вопиющим?

— Понятия не имею. Якобы он женился на какой-то малоприметной особе, владелице гостиницы. Или что-то в этом роде.

«Вот и приехали! Оказывается, жениться на неподходящих особах — это у всех Форбсов наследственное», — со смешанным чувством удивления и жалости подумала Далси, вспомнив про бедняжку Марджори.

— Звучит, как в романе, — с легкой иронией прокомментировала полученную информацию Виола.

— Вы правы! — согласилась с ней дама. — И, тем не менее, это чистая правда. Нам только что довольно пространно рассказывал всю эту историю экскурсовод. В его рассказе было много забавных подробностей. Пожалуй, он сегодня честно заработал лишние чаевые.

— Что ж тут забавного? — не поняла ее Далси. — Вполне возможно, люди, ставшие действующими лицами не придуманного никем романа, еще живы. Представляю, каково им сейчас!

— Скорее всего, так оно и есть! — невозмутимо обронила красавица и тут же расцвела в улыбке при виде крупного плечистого мужчины, судя по всему, ее мужа.

— Ах, вот вы где, Пиарс! — воскликнул тот, обращаясь к ней. — Машина уже ждет нас! Ну, и как вам экскурсия? Не устали?

— Конечно, когда тебя возят на машине, то можно позволить себе явиться в такую даль и на высоченных каблуках, — отпустила язвительную реплику Виола, глядя им вслед. — Какие-то странные люди в этом городке, ей-богу! Словно персонажи, сошедшие со страниц романа.

— Да у нас тут, по-моему, один сплошной роман получается! — рассмеялась в ответ Далси. — Ну, скажите мне! Вы можете представить себе

миссис Форбс молоденькой девушкой, за которой бы увивался молодой наследник из богатого семейства? Невзрачная замухрышка и красавец-аристократ! Невероятно!

— В жизни случаются и более невероятные вещи, — философски заметила Виола и подумала, как хорошо, что она все же догадалась прихватить с собой из Лондона бутылку джина.

Миссис Форбс была первой, кого увидели, вернувшись в гостиницу. Она сосредоточенно перебирала перья на чучеле орла.

— Вот! — воскликнула она, уже издали заметив своих постоялиц. — За зиму моль сожрала все его оперение дотла. Сколько раз повторяла прислуге, что птицу нужно чистить регулярно. И что сейчас с ним прикажете делать? Отец так гордился этим орлом. Он считал его самым настоящим символом нашей гостиницы.

Женщины тихонько прошмыгнули мимо хозяйки, сделав вид, что не расслышали ее слов. Да и что было говорить? Сочувствовать? Воистину не знаешь, плакать тут или смеяться.

19

Всю дорогу Марджори, сидя в поезде, размышляла над тем, как ей дальше жить. Она совсем не хотела ехать в этот забытый богом Тейвискомб, да и предстоящая встреча со свекровью пугала ее своей неотвратимостью. В сущности, все ее теперешние чувства к мужу тоже представляли странную смесь страха, неприязни и скуки, и ни капли любви. Вернувшись к матери, она искренне полагала, что совершила некий геройский поступок. И даже надеялась, что столь решительный и бескомпромиссный шаг станет важным этапом в урегулировании их отношений с Элвином. Первое время она жила в радостном предвкушении того, что он станет делать и как он поведет себя. А никак! Муж не помчался к ней с уговорами, не умолял ее со слезами, стоя на коленях, вернуться домой и начать все сначала, как это услужливо рисовали ей приятельницы матери. Он принял отъезд докучливой жены как должное. Более того, и материнские подружки, проявлявшие поначалу неуемное любопытство к ее семейным делам и горячее участие в ее судьбе, постепенно утратили интерес ко всей этой истории и даже слегка подзабыли то, по каким же причинам она снова оказалась под кровом родительского дома. Некоторые же и вообще настолько запамятовали о том, что она все еще числится замужем, что даже стали называть ее так, как прежде, когда она была еще девушкой, просто «Марджори Виллитон».

Разумеется, развод — это крайнее средство, и в их среде такие способы разрешения семейных конфликтов никогда не приветствовались. Но когда речь идет о такой щекотливой ситуации, где налицо супружеская измена, а муж — стопроцентный распутник, то общественное мнение всегда готово принять сторону страдалицы-жены. Приятельницы миссис Виллитон даже насоветовали ей подыскать достойного адвоката для дочери, чтобы дать делу официальный ход.

Адвокат и в самом деле оказался достойным: он внимательно выслушал обеих женщин и потребовал предоставить ему более весомые доказательства супружеской неверности со стороны Элвина Форбса. В конце концов, он и в самом деле мог поцеловать женщину в знак благодарности за ту помощь, которую она ему оказала в процессе работы над книгой. А то, что миссис Виллитон застала бывшего зятя в обществе молоденькой девушки со стаканом шерри в руках, адвокат и вообще счел сущей чепухой. Как воспитанный человек, он, естественно, не сказал им: «К сожалению, я ничем не могу помочь вам». Он просто попросил их еще раз хорошенько

подумать и найти более веские доводы в пользу развода. Вот почему сейчас все надежды обеих женщин были связаны с итальянскими каникулами Элвина. Тоскана! Какие непотребства совершит беспутный греховодник под лазурными небесами Италии?

К «Орлиному гнезду» женщины добрались на такси. Миссис Виллитон, никогда не поощрявшая страсть к пустому транжирству денег, была вынуждена пойти на такое излишество, ибо общественный транспорт в Тейвискомбе всегда ходил из рук вон плохо, и это известно всем. Да и автобусная остановка находится далековато от гостиницы. Миссис Форбс встречала дорогих гостей лично. Впрочем, вместо обычного «Здравствуйте!» или «Рада видеть вас у себя», она первым делом изрекла следующее:

— Представляете, мой старый орел лишился всего своего оперения!

Слава богу, обе гостьи давно привыкли к странной манере хозяйки гостиницы приветствовать своих постояльцев, а потому оставили ее первую реплику без ответа.

— Марджори, детка, ну, как ты? — попыталась найти подобающий для свекрови тон миссис Форбс. — Ну, и что там утворил мой мальчишка на сей раз? Вечные его шалости!

При последних словах она издала короткий, хрипловатый смешок. «Надо же, — с негодованием подумала миссис Виллитон, — этот распутник для нее всего лишь «мальчишка», а все его непотребства она склонна расценивать, как обычные детские шалости».

— У нас еще будет время поговорить обо всем более обстоятельно, — сухо обронила она. — А пока, если вы не возражаете, мы пройдем в свою комнату. У вас сейчас большой наплыв гостей?

— Не могу сказать, что постояльцев много. Всего лишь две очень милые молодые дамы. Да мы с Невилом. С возрастом я начинаю терять интерес к своему бизнесу. Да и налоги! Они там, в налоговом ведомстве, просто все с ума посходили! Драть такие деньги с людей! И за что? О, а вот и Невил! Он поможет вам поднять вещи наверх.

При виде Невила Форбса, облаченного в сутану, миссис Виллитон испытала чувства, схожие с теми, что возникли и у Далси, когда она увидела его на кладбище. Священник подействовал на почтенную даму умиротворяюще: что ж, красивый служитель культа одинаково хорошо смотрится и среди могил, и в вестибюле заштатной провинциальной гостиницы. «Ах, какая жалость, что не он стал мужем ее дочери», — вздохнула миссис Виллитон.

Разбирая вещи у себя в комнате, которая, справедливости ради, была гораздо лучше, чем в их прошлый приезд, Марджори, тем не менее, уже в который раз пожалела, что уступила уговорам матери и согласилась на эту совершенно бесцельную поездку. Уж лучше бы она просидела все праздники дома!

В свою очередь, известие о том, что в гостинице появились еще две новые постоялицы, не прошло незамеченным и для первой пары гостей.

— Интересно, и кого это черт сюда принес? — меланхолично обронила Виола, не надеясь получить ответ на свой вопрос.

— А я уж решила, что «Орлиное гнездо» всецело в нашем распоряжении, — в тон ей невесело пошутила Далси.

— Ну да! Наподобие фамильного склепа. Только не забывайте, о чем нам рассказал священник на церковном кладбище. В случае необходимости твои кости могут перетрясти и там.

— Что ж, подождем до ужина. Тогда и познакомимся с новенькими, — подвела черту под обменом мнениями Далси.

Однако за ужином гости не появились. Уплетая за обе щеки рагу из зажаренного ягненка с гарниром из консервированного крыжовника и закусывая все это, как всегда, обильной порцией десерта в виде заварного

крема, Виола активно выдвигала всяческие версии того, куда подевались новые постоялицы. Далси слушала ее рассеянно, ее гораздо больше взволновала мысль о том, что крыжовник, скорее всего, собирала, а потом и консервировала самолично миссис Форбс. И она все силилась представить, каково это — заниматься хозяйством в столь преклонном возрасте.

— Вполне возможно, — отмела она очередную версию Виолы, — что они так устали с дороги, что решили обойтись без ужина. А вы не подумали еще и о том, что миссис Форбс пригласила их на ужин к себе? И теперь они вчетвером трапезничают в ее личных апартаментах.

— Ну, тогда есть два варианта. Либо это какие-то близкие родственницы миссис Форбс, либо это приехала мисс Спайсер со своей престарелой матушкой для того, чтобы заявить все права на Невила. Хотя, насколько мне помнится, его экономка сказала, что старая миссис Спайсер прикована к постели или что-то в этом роде.

В этот момент им подали кофе, который Виола нашла очень странным на вкус.

— Такое впечатление, — поделилась она своими соображениями с Далси, — что эту бурду кипятили несколько часов не переставая.

После ужина женщины решили заглянуть в гостиную и покопаться в книжных шкафах, чтобы найти себе что-нибудь интересное для чтения.

— О, какая приятная неожиданность! — услышала Далси, а уже в следующую минуту увидела выходящих из личных покоев хозяйки гостей. — Надо же, как тесен мир! — продолжала радоваться неожиданной встрече Марджори.

В первую минуту Далси хотела сказать, что та обозналась, и они видят друг друга впервые в жизни, но Марджори, судя по ее лицу, так искренне обрадовалась их встрече, что Далси прикусила язык. К тому же, женщина немедленно принялась вспоминать все подробности благотворительного вечера, на котором приходские активистки собирали деньги на покупку нового орга́на.

— Помните, вы еще тогда купили такого прелестного ослика из керамики. А я никак не могла его завернуть в бумагу: как ни положу, а все уши торчат! — весело рассмеялась Марджори.

Ее мать тоже расплылась в любезной улыбке. Что ни говори, а с тем вечером связаны только приятные воспоминания. Ведь их акция, и правда, оказалась очень успешной. Они собрали целых двадцать фунтов, а это огромные деньги. Ужин же в обществе миссис Форбс показался ей невыносимым. Невил большую часть вечера молчал, явно не зная о чем говорить. Что же до самой миссис Форбс, то та продолжала тарахтеть о своем ненаглядном чучеле, которое поела моль, или о том, как преуспели в жизни ее мальчики. Всякий раз, когда миссис Виллитон пыталась перевести разговор в более конкретное русло, обращая внимание матери на проказы одного из сыновей, та оставалась глуха ко всем ее доводам. Или немедленно сообщала ей, что лет сорок тому назад в Тейвискомбе случались вещи и пострашнее, с точки зрения морали, разумеется.

Неудивительно, что к концу трапезы миссис Виллитон вслед за дочерью стала жалеть о том, что потащилась в такую даль, и, собственно, ради чего? Морской воздух? Так его можно было найти и поближе к дому. Да и какой воздух, когда за окнами льет как из ведра, а барометр на стене в вестибюле упорно показывает, что давление падает почти до нуля.

— Да! Я тоже вспомнила вас! — вынужденно ответила Далси.

— Меня зовут Марджори Форбс, а это моя мама, миссис Виллитон.

— Очень приятно. Далси Манаринг, моя подруга, Виола Дейс.

— Странно! А мне показалось тогда, что у вас более короткая фамилия. Или я ошиблась?

— Скорее всего, — поторопилась успокоить ее Далси в надежде на то, что женщина не вспомнит, как она назвалась в тот вечер «мисс Лорд», воспользовавшись именем своей служанки. — У вас там было столько народу, легко и запутаться во всех этих фамилиях.

— Как вам нравится «Орлиное гнездо»? — с некоторым вызовом в голосе поинтересовалась у нее миссис Виллитон.

— По-моему, в этом доме есть своя атмосфера. Чувствуется история!

— О, да! Истории здесь полно! — не нашлась, что сказать миссис Виллитон.

— Эта гостиница принадлежит моей свекрови, — поспешила доложить Марджори, словно опасаясь, что Далси может сказать что-то нелицеприятное в адрес владелицы сего исторического памятника.

— Вот как? Ну, тогда это место вам особенно дорого. Почти, как родной дом.

«Боже мой, — размышляла про себя Далси, разглядывая милую простушку в бледно-голубом платье, с традиционной ниточкой жемчуга на шее. — И как его только угораздило жениться на такой заурядной, на такой невыразительной и ничем не интересной особе? Ведь она же ему совершенно не пара! Или эта страсть к мезальянсам у него от отца? Да, но тот женился на женщине, пусть ниже его по происхождению, но с характером. Уж в чем, в чем, а в яркой индивидуальности миссис Форбс никак не откажешь! А эта? Неужели в такую можно влюбиться и до такой степени потерять голову, чтобы повести ее под венец? Как же все сложно в этой жизни».

Женщины распрощались самым любезным образом и разошлись по своим комнатам.

— А она ведь меня не узнала! — задумчиво обронила Виола, когда они с Далси остались одни.

— Ну, во-первых, она видела вас тогда мельком. А, во-вторых, не забывайте, что она была в состоянии крайнего нервного возбуждения, ее переполняли чувства, кипела ревность и все такое.

— Это меня переполняли чувства! Неужели эта холодная амеба способна хоть на какие-то эмоции? Это же надо было где-то откопать такое чудо и жениться на нем! Уму непостижимо!

— О, для некоторых мужчин — это норма: жениться на тех, кто им абсолютно не подходит. Они, наверное, чисто инстинктивно сторонятся хороших женщин, — вздохнула Далси, вспомнив своего бывшего жениха. Морис тоже в свое время называл ее «хорошей», говорил, что она такая же хорошая, как хлеб. Но кто же будет питаться всю жизнь только хлебом? Вот его и потянуло на сдобу. Впрочем, если вернуться к Марджори, то она, пожалуй, похожа на жирный кусок торта, обильно залитый сверху кремом. Такой десерт надо съедать только сразу и целиком, не оставляя на потом. — Как-то неловко все получилось! — задумчиво произнесла она вслух. — Мы все сошлись в одном месте. А вдруг они заподозрят что-то неладное?

— Что именно? У нас все чисто! Этот противный «Якорь» смог приютить нас только на одну ночь, а дальше мы были вынуждены перебраться сюда. Пусть перепроверяют, если хотят. А потом, не забывайте! Люди всегда более склонны доверять фантазиям, чем голой правде, которая порой может быть фантастичнее самого изощренного вымысла. Так что, не переживайте! Миссис Виллитон не заподозрит в нас обманщиц.

20

Первой мыслью по возвращении Элвина Форбса из Италии было: надо незамедлительно встретиться с Марджори. Пора, давно пора прояснить

все до конца и поставить точку в их затянувшихся отношениях. Конечно, встреча с юной Лорел была бы намного приятнее, но! А потому, как никогда верный чувству долга, Элвин не стал тянуть. После завтрака вышел на прогулку, поймал такси и ринулся на Кедровую аллею. Странное все же название для улицы всего лишь с одним рядом домов, обращенных своими окнами на огромный пустырь. Он снова проявил предусмотрительность и попросил таксиста остановиться возле соседнего дома, того, с изваянием каменной белки в палисаднике. И первое разочарование! Белка куда-то исчезла. Остался лишь голый постамент, и его неприкаянный вид вызвал у Элвина чувство, похожее на панику. «Куда же они ее подевали?» — задался он мысленным вопросом, озираясь по сторонам. Вот и табличка «Продается» уже исчезла с дома. Значит, сюда уже въехали новые хозяева. И что же они такое утворили с несчастной белкой, единственным немым свидетельством, оставшимся от периода его сентиментальных ухаживаний за Марджори?

Решительным шагом он направился к дому и увидел, что парадная дверь слегка полуоткрыта. Он заглянул в холл: высокий молодой мужчина в очках распаковывал коробки с книгами.

— Прошу простить меня. Я... — начал Элвин и запнулся, не зная, что сказать дальше.

— Вы разыскиваете семейство Фаулзов? — приветливо улыбнулся молодой человек. — Должен огорчить вас, они здесь больше не живут.

— Вот как? — меланхолично удивился Элвин, стараясь придать своему лицу выражение величайшего разочарования. — Очень жаль! У них тут еще каменная белка стояла перед домом.

— А, это! — презрительно хмыкнул новый хозяин дома. — Мы ее выбросили вон. Моя жена велела отнести это чудовище на свалку. Она терпеть не может каменных изваяний животных. Она у меня преподает в Высшей школе экономики, — добавил молодой человек, словно желая пояснить, что странная неприязнь к скульптурным изображениям представителей фауны зиждется на весьма солидном научном фундаменте.

— Понятно! — проговорил Элвин только для того, чтобы что-то сказать. Скорее всего, мусорщик давным-давно забрал белку себе, и она теперь уже красуется в его палисаднике. — Тогда, с вашего позволения, я загляну к вашим соседям. Быть может, они что-то знают о прежних хозяевах дома.

— И снова вынужден огорчить вас! — жизнерадостным тоном отрапортовал ему очкарик. — Хозяйка вместе дочерью куда-то уехали на праздники.

«Наверное, в Тейвискомб, куда же еще, — подумал Элвин. — Следовательно, надо ехать к матери».

На следующее утро он уже сидел в купе вагона первого класса и, посматривая мельком за окно, старался сосредоточиться на чтении литературного еженедельника, который купил в газетном киоске на площади перед вокзалом Паддингтон, откуда отправляются поезда, курсирующие в западном направлении. Машинально переворачивая страницу за страницей, он вспоминал Лорел. Как обаятельна эта девочка со всей свежестью своей юной плоти. Да уж, воистину! «Под сенью девушек в цвету» — снова всплыло в его памяти название романа Марселя Пруста. И как жаль, что это цветение столь мимолетно. Одна весна, и все проходит, чаще всего, безвозвратно. Впрочем, многие женщины вообще ни разу в жизни и не пережили эту удивительную пору весеннего цветения. Невозможно представить себе мисс Рэндалл, к примеру, юной девушкой. Или его бывшую тещу миссис Виллитон. Да, пожалуй, и Виолу Дейс тоже. А вот тетю Лорел, эту милую мисс Манаринг, он вполне явственно видит хорошенькой молоденькой девушкой. Такой же прелестной, как и ее племянница. Кстати,

Далси и поныне сохранила порывистость движений и непосредственность реакции, то есть все то, что свойственно только юности. И глаза у нее такие молодые! И что уж совсем нетипично для любой тетушки, так это то, что мисс Манаринг совсем не волнует, что ее облик плохо вяжется с традиционным представлением о том, как должна выглядеть зрелая и вполне самостоятельная женщина.

— С приездом в родной город, профессор! — почтительно приветствовал его знакомый таксист на привокзальной площади Тейвискомба, услужливо подхватывая багаж.

Вот с такой же услужливостью совсем недавно суетился вокруг него итальянский таксист. А кажется, что прошла уже целая вечность! И где это бездонное синее небо? И солнце! И изысканная архитектура, поражающая благородством своих линий. И так везде, по всей Италии, даже в самом затрапезном маленьком городишке. Не то, что здесь! Не на чем даже глаз задержать! Тоска, убожество, серость!

Далси наблюдала за приездом Элвина из окна своей комнаты. «А вдруг он приехал исключительно ради того, чтобы встретиться с ней», — вдруг мелькнула у нее безумная мысль. Как это было бы замечательно! С какой радостью выбежала бы она ему навстречу. Так, посмотрим! Кто же выбежит к нему вместо нее? Только не Марджори. Она вместе с матерью отправилась на прогулку по морскому побережью. И не Виола. Та сейчас строчит пространное любовное послание своему лондонскому ухажеру. Остается лишь единственная женщина, которую наверняка обрадует неожиданный приезд Элвина. Миссис Форбс, его мать. Впрочем, скорее всего, встречать брата будет Невил, он как раз в это время обитает в холле гостиницы.

Так оно и случилось. И именно Невил вышел навстречу к младшенькому. Сколько раз он представлял себе, как станет строго беседовать с Элвином, как будет увещевать его и наставлять на путь истинный, как начнет витиевато рассуждать о святости супружеского союза и нерасторжимости брачных уз, о том, что союз мужчины и женщины предполагает не только желание брать, но и обязательство давать самому. Но все эти высокие и правильные слова вдруг начисто выветрились из его памяти. Конечно, уместно было бы напомнить брату о том позоре, который Элвин навлечет на их семью своим разводом. И о том, сколько горя он уже принес Марджори и ее матери. Впрочем, вот здесь желание Невила увещевать и наставлять вступало в явное противоречие с теми чувствами, которые он испытывал к этим двум дамам на самом деле. Ибо, снова встретившись накоротке со свояченицей после некоторого перерыва, он даже ужаснулся. «Какая же она серая и скучная», — думал он. Серее и скучнее ее разве что сама миссис Виллитон, ее матушка. И как мог его брат, такой умный, такой высокообразованный человек, как он мог выбрать столь заурядное, столь никчемное создание себе в жены? Воистину, неисповедимы пути Господни! А потому вместо всех увещеваний Невил воскликнул то, что и должен был сказать человек при виде младшего брата.

— О, какая приятная неожиданность! А мы думали, ты все еще в Италии.

— Я и сам был бы рад задержаться там подольше, — улыбнулся Элвин. — Но ничего не поделаешь, работа! — И, словно вспомнив, какие неприятные обстоятельства вынудили его неожиданно появиться в доме матери, он добавил решительным тоном. — Вот, приехал к вам, чтобы окончательно разобраться со своей семейной жизнью. Думаю, самое время.

— Пожалуй! — коротко согласился с ним Невил. Он произнес это одно единственное слово с важностью истинного священнослужителя, вложив в него все те речи, которые припасал на случай обстоятельного разговора с непутевым членом семейства. — Они обе сейчас на прогулке, насколько я знаю.

— И, слава богу! Я еще не вполне готов ко встрече. А как ты? И что ты здесь делаешь в самый разгар предпасхальных хлопот? Бросил своих прихожан и сбежал на край света, да?

— Да вот, возникли кое-какие проблемы с одной из прихожанок, — несколько легкомысленно отмахнулся от вопросов Невил. Отсюда, из-за стен материнского дома все то, что пугало его своей фатальной неразрешимостью в отношениях с мисс Спайсер, выглядело не более, чем мелкими неприятностями, о которых не стоит даже упоминать.

— А как дела в отеле? Много народа?

— Всего лишь две дамы из Лондона. Очень милые женщины. Совершенно не надоедают своим присутствием.

Оба брата замолчали, видимо, обдумывая последнюю реплику. В самом деле! Именно так и должно вести себя приличной женщине: «не надоедать своим присутствием».

Распаковывая вещи у себя в комнате, Элвин неожиданно для себя вдруг вспомнил о прошлогодней конференции. На сей раз, в его чемодане не было ни фотографии Марджори, ни тезисов доклада «Некоторые проблемы редактирования текстов», а вот бутылка джина лежала на своем привычном месте. Конечно, вести ее сюда не было никакой нужды. Ведь вполне можно было бы воспользоваться запасами спиртного из материнского погреба. Но пусть все же у него будет своя выпивка. Он побаивался колких замечаний матери насчет его пристрастия к горячительным напиткам. В дверь тихо постучали, и на пороге появилась сама миссис Форбс.

— По-моему, сын, это не правильно, что вы с Марджори разместились в разных комнатах. Мы только что говорили об этом с Невилом. Миссис Виллитон, думаю, не станет возражать, если я переселю ее в другую комнату. У них в номере двуспальная кровать, так что...

— Мама! Прошу тебя! Не стоит тревожить миссис Виллитон! Да и Марджори вряд ли обрадуется перспективе провести ночь в одной комнате со мной. К тому же, они обе уже, скорее всего, улеглись спать после своей вечерней прогулки. Так зачем же тормошить их понапрасну?

— Ты прав! Они пошли к себе. Наглотались всяких успокоительных таблеток и отправились наверх. Что ж, их можно понять! Ты бы видел их лица, когда я сообщила о твоем приезде.

— Вот и прекрасно! Пусть отдыхают. Утро вечера мудренее, а потому отложим наш разговор до утра.

— Ты не забыл, завтрак у нас в половине девятого?

— Но, надеюсь, без Марджори и миссис Виллитон. У меня кусок застрянет в горле, если их лица замаячат перед моими глазами с самого утра.

— Я накрою им в общей столовой с остальными постояльцами. А ты о себе слишком много не воображай! Вполне возможно, они тоже не горят желанием лицезреть твою физиономию в этакую рань.

На следующее утро Далси и Виола были приятно удивлены, обнаружив, что завтракают не в одиночестве. За соседним столиком возле окна сидели Марджори и миссис Виллитон. Еще две пары, прибывшие в гостиницу накануне вечером, устроились за столиками в центре зала. Словом, на первый взгляд, столовая забита людьми до отказа.

Разговор с соседками не клеился. Обе женщины были мрачны и неразговорчивы, а потому после обычного обмена приветствиями и дежурных реплик о том, что утро обещает быть замечательным, беседа иссякла сама собой.

После завтрака Далси снова направилась в гостиную. В прошлый раз она заприметила в одном из книжных шкафов справочники за 1905 год. А вдруг в них она сумеет найти что-нибудь интересное об истории отеля «Орлиное гнездо»? Нужный ей книжный шкаф стоял возле самой двери

и был отгорожен от остальной комнаты старинной ширмой, расписанной в викторианском стиле. Далси присела на корточки и, достав с нижней полки несколько пухлых томов, приготовилась бегло пролистать их на месте, чтобы отобрать то, что ей нужно. Негромко хлопнула дверь, кто-то вошел в гостиную, но она не придала этому значения. Но следом раздался голос, заставивший ее вздрогнуть. Говорил Элвин.

— Думаю, это вполне подходящее место для разговора.

Далси замерла на месте. Что делать? Встать и уйти? Но момент уже упущен. Остаться и стать свидетельницей того, как посторонние люди выясняют отношения? Верх неприличия! Остается одно: закрыть уши руками и не слушать того, что они сейчас начнут говорить друг другу. Ибо Далси уже ни минуты не сомневалась в том, что разговаривать Элвин будет именно с Марджори и с ее матерью.

К счастью для нее, разговора, как такового, вообще не было, то есть ничего из того, что противопоказано подслушивать приличной даме.

— Какое холодное утро! — заметно нервничая, воскликнула миссис Виллитон.

— Сейчас подключу камин, — откликнулся Элвин.

— Только не на полную мощность, пожалуйста!

— Вы предполагаете, что разговор будет жарким, и мы сумеем согреться, так сказать, в процессе? — ироничным тоном поинтересовался у нее Элвин.

— Ой, как запахло пылью! — подала голос Марджори. — Его, наверное, давно не включали. Электроприборы, которыми редко пользуются, как правило, накапливают очень много пыли.

— Не ожидала встретить вас здесь! — снова обратилась миссис Виллитон к зятю, направляя разговор ближе к теме. — Для нас известие о том, что вы приехали в Тейвискомб, стало настоящим потрясением.

Некоторое время Элвин молча рассматривал обеих женщин, стараясь скрыть свою нервозность. Что греха таить, он тоже нервничал, и это его раздражало. Он скользнул взглядом по брошке, украшавшей лацкан пиджака миссис Виллитон. Дешевая бижутерия! Какая-то собачка, скорее всего, пудель, с искусственными жемчужинами вместо глаз. И такие же безумные клипсы: синие канарейки. Нет! Голуби с оливковыми веточками, зажатыми в клювиках. И откуда у нее эта непонятная страсть к дешевым безделушкам, которыми она увешивает себя, словно рождественская елка? Что так не вяжется с ее обликом серьезной, почтенной дамы. Пожалуй, такие цацки смотрелись бы уместнее на Марджори. Но рассматривать жену в упор у Элвина пока не хватало духа.

И напрасно! Ибо Марджори совсем не казалась убитой горем. Она была спокойна и невозмутима. Ни малейшего смятения чувств, могущего засвидетельствовать, что любовь еще жива. Или что она вообще была, эта самая любовь.

— Так что вы собираетесь предпринять относительно Марджори? — вопрос был задан прямо в лоб.

— Предпринять? А что именно я должен предпринимать, по вашему мнению?

— Надо же что-то решать с вашим браком.

— А вы поинтересуйтесь у нее самой. Что думает ваша дочь по поводу нашего брака?

— Но, Элвин! — тихо прошелестела Марджори несколько испуганным голоском. — Ты же сам знаешь, у меня не получилось стать тебе хорошей женой. Наверное, мы совершенно не подходим друг другу.

— В том нет твоей вины, дорогая! — бросилась на помощь дочери миссис Виллитон.

Все трое замолчали. Далси услышала, как Элвин нервно меряет шагами комнату.

— То есть вы ждете от меня веских оснований в пользу развода, так я понимаю? Что ж, со своей стороны, готов заверить вас, что уже в ближайшем будущем я дам вам такие основания.

— Значит, поездка в Тоскану оказалась успешной? — язвительно поинтересовалась миссис Виллитон.

— Причем здесь Тоскана? В Италии я занимался тем, что ходил по музеям и знакомился с архитектурой итальянских храмов.

Марджори издала немного истеричный смешок. «Пожалуй, я бы тоже рассмеялась, если бы бывший муж так объяснил мне причины своей отлучки», — подумала Далси. Она уже почти успокоилась и полностью взяла себя в руки. В конце концов, ничего преступного она не делает. Учитывая ее сугубо академический интерес к семейству Форбсов, это подслушивание можно сравнить с тем, как исследователи копаются в чужих письмах и дневниках, пытаясь отыскать интересные подробности в биографиях своих героев. Разумеется, далеко не все их находки подлежат публикации. Зачем разочаровывать широкую общественность, внушая ей, что ее кумир, мягко говоря, не совсем высоконравственный человек?

— Я не менее вас заинтересован в том, чтобы покончить с этим неприятным делом, и как можно скорее. Только и всего.

— И снова жениться, да? — с негодованием выкрикнула миссис Виллитон. — Значит, синьорина все же есть?

— Скорее, речь пойдет о синьоре.

— Она итальянка?

— Какая итальянка? Причем здесь все это? Мои рассуждения носят чисто гипотетический характер, не более того.

«Интересно, что же за женщину имел в виду Элвин, — подумала Далси. Наверное, на сей раз его избранница — не молоденькая девушка, а ровесница или чуть помладше. И интересы у них общие: литература, филология, научные исследования. Неужели он, в конце концов, решил обратить свой взор на Виолу? Не поздновато ли? Кажется, она уже нашла себе утешение. А может быть, тогда, на конференции, он познакомился с кем-нибудь еще?»

Миссис Виллитон тоже оказалась не готовой к такому повороту в разговоре с зятем. Вот что значит пить целыми днями, с самого раннего утра и до ночи. Потому и несет сейчас такую околесицу, что понять ничего невозможно.

— Ну, раз так, — начала она несколько растерянным голосом, — то, конечно!

Как бы ей хотелось в эту самую минуту бросить ему в лицо, что это не он будет снабжать их доказательствами для развода, а ее дочь уже давным-давно нашла ему полноценную замену и теперь ждет не дождется начала бракоразводного процесса. Увы, чего не было, того не было!

— Я сегодня же уезжаю в Лондон, — подвел черту Элвин. — Много работы. А вы, прошу вас, оставайтесь до конца пасхальных каникул. Зачем менять свои планы?

Далси не расслышала, что сказала ему в ответ миссис Виллитон, потому что уже в следующее мгновенье громко хлопнула дверь. Она поднялась с корточек, чтобы немного размять онемевшие ноги, и осторожно выглянула из-за ширмы. Марджори, вся в слезах, сидела на диване, а мать, как могла, пыталась успокоить ее. Обе женщины были настолько поглощены друг другом, что даже не заметили, как Далси осторожно выскользнула из комнаты. Конечно, им бы сейчас не помешал человек, умеющий успокаивать, так сказать, на профессиональном уровне. Например, Невил. Но его нигде не было видно. Сама же она плохо подходит для роли утешительни-

цы, тем более, с учетом всех обстоятельств ее присутствия при выяснении семейных отношений. Да, но эти слезы! Странно! Неужели Марджори все еще любит Элвина? С другой стороны, причем здесь любовь? Разве сама она не плакала, когда ее бросил Морис? Ей ли не знакомо это чувство униженности оттого, что тебя бросили, что ты оказалась никому не нужной. Получается, что между ней и Марджори есть много общего, вот так!

Далси оделась и, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, незаметно вышла на улицу. Пойду к морю, решила она импульсивно. Уж, во всяком случае, там, никто не помешает ей побыть одной. Быстрым шагом она прошла наиболее оживленную часть пути, потом люди стали попадаться все реже и реже, и лишь очень немногие бродили по побережью, любуясь морским пейзажем. Да! Но в одном из этих редких любителей утренних променадов на свежем воздухе она безошибочно узнала Элвина. В первую минуту Далси даже запаниковала. Что делать? Пройти мимо незамеченной? Вряд ли удастся проделать один и тот же трюк дважды за одно утро. Тогда остается напустить на себя светский вид и поздороваться с ним так, словно они встретились не в отдаленном курортном городке, а на оживленной лондонской улице. Дескать, случайная встреча, и только. Пока она размышляла над тем, как поступить, все разрешилось само собой. Ибо Элвин оторвался от созерцания водной глади, резко повернулся и буквально перед собственным носом увидел Далси.

— О, мисс Манаринг! Тетушка Лорел! — воскликнул он удивленным тоном. — Какими судьбами?

— Доброе утро! — поздоровалась Далси, не зная, как ей следует отреагировать на его восклицания. Разумеется, она — мисс Манаринг, и, разумеется, она приходится тетей Лорел. Но такое перечисление качеств вызвало у нее откровенное смятение. А еще ей стало обидно: значит, он уже снова забыл, как ее зовут.

Элвин же между тем тоже пребывал в смятении. Он моментально вспомнил слова брата о том, что у них в гостинице остановились «две очень милые женщины» и пришел в ужас. Если одна из них мисс Манаринг, Далси, кажется так ее зовут, то тогда вторая — это... Не может быть! Все что угодно, только не это! Еще Виолы Дейс здесь не хватало! Под одной крышей с Марджори! Под одной *крышей*, подумать только, машинально повторил он слово «крыша», отчего оно моментально приобрело почти сакральный смысл.

— Вот, решили с Виолой провести пасхальные каникулы подальше от городской суеты, подышать морским воздухом в Тейвискомбе. Остановились в «Орлином гнезде», вы, должно быть, знаете.

— Да, брат говорил мне. Приятная встреча! — добавил он дежурный комплимент.

— А здесь очень красиво, не правда ли?

— Я вырос в этих местах, — Элвин бросил равнодушный взгляд в сторону моря, — а потому здешние красоты меня почти не трогают. Видно, я к ним просто привык. Кстати, я несколько раз виделся с вашей племянницей в Лондоне. Мы с ней даже как-то раз сходили в театр. — Элвин благоразумно умолчал о том, что они поцеловались после спектакля, правда, только один раз. — Очень милая девочка! И она мне очень нравится. Надеюсь, я ей тоже не совсем безразличен.

— Вы?! Ей?! — ошарашено переспросила его Далси. — Она же совсем ребенок! Ей еще нет и девятнадцати. Да она вам в дочери годится, мистер Форбс.

— Верно, между нами лет двадцать разницы, но, — начал он.

— Лет двадцать? Все тридцать, если уж смотреть правде в глаза! А в глазах Лорел вы — самый замшелый старик! Будьте уверены на сей счет!

Далси пожалела о сказанном сразу же. Ну, зачем она обидела его? Но слова вылетели непроизвольно, и с этим уже ничего не поделаешь. Просто она очень сильно разозлилась. Из-за чего? Из-за того, что Лорел и Элвин могут быть вместе? Это привело ее в такое неистовство? Бедная-бедная Далси! Разве она знает, что такое мужское тщеславие и самоуверенность? Элвин глянул на нее с таким чувством превосходства, с каким смотрят на человека, ничего не смыслящего в жизни. Некоторое время они молчали.

— Надеюсь, у вас хватило благоразумия не говорить пока Лорел о своих чувствах. Во всяком случае, до тех пор, пока вы не разберетесь со своими семейными проблемами. Потом — другое дело! Впрочем, я не уверена, что родители моей племянницы придут в восторг от вашего появления в ее жизни.

Ну, это еще с какой стороны посмотреть, тут же отрезвила себя Далси. Ее сестра Шарлота, склонная ко всяким романтическим бредням, которые она черпает из столь любимых ею женских романов, может найти подобную сентиментальную любовь весьма трогательной. Вот реакцию деверя она предсказать не берется.

— По-моему, вы чересчур рано записали меня в старики, — с чисто мужской самонадеянностью бодро отозвался Элвин, оставив без внимания последнюю реплику Далси о родителях Лорел. — Я себя стариком совсем не ощущаю. Наверное, вы хотели сказать, что я вступил в пору зрелости. Это так! — неловко пошутил он, стараясь загладить вспыхнувшую между ними размолвку.

— Вы правы! И все же моя племянница слишком молода для вас. Да и вам, по-моему, уже пора остепениться. Сколько же можно жениться на девочках, которые вам совершенно не подходят?

— Послушать вас, так я самый настоящий многоженец! К счастью, пока у меня была только одна жена.

— Да нет! Я вовсе не об этом! Но неужели у вас нет на примете женщины, разумной женщины, которая смогла бы стать вам по-настоящему хорошей женой? И хорошей помощницей. Такой, которая понимала бы вашу работу, ценила бы ваш труд, и постарше, разумеется.

— Скажу честно, ваша матримониальная программа не очень меня впечатляет, — обронил он с легкой саркастической улыбкой, и Далси вспыхнула до корней волос.

А вдруг он подумал, что это она себя предлагает ему в жены? Навязывается в помощницы вместо отринутой им Виолы. Господи, да у нее же и в мыслях не было ничего подобного!

Между тем, Элвин, иронично посматривая на свою собеседницу, вдруг подумал: «А она красивая, эта мисс Манаринг! Особенно сейчас, когда злится. Но почему? Чем он так обидел ее? Или задел?»

— В любом случае, я весьма благодарен вам за высокую оценку своего труда, — закончил он прежним саркастическим тоном.

— Простите, ради бога! Я, конечно же, лезу не в свое дело, и наболтала тут много лишнего, — смущенно пролепетала Далси. — Но, с другой стороны, Лорел мне ведь не чужой человек, как-никак я ее тетя.

— Да нет, все в порядке! И потом, я лично считаю, что всегда лучше, когда люди говорят друг другу то, что они думают.

— Всегда? Спорное утверждение! Если бы мы всегда говорили друг другу то, что думаем, то наша жизнь превратилась бы в сплошной кошмар. Так мне кажется. Всего хорошего!

«Странный у нас получился разговор с этой мисс Манаринг», — размышлял Элвин по пути на станцию. Более того, в глубине души он был вынужден признаться, что даже немного побаивается этой милой, но очень

строгой женщины. Далси Манаринг! А она, оказывается, совсем не так проста, как это показалось ему в момент их первой встречи. Что же там еще скрывается в этих непознанных глубинах?

21

Не успели они с Виолой войти в поезд, как та вытащила из сумочки ворох женских журналов и с головой ушла в чтение. Женские журналы! Подумать только! С ее подругой в последнее время происходят просто невероятные метаморфозы. Вот что делает с человеком любовь! Еще каких-то пару месяцев тому назад Виола только бы презрительно скривила губы при одном упоминании о журналах для домохозяек. И вот вам, пожалуйста! Оказывается, и там есть что-то интересное для высоколобых интеллектуалок.

«Бог даровал нам память для того, чтобы и в декабре для нас цвели розы», — машинально прочитала Далси подзаголовок одной из статей. Красиво сказано, только вот правда ли это? Какую такую память увозит, к примеру, она с собой из Тейвискомба? Разве что тот неприятный разговор с Элвином, который у них состоялся на берегу моря. Вот его-то она уж точно не забудет до конца своих дней! А какую память увезла отсюда бедняжка Марджори? Можно только догадываться об этом.

В вагоне-ресторане их с Виолой поджидала еще одна неожиданная встреча. Все столики на двоих были заняты, и им пришлось сесть за столик на четверых, за которым уже сидела одна дама.

— О, мисс Рэндалл! — воскликнула Далси. — Вы, конечно же, не помните меня. Мы с подругой, — она кивнула в сторону Виолы, — познакомились с вами на прошлогодней конференции. Мне очень понравился тогда ваш доклад о проблемах индексации научно-технической литературы.

— Благодарю вас! — чопорно ответила дама. — Сегодня такая редкость встретить человека, который может по достоинству оценить твой труд. А уж в таких тонкостях, как индексирование литературы, разбираются и вовсе единицы. Но я вас помню. Да и вообще конференция мне тогда понравилась. Приятная была поездка, не то, что нынешняя. Вот возвращаюсь после похорон.

— Примите наши соболезнования, — участливо пробормотала Далси.

— Вообщем-то ничего серьезного, — раскатисто загремел голос мисс Рэндалл по всему вагону-ресторану. — Это всего лишь мой двоюродный брат, к тому же, в детстве мы с беднягой Бейзилом были на ножах. Но знаете, с возрастом родственные узы, как ни странно, только крепнут. Начинаешь родниться даже с самыми дальними родственниками, с которыми до этого не поддерживал отношения десятилетиями. Кстати, знаете, с кем я столкнулась носом к носу, пока ждала свой поезд?

Далси промолчала, сразу же догадавшись, кого именно встретила на вокзале почтенная дама.

— С доктором Форбсом! С Элвином Форбсом, представляете? — мисс Рэндалл с торжествующим видом оглядела своих собеседниц. — С тем самым, который грохнулся оземь прямо во время своего доклада. «Некоторые проблемы редактирования текстов», так, кажется, — она издала короткий смешок, словно вспомнила что-то смешное. — Я, правда, сделала вид, что не заметила его. Не то настроение было, чтобы вступать в разговоры, вы же понимаете. Тем более, такие заумные, которые предпочитает доктор Форбс.

— Заумные? — искренне удивилась Далси, которой и в голову не пришло бы назвать беседу с Элвином скучной или, тем более, заумной. — А мне он показался весьма неординарным человеком.

— Господь с вами! И что в нем такого неординарного? Разве что внешность! А так, самый обычный мужчина, который, к тому же, окончательно запутался в своих семейных проблемах.

Далси благоразумно воздержалась от дискуссии на тему о достоинствах Элвина. Никаких веских аргументов в пользу необыкновенных качеств Элвина у нее и правда не было, а, следовательно, эта говорливая дама легко приперла бы ее к стенке своими доказательствами от противного. К тому же, пронзительный голос мисс Рэндалл начал уже действовать ей на нервы, а потому она лишь перевела вздох облегчения, когда обед подошел к концу.

— До встречи в Лондоне! — лучезарно улыбнулась им на прощание мисс Рэндалл. — Я часто бываю в библиотеке Британского музея, да и в других книгохранилищах тоже.

— В гостях хорошо, а дома лучше, — встретила их с Виолой традиционной присказкой мисс Лорд. — Вы, мисс Манаринг, как были бледненькой, так и остались такой же. А вот мисс Дейс морской воздух пошел на пользу. Она очень посвежела. Кстати, вам тут букет, мисс Дейс, — служанка взяла с журнального столика завернутые в целлофан гвоздики и вручила их Виоле. — Какой-то маленький темноволосый джентльмен принес их для вас. Сказал, что вы знаете от кого это.

Виола схватила цветы и ринулась к себе наверх. «Наверное, ей не очень понравилось, как мисс Лорд описала ее будущего мужа», — решила Далси. «Какой-то маленький», хорошо еще, что не «коротышка». Впрочем, когда любишь, то даже недостатки любимого начинают казаться тебе достоинствами.

— Билл приглашает меня на ужин сегодня вечером, — снова объявилась Виола через некоторое время, держа в руках записку, судя по всему, обнаруженную среди цветов.

— Прямо сегодня? С дороги ведь! Лучше бы отдохнуть дома, — сочувственно пробормотала Далси, не очень вдумываясь в то, что она говорит.

Виола бросила на нее жалостливый взгляд.

— С чего вы взяли, что я устала? Что утомительного вы нашли в том, что мы проехали несколько сот миль поездом? Ну, я побежала к себе. Надо еще успеть переодеться и привести себя в порядок.

— Вот так всегда! — немедленно расстроилась служанка. — А я тут старалась, готовила праздничный ужин к вашему приезду.

— Не переживайте, мисс Лорд! — успокоила ее Далси. — У меня с дороги просто зверский аппетит. Обещаю съесть двойную порцию, за себя и за мисс Дейс. Надеюсь, и вы не откажетесь составить мне компанию.

— Знаете, что я скажу вам, мисс Манаринг, — проговорила мисс Лорд, когда они, отужинав вдвоем, позволили себе небольшую роскошь в виде бокала шерри. — Это вы должны были быть на месте мисс Дейс. Это вас должны приглашать мужчины в рестораны. По-моему, из вас получилась бы просто идеальная жена. Право слово, я так переживала, когда вы расстались со своим женихом.

— О, не принимайте наш разрыв так близко к сердцу. Подобные вещи случаются сплошь и рядом.

— Наверное, вы правы. И все же, позвольте, я скажу вам прямо в глаза, мисс Манаринг. Вы на себя совсем перестали обращать внимание. Что мешает вам сделать себе модную стрижку? Или подкрасить глаза? С вашей фигурой, чуть-чуть косметики на лицо, и вы преобразитесь!

— Возможно. Но боюсь, едва ли это поможет мне выйти замуж. Да и потом, прическа, глаза, подкрашенные губы... Не это главное в браке. Родство душ, духовная близость, общность интересов — вот что делает прочным союз мужчины и женщины.

— Все так! Но вначале мужчина обращает внимание на ваши ноги, на вашу прическу, на ваше лицо. А уже потом на все остальное. Вы слишком умная, мисс Манаринг. А мужчины не любят чересчур умных женщин. Они их попросту боятся.

— Не все! — возразила Далси, но не рискнула развивать эту тему.

У себя в спальне она внимательно вгляделась в собственное отражение в зеркале. Пожалуй, мисс Лорд права. Глазки у нее действительно маленькие и такие невыразительные. Да и волосы, — она прошлась расческой по мягким пушистым волосам, — надо с ними что-то делать. Может, и в самом деле подстричься? Вот и поставь себя рядом с Элвином. Никакого сравнения!

— Далси! — услышала она громкий голос Виолы снизу. — Ступайте немедленно сюда! У нас с Биллом есть для вас новость.

Сейчас объявят мне о своей помолвке, догадалась Далси. И что мне сказать им? Какие такие дежурные поздравления найти в этот полуночный час? Она торопливо набросила на плечи пеньюар и побежала в холл.

— О, вы очаровательны! — приободрил ее кавалер Виолы. — Я всегда говорил и повторяю еще раз: только англичанки умеют носить голубое. Это их цвет!

— У нас с Биллом для вас новость! — нетерпеливо перебила его Виола. — Говори же, Билл.

— Догадываюсь, — улыбнулась Далси.

— О, да! У нас для вас просто грандиозная новость! — немного напыщенным тоном начал Билл. — Мисс Виола оказала мне честь, приняв мое предложение руки и сердца.

Он отвесил церемонный поклон в сторону Виолы.

— Поздравляю! Новость и в самом деле замечательная! — искренне обрадовалась за подругу Далси. — Уверена, вы будете счастливы вместе долгие годы. Но за это надо обязательно выпить, не так ли? Сейчас я...

— Не беспокойтесь, мисс Далси! Я все принес с собой!

Билл извлек бутылку шампанского. Шампанское! Ночью! Что с ней будет завтра утром?

— А я принесу фужеры! — вызвалась помочь Виола.

«Как она светится от счастья, — подумала Далси. — И как похорошела. Почти красавица. Вот что делает с женщиной любовь!»

— Теперь ваш черед, мисс Манаринг! — галантно улыбнулся ей Билл, протягивая фужер с шампанским. — Весна, знаете ли! А весной любовь просто витает в воздухе. Предлагаю тост за любовь! И позвольте, мисс Далси, снова наполнить вам бокал.

Далси позволила. Да и что можно возразить? Весна, любовь... Да и потом! Не каждый же день пьет она шампанское, в самом деле!

22

С очередным визитом к тете Гермионе и дяде Бертраму Далси выбралась лишь в начале июня. Вечнозеленые лавры по-прежнему украшали подход к дому, но никто из ее родственников не озаботился украсить рабатки по обе стороны дорожки цветущими растениями, как это сделали их соседи. Все свидетельствовало о том, что разъезд брата и сестры неизбежен.

Странным образом повторилось и начало ее визита, ибо тетя Гермиона снова громко разговаривала по телефону. На сей раз, как поняла Далси из ее реплик, тетушка апеллировала к столичным службам электроснабжения, требуя, чтобы ей заменили разъемы, поглощающие, по ее мнению, слишком много электричества.

Дядя сидел в гостиной и с упоением предавался игре в настольный бильярд.

— А у нас хорошие новости, — приветствовал он племянницу, не отрываясь от игры. — Счет шесть на пятьдесят. Твоя тетя выходит замуж за викария, представляешь?

Невероятно! Наверное, жених Виолы все же прав, и весной в воздухе действительно витает одна любовь.

— Вот это да! — только и смогла выдохнуть удивленная Далси. — За того самого, у которого умерла сестра?

— Бертрам! Перестань забавляться с этой идиотской игрушкой! Запомни! В монастыре у тебя ничего подобного не будет, — строго попеняла брату вошедшая в гостиную тетя Гермиона.

— Вот потому я и тороплюсь наиграться дома, — благодушно отозвался Бертрам.

— Тетя Гермиона, примите мои поздравления! — Далси постаралась купировать назревающую ссору в самом начале. — Я так рада за вас! — она бережно приложилась губами к ее прохладной щеке. — И кольцо у вас такое красивое.

— Спасибо, дорогая! Да, это я настояла, чтобы все было, как у людей. Помолвка, кольцо! — Гермиона с видимым удовольствием продемонстрировала племяннице обручальное кольцо: тонкий золотой ободок с тремя маленькими бриллиантиками. — Люди, конечно, все равно будут сплетничать на наш счет. Я ведь в последнее время постоянно заглядывала к викарию домой. Он так нуждался в поддержке. Со смертью сестры бедняга лишился всякой опоры. Я была потрясена до глубины души, когда впервые навестила его.

— Как замечательно, что он оценил ваше участие и понял, какая прекрасная жена может из вас получиться, — тактично подыграла тетушке Далси, отчаянно пытаясь найти более романтичные слова, приличествующие ситуации.

— Да, после того как Мейси, его вторая сестра, вернулась к себе в Нottингем, он совсем растерялся. Не поверишь, дорогая, но однажды я застала его, за чем бы ты думала?

Далси удивленно вскинула брови.

— Он сам стирал свой стихарь, который, как ему показалось, утратил белизну. Бедный человек!

«А как же те отбеливатели, которые постоянно рекламируют по телевизору и которым так безоглядно доверяет мисс Лорд», — подумала про себя Далси, но благоразумно промолчала.

— Тогда я посоветовала ему обратиться в прачечную, но он даже понятия не имел, в какой прачечной стирала белье покойная Глэдис. Словом, вот так у нас все и началось: одно потянуло за собой другое, всякие бытовые мелочи, советы с моей стороны, посильная помощь... Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

«Вот каким банальным может быть начало любви», — размышляла Далси, слушая нескончаемый монолог тети Гермионы. Двое одиноких стариков сошлись, потому что, как оказалось, у них много общего. Общие интересы, так сказать, в том числе, и на бытовой почве. Да, но не этими ли принципами она советовала воспользоваться Элвину при выборе жены? Только вот вряд ли он согласится на такой разумный подход. Вернее, он никогда не согласится на это.

Дома ее ждало письмо от Мориса, который приглашал ее отобедать с ним в один из удобных для нее дней. *«Я всем сердцем чувствую,* — писал он, — *что мы должны остаться с тобой друзьями. В конце концов, что может быть прекраснее настоящей дружбы? А мне так нужен близкий*

человек, с которым я бы мог откровенно поделиться своими проблемами. Ну, а если друг — это такая прелестная, умная женщина, как ты, то о лучшем и мечтать не приходится».

Ну да! Я нужна тебе в качестве наперсницы, которой ты станешь плакаться в жилетку обо всех своих бедах. Ни за что! Подыщи себе когонибудь другого на эту роль!

Далси написала расплывчатый ответ, из которого следовало, что в ближайшее время она очень занята. Быть может, потом, когда-нибудь...

Вот и разорвана еще одна ниточка, связующая ее с внешним миром. А через несколько дней от нее съезжает Виола, которая хочет провести несколько недель перед бракосочетанием в родительском доме.

— У нас будет очень скромное торжество, — пояснила она Далси, словно оправдываясь за то, что не приглашает ее на свою свадьбу. — Билл не хочет излишней шумихи вокруг всего этого. Мы просто распишемся в нашей мэрии, а потом посидим узким кругом у нас дома. Скорее всего, мы переедем из Лондона в пригород. Билл уже подыскал приличный дом в Нисдене. Будем рады, если вы навестите нас там.

— Обязательно! — пообещала Далси, уже заранее зная, что вряд ли она когда-нибудь выправится с визитом в Нисден.

— Какая странная штука — жизнь, — задумчиво проговорила Виола. — Помните, как я переживала в прошлом году на этой конференции из-за Элвина Форбса. Сколько было страстей! Сколько слез было пролито. Напрасных слез! Как же мы не умеем беречь собственные нервы.

«А зачем их беречь, — возразила ей мысленно Далси. И так ли уж напрасно лила ты тогда свои слезы?» Этот же вопрос она задала себе еще раз, когда вместе с мисс Лорд наводила порядок в комнате Виолы после ее отъезда. В корзине для бумаг валялся сигнальный экземпляр книги Форбса с дарственной надписью, который Виола безжалостно выбросила вон, как ненужную ей больше вещь. Далси тихонько извлекла книгу из-под вороха других бумаг: пусть уж лучше пылится на ее собственной полке среди других книг.

— Неряха она, эта ваша мисс Дейс! — недовольно пробурчала служанка, выгребая кучу мусора из камина. — И посмотрите, какое безобразное пятно она оставила на журнальном столике. Наверное, от горячей чашки. Хотела бы я взглянуть на ее собственный дом. То-то будет кавардак!

— То, что все столы будут в пятнах — это точно, — рассмеялась Далси. — А вот в остальном... Знаете, иногда люди после свадьбы меняются самым кардинальным образом. Так что из нашей мисс Дейс со временем может еще получиться просто образцовая хозяйка.

— Дай-то бог! Но все равно, чужие вещи она ценить не умеет!

В один из дней к Далси нагрянула в гости Лорел. Далси как раз возилась на кухне, колдуя над кремом для любимого торта племянницы, когда та открыла калитку. Глянув в окно, тетя ахнула. Она совсем забыла, что Лорел уже давно не дитя. А год жизни в Лондоне и вовсе превратил ее во взрослую девушку. Узкая облегающая юбка, туфли на высоченных каблуках, модная стрижка в стиле ретро. Настоящая барышня из двадцатых годов.

— Ты никогда не догадаешься, тетя, — радостно затараторила Лорел прямо с порога, — с кем я сегодня обедала.

— Не догадаюсь! — покорно согласилась с ней Далси, отлично зная, кому именно выпало на сей раз счастье кормить ее племянницу ленчем.

— С доктором Форбсом! Вот!

— Как это мило с его стороны пригласить тебя на ленч, — ответила Далси, подумав, что в устах молоденькой девушки определение «доктор Форбс» звучит совсем как похоронный марш. — И куда же вы ходили?

— Мы обедали в одном клубе. Дамам там позволительно появляться только в качестве спутниц членов этого клуба. В ресторане полно было стариков, много представителей духовенства. А некоторые священники тоже обедали в обществе молоденьких девушек. Смешно, правда?

«Господи, — мысленно взмолилась Далси, — неужели Элвин выбрал это место для того, чтобы сделать признание Лорел». Но вслух она решилась лишь на короткий вопрос:

— Вкусно было?

— Очень! Только я не привыкла так объедаться за ленчем. И потом, мы выпили достаточно много вина. Я стала просто вся красная от этого вина, — добавила девочка с обезоруживающим простодушием.

— И о чем же вы беседовали?

— Да так, о разном. Мисс Дейс уже съехала от тебя?

— Да. У нее же свадьба на следующей неделе, — расстроилась Далси из-за того, что племянница резко сменила тему разговора.

— А ведь она была по уши влюблена в доктора Форбса, не так ли? Прямо из кожи вон лезла, чтобы привлечь его внимание. А он даже не смотрел в ее сторону. По-моему, он считал ее страшной занудой, как ты считаешь, тетя?

Далси обескуражено молчала. Оказывается, в глазах Лорел она уже такая безнадежная старуха, что племянница вполне искренне полагает, что с теткой можно откровенно обсуждать чувства посторонних людей, ибо своих чувств у нее уже быть не может по определению. Но Лорел явно чего-то не договаривает. Так! Наверное, Элвин все же не внял ее предостережениям и признался племяннице в любви.

— А знаешь, что? Даже сама не знаю, как сказать... Одним словом, доктор Форбс сделал мне предложение. За кофе! Смешно, да? — девчушка искренне наслаждалась произведенным эффектом.

— Он предложил тебе стать его женой? — сухо переспросила у нее Далси. — Но моя милая Лорел, у него же есть жена. Или он уже начисто забыл об этом?

— О, с ней все в полном порядке! Она с ним такое учудила! Ни за что не поверишь! Она сбежала от него с каким-то мужчиной. Представляешь?

— С каким мужчиной? — переспросила у племянницы потрясенная Далси. Вот это новость!

— Да я и сама точно не знаю. Познакомилась с кем-то в вагоне-ресторане, когда возвращалась в Лондон из Тейвискомба. Они ехали вместе с матерью, но та по каким-то причинам отказалась идти на ленч, и миссис Форбс отправилась в ресторан одна. А тут возьми и случись романтическая встреча и любовь с первого взгляда. Она уехала вместе с этим человеком буквально на прошлой неделе. Думаю, доктору Форбсу следовало бы еще повременить какое-то время с поиском новой жены, правда?

— Знаешь, человек в таком состоянии... пережить такой шок, — начала Далси неуверенным тоном. — Представляю, какой это для него удар. Но одно я знаю точно: ты ему очень нравишься. Вполне возможно, ему просто хотелось услышать слово сочувствия и поддержки, и он решил, что именно у тебя найдет все это. Мы не должны осуждать людей, попавших в столь трудное положение. Никто ведь не знает, что ждет нас самих в будущем.

— Ах, тетя! Все я прекрасно понимаю. И сочувствую ему, хотя, если честно, то не так уж он и убит горем. Отнюдь! Но выйти за него замуж! Что за нелепость! Он ведь старше папы.

— Пожалуй. Но жизнь показывает, что из зрелых мужчин получаются гораздо более хорошие мужья, чем из молодых, — горячо возразила ей Далси. Она уже почти была готова начать убеждать племянницу принять предложение Элвина.

— Нет, нет и еще раз нет! Я никогда не выйду за него замуж. Я так ему и сказала.

— Он очень расстроился?

— Немного. Трудно было определить по его виду, ведь мы же были на людях. Вообще такое дурацкое положение! — Лорел весело хихикнула. — Сама не знаю, что на меня нашло, но мне все время хотелось смеяться. Потому что я вдруг представила себе, что все эти старики, которые привели с собой молоденьких девушек, тоже объясняются им в любви и просят выйти за них замуж. Вообрази, массовое признание в любви! Эдакое коллективное помешательство.

— Ну, это ты преувеличиваешь! — остудила ее веселье Далси. — Бедный Элвин! Мне его искренне жаль. Кто бы мог подумать, что Марджори способна на подобное вероломство. И бедная миссис Виллитон. Можно только догадываться, каково ей сейчас.

— Жену доктора Форбса я никогда не видела. А вот с его тещей однажды пришлось столкнуться. Странная такая особа, маленькая, кругленькая и в розовой шляпке. Самое удивительное, что именно шляпка мне и запомнилась.

— Ты встречаешься с Полем? — перевела Далси разговор на домашние дела.

— Да, изредка мы с ним видимся. Он очень мил. Мы с Мэрион устроили у себя небольшую вечеринку, так он помог нам с цветами. И вообще, он хороший...

Оставшись одна, Далси долго размышляла над тем, как ей поступить. Написать сочувственное письмо Элвину? И что сказать? Да и нужно ли ему ее письмо в такой момент? Наверное, более подобающим будет ее обращение к миссис Виллитон: ей и в самом деле было жаль бедную женщину. Но при всем своем желании Далси так и не сумела подобрать нужные слова, чтобы выразить даме свое сочувствие. Когда единственная дочь решается на сумасбродство, нужны какие-то особенные слова утешения, вот только какие именно, Далси не знала.

События последних недель настолько выбили ее из колеи, что она совершенно забыла о существовании Невила. Вернулся ли он в свой приход? И как, в конце концов, разрулилась вся ситуация с бедняжкой мисс Спайсер? Вспомнив, что, прощаясь с ним в Тейвискомбе, она твердо пообещала, обязательно наведаться к нему в церковь, Далси решила, что наступило время выполнить свое обещание. Даже если Невил все еще отсутствует, все равно его говорливая экономка введет ее в курс всех последних новостей приходской жизни.

Она отправилась на вечернюю службу. Людей в церкви было, как всегда, немного, и Далси, скользнув взглядом по женской части прихожан, все силилась определить, есть ли среди них мисс Спайсер. По внешнему виду несколько женщин вполне годились на то, чтобы назваться ее именем. Впрочем, в каждом приходе имеется с десяток женщин, могущих претендовать на роль мисс Спайсер. И все они точно так же преследуют своего викария любовными домогательствами.

Когда до начала службы оставались считанные минуты, в церкви появилась экономка Невила. Она шла по проходу с таким видом, с каким шествует конферансье, сопровождая дирижера большого оркестра к своему пульту. Все время раскланивалась направо и налево, а, заметив Далси, широко улыбнулась ей.

Следом шел и сам маэстро. «Как же он хорош именно здесь, в церковной обстановке», — подумала она, глядя на Невила, фигура которого в церковном облачении была исполнена особой стати и благородства. В матушкиной гостинице он смотрелся немного нелепо в одеянии священника. Разве

что на кладбище, среди могильных плит, его черная ряса не вызвала у нее отторжения. Но здесь, в храме! Это было именно то, что надо!

Впрочем, Невил оказался не самым красноречивым проповедником, хотя, в общем и целом, говорил просто и доступно. Иногда, по мнению Далси, даже слишком доступно, многократно повторяя вполне очевидные вещи. Один раз его взгляд остановился на ней, но Далси так и не поняла, узнал он ее или нет.

Сразу же после окончания мессы к ней устремилась экономка.

— Ну, что я вам говорила! — объявила она с торжествующим видом. — Отец Форбс вернулся! Да и вообще тут столько всего произошло! Я вам расскажу! Вы ведь не откажетесь от чашечки чая, не так ли?

— Но как же все решилось с мисс Спайсер? — полюбопытствовала Далси, беря из рук экономки чашечку чая.

— Все устроилось наилучшим образом!

— Она вышла замуж? — Далси приготовилась выслушать еще одну сногсшибательную новость о том, как стремительно устраиваются человеческие судьбы этой весной.

— О, нет! Они переехали с матерью в Истборн. Купили там домик и уехали в эту деревушку на постоянное местожительство.

— Да, действительно, хорошая новость. Я знаю Истборн. Место красивое, и воздух там не то, что в городе. И церквей много. Так что, все к лучшему.

— Вот и я о том же!

— О, мисс Манаринг, рад видеть вас здесь, в нашей церкви, — услышала Далси у себя за спиной голос Невила.

— А я и не знала, что вы знакомы с отцом Форбсом, — моментально поджала губы экономка.

— Мы с отцом Форбсом познакомились совсем недавно, когда я отдыхала в Тейвискомбе, — стала оправдываться Далси, чувствуя, что попала в свершено дурацкое положение.

— Зато она уже давно знакома с моим братом, — добавил Невил.

— Ну, разве что так! — несколько смилостивилась та.

— А как поживает ваша подруга, мисс Дейс, так, кажется? — снова обратился он к Далси.

— О, у нее все прекрасно! Она вышла замуж.

— Это та дама, с которой вы приходили к нам в церковь в прошлый раз? — снова подала голос экономка.

— А я и не знал, что вы у нас уже бывали! — на сей раз, обида зазвучала уже в голосе Невила.

И в самом деле, дурацкое положение, ничего не скажешь.

— У меня неподалеку живут близкие родственники, тетя и дядя. И я... — начала пространные объяснения Далси, окончательно смутившись под градом вопросов столь интенсивного перекрестного допроса.

— Надо же! Подруга ваша вышла замуж, — обронила экономка, несколько озадаченная таким неожиданным поворотом в судьбе Виолы. — Значит, вы теперь живете одна?

— Да, одна, в родительском доме. Он для меня одной слишком велик.

— Тогда вам надо непременно подыскать себе хорошую квартирку. С небольшим садиком. Такую, как была у мисс Спайсер.

— Ее квартира, кстати, еще пустует, — тут же подсказал Невил.

«Господи, помоги, — мысленно взмолилась Далси. — Сейчас эти двое против моей же воли заставят меня сменить местожительства, а потом... А потом все может повториться. И уже кто-то другой будет со стороны наблюдать за очередной несчастной прихожанкой, влюбленной в своего священника, и сочувствовать ее горю. Или это исключено? Ведь Невил

сам предложил квартиру, а, следовательно, он полностью исключает такой вариант развития событий. Впрочем, мужчины так наивны. Ему кажется, что никто ни о чем не подозревает, и вся его история с мисс Спайсер уже навсегда похоронена в прошлом».

— Я подумаю над вашим предложением, — уклончиво ответила она. — А как обстоят дела у вашего брата? Мы с ним давно не виделись.

— У него в последнее время куча неприятностей. Его жена Марджори...

— Я в курсе.

— Да, крайне неприятная история! Но ничего не поделаешь! Таковы все женщины!

Последнюю реплику Невил произнес таким доверительным тоном, что Далси мгновенно ощутила себя неким абстрактным созданием без пола и возраста. Нечто наподобие манекена, которому, конечно же, неведомо, какими могут быть все эти презренные женщины.

— Бедная миссис Виллитон! — продолжил он, как ни в чем не бывало. — Я сделал все, что мог. Убеждал Марджори, беседовал с ней. И их приходской священник, отец Тулливер, тоже не остался в стороне. Но все тщетно! Она нас и слушать не захотела!

— Вполне возможно, в один прекрасный день Марджори горько пожалеет об этом. А ваш брат? Он очень расстроен?

— Представьте себе, да! Что удивительно, во всяком случае, для меня. Думаю, здесь просто задето его самолюбие.

— А ваша матушка?

— О, мама восприняла новость в своей обычной манере. Сказала, что в Тейвискомбе и не такое случается.

Да, это на нее похоже. Далси даже представила себе интонацию, с которой были сказаны эти слова.

— Скорее всего, он подаст сейчас на развод, — Невил тяжело вздохнул. — А потом снова женится на еще одной неподходящей особе.

«А вот тут он прав, — мысленно согласилась с ним Далси. Ее племянница ответила ему отказом, но мало ли вокруг других молоденьких девушек?»

— С ним вообще в последнее время столько проблем, — последовал очередной вздох. Невил и не подозревал, что слово в слово повторил то, что когда-то Элвин сказал в разговоре с ней уже по его адресу. — Так как насчет квартиры мисс Спайсер? Я могу, в случае чего, замолвить словечко за вас. Хозяин дома — мой прихожанин. Разумеется, его, как всякого домовладельца, волнует, чтобы квартира попала в хорошие руки. Да и мне будет очень приятно, если вы поселитесь в нашем приходе.

Далси метнула на него быстрый взгляд. Нет, определенно ничего личного. Обычная любезность учтивого священника.

— Боюсь, проку от меня будет немного. Я никогда не принимала активного участия в жизни своего прихода.

— О, здесь мы вас быстро загрузим работой! — обезоруживающе улыбнулся ей Невил.

Веселенькая перспектива, ничего не скажешь!

— Обязательно подумаю над вашим предложением, — твердо пообещала ему Далси.

— Подумайте, подумайте! Только не очень затягивайте с решением. А вообще, доложу я вам, в жизни нужны перемены. Поверьте моему слову, перемены всегда благотворны.

«Смотря какие», — мысленно возразила ему Далси, не рискуя вступать в дискуссию по столь абстрактному вопросу.

Домой она возвращалась в самом подавленном настроении. Итак, перспектива превратиться в ближайшем будущем в еще одну мисс Спайсер

обрела вполне реальные очертания. Хотя, почему перспектива? Разве она уже не похожа на мисс Спайсер со своей безответной любовью к Элвину? Только что не бегает к нему домой и не пристает со своими чувствами. А переберется на новое место и начнет бегать к другому брату: Элвин, Невил... В конце концов, какая разница?

Дома одиночество стало еще нестерпимее. Виола вышла замуж, Лорел переехала в центр города к своей подружке. Робкие попытки Мориса к примирению были ею недвусмысленно отвергнуты и пресечены на корню. И что в остатке? Предложение Невила активно включиться в жизнь его прихода. Да еще работа. Она сейчас как раз занимается составлением библиографии для одной крайне заумной книги по антропологии. Работы хватит еще недели на три. А потом?

А что, если начать сдавать комнаты студентам? Например, молодым африканцам. То-то жизнь забьет ключом в ее тихом доме. Надо еще подумать над тем, где провести летний отпуск. Возможно, она отправится в Дорсет и погостит пару недель у сестры. Или к морю... А может, подвернется еще какая-нибудь научная конференция, и тогда...

Мысли ее снова стали кружить вокруг Элвина Форбса, а потому Далси даже не удивилась, когда зазвонил телефон, и она, сняв трубку, услышала в ней голос Элвина.

— Мисс Манаринг? Далси, говорит Элвин. Элвин Форбс. У меня к вам просьба. Не могли бы вы помочь мне с работой?

— Вам нужна помощь в составлении библиографии? — растерялась Далси.

— Не совсем, — начал он несколько туманно. — Можно мне сейчас подъехать к вам, и я все объясню на месте.

— Да, пожалуйста. Подъезжайте к часам пяти. Я буду дома.

Лучше покончить с этим делом сразу же. Интересно, что там у него за работа случилась? В любом случае, лучше уж составлять библиографию для очередной книги Элвина, чем, поселившись в квартирке мисс Спайсер, с головой уйти в заботы церковной жизни в приходе Невила.

Снова сидя в такси (ибо понять, как именно можно попасть к Далси на общественном транспорте он так и не смог), Элвин размышлял над тем, что ей сказать. Сумеет ли он убедить ее в столь стремительной перемене своих чувств? Ведь совсем недавно он со всем пылом убеждал ее в том, что любит Лорел, что влюблен в нее, как мальчишка. И вдруг такая метаморфоза! Конечно, работа — это только предлог. Но разве может такая добрая душа, как Далси, отказать ему в слове утешения и поддержки? Ему! Одинокому пожилому человеку. Нет-нет! Только не пожилому. А смешно будет потом, когда они поженятся, вспоминать все ее наставления насчет того, как именно ему следует искать себе подходящую жену. Подходящая жена! Это значит, не очень молодая особа, понимающая толк в его работе, могущая при случае помочь ему и словом, и делом. Звучит ужасно! Но только до тех пор, пока ты не понимаешь, что за этим описанием скрывается женщина, которую ты любишь. Неужели в такую можно влюбиться, возразит ему кто-то. Еще как можно! И это вполне в духе Элвина Форбса.

Господи, зачем он принес такой огромный букет, ошарашенно уставилась на Элвина Далси, открывая ему дверь. Ведь у нее в саду полно цветов.

А в это самое время сеньор Макбрайд-Перейра, стоя у окна своей комнаты, наблюдал за тем, как на их тихую улочку свернуло такси. Занятый приготовлением чая, он не успел заметить пассажира, который прошествовал к дому Далси. Наверное, он пропустил что-то очень важное, попенял на себя бразильский дипломат и в глубокой задумчивости предался чаепитию.

Перевод с английского Зинаиды Красневской.

Окна открыты в небо

Сербская литература в своем мощном поле притяжения держит меня уже более сорока лет. И, пожалуй, до конца дней моих не отпустит. Знать, судьба такая. А я и не жалуюсь на нее. Наоборот, радуюсь. Только сожалею, что не хватает времени и сил на то, чтобы в максимальной полноте представить богатейшую словесность братского сербского народа своим соотечественникам. И чтобы хоть что-то сделать для решения такой задачи, составил подборку произведений современных поэтов Сербии. Хочется верить, что эти стихи читателей «Нёмана», как и меня, равнодушными не оставят.

Иван ЧАРОТА

СЛОБОДАН РАКИТИЧ

Большие черные птицы

Вижу больших черных птиц,
над землей повисших.

Собираю росу черную
с листьев дуба,
с невидимых стеблей
льна и конопли.

Собираю шишки сосновые
в черные корзины.

Собираю черные запахи
бузины
и липы, срубленной
перед домом.

Собираю имена
братьев и сестер
потерянных.

Собираю буквы,
по полю рассыпанные,
пчел и детей вокруг колодца.

Слушаю языки запутанные
и голос Бога.
Вижу больших черных птиц
над землей.
Птиц тысячелетних.

Зеркало

Кто-то другой, в зеркале,
стоит напротив меня.
Пошевелюсь —
он пошевелится.
В любой момент
может уйти
тот другой, в зеркале.

Навсегда.

В любой момент
может случиться,
что не станет меня.
Даже в зеркале.

В любой момент
возможно изменение,
иной облик.

В любой момент
может случиться,
что я не останусь
и тенью.

Тот, чьей тенью
являюсь,
может уйти
в другую тень.

Вместо меня
тот другой
будет иметь
иную тень.

А это не буду я.
Также и с третьей тенью.
Это не буду я.

Это не будем
ни тот другой,
ни третий,
ни я.

Копье

Копье через поле,
стрела...
И птица в полете
от испуга
яйцо снесла.
Глаз сияет.
На щите змея
нападает,
и труп.

Кровь льется
коню на круп.

Строфа

Листья, листья, листья...
Кто их все посчитает?
А вот ствол один стал
Над водой, как имя жаждущее.
Я среди поля широкого.
Ночь мраком меня покрывает.

ДЖОРДЖЕ НИКОЛИЧ

Отчизна

Сербия!

Вчера мы
Гибли за тебя.
С небес сегодня
На тебя взираем.

Вчера
Себе окопы рыли.
Сегодня и без крыш
Над головой обходимся.

Великий пяток

Великий Пяток —
Самый черный день
С тех пор,
Как явился Бог.

Солнце взошло.
Но раздался крик:

«Распни Его! Распни!», —
И все во мрак ушло.

Тогда все творение
Накрыла тьма гроба
До Света нового —
Светлого Воскресения.

ЗОРАН КОСТИЧ

Россия

*(По Летописи Требешского
монастыря святого Луки)*

Хранится как свидетельство прежней славы,
Воззвание, кое писал Савва Владиславич —

Граф и советник царя Петра Великого,
По воле Бога Всевышнего и властителя сего,

В тысячу семьсот одиннадцатое лето:
«Коль вы еще сербы, — а несомненно это, —

К тому же, никшичане, доблестные искони,
То пробил час Неманичей короне

Вернуть сияние, рабское ярмо с себя снять
Да полумесяца тень от креста прогнать.

После Голгофы Косовской воскресение
Да будет, и за муки все наши отмщения.

Тем, кто попирал нашего сербского рода
Славу, честь, достоинство и свободу.

Посему, Грамотой данной своей, братья, —
как земного, так и Небесного царства ради, —

Долгом своим считаю призвать к восстанию,
На Творца и царя Петра с упованием!»

Зов

«Мама, мама!» — с надеждой взываем мы,
а эхо умножает зов наш: «Ма-а-а-м-ы-ы-ы!..»,

И правильно — ведь так вопят многие,
одинаково, хотя каждый к маме своей.

Вот и здесь, кажется, на каждой горе
собрались дети, зовущие матерей.

Боясь одиночества с наступлением ночи,
ребенок поддержки от матери хочет,

думая, что забравшись выше,
отзыв скорее и четче услышит.

Что ж, так детство и должно
святость матери ввысь поднимать,

ведь до скончания века оно
отзыва матери с небес будет ждать.

ЛЮБИЦА МИЛЕТИЧ

Новый дом

Это не дом мечты моей —
Из фракийского мрамора
Цвета зари.

Нет в нем восточных дверей,
Нет для души ожидания,
Вида на поле широкое нет.

Это не дом предков моих —
Скромный, однако хранящий
Хлеб-соль и вино для гостей.

Это дом запретов многих
И предписаний — дом раздора.
Без домочадцев дом.

В тупике из ничего построен он.

Это дом заблуждения
И слепой уверенности, будто
Он лучше дома мечты моей.

Ной

Времени лишь на то,
Чтобы найти лучшее дерево
Для ковчега святого.

Чтобы построить его,
Смолою залить все трещины
И поднять надежный парус.

Вокруг уже грохот стоит
Вода ломит и уносит все,
Что с трудом века возводилось.

А стаи туч все кружат и кружат.

Готовлюсь я по грозному морю
Уйти от безверия и беззакония
К далекому Арарату,

Крепости Божьего града.

НЕВЕНА ВИТОШЕВИЧ-ЧЕКЛИЧ

Лампада

Во вселенной
я одна, сама.
Вокруг меня
сплошная тьма.

А где все-таки
звезды, кометы,
и галактики,
и планеты?

Да вот же:
в лампады огне —
и сияют уже
во мне!

Возведение храма

Мы с тобой —
возводящийся
храм.

Скоро
вознесется
купол
и крест благолепный
виден будет
со всех сторон.

А что
будет потом?

Потом будут
приходить люди.

И благодаря множеству
ими зажженных свечей
души наши будут
возрастать
и возрастать...

МИЛИЦА ЕФТИМИЕВИЧ-ЛИЛИЧ

Серьезная игра

Надела я платье модное,
Постриглась и стиль сменила,
Фразы броские сочинила,
Чтобы духу времени отвечать...
Да проверила, возможно ли
Судьбу собственную поменять.
Все, что для вида я делала,
Как должное воспринималось,
А судьба моя окаменелая
Далеко в стороне оставалась,
Будто памятник позабытый,
Но все же напоминающий
О героях, чьи идеалы
Время новое отвергает.

Я утешить ее стараюсь
риторикой оптимистичной:
Мол, ничего же страшного,
А будет и вовсе отлично.
Но судьбу-то не обмануть.
Так что ничего не стоит ей,
Играясь, взять меня за уши,
И напомнить, чтобы не забывала
Об извечном порядке вещей.

Только то

Идет То, останавливая это.
До тебя, до меня, до всех
Было То.
Мы все отошли. Нас нет.
А То есть и есть.
Начинается одно, становясь иным,
Но остается То,
Все сдержав, остановив.

То — всегда То,
Непобедимое, неоспоримое.
И было только То,
Вместо всего,
Что я бы сам себе выбрал.
То появляется,
Отодвигая иное,
Нежданно-негаданно.

И в конце будет
только То,
Кем-то невидимым
тебе изначально
предназначенное,
А вовсе не желанное,
Не трудами праведными
Заслуженное.

Так уж предопределено,
Что при тебе всегда То.
Куда ни подавайся,
То везде тебя ждет.
То,То,То —
Которое тебя всюду встречало.
Перед тобой оно упало,
И так осталось.

ВЕРА ВУКШИЧ-ВИТОШЕВИЧ

Когда умирает поэт

Слезы,
густо падавшие,
снег на земле —
ниву белую —
вспахали.

От рыданий
затмилось окно,
через которое
даже слепцы
видели небо.

Поминают его
своим пением
птицы и нищие.
Вместе они
добро славили.

Но в час заката
все же появятся

просвещенные ужи,
умеющие объяснить,
что он писал, почему ушел.
Тогда замрут
птицы все,
чтобы еще раз
кукушка надежно
подсчитала года.
Не стоит плакать:
в гроб направляемся,
когда рождаемся;
а дух испустив —
к свету.

Радуйтесь,
птицы земные!
Окна открыты
Для вас —
В небо.

* * *

Между мной и тобой
Туча.
На твоей стороне
Солнце.

Если все-таки ты
вновь захочешь ко мне,
лучик хоть захвати,
чтобы стало светлее —
как прежде.

Перевод с сербского Ивана ЧАРОТЫ.

История Креста Евфросинии Полоцкой — символа Беларуси — еще до его таинственного исчезновения изобиловала удивительными подробностями. Больше века назад историк и археограф Дмитрий Иванович Довгялло описал ее в историческом эскизе «Крест преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой» (впервые напечатан в №№ 11—12 Полоцких Епархиальных Ведомостей, 1895 г.). Этот текст журнал «Нёман» предлагает вниманию читателей. О том, что происходило после и о величии святыни читатели узнают из материала, подготовленного сестрами Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, а также из материалов, посвященных поискам и воссозданию Креста Евфросинии Полоцкой.

Крест преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой

Исторический эскиз

I

Необходимые пояснения

Самую замечательную святыню и драгоценнейшую церковно-археологическую редкость нашей епархии Полоцкой составляет крест преп. Евфросинии. В исторических судьбах этого креста дивно проявился Промысл Божественный! Он берег этот крест в течение семи веков... Как будто для того, чтобы чрез него восстановить и обновить обитель преподобной покровительницы Белоруссии, а затем оставить его здесь в качестве постоянного и, благодаря надписи на нем, самого неподкупного свидетеля древности православия в нашем крае!

Можно ли по достоинству оценить, какую великую услугу для потомства, для Белоруссии оказала преп. Евфросиния тем, что сделала для церкви Спаса чудный крест и засвидетельствовала это надписью на самом кресте?

С точки зрения исторической любознательности, особенно драгоценна эта надпись, помещенная, как известно, по бокам креста на двадцати серебряных вызолоченных табличках. Тут чрез все века сохранился ясный и определенный ответ на вопросы: в котором году и кем именно сооружен настоящий крест? с какой целью? что он стоит? и т. д. Прочитаем же эту надпись, позволив себе: а) заменить некоторые древнерусские слова теперешними и б) воспользоваться интересными пояснениями к ней, сделанными еще в 1832 году преподавателем словесности в Полоцкой униатской семинарии кс. Клементием Хруцким [1].

«В лето 6669 (по общепринятому счету = 1161 году от Р. Хр.; лишь Преосвященный Василий (Лужинский) почему-то думал, что это = 1120 году [2]) *покладает Евфросиния честный Крест в монастыре своем, в церкви святого Спаса. Честное древо не ценно* (оно простое дубовое), *а окование его — золото* (золота

Фрагмент Креста, созданного Лазарем Богшей.

в стороне лицевой, кроме двух крестиков из того же металла, — 12, на обратной стороне — 11 частей; на них — мозаика, но вся испорчена. На стороне задней одной части нет: вероятно, с изображением святителя Григория, папы Римского. Место то заведено тушью. В части с надписью «от гроба Пресв. Богородицы» не знаю, чего не достает; думаю — камня) *и серебро* (которое покрывает по бокам крест под позолотою; на нем выписана сия надпись), *и камни* (дорогих камней, как видно, было 8, ныне — 7, кроме одного карбункула, два — низкого халкидона, один — хрусталя; прочие три — стекло), *и жемчуг* (как видно, по бокам крестиков жемчужин больших «урианских» было 8; края креста... равно ж некогда покрыты были жемчугом) *во сто гривен, а дано делавшему* (т. е. мастеру Лазарю Богоши, как он называет себя сам в надписи на обороте креста внизу) *сорок гривен. Да не изнесется из монастыря никогда же, яко ни продать, ни отдать. Если кто сего не послушает, изнесет его из монастыря, да не будет ему помощником честный Крест ни в сей век, ни в будущий и да будет проклят Святою Животворящею Троицею, святыми 318 Отцами, Семью соборами святых Отец и да будет ему участь со Иудою, который предал Христа. Кто ж дерзнет сотворити сие,* (взять крест из монастыря, можно полагать, это и было написано на отломанной частичке) *властелин* (тогдашний государь Полоцка) *или князь* (их было несколько под властелином), *или епископ, или игумения, либо иной какой человек, да будет ему и клятва сия. Евфросиния же, раба Христова, стяжав крест сей, да приимет вечную жизнь со всеми святыми».*

Если и резко звучит для нас заклятие этой надписи, то все-таки оно понятно на сем кресте. Помимо того, что эта надпись принадлежит веку, когда под влиянием недавно принятого христианства еще не успели совершенно исчезнуть грубые языческие представления, заклятие это, выражая чувство глубокого уважения к святыне, естественно могло быть вызвано материальной ценностью креста. Расход на него в 140 гривен, даже по нашему времени, сумма очень крупная. Считая гривну по курсу XII—XIII века в Новгороде, т. е. равною 19 руб. 91 1/9 коп., получим очень внушительную цифру = 2.787 руб. 55 5/9 коп. серебром [3]. Немногим меньше получится, если принять курс серебряной гривны в Смоленске, но во всяком разе, до 2300 рублей на наши деньги [4]. И думается, что такая тонкая работа, ювелирная и мозаичная, какою является перегородчатая византийская эмаль на этом кресте [5] вместе с употребленными для него прочими материалами, делает вполне понятной такую сумму.

Особенно мог быть дорогим для преп. Евфросинии крест этот потому, что он являлся ковчегом, в котором она имела навсегда сохранить в своей обители приобретенные, без сомнения, не легко бесценные святыни христианства, как: капля Крови Христовой, часть от Креста Господня, часть от камня гроба Пресвятой Богородицы, часть мощей первомученика Стефана, капля крови св. вел. Димитрия, часть мощей целителя Пантелеимона...

Из дальнейшего мы увидим, насколько преп. Евфросиния своим заклятием достигла цели. Здесь наметим лишь, как до невозможности трудно сказать, что именно из этих священных реликвий уцелело до нашего времени. Крест могли

утерять одни из них во время перехода по областям земли русской, другие — когда находился у базилиан полоцких... Сохранилось известие, что протоиерей Слонимский († до 1832 года) усомнился в сохранении через столько веков вмещенной в кресте капли Крови Христовой, и поэтому вложил в крестик «тайны Евхаристии» [6]. Тот же кс. Хруцкий свидетельствует, что части древа Креста Господня он не видел и что она вынута неизвестно когда [7]. Словом, в данном отношении приходится считаться с заявлением лично осведомлявшегося о кресте кн. Хованского: «Крест преп. Евфросинии... содержал в себе много святых мощей; но все они, кроме, *кажется двух,* вынуты» [8].

II

В плену в Смоленске, в Московии и у униатов

Естественно, что не только в глазах преп. Евфросинии крест ее пользовался особым почтением. Под этим лишь углом зрения становится понятным следующее предание: «Некогда смоляне державше у себя государей и князей по своим волям. И меж себя смоляне с полочаны воевахуся, и той крест честный смоляне в Полоцку взяша в войне и привезоша в Смоленск» [9]. Вероятно, что это было в первой четверти XIII века (в 1222 г., по мнению А. П. Сапунова [10]), когда большая часть мелких белорусских княжеств подчинялась смоленским князьям [11].

Взятый в Смоленск крест преп. Евфросинии оставался здесь до 1514 года. Великий князь Василий Иванович взял «свою вотчину Смоленск, тогда же и тот честный крест в царствующий град Москву привезен» [12].

Около пятидесяти лет пробыл крест преп. Евфросинии в Москве... Поход Грозного на Полоцк в 1563 году воскресил в памяти царя, что в казне его находится замечательный «крест Полоцкий». «Царь и великий князь той крест обновити велел и украсити, и той честный крест взял с собою, имея надежду на милосердного Бога и на крестную силу победити враги своя, еже и бысть» [13].

Такая судьба креста преп. Евфросинии наглядно говорит нам о высоком почтении и благоговении, которым пользовался он со стороны князей и вообще областей земли русской. А надпись на кресте, заклятие, быть может, было главным основанием, почему царь Грозный так верил в силу креста и взял его с собою в поход на Полоцк: возвращение креста являлось некоторого рода религиозным подвигом.

Прямых сведений не сохранилось до нас для утверждения, что крест преп. Евфросинии был оставлен Грозным в Полоцке. Однако это вполне достоверно. Интересно обратить внимание на местное предание о кресте. Оно прямо и определенно указывает на личность Грозного и ставит его в особые отношения к кресту. Предание это было записано в 1832 году [14] не только униатами, но и православными. Представляя Спасский монастырь непрерывно существовавшим, равно и крест неизменно в нем сохранявшимся от времени самой преп. Евфросинии, как те, так и другие одинаково говорят, что нашествие Грозного на Полоцк устрашило монашек обители Спасовой: 31 декабря 1562 года они ушли под защиту замка Полоцкого, поселились близ Софийского собора «и крест сокрыли в Софийском храме...» 31 января 1563 года Грозный занял пустой монастырь Спасский и стоял в нем, доколе не взял города с замком. С богатою добычей, побрав все драгоценности города и кафедры, Грозный ушел в Москву. «Но креста св. Евфросинии не смел вынести в Москву: ужаснулся клятвы на нем» [15].

При свете вышеприведенной выписки из недавно изданного г. Лебедевым «Летописца русского» следует, таким образом, местное предание поправить лишь в том, будто монахини вместе с собою принесли в Софийский собор крест преп. Евфросинии уже при нашествии Грозного... На деле это могло быть чуть-чуть позже... Грозный принес крест в Полоцк... Но так как после его ухода

отсюда «время было сомнительное: поляки готовились отнять обратно Полоцк у царя Московского, то монашки хранили крест в Софии... А когда Баторий, взяв г. Полоцк, отдал имения Спасского сгоревшего монастыря иезуитам в 1580 году, то монашки, скоро увлеченные в унию, принуждены были совершенно отказаться от Спаса» [16]. Для них был выстроен монастырь близ Софии Полоцкой. Сильные своим влиянием иезуиты не смели, однако, отнять креста, хотя Спасским храмом владели 240 лет (по 1820 год), знали, где хранится сей крест, и упоминали о нем в своих сочинениях [17].

Прибавим к этому: иезуиты прямо покушались похитить этот крест. «Однажды в праздник Воздвижения, в который крест ежегодно был износим из ризницы в церковь для поклонения, иезуиты успели похитить его, ловко подложив на его место другой, по наружности совершенно похожий, крест. Но подлог тотчас был открыт; базилиане успели догнать иезуита, похитившего крест (на полпути к иезуитскому коллегиуму), и отнять его» [18].

Словом, не только основавшие при Софии свою кафедру и базилианский мужской, а затем и женский монастырь униаты, но и самые ярые враги всего русского и православного иезуиты видели в кресте преп. Евфросинии несомненную драгоценность.

III

«Оставить до времени!»

Не боязнью ли униатов потерять такое сокровище объясняется и то обстоятельство, что в начале второй четверти нашего (XIX) века существование креста преп. Евфросинии было тайною для православных, не было известно ни духовенству, ни чиновничеству? В самом деле, православные полочане прекрасно знали (в 1831 году), что церковь «Спас-Юревичи» построена в XII веке преп. Евфросиниею, и настолько дорожили они этим памятником православия, что чрез своего уполномоченного, полоцкого гражданина Даниила Кобеко, подавали всеподданнейшее прошение, добиваясь отдачи церкви Спаса в ведение Богоявленского монастыря [19]. Между тем, о кресте здесь ни словом не упоминается. Не говорит далее об этой святыне и Преосвященный Гавриил, епископ Полоцкий, когда (думается, вследствие вышеприведенного прошения полочан) в январе 1832 года просил генерал-губернатора Белоруссии кн. Хованского хлопотать о возвращении в православие церкви Спаса.

Духовная и светская власть узнала о существовании в Полоцке креста преп. Евфросинии и стала хлопотать о возвращении его лишь после того, как в силу резолюции императора Николая I (от 10 апреля 1832 года [20]) была возвращена православным церковь Спаса... Между тем, крест преп. Евфросинии был в такой неизвестности, что каждый, узнававший о нем, считал себя в положении открывателя.

Факты... 30 мая 1832 года советник Витебской казенной палаты г. Городецкий и Полоцкого Покровского собора протоиерей о. Копаевич выбыли в Спас. Они имели казенное поручение: первый — передать, а второй — принять церковь Спаса в православное ведомство. И было возвращено нам наше достояние, хотя в виде, жалости достойном: из принадлежностей храма лишь уцелело на стенах четыре «несколько полинявших» иконы [21] да крест железный, снятый с купола [22]. Спрошенные в то время волостные старшины, представители от крестьян и арендаторов Спаса единодушно показали, что более принадлежностей Спасской церкви не сохранилось [23]. Комиссия лишь узнала откуда-то об одном кресте преп. Евфросинии и, кажется, впервые ею официально заявлено об этом. Советник Городецкий на акте о приеме Спасской церкви пишет: «...о возвращении сделанного для сей церкви княгинею Евфросиниею злато-серебряного креста с дорогими каменьями и жемчугом... и находящегося теперь, как узнал

я (sic!), в униатском соборе, бывшем также православным, я сделаю моему начальству представление...» [24].

12 июня 1832 года, проезжая чрез Полоцк, кн. Хованский пожелал лично осмотреть церковь Спаса. Полицеймейстер полоцкий г. Богомолец доложил (sic!) генерал-губернатору, что в Софийском соборе «есть драгоценный крест, посвященный Спасскому храму его высокою строительницею преп. Евфросинией. Хованский сильно заинтересовался сообщенным и отправился в Софийский собор. Ректор семинарии кс. Шелепин показал Хованскому этот драгоценный крест, а один священнослужитель прочитал надпись на кресте...» Результатом этого было официальное письмо к епископу униатскому Мартусевичу: «...так как теперь нашел я (sic!) оный крест по неисповедимым судьбам в другом месте, то, считая должным, во 1-х, свято соблюсти волю завещательницы преп. Евфросинии, во 2-х, исполнить Высочайшую Его Императорского Величества волю, дабы вся принадлежность сего храма сохранена была в совершенной целости, прошу покорно Ваше Преосвященство означенный крест приказать описать и потом при описи передать архимандриту Полоцкого Богоявленского монастыря о. Паисию и о том меня уведомить для всеподданнейшего донесения Государю... При сем случае прошу... почтить меня уведомлением: нет ли еще в заведывании Вашем других каких-либо принадлежностей означенной церкви Спаса, равномерно и о том, каким случаем и когда вышеозначенный драгоценный крест достался униатскому собору и по какой причине о приобретении его никому не было доносимо» [25].

Это требование ставило Мартусевича в неприятное положение: он не желал, конечно, отдавать креста и в то же время не мог ничего официально-определенного сказать об основаниях, почему владел им. Препровождая кн. Хованскому рисунок и описание креста, Мартусевич нашелся ответить, что сведений об этом кресте никаких дать он не может, так как в 1812 году архив весь сгорел; крест же втайне не был сохраняем: его показывали разным любопытным лицам; но отдать крест, согласно требованию Хованского, не может-де без разрешения греко-униатской коллегии [26], которой он, Мартусевич, рапортовал обо всем этом деле [27].

26 июля 1832 г. к министру внутренних дел из коллегии было послано такое определение: принимая во внимание, что означенный крест преп. Евфросинии с давнего времени считается собственностью Полоцкого греко-униатского Софийского собора, коллегия считает себя не в праве разрешить выдачу оного по требованию белорусского генерал-губернатора без разрешения высшего начальства [28].

Почти одновременно с этим в министерстве был получен рапорт кн. Хованского, где он, между прочим, ходатайствовал о возвращении Спасской церкви креста преп. Евфросинии. Немного спустя и сам кн. Хованский лично прибыл в С.-Петербург и имел нарочитый разговор с Блудовым [29] об этом кресте. Дело складывалось в такие условия: хотя и желательно возвратить одной из православных церквей ее древнее достояние, особливо после сделанного на сей счет домогательства (со стороны Хованского); но, с другой стороны, перенесение креста, издавна принадлежащего греко-униатскому собору, может огорчить униатов, сделать на них неблагоприятное для видов Правительства впечатление и отдалить эпоху присоединения их к Восточной Греко-Российской Церкви [30].

Приведенная буквальная выписка из всеподданнейшего доклада мин. вн. дел явно склоняла Государя к тому, чтобы разрешить представленное на его усмотрение — возвратить или не возвратить крест православным — именно в отрицательном смысле. Действительно, 9 сентября 1832 года в Киеве собственноручная резолюция Императора Николая последовала такая: *«оставить до времени»* [31].

Сменивший князя Хованского генерал-губернатор П. Н. Дьяков, как известно, представлял обер-прокурору Св. Синода г. Протасову «на ближайшее усмотрение» доклад (от 3 июля 1837 года) об этом предмете. Но результатов никаких не последовало [32].

Таким образом, предоставлено времени решить вопрос о возвращении креста преп. Евфросинии из плена от униатов; был избран для этого естественный путь: с возвращением униатов в лоно православия имел присоединиться и крест... Но что же замечается? Без этого креста как будто не могла быть восстановлена обитель девичья Спасова, а с переходом креста к православным и обитель была восстановлена, и потекли щедрые жертвы, на которые она была восстановлена.

IV

Спас — архиерейское подворье

Преосвященный Гавриил не может быть забытым ни одним историком Спасо-Евфросиниевской женской обители. Когда ему предстояло вследствие запроса Св. Синода решить приходской ли церкви или монастырю при Спасе быть, Преосвященный Гавриил так полно изучил историю преп. Евфросинии, ее монастыря, креста и иконы, что после его рапорта от 11 марта 1833 года мы, в сущности, не встречаем обо всем этом новых подробностей [33]. Мнение Преосвященного Гавриила, судя по этому в полном смысле трактату, было таково, чтобы при Спасской церкви непременно учредить женскую обитель и затем «за надлежащим устройством монастыря» мощи преподобной Евфросинии перенести из Киевских пещер в Спасскую оною благоверною княжною устроенную церковь для вящего утверждения и распространения православия и в обличение заблуждения отступивших от оного в унию, которые, а особенно простолюдины, как сию святую, так и прочих российских святых, почитают униатами... Драгоценный *крест*, пожертвованный преп. Евфросиниею в Спасскую церковь, *отобрать* от униатов *и передать,* в силу завещания ее, на нем изображенного, *в Спасскую церковь...* Если представятся препятствия к возвращению из Торопецкого собора древнего достояния Полоцкой Спасской церкви — чудотворной *иконы Пресвятой Богородицы,* написанной евангелистом Лукою, то, по крайней мере, списать с нее верную копию, и, украсив подобающим образом, поставить в Полоцкой Спасской церкви и учредить с оною таким же порядком и в такое же время крестный ход, как оный совершается в Торопце [34]».

Мы не имеем нужды предполагать, что было бы, если бы этот проект Преосвященного Гавриила не был его, так сказать, лебединой песнью на кафедре Полоцкой. 30 апреля 1833 года образованная вновь епархия «Полоцкая и Виленская» вручена была Преосвященному Смарагду [35].

Когда Преосвященный Смарагд приехал 9 июля 1833 года в Полоцк, ему, вероятно, рисовалась очень невеселая перспектива. У него не было свиты, пока соседние епископы — Смоленский, Псковский, Могилевский — не прислали по 1 диакону и 4 певчих; ему негде было открыть консистории, пока не разрешила вопроса о помещении для консистории местная полиция полоцкая, но благодаря ее энергичной помощи Преосвященный Смарагд 13 июля мог уже открыть консисторию, хотя и не в блестящем помещении — в четырех «маленьких и невыгодных комнатах» упраздненного францисканского монастыря. Но главное, все-таки у Преосвященного Смарагда не было собственного помещения: как остановился он в Богоявленском монастыре, так и зажил здесь [36].

Понятно, что прежде всего Преосвященный Смарагд остановился на Спасе, который в XII веке был «метохией» архиепископов православных полоцких. Преосвященный Смарагд не замедлил начать ходатайство пред обер-прокурором, чтобы после приведения церкви Спаса в благолепный вид были возобновлены строения при ней и вместе с садами и огородами обращены в загородный архиерейский дом с пустынной обителью [37] (само собою разумеется, не женской). Правда, наряду с этой мыслью у Преосвященного Смарагда были и другие планы. Подумывая и о перемещении в Струнь [38], он представлял в Св. Синод

смелый проект: отдать для жительства ему и клиру монастырь доминикан, а доминикан перевести в стоявший упраздненный тогда монастырь францисканский [39]. Планы эти не нашли поддержки в Министерстве и рушились [40]. Для Св. Синода оставался один легкий выход: обратить Спас в архиерейское подворье, хотя этим, можно сказать, совершенно изменялась картина, удачно нарисованная Преосвященным Гавриилом и кн. Хованским. Если по предначертанию первого в Спасе должна была возникнуть женская обитель с мощами ее основательницы, с драгоценностями иконы и креста, приобретенными еще ею самою, то последний (кн. Хованский) проектировал со своей стороны «учреждение при оном девичьем монастыре девичьего училища, потому что во всей Белоруссии нет сего заведения, тогда как при общем образовании многие, особенно же недостаточные семейства, имеют в нем великую нужду» [41]. Отсюда понятно, почему Св. Синод был поставлен вышесказанным проектом еп. Смарагда в затруднение и медлил с ответом на него.

Между тем, 23 апреля 1835 года было сроком, когда оканчивалась аренда (Пядзевичем) всего поиезуитского казенного Спасского имения — полей, садов и огородов. Министр финансов согласился уступить и строения, и сад архиерейскому полоцкому дому с зачетом состоящей под строениями садами и огородами земли в определенную для архиерейских домов 60-ти десятинную пропорцию [42]. Только теперь от 20 июля 1836 года Синод дал указ, где в устройстве Спаса соглашался с мнением и желанием Преосвященного Смарагда и предназначал на реставрацию храма и благоукрашение его 30.359 руб. 5 коп. [43].

Назначением строительной комиссии из архимандрита Богоявленского монастыря Паисия, протоиерея Копаевича и губернского архитектора Порто [44] оканчивается отношение Преосвященного Смарагда к Спасу. 5-го июня 1837 года на его место был назначен Преосвященный Исидор [45]. 13 июля Смарагд выехал к новому месту своего служения в г. Могилев [46]. Ровно через месяц, 12 августа, прибыл в Полоцк Преосвященный Исидор [47].

Преосвященному Исидору пришлось прожить почти все время своего непродолжительного управления епархиею Полоцкой в том же Богоявленском монастыре. Однако с тем улучшением в сравнении со Смарагдом, что Спас уже состоял в заведывании эконома архиерейского дома. Быть может, Исидор выезжал в Спас на дачу, по крайней мере, в Спасе было немало вещей архиерейского дома [48]. Несомненно, что под собственным Преосвященного Исидора наблюдением производился самый ремонт церкви Спасской в летние сезоны 1838—1839 годов, и 30 июля 1839 года благолепно отремонтированный Спасов храм был освящен лично самим Исидором [49].

5 августа 1839 года было Высочайше утверждено представление Св. Синода о перемещении архиерейской православной кафедры в г. Витебск [50]. 16 октября 1839 года Преосвященный Исидор приехал в Витебск со всею своею свитою, с консисторией... Пока наскоро отремонтировали часть поиезуитского корпуса, он поместился в Марковом монастыре, а 31 октября, хотя еще были сыры стены, переехал в то здание, которое примыкает к нашему кафедральному собору и служит архиерейским домом [51].

Но достопримечательно, что, выезжая из Полоцка, Преосвященный Исидор от 5 октября сдал на имя консистории такое предложение: «по случаю перемещения архиерейской кафедры в Витебск, дабы состоящая *при загородном доме* Спасо-Преображенская церковь не оставалась без богослужения, консистория имеет предписать Богоявленскому архимандриту Паисию, дабы он в воскресные и праздничные дни командировал иеромонаха для священнослужения в оной» [52]. Отсюда ясно, что Спас оставался на созданном Преосвященным Смарагдом положении загородного архиерейского дома. Заветы Преосвященного Гавриила за все это время не припоминались; но как будто незаметно правил судьбами обители Спасовой невидимый Промысл, наклонявший дело именно к тем планам!

V

Возвращение креста в церковь Спаса

6 апреля 1840 года Преосвященный Исидор переведен на Могилевскую кафедру [53]. Управление епархией временно, а с 7 июля и окончательно вручено Преосвященному Василию (Лужинскому), только недавно принятому в единение с Православною Церковью [54]. Преосвященный Василий по отношению к Спасу проявил всю возможную энергию и создал Спас по плану Преосвященного Гавриила. В качестве орудия для восстановления Спасской обители послужил крест преп. Евфросинии.

Дело было так. В июле 1841 года Преосвященный Василий взял из Софийского собора крест преп. Евфросинии и в сопровождении ректора семинарии архимандрита Полоцкого Богоявленского монастыря о. Филарета отправился в Москву... Около трех недель пробыл крест преп. Евфросинии в Москве. Преосвященный Василий сначала поместил его в Успенском соборе и отсюда торжественно переносил его в крестном ходе по другим соборам и церквам, где также выставлял на аналое для поклонения. Нередко крест был отпускаем и в частные дома богачей и вельмож; при этом крест полагался на серебряное блюдо, которое держал священник в облачении [55].

Из Москвы Преосвященный Василий поехал с этим крестом в С.-Петербург. Более месяца пробыл здесь крест, преимущественно в Казанском соборе; отсюда часто брали его и носили по частным домам [56].

В Москве, а особенно в С.-Петербурге, поступали в кружки, выставляемые при кресте, щедрые доброхотные жертвы. В Москве собрано 1,500 руб. ассигнациями; в С.-Петербурге — 29.495 руб. 92 коп. ассигнациями, что по курсу составляло 8.857 руб. 2 3/5 коп. серебром [57]. При этом С.-Петербургский митрополит Серафим сразу пожертвовал 83 золотых полуимпериала [58]; другие свои более крупные жертвы прислали по почте [59].

Описанный прием достаточно может свидетельствовать о глубоком внимании жителей обеих столиц к белорусскому наследию от преп. Евфросинии. Быть может, этому способствовало выгодное для него смешение с Животворящим Древом креста Христова! [60] ...Но, несомненно, что Государю этот крест напомнил своею надписью об обители, которая ждала восстановления, и вот Высочайшим указом от 18 октября 1841 г. предписывалось перевести Полоцкий женский монастырь в Спас и отдать ему древнюю тамошнюю церковь, причем монастырь возводился в 1-й класс [61].

30 ноября того же года состоялась резолюция Преосвященного Василия, которою назначалась под председательством ректора семинарии архимандрита Филарета комиссия. Последняя должна была ремонтировать здания Спаса приспособительно к новому его назначению. Комиссия эта, кроме того, обязывалась *«немедленно»* перевести сюда монахинь [62].

Чрез полгода, 23-го мая 1842 года, в церковь Всемилостивого Спаса «для вечного хранения перенесен и достопамятный крест преподобной Евфросинии с торжественным обрядом при многочисленном стечении народа из окрестных мест и даже городов; зрелище, напомнившее Полоцку первобытное время его Православия, процветавшего там вместе с именем русским» [63]. И нужно знать, что Преосвященному Василию принадлежит как самая мысль приурочить ко дню смерти преподобной Евфросинии перенесение ее креста в Спас, так равно и программа-церемониал торжества: от 1 мая 1842 года Преосвященный Василий сделал консистории по этому поводу формальное предложение. Благодаря сношениям с гражданскою властию, торжество получило особенно грандиозный характер: присутственные места были закрыты; все учебные заведения г. Полоцка освобождены от занятий и с кадетским корпусом и войском участвовали в параде; крестьяне прилегающих к Полоцку приходов были освобождены от бар-

щины, и многие прибыли в Полоцк. Словом, несколько тысяч человек ждали с самого утра увидеть крест преподобной.

Самое торжество перенесения креста преп. Евфросинии из Софийского собора в Спас происходило таким порядком. В 11-м часу утра заблаговестили во всех церквах полоцких; из них крестные ходы направились в Софийский собор. Здесь встретил их Преосвященный Василий со всею своей свитою и многочисленным духовенством: были вызваны монашествующая братия Богоявленского, Борисоглебского и Мохировского монастырей с их настоятелями и клиры церквей нынешнего первого Полоцкого благочиния.

Торжественно была отслужена Божественная Литургия, за которой ректор семинарии архимандрит Филарет сказал воодушевленное поучение. После обедни начался крестный ход — сначала на р. Двину, где было совершено водоосвящение на Иордане, устроенном против Софийского собора. Отсюда процессия направилась в церковь Богоявленского монастыря, в Покровскую и в нынешний Николаевский собор. В каждой церкви краткое молебствие сопровождалось чтением Евангелия и осенением креста преподобной Евфросинии.

Из Николаевского собора процессия направилась прямо в Спас. Длинною лентой растянулась она... Впереди несли целые десятки хоругвей и выносных икон (с чем было предписано явиться приходским клирам), шли питомцы духовной семинарии, уездного и приходского училища и затем многочисленное духовенство с благоговением в свойственном порядке по два в ряд, в лучших облачениях. Крест преп. Евфросинии все время нес Преосвященый Василий...

У городской заставы уже давно ожидали процессию инокини обители Спасовой с игумениею во главе и встретили назначенное для их хранения сокровище с подобающей честью: они имели в руках зажженные свечи, игуменья — образ своей покровительницы преподобной Евфросинии.

Прибыли, наконец, благополучно в Спасову обитель... По предварительному распоряжению Преосвященного Василия пред раскрытыми красными вратами церкви Спаса был приготовлен стол с зажженными свечами. Положив здесь (вследствие тесноты храма) крест, Преосвященный Василий отслужил благодарственный молебен с коленопреклонением... Лобызание креста, у которого стоял и благословлял подходивших сам Преосвященный Василий, сильно затянулось. Только около семи часов вечера Преосвященный Василий взял крест преподобной Евфросинии, самолично внес его и положил в келье преподобной, на хорах Спасской церкви [64], где ради безопасности еще за месяц раньше были приделаны «железные двери с запорами и замками» [65].

VI

Обновление Спасо-Евфросиниевской обители

Когда были переведены в Спас монахини, обитель представляла очень неприглядную картину. «Все надворные строения, как-то: ледник, деревянный сарай, при нем ветхая каменная кухня, глиняный, совершенно разрушающийся в один этаж дом и каменное неоштукатуренное старое небольшое одноэтажное строение не представляют никаких хозяйственных удобств и не могут быть переделаны на службы», — писала комиссия, назначенная епископом Василием для возобновления Спаса [66]. Один двухэтажный дом, состоящий из 14 комнат и кухни, приютил в своих стенах монахинь [67] и даже училище [68]. Насколько было тесно и неудобно не трудно судить по словам Преосвященного Василия: «одну келью занимают по две, по три монахини; в одной маленькой комнатке помещается по десяти и более воспитанниц и там же занимаются уроками...» [69].

С 1842 по 1846 год строительною комиссией были ремонтированы или вновь построены все монастырские службы и даже «из небольшого ветхого, близ

холодной церкви, домика, коему нельзя было дать никакого другого назначения», сделана теплая церковь [70]. Все указанные работы обошлись до восьми тысяч руб. серебром [71].

Откуда же были взяты средства на обновление обители: и израсходованная сумма, и оставшаяся до пяти тысяч руб.?.. [72] Все это — те добровольные пожертвования, которые были собраны при посредстве креста преподобной Евфросинии!

Если же принять во внимание, что на остаточные деньги был построен (1846—1848 гг.) дом для местного женского училища [73], то станет очевидно, что обитель Спасова не только была восстановлена, но и приведена в блестящий внешний вид благодаря именно кресту преподобной Евфросинии...

В свое время история, быть может, укажет влияние креста преподобной Евфросинии на дальнейшее преуспеяние обители Спасовой, блестящим выражением которого в наши дни служит вновь сооружаемый храм в честь Воздвижения Креста Господня... И тогда еще более скажутся одухотворенными слова, вылившиеся из глубины верующего сердца составителя службы преп. Евфросинии Преосвященного Василия [74]: «Красуется древний град Полоцк божественным сокровищем креста Господня, егоже усердием твоим устроила еси, преподобная Евфросиние; и обитель твоя радуется о возвращении ей честного и животворящего креста, иже чрез многая лета сохранен бысть промыслом Господним» («Слава» на литии).

Дмитрий Иванович ДОВГЯЛЛО
15 мая 1895 г. Витебск

[1] Пол. Дух. Конс. д. униат. архиепископов 1832 г., № 15, л. 6. Здесь же и снимок, рисованый тем же кс. Хруцким. В печати самый прекрасный снимок креста в натуральную величину ($11\frac{3}{8}$ вершка длины, верхняя поперечная доска — 5 вершков, нижняя — $4\frac{5}{8}$ вершка) издан К. Ст. Сербиновичем при его брошюре «Исторические сведения о жизни пр. Евфросинии, кн. Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители». Сиб., 1841 г. В настоящую пору это редкое издание может заменить снимок, изд. А. П. Сапуновым (копия уменьшена в три раза).

[2] П. Д. К. 1842 г., мая 1, № 160, л.1.

[3] Прозоровский, Дм. И. «Монета и вес в России». СПб., 1865, стр. 382.

[4] Там же, стр. 383—384.

[5] Батюшков, П. Н. «Белоруссия и Литва». СПб., 1890, стр. 29 и примеч. 53.

[6] П. Д. К., д. уп. арх., 1832, № 15, л. 6.

[7] Там же.

[8] Об.-Пр. Св. Син. № 22.832, л. 25—26.

[9] Вит. Губ. Вед. 1895, № 37. Выписка А. П. Сапунова из «Летописца русского» по рукописи А. И. Лебедева, напечатанной в «Чт. в Импер. общ. истории и древностей при Московском университете». 1895 г., кн. 3, т. 174.

[10] Там же.

[11] Коялович, М. О. Чтения... СПб., 1884, стр. 62.

[12] Вит. Губ. Вед. 1895, № 37.

[13] Там же.

[14] Причина этого б. ясна из дальнейшего.

[15] П. Д. К. 1832, 6 мая, № 17, л. 76 и дал. ср. арх. уп. архиеп. 1832 г., № 15, л. 6.

[16] Там же.

[17] П. Д. К., д. ун. архиеп. 1832 г., № 15, л. 6.

[18] Говорский, К. И. «Жизнь пр. Евфросинии...» (Оттиск из «Вестника юго-зап. и зап. России» за 1862—1863 годы), стр. 96.

[19] П. Д. К., д. ун. архиеп. 1832 г., № 15, прошение полочан от 28 ноября 1831 г.

[20] Об.-Пр. Св. Син. № 22.832, л. 5 и 9.

[21] Эти иконы: 1) преп. Евфросинии, 2) св. Параскевы, 3) архангела Михаила и 4) Преображения Господня. П. Д. К., 1832 г., 6 мая, № 17, л. 24.

[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же, л. 24, стр. 25.
[25] Так писал кн. Хованский Мартусевичу из Полоцка же от 13 июня 1832 г. Об.-Пр. Св. Син. № 22.832, л. 20—21, ср. 2 Ден. р.-кат. дух. колл. 1832, № 14, л. 3—4.
[26] Там же.
[27] 2 Ден. р.-кат. дух. колл. 1832., № 620, л. 1—2.
[28] Там же, л. 18.
[29] Дм. Николаевич Блудов — министр внутр. дел.
[30] Об.-Пр. Св. Син., № 822.832, л. 34.
[31] Там же, л. 32.
[32] Об.-Прок. Св. Син. № 16.087, л. 66—67.
[33] П. Д. К. 1832, 6 мая, № 17, л. 70 и дал.
[34] Там же, л. 77—78.
[35] Св. Син. 1833, № 392, л. 29—30.
[36] Там же, л. 122 и оборот.
[37] П. Д. К. 1832, 6 мая, № 16, л. 80—81.
[38] Св. Син. 1833, № 382, л. 122.
[39] Там же, л. 163—167, от 13 декабря 1833 г.
[39] Там же, л. 53—59.
[40] Там же, л. 219.
[41] Об.-Пр. № 22.832, л. 27.
[42] Там же, л. 53—59.
[43] Там же, л. 59—59 об.
[44] Резолюция еп. Смарагда 26 дек. 1836 — П. Д. К. 1832, 6 мая, № 17.
[45] П. Д. К. 1837, 22 июня, № 18, л. 1.
[46] Там же, л. 16.
[47] Там же, л. 20.
[48] П. Д. К. 1847, 22 июня, № 18, л. 16.
[49] П. Д. К. 1832 г., 6 мая, № 17.
[50] П. Д. К. 1839, 20 сентября, № 216, л. 1 и об.
[51] Там же, л. 17, 24, 28.
[52] П. Д. К. 1832, 6 мая, № 17.
[53] П. Д. К. 1840, 27 апреля, № 34, л. 1.
[54] Там же, л. 2.
[55] Интересные подробности об этом пребывании креста в Москве можно читать в «Душепол. Чтении», 1895 г., кн. III, стр. 474—475.
[56] П. Д. К. 1841 г., 29 окт., № 84, л. 1, 4—7.
[57] Там же, л. 2—3.
[58] Там же, л. 3.
[59] Там же, л. 37, 41.
[60] Там же.
[61] Там же, л. 10 и обор.
[62] Там же, л. 11.
[63] Эти слова взяты из отчета Об.-Прок. Св. Синода за 1842 г., стр. 13.
[64] П. Д. К. 1842, 1 мая, № 160, л. 1—2, 8—11. Память об этом перенесении креста живет в совершаемом ежегодно 23 мая крестном ходе из Полоцка в Спас.
[65] П. Д. К. 1841, 29 окт., № 84, л. 29.
[66] Там же, л. 25 и обор.
[67] Там же, л. 25 и обор.
[68] Там же, л. 74.
[69] Там же, л. 75 и обор.
[70] Там же, л. 74.
[71] Там же, л. 75.
[72] Там же.
[73] Там же, л. 64—68, 76, 82, 86, 102, 106.
[74] Записки м. Иосифа Семашки, т. III, СПб., 1883, стр. 1161.

Фото предоставлено Иваном Юркиным.

Крест —
хранитель всея вселенныя...

Крест, воссозданный Николаем Кузьмичом.

Почитание Креста, поклонение Животворящему Кресту Господню неразрывно связано с поклонением страстям Христовым — страданиям Бога Слова, претерпевшего ради спасения человеческого рода крестную смерть. Крест — главный символ христианства, представляющий собой орудие казни Богочеловека Иисуса Христа и одновременно — орудие нашего спасения. Не было бы Креста, не было бы и Воскресения. Крест является основанием и средоточием всей церковной жизни. Нередко сектанты упрекают православных в том, что почитая Крест, они поклоняются идолу. Однако, воздавая поклонение Честному и Животворящему Кресту, мы кланяемся не дереву или золоту, не веществу, но Самому Христу Богу, победившему Крестом ад и смерть, даровавшему всему человечеству вечную блаженную жизнь. Святой праведный Иоанн Кронштадский писал: *«Крест без любви нельзя мыслить и представлять: где Крест, там и любовь; в церкви вы везде и на всем видите кресты, для того, чтобы все напоминало вам, что вы во храме Бога Любви, в храме Любви, распятой за нас»*.

Уже более двух тысяч лет человечество живет под спасительным знамением Креста, а русский православный мир — свыше десяти столетий. Для нашего Отечества, принявшего крещение в купели вод Днепра, Честной и Животворящий Крест Господень — не только особо почитаемый христианский символ. Это — образ нашей веры, стержень многовекового бытия Святой Руси и залог ее исторического утверждения.

Кресты издревле венчали купола Божиих храмов, ставились на перекрестках и развилках наших дорог, на въездах в города и села. Крестом освящались водные источники, укреплялись воины на брань. Без Креста не совершается ни одно из церковных Таинств. Крест встречает человека, грядущего в мир, в момент Крещения и провожает его при погребении в материнские недра земли. Кресты бывают нательные, напрестольные, наперсные, монументальные, наградные, поклонные, надкупольные — всех видов и не перечесть. На Западе особенно почитают четырехконечный латинский крест, а православным миром наряду с четырехконечным почитаются шести- и восьмиконечный кресты. Еще в XVII веке святитель Димитрий Ростовский писал: *«И не по числу древес, не по числу концов Крест Христов почитается нами, но по Самому Христу, пресвятой Кровью которого обагрился. И проявляя чудесную силу, какой-либо крест не сам собою действует, но силой распятого на нем Христа и призыванием святого имени Его»*.

Как известно, крест, изготовленный в XII веке мастером Лазарем Богшей по благословению преподобной Евфросинии Полоцкой, имел шестиконечную форму. Эта форма являлась весьма характерной для домонгольского времени. *«Шесть лучей его* (креста), — пишет один из современных богословов, — *отражают шесть дней творения мира. Крест равно символизирует*

как распространение силы Бога, так и процессы стремления мира к своему духовному центру».

* * *

Крест, созданный мастером-ювелиром Лазарем Богшей для Спасской церкви Полоцкого монастыря, представлял собой ковчег, в котором находились великие христианские святыни: частица Древа Креста Господня с каплей Крови Спасителя, частицы камней Гроба Господня и Гроба Божией Матери, частицы мощей первомученика архидиакона Стефана, великомученика и целителя Пантелеимона и капля крови великомученика Димитрия Солунского.

Выполненный в древневизантийской технике перегородчатой эмали, Полоцкий Крест являлся шедевром искусства Древней Руси. Краткая надпись на оборотной его стороне сообщала имя создателя реликвии: *«Господи, помози рабу своему Лазорю, нареченному Богши, сделавшему крест сий Святаго Спаса и Офросиньи».*

Преподобная Евфросиния желала, чтобы Крест, созданный по ее благословению для монастырской церкви Святого Спаса, никогда не износился из обители. С этой целью на боковых сторонах Креста была помещена надпись-завещание: *«Да не изнесется из манастыря никогда же, яко ни продати, ни отдати. Аще се кто преслушаеть, изнесеть его из манастыря, да не будет ему помощник честный крест ни в сей век, ни в будущий».*

Однако нам известно, что несмотря на столь грозный запрет, уже на рубеже XII—XIII столетий, в период усобиц между Полоцким и Смоленским княжествами, Евфросиниевский Крест был вывезен в Смоленск, где находился впоследствии до начала XVI века. В Смоленске Евфросиниевский Крест пользовался большим почитанием, так что в 1495 году даже была изготовлена из меди его близкая копия, вероятно, для того чтобы не опускать древний Крест с мощами в воду при водосвятии. Копия эта, согласно надписи, значившейся на ней, принадлежала смоленскому окольничему Александру Васильевичу. В 1514 году, когда великий князь Василий III покорил Смоленск, многие из смоленских святынь им были перевезены в Москву, и в их числе — древний Полоцкий Крест. Как большая драгоценность и военный трофей, Крест попал не в митрополичью, а в царскую казну; при совершении богослужений его использовали крайне редко — лишь в дни самых больших церковных празднеств. Впоследствии Иоанн IV Грозный, сын и наследник престола Василия III, повелел отреставрировать реликвию, так как к тому времени некоторые из эмалей на Кресте поистерлись, а некоторые были утрачены. Отправляясь в 1563 году в поход на Полоцк, Иоанн Грозный взял Крест с собой, вероятно, убоявшись слов завещания, начертанных на нем. Готовясь к осаде и штурму города, он дал обет, в случае победы, вернуть святыню в Полоцкую девическую обитель, что и исполнил. Первое документальное упоминание о Евфросиниевском Кресте имеется в Никоновской, или Патриаршей летописи под 7071 (1563) годом именно в связи с событиями Ливонской войны. Летописец, повествуя о том, как Крест был привезен в Москву, сообщает, что царь Иоанн Грозный взял его с собой в поход на Полоцк вместе с такими общерусскими святынями, как Донская и Колочская иконы Божией Матери *«и иные многие чюдотворные образы и кресты»*[1].

Однако это радостное для Спасской обители событие произошло незадолго до того, как Полоцк был завоеван войсками короля Речи Посполитой Стефана Батория. Желая распространить влияние католицизма в белорусских землях, Стефан Баторий в 1582 году издал привилей, согласно которому все местные православные храмы и монастыри, а в их числе и древняя обитель «у церкви Спаса», передавались в ведение католического ордена иезуитов.

[1] ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М., 2000. С. 347.

Для того, чтобы сохранить свою святыню, православные вынуждены были заблаговременно перенести Евфросиниевский Крест в Софийский собор, где он находился вплоть до 1841 года. Во время Отечественной войны 1812 года, для большей безопасности, Крест хранился в стене собора — в нише, наглухо замурованной кирпичом.

В 1841 году Высокопреосвященный Василий (Лужинский), архиепископ Полоцкий и Витебский, памятуя предсказание преподобной Евфросинии о том, что возрождение ее обители последует «через Крест», совершил с Крестом путешествие в Москву и Санкт-Петербург. В обеих столицах святыне были оказаны особые почести: поклонение Кресту было грандиозным. С великой радостью встретила Полоцкую святыню древлеправославная Москва. Некоторое время Евфросиниевский Крест находился в Успенском соборе Московского Кремля. Отсюда святыню торжественно крестным ходом переносили в другие московские храмы. Стечение богомольцев везде было огромным. В своих воспоминаниях архиепископ Василий (Лужинский) рассказывает о том, что по благословению митрополита Филарета (Дроздова) по ночам соборное духовенство возило Евфросиниевский Крест по домам *«чиноначалий, вельмож, князей, графов и богатых купцов для совершения в их помещениях молебствий с водоосвящением»*[2]. Причем опускать Крест в воду во время водосвятий возбранялось: для этой цели использовали другой крест, а древнюю Полоцкую святыню держали лишь близко к поверхности воды. Из Москвы Высокопреосвященный Василий направился в Санкт-Петербург, где Крест находился вначале в Синодальной церкви, а затем, по распоряжению императора Николая I, был перенесен для всенародного поклонения в Казанский собор. В Москве, а особенно в Санкт-Петербурге, в кружки, выставляемые при Кресте, поступали щедрые доброхотные пожертвования. Только в Санкт-Петербурге, кроме множества различных церковных вещей, было собрано около 9.495 рублей. Поскольку уже 14 ноября 1841 года вышел Высочайший Указ о возрождении древнего Полоцкого монастыря «у церкви Спаса», все эти средства были использованы на восстановление обители.

По возвращении из Петербурга Евфросиниевский Крест некоторое время находился в Полоцком Софийском соборе. 23 мая 1842 года, в день памяти преподобной Евфросинии, он был торжественно перенесен «на вечное хранение» в Спасо-Преображенскую монастырскую церковь и положен в келии преподобной, на хорах храма. По воспоминаниям Высокопреосвященного Василия, торжества, связанные с перенесением Креста, получили особенно грандиозный характер. Все присутственные места в Полоцке в этот день были закрыты, учащиеся всех местных учебных заведений были освобождены от занятий и вместе *«с кадетским корпусом и войском участвовали в параде»*[3]. Крестьяне ближайших к Полоцку деревень были освобождены от барщины, и многие из них пришли в Спасскую обитель на праздник. *«Даже раскольники г. Полоцка и его окрестностей не только присутствовали в соборе при богослужении и сопровождали крестный ход, но и покланялись святому кресту»*[4].

Впоследствии в келии преподобной Евфросинии, где хранилась святыня, была помещена металлическая табличка с выгравированным на ней текстом, сообщавшим основные сведения, касающиеся истории Полоцкого Креста. Из послужных списков насельниц Спасской обители конца XIX — начала XX века известно, что в то время в монастыре существовало особое «послушание», возлагавшееся на кого-либо из старших сестер, — «надзирательницы келии преподоб-

---

[2] Там же. С. 204.

[3] Довгялло, Д. И. Крест преп. Евфросинии, княжны Полоцкой: исторический эскиз. — Витебск, 1895. С. 17.

[4] К истории Полацкаго женскаго Евфросиньевскаго монастыря // Прибавления к церковным ведомостям. — 1910. — № 18. С. 774.

ной Евфросинии» и «смотрительницы Креста». О том, насколько благоговейным было отношение сестер Спасского монастыря к древней святыне, свидетельствует и следующий факт. Во время Первой мировой войны, в 1915 году, в связи с приближением линии фронта к Полоцку, последовало распоряжение Святейшего Синода эвакуировать мощи преподобной Евфросинии в Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь. Эвакуация производилась в срочном порядке. Вместе с мощами преподобной в Ростов Великий были вывезены и другие монастырские святыни, и в их числе — древний Крест, изготовленный мастером Лазарем Богшей. Промыслом Божиим, игумения Елена (Волкова) только позднее вспомнила о надписи-завещании, начертанной на Кресте. Тогда игумения впала в великую скорбь оттого, что нарушила строжайший запрет самой основательницы обители, преподобной Евфросинии[5]. С целью доставить Крест обратно в Полоцк, игумения Елена послала в Ростов Великий одну из насельниц Спасо-Евфросиниевского монастыря — монахиню Талиду. И та с большой опасностью для жизни, претерпевая различные напасти, совершила это многотрудное путешествие. Добравшись до Ростова, монахиня Талида уложила Крест в мешок за плечами. И с этим мешком на обратном пути ей пришлось переплывать Двину уже тогда, когда Полоцк находился в руках немцев. Известно, что игумения Елена наложила на себя строжайший пост, не ела и не спала до тех пор, пока святыня не была благополучно возвращена в Спасский монастырь.

В 1921—1922 годах, в период проведения советской властью кампании по изъятию церковных ценностей, древний Евфросиниевский Крест был реквизирован из Спасской обители и передан в Полоцкий финотдел. Озабоченность судьбой Креста, как выдающегося памятника древнерусской культуры, в этот период проявили сотрудники Оружейной Палаты Московского Кремля. Дважды, в 1924 и 1925 годах, ученым советом Оружейной Палаты направлялись запросы в отдел музеев Главнауки Наркомпроса о местонахождении святыни и *«степени обеспечения ее сохранности»*. В 1928 году стала возможна специальная экспедиция Белорусского Государственного музея во главе с директором Вацлавом Ластовским, которая и доставила Евфросиниевский Крест в Минск, где он находился некоторое время в вышеупомянутом музее. В 1929 году, в связи с намерением перенести столицу Белоруссии из Минска в Могилев, святыня была передана в Могилевский краеведческий музей. Спустя несколько лет в здании музея, где оставался сейф с экспонатами, среди которых находился и Евфросиниевский Крест, разместился Могилевский обком и горком партии. В первые месяцы Великой Отечественной войны Евфросиниевский Крест бесследно исчез. Существуют различные версии относительно дальнейшей судьбы Полоцкой святыни, однако ее местонахождение и до сегодняшнего дня остается неизвестным. «Святыни уходят от нас, когда мы становимся недостойными их...»[6] Но наступили иные времена.

Работы по воссозданию древней реликвии начались спустя полвека, в 1992 году, по благословению Экзарха Белорусской Православной Церкви митрополита Филарета (Вахромеева) в Бресте. Еще в 1950-х годах известным российским ученым, историком и археологом Леонидом Алексеевым, в фотоархиве Ленинградского отделения Института археологии были обнаружены фотонегативы Евфросиниевского Креста на стекле, сделанные в 1896 году в Полоцке фотографом Императорской Археологической комиссии Иваном Чистяковым. С этих негативов уже в наши дни были отпечатаны фотографии, увеличенные во много раз до такого размера, чтобы можно было основательно изучить все фрагменты Креста. К 1994 году стадия изучения истории и эскизной реконструкции мель-

---

[5] Сергия (Клименко), мон. «Минувшее развертывает свиток...» — Самара, 2008. С. 97.

[6] Послание Синода Белорусской Православной Церкви по случаю положения в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь Креста, сооруженного по образу и подобию Воздвизального Креста преподобной матери нашей Евфросинии, игумении Полоцкой.

чайших деталей этой всеправославной святыни XII столетия была полностью завершена. К практической работе по ее воссозданию приступил художник-ювелир Николай Кузьмич. В августе 1994 года, с целью собирания святынь для Креста, Патриарший Экзарх всея Беларуси, митрополит Минский и Слуцкий Филарет с группой паломников, в числе которых находился и Николай Кузьмич, посетил Святую Землю. Блаженнейший Диодор, Патриарх Иерусалимский и всея Палестины, преподав благословение богоугодному и спасительному начинанию, передал Его Высокопреосвященству для воссоздаваемого Креста частицу Животворящего Древа, камни от Гроба Господня и Гроба Божией Матери, частицы святых мощей. Частицу мощей святого великомученика Пантелеимона митрополит Филарет привез из Брестского Свято-Никольского собора, а частицы Крови Христовой, по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, были переданы *«специально для вложения в Полоцкий Крест»* из ставротеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Во время паломничества во Святую Землю Патриаршим Экзархом Белорусской Православной Церкви кипарисовое основание будущего Креста освящалось на Гробе Господнем, на Голгофе, на Гробе Пресвятой Богородицы, у мощей преподобного Феодосия Великого. Поистине историческое деяние воссоздания Полоцкого Креста *«по его древнему образу и подобию»* было совершено во многом благодаря трудам и тщанию Владыки Экзарха.

В 1997 году, в канун всемирного Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, воссозданный Евфросиниевский Крест был торжественно принесен в Полоцкий Спасский монастырь. С тех пор ежегодно в этот день в Полоцкой обители совершается чин Воздвижения воссозданного Креста, являющийся неотъемлемой частью богослужения праздника.

В настоящее время воссозданный Крест преподобной матери нашей Евфросинии хранится в алтаре монастырского Спасо-Преображенского храма. По воскресным дням, по окончании ранней Божественной Литургии, святыня износится для поклонения верующих.

В «Послании Синода Белорусской Православной Церкви по случаю положения в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь Креста, сооруженного по образу и подобию Воздвизального Креста преподобной матери нашей Евфросинии, игумении Полоцкой» говорится о том, что святая Евфросиния *«Крест сей… задумала таким, чтобы пред ним преклонился и простой человек, живо верующий во Христа, и благоговейный ценитель прекрасного, и государственный муж, наделенный способностью видеть в Кресте символ христианского достоинства и высокой духовной устремленности народа…»* И сегодня также на поклонение Кресту преподобной Евфросинии притекают во множестве, как простые богомольцы, так и ценители высокого искусства, и государственные деятели. И духовное возрождение Белой Руси совершается под сенью Святого Креста...

«Всякое деяние и чудотворение Господне весьма велико, божественно и удивительно, — писал преподобный Иоанн Дамаскин, — *но удивительнее всего — Честный Крест Его. Ибо… Крестом Господа нашего Иисуса Христа упразднена смерть, разрешен прародительский грех… нам дана сила презирать настоящее и даже самую смерть… и как четыре конца Креста держатся и соединяются его средоточием, так и силою Божиею держатся высота и глубина, долгота и широта, и вся видимая и невидимая тварь».*

Другой святой отец, преподобный Андрей Критский, говорил, что Крест *«есть определитель границ Божественной Любви высотою неба, глубиною земли, долготою и широтою вселенной».*

Сестры Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря.

Фото Николая Кузьмича.

Иван Юркин:

«У меня есть твердое убеждение, что Крест найдется»

Золотой и серебряный ключи города Могилева, серебряная булава Сигизмунда III, золотое шейное ожерелье из раскопок Помпеи, серебряная митра Георгия Конисского и, конечно же, Крест Евфросинии Полоцкой — это только небольшая часть списка ценностей могилевского сбора, который хранился до Великой Отечественной войны в Могилевском государственном историческом музее и бесследно пропал из комнаты-сейфа в здании обкома партии в самом ее начале. Версий в процессе поисков, которые начали активно вестись с 1990 года, было, кажется не меньше, чем пропавших предметов. Могилевский сбор вывезли немцы. Часть предметов оказалась в личной коллекции Берии; или в личной коллеции Морганов, в США. Предметы хранятся в запасниках одного из русских музеев... Активнее всего искали национальную святыню — Крест Евфросинии Полоцкой. В конце 1990-х к поискам подключился Комитет по вопросам безопасности Союзного государства. О версиях и загадках мы поговорили с бывшим заместителем председателя Комитета, генералом КГБ Иваном Юркиным.

— Я имел такую честь (поздновато, правда, мы начали этот процесс) общаться с Иваном Скворцовым, директором Могилевского музея. Я работал оперуполномоченным в Могилеве. И вот если бы мы тогда начали заниматься поисками, наверное, было бы несколько проще. Но тогда было другое время...

— А какой это был временной период?

— 1980 год. Еще были живы те, кто вывозил документы и музейные экспонаты. Были материалы. Сейчас документы послевоенного разбора, которые касаются Креста, наверняка где-то осели. Надо искать. Я не занимаюсь этим делом уже лет шесть или семь, но в душе у меня такое чувство есть, что Крест найдется.

Кстати, о документах. В Могилеве до сих пор хранятся документы с партсобрания, на котором разбирали тогдашнего директора музея Ивана Мигулина, уехавшего якобы проводить семью в эвакуацию и забравшего с собой ключи от комнаты-сейфа. Тогда, на этом партийном собрании ему дали только строгий выговор. Партийная элита в то время не была заинтересована, чтобы информация и факт существования Креста широко обнародовался: затерялся — значит затерялся. Чтобы избежать столпотворения в Могилеве, дали строгий выговор — и все. Хотя нами отрабатывалась версия, что часть предметов могла оказаться и лично у Мигулина, но она не подтвердилась. Вариант утери возможен. Мы обнаружили, что ряд ящиков после эвакуации не был возвращен в Беларусь. И попутно нашли неизвестную картотеку картин, вывезенных из Беларуси, которую передали в Министерство культуры.

— Из могилевского сбора?

— Нет.

— Из могилевского сбора так ничего и не было найдено?

— Нет. Были оперативные информации, что вроде бы где-то появились какие-то отдельные предметы. Но по отдельности эти вещи не могут быть найдены и не могут быть проданы, потому что они шли, так сказать, одним траншем, запаковывали их в ящики вместе с партийными документами. В Могилеве фронт стоял месяц, месяц высшее военное руководство находилось в здании обкома. Вы можете себе представить, чтобы в здании оставалась какая-то закрытая комната-сейф, в которую даже не заглянули? Естественно, что пока готовили оборону

Могилева, все архивы и ценные вещи были вывезены. Но когда они прибыли в Москву (на Ленинские горы, где находились отделы Генерального Штаба), там наверняка произошла какая-то пересортировка: документы и учетные карточки шли под одним грифом, дела — под другим и т. д. И вот в этом месте следы Креста теряются...

— Во время пересортировки могилевский сбор мог быть отправлен в запасник какого-нибудь музея, а мог и осесть в частной коллекции?

— Да, именно поэтому мы и обращались с запросами в различные архивы и музеи. Подумайте, какое тогда было время, даже сейчас без доклада высшему руководству никаких движений не может быть, а тогда? Поэтому доклад о том, какие материалы поступили из Могилева, наверняка был, и распоряжение относительно них — тоже. Осталось найти, где осели эти документы. Мой товарищ работал в Гохране (Государственное учреждение по формированию Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней при Министерстве Российской Федерации. — *Е. М.*) и, насколько мне известно: в Гохране неразобранных архивов не осталось и документов, связанных с Могилевским сбором, там нет. Но, тем не менее, я хочу сказать, что если эти материалы были переданы куда-то в России, то Россия не имеет в них большой заинтересованности, есть вещи куда ценнее. Я убежден, что Крест находится на территории России, что Крест живой, но боюсь с полной уверенностью утверждать, что он может быть в каких-то государственных структурах или необнародован. Если решение о розыске будет принято на уровне наших политических лидеров, то существует большая вероятность, что реликвия будет найдена.

— А история, связанная с именем Берии. Насколько вероятно то, что Крест мог оказаться в его личной коллекции?

— Я допускаю эту версию. Мы делали запрос, но все материалы по делу Берии засекречены и ответ нам не удалось получить. Эта версия появилась из-за того, что партийные документы вывозили сотрудники НКВД и, естественно, их как-то сортировали.

— Берия мог забрать Крест в свою коллекцию?

— Не обязательно. Крест мог попасть и в архив спецслужб. Нужно посмотреть архивы. Нужно, чтобы была создана совместная российско-белорусская оперативная группа, которая бы имела полномочия. Когда-то такая группа существовала, но в связи с тем, что Комитет по вопросам безопасности Союзного государства был расформирован, работа прекратилась. Но в Могилеве Сергей Богданович до сих пор «поддерживает очаг», продолжает вести работу по этому делу, однако сделать что-либо с позиции Могилева практически невозможно.

— Вернемся к единству Могилевского сбора: появлялась информация, что некоторые ценности, входившие в него, все-таки были замечены в послевоенное время. Например, Белыничская икона Божьей Матери.

— Скорее всего, эта икона просто писалась не в единичном экземпляре. И появилась копия. Существуют версии, что и у Креста были копии.

— Так, может быть, все, кто участвуют в поисках, разыскивают копию?

— Как версия — может быть. Но вы видели когда-нибудь дела 1937 года? Там настолько тщательно подшиты изъятые материалы. Изъяли у кого-то шарф — написано, из каких ниток связан. Изъяли тулуп — написано: тулуп овчинный, на левом рукаве заметна потертость. Была исполнительская дисциплина. Эти материалы не могли быть не описаны.

— А если Крест был заменен до передачи в Могилев?

— Версия имеет право на жизнь, но такой Крест могли изготовить один-два специалиста. Вряд ли это было возможно.

— Еще существовала версия, что Могилевский сбор остался в городе и был замурован где-то в подвалах краеведческого музея...

— Вам известно, что во время бомбежки Могилевский музей сгорел. Если там действительно было что-то спрятано, скорее всего, эти вещи нашли бы и потом они как-то «всплыли»: их бы попытались поменять или переплавить. На мой взгляд, очень велика вероятность того, что могилевский сбор все-таки был вывезен.

— О чем свидетельствовал водитель Петр Поддубский, который участвовал в эвакуации архивов и вез в Москву первого секретаря ЦК компартии Беларуси Пантелеймона Пономаренко?

— Да, мы проверяли эту версию. Рассказывали, как будто бы какой-то из ящиков открыли, что как будто бы кто-то слышал фразу: «Какой красивый крест!» Но тот, кто не знает систему хранения и охраны таких вещей, может и не такое рассказать. Если эти ящики вывозили из обкома, то все они были опечатаны, передавались по списку, никто их не открывал. Когда их привезли в Москву — другое дело. Тогда уже кто-то мог прийти, проверить. Эти свидетельства — это рассказы детям и внукам. Время было другое, особой значимости таким фактам не придавалось, а значит, особенного интереса и не было.

— Сколько всего рабочих версий существовало по делу?

— Мы проверяли не менее пяти.

— То, что крест находится в коллекции семьи Морганов в США...

— То, что его передали по ленд-лизу. То, что этот крест замуровали в Полоцке. То, что вместо оригинала передали копию (была даже версия, что сразу две копии было сделано). То, что крест захватили немцы. Рассказывали фантастические истории о том, как немцы погрузили ценности в подводную лодку, и она где-то затонула. Зачем такие сложности, если за сутки из Беларуси в Германию можно доехать? Что касается ленд-лиза: не такие эти вещи материально ценные, чтобы передавать. Да, платили, но платить ломом... Зачем отдавать за бесценок то, что можно переплавить? Сертифицировать это золото и сдать. Но здесь возникает трудность: разные вещи были разной пробы. Надо создавать комиссию, определять расходы. Это дорого и долго. Зачем это делать, если у страны были запасы в слитках? Поэтому я эти версии исключаю. Была правдоподобная: машины, которые эвакуировали архивы, попали под бомбежку. Мы сделали запрос в каждую область и выяснили, что это были машины Гомельской области.

— Почему вы занялись поисками Креста?

— Во-первых, в прошлом я был сотрудником по пятой линии — политическая контрразведка. Это было как раз то время, когда партийное руководство пришло к выводу, что в отношении религии палка была перегнута. Тогда появился интерес к ценностям, которые могли бы сыграть объединяющую роль. Во-вторых, просто оперативный интерес. Сама организация работы, движение. Работа с планами на особый период. Ну и просто решил проследить: можно ли найти. У нас здесь был представитель России, я предложил создать ему совместную группу. Тогда только-только создали Комитет по вопросам безопасности Союзного государства, его задачи не были обозначены, но нужно было начинать куда-то двигаться. И мы занялись поисками Святыни.

— Прошло более десяти лет, куда продвинулись поиски?

— Я думаю, что они застыли. Решение должно быть принято на уровне лидеров государств. Последние документы, которые мы готовили с Николаем Чергинцом, — в Парламент Союзного государства, на имя президента России. В конце концов, даже если сегодня Комитет по вопросам безопасности расформирован, у нас же есть Союз писателей Союзного государства России и Беларуси. Может быть, он каким-то образом занялся этой проблемой, например, принял решение обратиться в вышестоящие органы Беларуси и России.

У меня твердое убеждение, что Крест сохранился, что мы близко к нему подошли, и если сейчас всерьез заняться вопросами поисков, то он может быть найден.

Марина ИВАНОВА

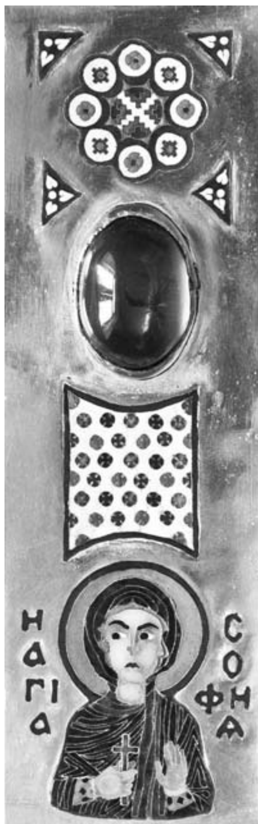
Невыразимое и бесконечное

«Я знаю, что в прошлом тысячи художников могли потратить полжизни, чтобы воспроизвести невыразимую, почти невидимую складку печали на Его устах». Эту фразу итальянского театрального режиссера и художника Ромео Кастеллуччи об изображениях Иисуса я вспомнила в мастерской белорусского художника Николая Кузьмича.

В Брест к Николаю Петровичу я ехала с ожиданиями услышать истории о воссоздании Креста. Знаете ли, такие захватывающие истории. Увлекательные и как нельзя кстати подходящие для печати. О том, как художнику еще в детстве о Кресте и его исчезновении рассказали монахини. Или о паломничестве в Святую Землю и препятствиях на пути. Или о том, что разгадка старинной техники перегородчатой эмали явилась Николаю Кузьмичу во сне. Если собрать все эти истории из давнишних публикаций и интервью, нанизать их, как бусины, на нитку, то повествование увлечет читателя. Увлечет, но не приблизит к сути...

Я стояла в мастерской и рассматривала возникшее из миниатюрных полосок металла слово «хранитель». Техника перегородчатой эмали — одна из самых сложных в эмальерном деле. На металлическую пластину (чаще всего из меди или золота) наносят эскиз, затем по контуру напаивают тонкие металлические полоски, которые образуют ячейки. После эти ячейки заполняют эмалью разных цветов, обжигают, шлифуют, полируют, чтобы сравнять края перегородок и эмали. Перегородчатая эмаль не поддается механизации. В такой технике в середине XII века Лазарем Богшей был создан Крест Евфросинии Полоцкой. И в такой же технике в конце XX века Крест был воссоздан Николаем Кузьмичом...

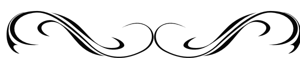
Слово «хранитель» в надписи на иконе («Ангел-хранитель»), над которой сейчас работает ученик Николая Петровича, выкладывалось неделю. Только часть надписи. Всего несколько сантиметров. Николай Кузьмич воссоздавал Крест пять лет. Изучал материалы, восстанавливал утерянную древневизантийскую технику перегородчатых эмалей. До всего приходилось доходить опытным путем. В 1997 году митрополит Филарет освятил копию Креста. Но полжизни, но невыразимая складка печали на устах... Может ли работа быть законченной?

Крест — это тоже невыразимое, бесконечное. Работа над его воссозданием — сложная субстанция. Работа мастера: проблемы воссоздания и совершенствования древней техники. Духовная работа, молитва, о которой и не спросишь (так глубоко это внутри человека, так недоступно

никому), просто знаешь, что она есть. И работа художника — та самая бесконечность, ради которой не жаль полжизни.

В разные моменты жизни в человеке преобладают разные составляющие этой субстанции. Мне кажется, что сейчас Николай Петрович — художник в поисках того самого невыразимого, невидимого. В сущности, конечно, вполне себе зримого: спустя 20 лет после начала работ Николай Кузьмич заменил в воссозданном Кресте три нижние лицевые пластины — изображения святых Евфросинии Александрийской, Софии и великомученика Георгия. Заменил бы и остальные девятнадцать, но художественным и духовным мешают поиски мирские. Поиски денег. И сумма вроде бы небольшая, но как объяснить, зачем менять пластины. И если еще о совершенствовании техники в процессе постоянной работы что-то скажешь, то, что выговорить о бесконечном и невидимом? Все, что остается мастеру, — совершенствоваться. Все, что остается человеку, — молиться. Все, что остается художнику, — искать. Полжизни. Столько, сколько потребуется. Ибо в поисках — суть.

Елена МАЛЬЧЕВСКАЯ
Фото Николая Кузьмича.

ВЯЧЕСЛАВ АДАМЧИК

День добрый, сын!

Письма младшему сыну Мирославу во время его службы в армии

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи». Эти знаменитые есенинские строки вспоминаются, когда думаешь о белорусской литературе XX века. Чем дальше от нас та эпоха, тем масштабнее кажется созданное ее лучшими представителями. Взять, к примеру, хотя бы вторую половину века, когда творили Иван Мележ и Иван Шамякин, Василь Быков и Владимир Короткевич, Янка Брыль и Михась Стрельцов... Яркие имена, удивительные книги. И ведь, в данном случае, речь только о прозе! В этом ряду свое очень важное место занимает прекрасный прозаик Вячеслав Адамчик. Мне посчастливилось работать с ним (или скажу скромнее: под руководством Вячеслава Владимировича) в журнале «Бярозка». Его немногословные, неторопливые рассуждения о жизни, о литературе, о культуре в целом всегда были интересны и служили весомым доказательством его неординарной личности. Кроме того — и своеобразным дополнением к его же художественным текстам.

Письма, которые мы публикуем сегодня, тоже «доказывают и дополняют». Адресованы они младшему сыну писателя, которого он очень любил. Пишу это без всякого сомнения в душе, поскольку Мирослава знаю достаточно хорошо: мы вместе учились на филфаке Белгосуниверситета, вместе на два года ушли в армию. И каково же было мое удивление и сколь неописуемыми были волнение и радость, когда мне, в Монголию, где я служил, пришло письмо от семьи Адамчиков, а в нем — небольшой поэтический сборник, в котором оказались стихи и мои, и Мирослава. Личное? В общем-то, да. Но, с другой стороны, все личное, так или иначе связанное с писателями уровня Вячеслава Адамчика, уже как бы и не совсем личное. Поскольку «доказывает и дополняет». Хочется надеяться, что кого-нибудь, кто давно не перечитывал произведения Вячеслава Адамчика, эта публикация заставит взять в руки сборник его рассказов или один из романов и хотя бы на короткое время погрузиться в удивительный мир, созданный настоящим мастером белорусской прозы.

Алесь БАДАК

* * *

Мирослав, дружище!

Наконец пришла от тебя короткая весточка и сердце зашлось от радости...

Ты мне сегодня даже снился. Как бывает в снах — почему-то маленьким. Из библиотеки, где Танк (1) оставил страниц 400—500 своей какой-то рукописи, я собирался ехать тебя забирать. Не помню откуда.

Мне вообще снится дорога, какие-то путешествия, странствия в далеком мире, города и отели. Снится иногда война, я сам, простреленный пулей, но живой. Снятся собаки, большие до невероятности.

Когда мне было года четыре и наша семья, перебравшись из дедовского дома, жила в повети, где до этого стояли повозки, сани, плуги, висели хомуты и другая конская сбруя, и где отец вырезал на четыре стекла небольшое окошко и сделал печь, мне приснился кошмарный сон: в сенях, в темноте, стояли два серых волка. Огромные, как кони. Я, конечно, боялся выходить в сени...

Давно то было. Хочется написать книжку об этих далеких и вещих снах, о печали детства, радости одиночества.

Вспоминаю ту довоенную, поглощенную огнем Варакомщину, розовые и серые камни вдоль песчаной улицы, домик деда Шайбака в садике, молодую, посаженную в конце двора липку, от которой разрослась теперь целая рощица, а мне под мысли нудно рыпает — слышно из открытого окна — на своем баяне Павлик (2). Из их комнаты доносится и властный голос Ядвиги Павловны (3). Оба они музыканты, видно, не Бог весть какие.

Перелистал все атласы, перечитал энциклопедические справочники про Черновцы. Изучил расписание движения поездов и самолетов и жду от тебя весточку, когда можно будет выехать из Минска.

Вспомнилось, как перед поездкой на сессию ООН, я навестил тебя в Радче, как мы около Крупок на шоссе купили ведро яблок, как сидели в редком леске на голубеньком мосту.

Обнимаю тебя. Желаю спокойствия, уверенности.

Стихи собираюсь подготовить в одиннадцатый номер. Мешает Леня Майсюк (4), но его отрывок из поэмы о Дубовке (5) можно будет печатать в юбилейном — двенадцатом.

Еще раз жму руку.

Отец.

Суббота, 7 июля 1984 года.

* * *

День добрый, Мирослав.

День добрый, сын!

Вернулся из Варакомщины, где пробыл всего два дня, пережив обиду, унижение и затаенную злобу из-за того, что никто не дорожит памятью матери: брат уничтожил божье деревцо, выкорчевал девясил, срезал дикую грушу, тополя, два каштана, а отец сидит за столом с каким-то небритым приблудой из Караганды, который режет дубовые колоды на железнодорожной станции.

Грибов не было: дней восемь стояла засуха. Да мы со Славой (6) и Витей (7) не успели даже и оглянуться, как на Кошелевский лес, куда приехали на мотоцикле, надвинулась тяжелая синяя туча, загремел бесконечный, как гул реактивного самолета, гром. По лесной дороге мы ехали с включенными фарами, как через темную ночь. Выбрались, наконец, на шоссе и увидели над полем ржи, над одинокими зелеными островами хуторов и пригорков желтовато-пепельную тучу, что шла с запада. С душераздирающим свистом влажный пронизывающий ветер нес и крутил песок, листья, гнул к земле молодые деревья. По обеим сторонам шоссе остановились с включенными фарами машины, чтобы переждать ураган, а Слава, как сумасшедший, гнал мотоцикл. Остановил нас только очень сильный и близкий удар грома, и мы вскочили в Шайбакове в открытый магазин.

Это было в пятницу, 13 июля. Я возвращался домой в тот же день. Шоссе от Новогрудка до Минска было завалено сломанными деревьями...

Позавчера уже, когда мы с матерью завезли Колю (8) и Евгению Владимировну (9) в Дзержинск к Антону (10) и наслушались разных новостей про ту беду, что натворила стихия, я, наконец, вполне уразумел, чем могло закончиться то сумасшедшее путешествие во время ураганного ветра. Вихура в Дягильно опрокинула колесный трактор, сломала коровник. На дачах вред нанесла только Скоринкину (11),

С женой Ниной Владимировной. 1986 г.

подхватила его неудачно построенный деревянный домик, перекрутила и сложила в груду поленьев.

Наш домик стоит. Еще без окон и дверей. Хотя они уже сделаны и стоят у дяди Вани (12) в сарайчике. Ребята нашли каменщика и собираются строить печку-голландку. Обещают до дня строителя закончить все работы. Это значит, до 17 или 20 августа.

Вот и все новости.

Получили твою телеграмму. Купили на самолет билеты. Будем в Черновцах в пятницу.

Желаю мужества, здоровья и успеха.

Обнимаю.

Твой папа.
Вторник, 17 июля 1984 года.

* * *

Мирослав, здравствуй, сын!

Только что вошли с матерью в квартиру. Правильнее сказать, еле затащились на пятый этаж, измученные дорогой. Намаялись в душном плацкартном вагоне, грязном и набитом пассажирами, как бочка селедками.

Не давали нам покоя больше всего наши белорусские туристы, что возвращались из Карпат и под бутылочку «чернила», гам, хохот и крик делились своими впечатлениями о веселых происшествиях во время их путешествия по горам и скалам.

В квартире, покрывшейся пылью, — тишина и одиночество. Володя с Леной и Ядвисей (13) вечером должны возвратиться домой.

Мать пошла к Короткевичам (14). Они пришли с невеселой новостью, что Короткевич, как и в тот раз, опять тяжело заболел.

Мирослав, мужайся. Обнимаю тебя искренне, жму твою твердую солдатскую руку.

Твой папа.
Понедельник, 23 июля 1984 года.

* * *

Мирослав, день добрый, сын!

Не пишется статья в «Вяселку» к 60-летию «Бярозкі», а пишется тебе письмо.

Вчера с матерью были около деревеньки Дальвы, сожженной в июне 1944 года недели за две до освобождения. Она в лесах за Плещеницами. От давнишних дворов остались купы посадок — сирень да липы. Как горькая память, что была жизнь. На лесных пригорках с поросшими мхом валунами мы собирали грибы, бруснику и малину. Брусника еще зеленоватая и доспевает на газете в твоей комнате.

Фотопленки мои, привезенные из Черновцев, Лена проявила. Одна немного темноватая от избытка света, да и снимал я против солнца, вторая — 32 — хоро-

шая. Не знаю, на какой ты. Кажется, на обеих. Хотя Володя просит не печатать твой портрет в журнале. Стихи — штатские, а портрет солдата. Наверное, придется послушать его. А твое каково предложение?

Всего хорошего. Жму твою руку и желаю здоровья, выдержки и спокойствия души. Не спорь ни с кем, помни белорусскую поговорку: «Уступи дураку дорогу, Бог века прибавит».

Звонил Андрей. Его не знаю, но дал адрес.

Обнимаю. Твой отец.
Воскресенье, 29 июля 1984 года.

* * *

День добрый, сын!

Пишу из душной твоей комнаты, где из открытого окна слышен отчаянно-острый свист молодых стрижей, которые недели через три улетят в теплые края. И двор, и синее высокое небо вдруг оглохнут.

Взял путевку в Королищевичи, потому что дома работа не спорится, и роман мой, как тяжело нагруженный поезд, буксует на месте.

Вчера с братом Колей к нам приходил Степаненко (15), который, как ты знаешь, служит в Москве. Он получил, наконец, первый солдатский отпуск, кажется, на десять дней, после не девятимесячной ли службы.

Завтра, дорогой и любимый Мирослав, тебе девятнадцать. По этому случаю искренне обнимаю тебя и желаю счастья. Вспоминаю время своей далекой молодости. В 19 лет я тоже оказался в одиночестве, далеко от дома, в чужом и незнакомом городе. Жил без стипендии, бывали дни голода, как у Гамсуна (16). Я горевал, что нет молока, нет картошки. Много дум передумал. В душе выспела надежда написать роман, за который брался дважды, но начал со стихов.

Еще раз желаю тебе душевно мужества.

Твой отец.
Воскресенье,
5 августа 1984 года.

* * *

Мирослав, день добрый, сын!

Кстати, уже вечер и все добрые люди легли спать, угомонив выводки своих детей. Один я под грохот и лязг далеких автокаров, что мчат по новому бетонному шоссе, которое напрямую через давнишнее озеро прорезало Королищевичский лес, пишу тебе короткое письмо.

Я тебя здесь, в еловом, темном и пересохшем от зноя лесу, вспоминал. Сегодня было +29 С°. Завтра тоже жара. Никак не соберусь с силами, никак не найду той воли, чтобы наконец как следует взяться за роман.

*Мирослав Адамчик.
1980-е гг.*

А самая большая работа над произведением начинается тогда, когда оно написано. Ты один, ты с глазу на глаз с романом — его первый читатель, первый судья, первый безжалостный критик.

Но — спокойной ночи!

Искренне жму твою руку.

Желаю здоровья, спокойствия душевного.

Твой отец.
Вторник, 7 августа 1984 года.
Королищевичи. Охотничий дом. Лес, ночь: 23 часа ровно.

* * *

Добрый вечер, сын!

Вечер уже глухой в лесу и, кажется, поздний, только за стеною детским растяжным и избаловано-притворным голосом поет А. Пугачева (17) — идет трансляция ее какого-то концерта. Смотрит королищевичская детвора, писательские тещи или вдовы, ведь литераторов в Доме творчества, как всегда, мало.

Работа моя идет медленно, хотя от стола отрываюсь редко, разве что на «прогулку» с Лобаном (18), который, шаркая ногами, еле ходит. У него какая-то неизлечимая болезнь, ему тяжело говорить, особенно выразительно. Но он понемногу рассказывает мне про войну, про свое ранение под Тихвиным и как в их санитарный поезд, именно в тот вагон, где в последнем купе на нижней полке лежал раненый в щеку Лобан, попала немецкая бомба. Он, с перебитыми ногами, выбрался из искореженного вагона через разбитое окно, а потом его увидели и подобрали двое мальчиков. Спасся еще один боец, но сильно обгорел, потому что от удара бомбы вагон загорелся. Санитары возвратились через полчаса. Из укрытия, конечно.

Я расспрашиваю больного человека о войне, в надежде, что какие-то детали чужой жизни пригодятся для нового романа...

Но искренне жму твою руку.

Желаю всего самого счастливого.

Твой папа.
Воскресенье, 12 августа 1984 года.
23 часа ровно.

* * *

Добрый вечер, сын!

На дворе, правда, сумерки. В хмуром и уже притихшем Королищевичском лесу, где я недавно бродил по орешнику, срывая еще не очень зрелые орехи, плывут синие сумерки. Только стройные ели с космато-острыми вершинами, изогнуто-раскидистыми, как еврейские подсвечники, ветвями выразительно и одиноко темнеют на фоне синего неба.

Сегодня был ясный погожий день. Позавчера щедро сыпал грибной дождик. Но грибов здесь нет. Москвичи, правда, собирают кое-что, что никак не годится для белорусской корзины.

Сегодня у меня в хлопотах и нервозе прошел день. Потерял я его, помогая больному Лобану: бегал, искал дирекцию Дома творчества, ездил на почту в МИСС (машинно-испытательная станция), чтобы позвонить в Минск в поликлинику, потому что здесь, как на беду, не работает телефон.

А потом от волнения и возбуждения нутро мое острой болью расколол радикулит.

Как медленно и мучительно идет правка и доработка романа, как говорил Толстой (19), его «вымарывание» (вычеркивание). Завтра я должен, я «мус» (варакомское слово) закончить VII раздел.

Хлопцы заканчивают строить дачу. Рада мать, а мне почему-то все равно.

У меня два главных и, наверное, святых дела в жизни: роман и его судьба и ты и твоя судьба.

Обнимаю тебя, Мирослав. Желаю спокойствия, здоровья.

Твой папа Вяч. Адамчик.
Понедельник, 20 августа 1984 года.

* * *

Минск

Добрый день, сын!

Как ты из полигона со стрельбы, так я из Королищевичей возвратился домой.

В почтовом ящике нашел твои два письма от 20 августа.

Не очень плодотворно прошли мои 18 дней, за которые собирался исчеркать пером аж 200 страниц. Не те силы — сделал всего 80.

К твоим стихам сегодня с Володей выбрали слайды. Готовим разворот.

Наконец, вышла «Маладосць» с подборкой Володи. Как мне показалось, на этом поэтическом загончике у Володи самый умолотный и крупный колос — на мысль и поэтическую находку.

Как дела с поступлением в радиотехнический институт у Алеши? Кажется, хорошие. Наверно, поступит. Конкурса, как и в прошлом году, там нет.

Коля Степаненко тоже сдает вступительные на филфак, но о своих результатах нам не звонит. Так говорит Лена.

Искренне желаю тебе здоровья и душевного спокойствия. Обнимаю тебя.

Твой папа.

Идея будущего рассказа? Германия, 1980-е гг.

P. S. Вспомнил. От дачи уже есть ключи. Они хранятся у матери. Завтра я поеду смотреть работу двух Мильков и их родственника Янковского. На сколько ее оценить, будет видно, когда зайду в дом. Кстати, взяв за основу проект Мильков, вся Лысая Гора заносчиво заломила крыши.

Да министерство связи, которое получило наделы возле большого дуба, также прибегает тихонько посмотреть нашу дачу.

Пятница, 24 августа 1984 года.

* * *

Мирослав, здравствуй, сын!

Сходил на Белорусскую улицу к могучему и еще зеленому дубу, возвратился домой и вот пишу тебе.

Вчера были на Лысой Горе, под дождик, что понемногу моросил, разожгли уже новый мангал. За беседным столом вспоминали тебя.

Дача еще не достроена, но кафельная печка, что сопит теплом, добавляет душе возвышенной и безветренной печали.

Собираюсь, но не знаю получится ли, съездить в Варакомщину, проведать одинокого деда, ведь вестей оттуда, из дома, никаких нет.

В одиннадцатый номер «Бярозкі» сдали уже твои хокку.

Не знаю, прислал ли тебе Володя «Пана Трулялінскага».

Я еще работаю над произведением — шлифую, подгоняю, но оно остается незаконченным, как и домик на Лысой Горе.

Хотя мне время писать четвертую книжку, по которой давно перегорела душа, а я тяну волынку, забирая сам у себя силы и время.

Идя с Белорусской улицы, видел подслеповатого очкарика Сашку (20): он нес арбуз в компании каких-то черномазых типов. Смотрю, как парень болтается и проматывает жизнь.

Всего тебе самого счастливого — спокойствия души, равновесия, здоровья, тепла!

Жму твою солдатскую руку.

Ядя что-то тебе лопочет, ходя по кругу в манеже.

Твой отец.

Сегодня воскресенье, 16 сентября 1984 года. Погожий в Минске день. Такой же был 45 лет назад. Он вспомнился мне почему-то сегодня.

Я — шестилетний, одинокий — пас на дедовском наделе в кустах можжевельника, конечно, вырубленных, свою Черноуху и увидел варакомских пастухов, которые пасли коров на Новоеленском поле. Они прошли около меня, сказав: «Паси везде, началась война. Можно пасти, где хочешь».

Я, наверное, был рад. Они — тоже. Что такое война мы уже разобрались немного позже. И не только разобрались, а увидели, изведали, ощутили на себе.

* * *

День добрый, Мирослав!

Пишу тебе под стук молотка: на первом этаже хлопцы обшивают двери — обивают их дощечками. Нижняя хата обшита также и разделена на три комнаты; одна из них твоя. Третья, самая большая, наподобие гостиной. Так что мы удачно и мирно разделились. Только в холода, чтобы погреться, я переберусь из мансарды ближе к печке и потому уже сейчас думаю о дровах...

Приближается осень. Лысоватый колесный трактор, который тянул за собой вместе с пилами три коричневые борозды, перевернул, как ковер, узором вниз зеленое поле. На его рокот с наших дач стремительной ватагой слетаются скворцы. И темной тучей свежую землю укрывают грачи.

Стоит неожиданная жара. Вчера было +31 С°. Говорят, будет жарким и сентябрь.

Мать, довольная, собирает с огорода свой урожай: лук, кабачки, спелые помидоры.

У меня, кажется, принялись все яблоньки (одна выпустила листики недели две-три назад), но время пробовать мои яблоки еще далеко...

Писать на даче никак не привыкну, хотя, пока есть кое-какие силы, надо браться за четвертую книжку романа.

Мирик, я прочел твои стихи и собираюсь вместе с Володей подготовить подборку. Стихи не пропадут, не пройдут даром, они дисциплинируют хорошую прозу.

Однако всего тебе наилучшего.

Тут возле нашего дома первый раз в августе вижу миллионы ласточек, что собрались перед теплыми краями. Наверное, их привлекло наше комариное озерцо.

Еще раз жму твою солдатскую руку.

Отец.
Воскресенье, 18 августа 1985 года.
Малая Воловщина.

* * *

Здравствуй, дорогой сын Мирослав!

Как сообщает польская печать («Zycie Warszawy»), в Судетах уже лежит снег. Старики гурали не помнят такой снежной и морозной зимы, как в нынешнем ноябре. У нас в Минске, как варакомцы говорят, голощок — мороз без снега. Правда, сегодня ночью он припорошил землю, но настоящей зимы еще нет.

Я с нетерпением жду двенадцатый номер «Полымя», где напечатано окончание романа, точнее, моей третьей книжки «І скажа той, хто народзіцца». Душа, однако, живет и четвертой, которая носит пока что условное название «Зямля крыві нашай». Раньше она называлась «Цень ад штыха». Я даже немного пробую писать ее, вспоминая реалии того мира, который давно ушел, но который еще живет в душе моей.

Тут в мою дверь уже стучится Ядя и кричит и просит из коридора: «Дедушка Сава, открой». Откроешь дверь, она тут же начинает на столе перебирать бумаги.

Мирослав, подборку твоих трехстиший я передал в «Літ. і мастацтва» Жуку (21) с просьбой прочесть и выбрать что-то для печати. Жук, конечно, будет тянуть и медлить долго. Но время от времени будем его тормошить за растопыренные крыльца.

Будь жив-здоров. Желаю тебе всего наилучшего и жму твою солдатскую руку.

Твой отец.
21 час, 30 ноября 1985 года.
Минск.

* * *

Мирослав, добрый вечер, сын!

Пишу тебе, кажется, первый раз в очках.

Вчера в Доме литератора на встрече со словенскими (Югославия) писателями Янка Брыль (22) пожаловался мне: «Теряю зрение. Что будет, когда не смогу читать?» Он начал пользоваться очками в 44, я — в 52. Но разве это утешает?

С Алесем Рязановым в Германии. 1980-е гг.

Работать с гнетом на носу я не привык. Хотя, если сказать правду, очки выписаны мне лет десять назад. Я просто не слушал окулистов.

Дорогой Мирослав, поздравляю тебя с подборкой в сборничке «Вусны», который увидел мир в издательстве «Юнацтва».

Составил сборник и написал предисловие к нему Олег Лойко (23). Сборник интересен экспериментами.

У нас в Беларуси снег, который выпал за одну ночь оттепели, здесь из Прибалтики надвигается холод. Я переживаю за свой молодой садик: морозы без снега вредят посадкам.

Кажется, скоро увидит свет вторая часть моего романа. Радость, хотя, может, и преждевременная, но большая.

Жму твою руку.

Отец.
9.12.85.

* * *

Мирослав, добрый вечер, сын!

Переживаю какие-то дни тоски, печали. Не пишу свой четвертый многострадальный роман. Условное название его — «Зямля крыві нашай» — не воспринимается как новое. Надо менять. Но и давнишнее — «Цень ад штыха» — не соответствует смыслу моего произведения.

После заголовка — «І скажа той, хто народзіцца» — остается взять только из Луки: «Немой стал говорить, и народ удивился».

Но прочтя притчи Соломона, я тоже ничего не нашел лучшего чем Бубнисово (24) «Цветение несеянной ржи» и Короткевича (25) «Каласы пад сярпом тваім». Последнее, кстати, тоже библейское.

Будь здоров, дорогой сын!

Жду тебя домой.

Включаю твою «Вегу» и ставлю Демиса Руссоса (26), а потом «Волшебный полет» Дидье Маруани (27).

В их музыке чувствую себя словно в величественном костеле с его торжественной и праздничной чистотой.

Обнимаю тебя.

Твой отец.
27 декабря 1985 года.

* * *

Мирослав, день добрый, сын!

Бодрствую и уже, наверное, по-стариковски буду ходить ночи напролет из угла в угол.

Сегодня, проснувшись в пять, читал Михаила Булгакова (28) «Белую гвардию». Теперь, в утренней тишине, пишу тебе. Приезжал твой сослуживец Романчук, который застал в квартире только меня и Володю. Мы расспрашивали обо всем, о чем смогли за час расспросить. Передали тебе сигареты, два сборника стихов, жилетку к синему костюму, если он у тебя, а не на нашей свалке.

Наконец, Жук дополз до твоих стихов, передал в отдел, просил фотоснимок. Буду искать пленку, чтобы передать Лене — она сделает карточки.

Занявшись мелкой заботой — редакцией, переписыванием документов времен войны, чтением разных мемуарных изданий, напрасным ковырянием в своих записных тетрадях, — не пишу четвертую книжку. Излишек материала, как большая *кудаса* (метель), застит всегда дорогу автору и даже засыпает его.

Ближе к весне, потому крепчают морозы. Но надеюсь, что мой «Спартак», привезенный из питомника, из давнишнего поместья пана Джонска, не вымерзнет.

Жду тебя, чтобы вместе полюбоваться, посмотреть на садик. Когда-то ухоженное хозяйство — дом, хлев, гумно, обнесенные плетнем (еловым или дубовым забором из дерева [Рисунок забора.]) моего прадеда по матери Лаврина Боровика называлось «Лавринов рай», потому что там был зеленый тенистый сад с летней прохладой.

Жду тебя, Мирослав, домой, в затишье моих молодых яблонек.

Обнимаю, жму руку.

Отец.
Суббота, 11 января 1986 года.

1. Танк — Максим Танк (Евгений Иванович Скурко), белорусский поэт.
2. Павлик — Павел Науменко, сын белорусского писателя Ивана Науменко.
3. Ядвига Павловна — жена Ивана Науменко.
4. Леня Майсюк — Леонид Дранько-Майсюк, белорусский поэт.
5. Дубовка — Владимир Николаевич Дубовка, белорусский поэт, прозаик, переводчик, критик. Старший брат Язепа Дубовки. Первый редактор журнала для школьников «Бярозка».
6. Слава — Слава (Савва) Адамчик, брат Вячеслава Адамчика.
7. Витя — Виктор Адамчик, сын Саввы Адамчика.
8. Коля — Николай Адамчик, внук Вячеслава Адамчика.
9. Евгения Владимировна — Евгения Беляева, бабушка Николая.
10. Антон — Антон Киселев (Кисель).
11. Скоринкин — Владимир Максимович Скоринкин, белорусский поэт и переводчик.

12. Ваня — Иван Милько.

13. Володя с Леной и Ядвисей — Владимир Адамчик (Адам Глобус) сын Вячеслава Адамчика, Елена Адамчик — сноха Вячеслава Адамчика, Ядвися — внучка Вячеслава Адамчика.

14. К Короткевичам — писатель Владимир Короткевич с женой Валентиной жили на одной площадке с Адамчиками в доме № 36 на улице Карла Маркса.

15. Степаненко — Владимир Степан (Степаненко), белорусский писатель.

16. Дни голода, как у Гамсуна — Кнут Гамсун, норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1920 год, автор романа «Голод», 1890 г. Вячеслав Адамчик читал и перечитывал «Голод» в переводе на польский язык.

17. А. Пугачева — советская певица Алла Пугачева. Прадед с прабабушкой Пугачевой (Павел и Мария), у которых было 7 детей, проживали в Славгородском районе Могилевской области (деревня Узгорск). Мария (в округе была известной врачихой и гадалкой) дожила почти до 90 лет, похоронена в деревне Недашево (Могилевская область), Павел умер в возрасте около 40 лет (похоронен в деревне Узгорск). В период коллективизации Михаил уехал в Москву, где и остался. Там у него родился сын Борис (отец Пугачевой).

18. Лобан — Микола (Николай Павлович) Лобан, белорусский писатель и языковед.

19. Толстой — разговор идет о Льве Толстом.

20. Сашка — Александр Острошевский, одноклассник Мирослава Адамчика.

21. Жук — белорусский писатель Александр Жук, тогдашний главный редактор еженедельника «Літаратура і мастацтва».

22. Янка Брыль — Иван Антонович Брыль, белорусский писатель.

23. Олег Лойко — Олег Антонович Лойко, белорусский поэт, писатель, литературовед. Член-корреспондент АН Беларуси.

24. Бубнис — Витаутас Бубнис, литовский писатель, автор романа «Цветение несеянной ржи», 1975 г.

25. Короткевич — Владимир Короткевич, белорусский писатель, автор романа «Каласы пад сярпом тваім».

26. Руссос — Демис Руссос, греческий певец.

27. Маруани — Дидье Маруани, французский музыкант, композитор, лидер группы Space.

28. Булгаков — Михаил Афанасьевич Булгаков, русский писатель.

Перевод с белорусского Елены Хацкель.

ВЛАДИМИР ЛИПСКИЙ

Все мы — под млечными звездами

Дневник

Слово «днев-ник» в подзаголовке можно смело заменить на «ночь-ник». Ибо пишутся эти строки в глубокой ночной тиши. Только звезды небесные подмигивают в окно, да на улице гудят редкие машины-такси или «Скорая». Кому еще глухой ночью не спится?

А я исповедь пишу. Запись в дневнике — это очищение мыслей, молитвенное обращение к пережитому, прочувствованному, что царапнуло душу.

«Господи!» — посылаю в космос первое слово своей исповеди и чувствую, мой природный компьютер, подаренный отцом Степаном и мамой Марией, включен. Теперь только бы успеть записать все, что он выдаст на экран памяти...

* * *

Сегодня в «Светоче», на проспекте Победителей, поймал себя на мысли, что захожу в этот храм книги раз в месяц. Неспешно просматриваю новинки и «старинки». Здесь, в книжном магазине, особый запах красок, бумаги; кажется, пахнут мысли авторов, собранные в картонные шкатулки, которые издавна люди назвали книгами.

Не красна книга письмом, красна умом — так оценивает народ книжное золото, и я, писатель, чувствую себя в магазине читателем. Листаю различные фолианты, читаю аннотации и, прежде всего, оцениваю «одежду». Потом стараюсь почувствовать золото книги — слово, слог, сюжет, тему повествования. Одна, вторая, десятая книга в моих руках и уже хочется присесть в мягкое кресло. Пусть бы мои уши ласкала тихая, нежная мелодия, и я бы задержался в «Светоче» еще на лишний часок. Обстоятельное знакомство с книгами, глядишь, заставило бы полезть в кошелек за деньгами. Так вот и заманивают покупателей книжные магазины в той же Америке. Бывал в Штатах подолгу аж четыре раза и знаю об этом не из газет.

В книжном магазине чувствуешь себя книжником, ум обостряется, мысли разные будоражат сердце.

Первый и неизменный вывод: какие же мы, белорусы, книжные богачи! У нас появились десятки самых различных энциклопедий, которых не было ни-ког-да. Все классики наши изданы в собраниях сочинений. Только в последние годы читателю предложены академические многотомники Янки Купалы, Якуба Коласа, Ивана Шамякина, Максима Танка, Владимира Короткевича. Государственные и частные издательства, а их скопом свыше пятиста, издают все, что написано золотым пером современных писателей. И это, как говорят мои земляки-шелковцы, «сущая» правда.

Но тот же «Светочь» раскрывает глаза и на другую правду. Почему из месяца в месяц вижу все те же пять не проданных экземпляров романа господина Х? Почему, как в многослойном торте, будто коржи, лежат на полке томики новых книг многостаночника М, а их никто не покупает? Почему рядом с золотом литературы лежат откровенно графоманские книжки, подобные на борщевик Сосновского?

От стенки с книгами белорусских авторов перевожу взгляд на бесконечные полки российских издательств. Там, кажется, нет такой темы, которая не была бы отражена в книге. И невольно начинаешь себя укорять: а что же ты, писатель, сочинил, чем привлечешь внимание умного книжника, стоит ли твоя «овчинка» выделки?

В последний приход в «Светочь» около белорусских книг был я и еще один гражданин. Больше часа мы «здароўкаліся» с новыми книгами. Никто из покупателей не поддержал наше знакомство с новинками. Грустно!

Вышел на проспект Победителей с томиком «Максім Танк. На камні, жалезе і золаце». Книга появилась в серии «Жизнь замечательных людей Беларуси». Шел и с горечью думал: когда же в этой серии увидим книги про Кондрата Крапиву, Петруся Бровку, Аркадия Кулешова, Пимена Панченко, Янку Брыля, Андрея Макаенка, Ивана Чигринова... Кто заступится за них, кто включит книги о них в издательский план? Шел, вспоминал народного поэта Максима Танка, чудесного человека, с которым посчастливилось работать вместе в Союзе писателей, и как будто разговаривал с ним. Спросил я у мудреца: «Скажите, Евгений Иванович, по какому градуснику можно определить самочувствие людей?»

Улыбнулся Поэт и я услышал ответ: «Мова! Яна разам з сэрцам даецца чалавеку пры з’яўленні яго на свет. І па тым, як гучыць твая мова, песня, можна дагадацца, і як жыве народ».

* * *

Однажды у Александра Ивановича Герцена спросили: «Кто имеет право писать свои воспоминания?» Он ответил: «Всякий. Потому что никто не обязан их читать».

В таком осадном положении все мы, писатели. Сочиняем, мучаемся бессонными ночами. Все ради его величества Читателя. Хотим, чтобы он насладился нашим Словом, чтобы почувствовал нашу душу и принял наш литературный дар. А он не обязан это делать. Как же все непросто, неоднозначно и архиответственно. Мне кажется, только с пониманием этого можно класть перед собой чистую бумагу и распечатывать на ней кардиограмму своего сердца.

Так поступали наши учителя, классики.

Беру в своей библиотеке восемь томов Кузьмы Чорного, кладу их на свой письменный стол. Все, с этого момента я — читатель. Хочу получить уроки мастера.

Через некоторое время откладываю в сторону книгу и хохочу на всю квартиру. Боже мой, какую искринку высек Чорный!

В сельском клубе — гулянье. И оно заканчивается потасовкой молодежи. Ее увековечил писатель:

«Хваціў быў Міхаіл Тодара, Тодар знячэўку заехаў Антосю. Антось таксама знайшоў сабе пару — падвярнуўся якраз пад рукі Юзік. Толькі небарак Павал не меў сабе пары... І тут раптам Паўлавы вочы ўбачылі, што родны яго дзядзька Сцяпан таксама не мае пары. Не зміківіў Павал, што дзядзьку Сцяпану і не трэба было пары, то ўжо не тыя гады, каб пробаваць сілу, а хаця пастаяць, паглядзець, ды прыпомніць маладосць. Але хто яго там разбіраўся, ці мікіціў. Падбег Павал да дзядзькі ды ляпнуў кулаком яму пад нос.

— А Павалка, за што ж ты мяне? — загаласіў акрываўлены дзядзька.

— За што?! — грозна адказаў Павал: — Людзі б’юцца, а я дык што!..»

И я стал отмечать детальки, ремарочки автора, его краски, его острый взгляд. Вот он описывает одного дядьку в Тимковичах, который «гоготал так, что лицо его казалось ведром воды, которую неожиданно всколыхнули, а «шляхетная» ватная жилетка, что плотно лежала на животе, тряслась, как сито в арфе, и сам живот тоже трясся, наверно, и все, что было в животе, тряслось...»

Чернорабочий литературы, как называл себя Кузьма Чорный, включил меня в свой процесс «думания», и я уже не могу оторваться от прозы мастера. А живые слова его публицистики записываю в своем блокноте. Они трогают меня, они понадобятся мне в общении с молодежью.

«Творчество, — учит Кузьма Чорный, — это не есть умелая подача материала. Творчество — это переработка материала в новое качество. А если это так, то мы не должны тянуться в конце событий...»

Учитель-классик подсказывает нам, что литература только тогда будет действенной, настоящим оружием, когда будет высокохудожественной, а не суррогатом творчества.

«Мы должны иметь больше черт писателя-профессионала. Мы должны смотреть на слабости нашего литературного движения не только со стороны борьбы с формализмом и натурализмом, а со стороны повышения уровня образованности, культурности, — все это волнует Кузьму Чорного, и он утверждает дальше: — Можно сказать с уверенностью, что немалые достижения нашей литературы, которые у нас действительно есть, получились без участия правления Союза писателей...»

И это «сушчая» правда. А сколько книг, по страницам которых равнодушно скользят глаза. Можно не терять времени на такую книгу. Спасибо за светлые уроки, Николай Карлович Романовский. Спасибо за мудрость, Кузьма Чорный!

* * *

Мы сейчас говорим о том, что нет хорошей литературы для подростков.

А вот как поступили великие писатели, когда почувствовали дефицит подобной литературы. Янка Мавр создал своих бессмертных «Палескіх рабінзонаў», Михась Лыньков — «Міколку-паравоза», Виталий Вольский — «Несцерку», Павел Ковалев — «Лёньку Грома»...

Серьезный, масштабный Кузьма Чорный написал для подростков роман «Пошукі будучыні». У его героев — Волечке 14 лет, Костусю 16 лет — война забрала и детство, и родителей. Они по воле судьбы сходятся и живут вместе. Сами пашут, сеют, убирают. И у них постепенно взрослеют чувства любви и семьи. Боже мой! Вот какую литературу предложил классик подросткам. Вот как он заботился о тех, кто шел за ним, кто верил ему.

А еще Кузьма Чорный написал повесть «Насцечка». Отец героини умер. Мама уехала на курсы в Москву. Она и учится в школе на отлично, и смотрит за дедушкой. Забот выше ее белокурой головы. Но девочка еще и активистка в школе, пример во всем, не то, что Серж, которого подвозят в школу на отцовской служебной машине...

Видите, Кузьма Чорный почувствовал себя ответственным за воспитание подростков, взялся и написал для них, о них повесть. Это его особенный литературный подвиг. Нет литературы для подростков — вот вам «Пошукі будучыні» и «Насцечка».

А что мы даем нашим компьютерно-мобильниковым современникам? Уши у них для наушников, глаза — для интернетной сети, ноги — для дискотек. Они живут в другом измерении. Патефон, которым гордилась Настечка, для них архаизм, неизвестная вещь. А ведь среди сегодняшних подростков есть вундеркинды, которые решают задачи по математике наравне с академиками. Своими песнями они взрывают Евровидение. Проявляют себя в спорте, изобретательстве, искусстве. Может, мы, писатели, боимся таких детей, не верим им, потому и не решаемся ходить к ним на школьные уроки, вечера, дискуссии. С подростками нам надо научиться дружить, тогда и появятся нужные, востребованные ими книги. Этот упрек адресую и себе. Потому и звоню в школу, в которой учились мои дети, и договариваюсь посещать уроки. А может, там учатся современные Настечки и Сержи?..

Благодарен Кузьме Чорному за вдохновение, подсказку, за жизненный мастер-класс.

А еще спасибо за героя романа «Пошукі будучыні» Сумлицкого Неваду. Он смог сохранить свое жизненное кредо даже в огненные годы войны:

«Соберите вы золото со всего мира, — говорит он, — сделайте из него трон, посадите на него меня руководить полмиром, а чтобы весь мир восхвалял меня, так я перед вами буду проситься и молиться: пустите, пожалуйста, дайте мне счастье сползти с этого трона. Я же столько лет рожь не сеял, в кузнице коня не ковал, на мельнице муки не молол, пашни не нюхал, сапог не чистил, капусты не хлебал, не наслушался всласть, как петухи поют, как люди по-людски говорят...»

Господи, как же мне понятны эти слова, это признание белорусского крестьянина. Как же мне хочется вместе с Невадой плевать на тот желтый металл, из-за которого гибнут люди, превращаются в волков. Нет, не нужен нам берег турецкий, как певали раньше. У нас есть свое золото — наше Отечество Беларусь, наш напевный белорусский язык, наша душа, дети, родниковая земля. У нас, как и у птицы болотной кулика, свои волшебные просторы в пределах рек Буг, Припять, Сож, Днепр, Березина, Двина, Неман. Давайте беречь это историческое, природное, земное сокровище. И главное золото в нем — наших детей. Тогда и они будут нас почитать и читать.

* * *

Хотим, чтобы нас читали.

А читаем ли мы, писатели, друг друга? Или как в том анекдоте: чукча не читатель, а писатель.

Будучи в нарочанских «Соснах» прочитал две книги россиянина, известного поэта, публициста, редактора Станислава Куняева. Ранее видел его несколько раз, слушал его трибунные речи. Знал его афоризм «Добро должно быть с кулаками», а вот не читал.

И я благодарен судьбе, что открыл для себя талантливого писателя, мужественного гражданина России, камнетеса нашей общей истории.

В книгах «Поэзия, судьба, Россия» Станислав Куняев представляется богатырем, который точно знает, с кем воевать, как бороться и чего желать Родине. Все это импонирует мне, ибо в моем понимании писатель и должен быть прежде всего защитником своего Отечества, патриотом своей земли, правдивым историком своего народа, а значит, проводником добра, морали и красоты.

Станислав Куняев вольно и щедро цитирует (ибо хорошо знает их творчество) Пушкина, Достоевского, Гоголя, Куприна, Бунина... У него свое мнение об эмигрантах: «Вам есть где жить, а нам — где умирать».

В моем блокноте появилось много Куняевских стихов, афоризмов, цитат. Как это здорово, если коллега-писатель пробуждает чувства, призывает к размышлению и открывает в тебе некую свежую, активную волну творчества и смелости.

Станислав Юрьевич одной строфой, которая запала в мою душу, так объясняет секрет своего творчества:

Пишу не чью-нибудь судьбу,
Свою от точки и до точки,
Пускай я буду в каждой строчке
Подвластен вашему суду...

Вот и я стараюсь в своем творчестве не очень фантазировать и выдумывать. Пишу о своей судьбе, о судьбе моих Шелковичей — маленькой полесской деревушки, в которой однажды обнаружил семь чудес. Копаюсь в родословной, в судьбах наших мозольных землепашцев. Этот пристальный взгляд на своих

односельчан позволил мне увидеть по-новому великих людей Беларуси и написать о них документальные повести: о герое войны Зинаиде Тусноло-бовой-Марченко, которая вернулась с фронта без рук и без ног; об академике Василии Купревиче, который прошел жизненный путь от учителя до президента Академии наук; о композиторе Игоре Лученке, актрисе Марии Захаревич, аграрнике Алексее Скакуне...

Особая судьба у моих книг про Маму и Отца, о родословной Липских «Я. Правдивая повесть о твоей и моей родословной». Так получилось, что эти произведения обрели массового читателя. Я получил море отзывов. За эти книги я получил Государственную премию.

У читателей, знаю не понаслышке, возник здоровый интерес к своей родословной. Уже создана целая серия книг о семейных генеалогиях. Мой коллега и друг, а как выяснилось и родич, Анатолий Чебоганов-Статкевич начал издавать целую серию книг «Я — сын Ваш» по истории белорусской шляхты. Горжусь, что я протоптал по целику первую дорожку к этой важной, востребованной теме.

Прости, Читатель, что иногда писатели втягивают тебя и в сложный мир своих взаимоотношений. Ты становишься очевидцем не только мудрых разговоров, но и явных перебранок, осознанных оговоров известных народу авторов. Тем более, что в космосе появилось множество блогов, в которых каждый хочет быть писателем или критиком.

Не могу себе представить, чтобы Пимен Панченко или Аркадий Кулешов, наши поэты от Бога, посягнули на честь и достоинство своего коллеги по перу, своего собрата. В голове не укладывается, чтобы Иван Шамякин или Иван Чигринов сели за стол, взяли бумагу и начали кого-то «мочить». Нет, нет и нет! Не представляю, чтобы Евдокия Лось или Евгения Янищиц опустились до жанра пасквиля. Они знали свое предназначение — высокая поэзия — и верно служили ей. И вошли в историю!

Наш литературный авторитет как раз и делают книги, которые нужны читателю, которых он ждет, по которым хочет учить своих детей.

А уж кто останется в истории, так это решать его величеству Времени. Только оно расставит все точки над «і». Только оно единственный всем нам судья. Будем помнить об этом.

* * *

Давно понял, что в литературе работают два профи — мастер слова и графоман.

Немного сочувствую сегодняшнему читателю, ибо на рынок выплеснуто столько книг, как ни в какую другую эпоху. Поди разберись, что взять для воспитания души, для обогащения ума. Кто «делатель ценностей», как говорил поэт Александр Межиров, а кто дискредитирует профессию писателя.

Чтобы определить настоящего мастера, давайте обратимся к авторитетам.

В санаторной библиотеке беру шестой том Николая Васильевича Гоголя. Хочу прочитать его «Авторскую исповедь».

Кстати, этому томику Гоголя уже пятьдесят лет со времени его издания. А некоторые страницы его, склеенные при печатании, я разрываю впервые. Похоже, я читатель-робинзон. Эту горчинку адресую тем оптимистам-издателям, которые рапортуют, что выпустили в свет столько-то наименований книг, таким-то тиражом.

Как видим, книга Николая Гоголя полвека сироткой «жила» в санаторной библиотеке, хотя сколько там народу перебывало со всей республики. И не только республики!

А вот как раз в исповеди Гоголя, в его откровении, и содержится ответ на вопрос: кто же такой настоящий мастер слова?

О себе Гоголь говорит очень скромно: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще». И это говорит великий мастер, которому сам Пушкин презентовал сюжеты «Мертвых душ» и «Ревизора».

Товарищи, прислушайтесь к словам гения! Может быть, кому-то другой раз станет стыдно брать за горло издателей, руководителей Союза писателей, чтобы пустили к читателям ваши «шедевры». Пожалейте и читателей, которые в растерянности перед океаном словесной пены.

Пусть всем нам будут уроком тонкие и тактичные поучения Гоголя:

«У писателя все, что есть в душе, просится на свет».

«Нужно быть очень умным для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу».

«Прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне знать старое».

«Я не писал, а создавал портрет, но создавал его вследствие соображения, а не воображения».

«Жажда знать душу человека томила меня постоянно от дней моей юности».

«Одни из лучших минут в жизни моей были те, когда я наконец клал на бумагу то, что выносилось в моих мыслях».

«Я до сих пор уверен, что едва есть ли высшее из наслаждений, как наслаждение творить».

«Весь мир не полюбишь, если не начнешь прежде любить тех, которые стоят поближе к тебе и имеют случай огорчить тебя».

«Вся жизнь наша есть служба служить государю небесному... Я не знаю выше подвига, как подать руку изнемогшему духом...»

Перечитал письма Гоголя матери, и еще раз захотелось поклониться ему. С именем мамы начинается любовь к Отечеству, к людям, к самому себе. Смотрите и восхищайтесь, творцы, каков Гоголь сын. Всегда ли мы таковы? А если нет, то имеем ли мы право поучать других?

Из разных писем Гоголя обращают внимание вот такие слова: «Почтеннейшая маменька... Бесценная маменька, единственный правдивый друг мой... Ваш послушнейший и нежно любящий сын... Ваш покорнейший сын...»

После таких слов, выражения такой любви к своей маме, хочется снова перечитать всего Гоголя.

Значит, делаю вывод: читатель должен прочувствовать автора, знать его, довериться ему. И тогда он обязательно отыщет его книги. И прочтет их! Дадим возможность самим читателям оценить наш литературный труд.

Всем нам нужна непредвзятая оценка мастера. Как у Гоголя. Вот его отзыв о своем современнике Александре Пушкине:

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В ней, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла...»

Пушкин — гений. О нем такие возвышенные слова. Но давайте верить и ждать, что и о нас, смертных, тоже когда-нибудь скажет свое слово читатель и критик-профи. Будем готовиться к этой встрече, а значит, приумножим строгость к самим себе, к своему делу.

Мой друг-поэт из Карелии Марат Тарасов, который дружен с самим Евгением Евтушенко, учился в литинституте с Робертом Рождественским, рассказал мне об одном удивительном разговоре с Михаилом Светловым. Однажды Марат задал Светлову такой вопрос: «Почему я не могу стать читателю таким близким, как отец сыну, как брат брату, хотя бы как родственник родственнику?» — «А потому, — ответил известный поэт, — что вы еще не промокли до ниточки». —

«А как найти эту ниточку?» — «Если бы я знал! — признался Михаил Андреевич, а потом пояснил: — Как часто в текстильном производстве нашей поэзии не хватает этой самой ниточки! Я сам мечтаю поймать ее за хвостик. И если я поймаю этот хвостик, я ни с кем не поделюсь. Я эгоист...»

Тот диалог с Маратом Тарасовым Светлов закончил такими словами: «Хорошо писать многие могут, но редко кто может писать необыкновенно хорошо...»

* * *

Михаил Стрельцов, наш поэт и прозаик от Бога, как-то сказал: «У нас хорошее наследие, побольше бы хороших наследников». Истинно!

Сейчас по Беларуси идет писательская акция «Читаем вместе, читаем на белорусском языке». Я побывал на таких мероприятиях в Дзержинском, Любанском, Борисовском, Речицком, Миорском, Слуцком, Островецком районах, в городах — Минске, Полоцке. Что могу сказать?

Это те встречи, когда писатель глаза в глаза видит своего читателя и происходит взаимная зарядка душевных аккумуляторов. Эти свидания эмоциональны, возвышенны и, в конечном итоге, плодотворны. Почему? Да потому, что мы приезжаем на «подготовленную почву». Здесь наши книги прочитаны, нас знают в лицо и ждут. Так, думается, и должны происходить встречи писателей с читателями.

Однажды в такой поездке я встретился со своей книгой «Веселая азбука». Зачитанная, потрепанная, она стала для меня милее любой услады. Я выменял ее на другую свою книгу «Мама. Молитва сына». И теперь в моей библиотеке живет реликвия — книга, которая гостевала у многих читателей.

Книга для человека, как пчелиное молочко для матки. Оно называется опилак. Опивается лакомством пчелиная матка и в благодарность за такое угощение откладывает до двух тысяч яиц в день, по весу — больше ее самой.

И писателю хочется благодарной отдачи. Он надеется, что его творчество, его слова, чувства, как живой, лечебный родник перельются в души читателей. А как же иначе? Для чего же тогда мучительные поиски темы, сюжета, слога? Зачем тогда, как в песне, «я на земле этой грешной живу»?

Встречи с читателями проясняют этот «двухсторонний» процесс. Писатель ощущает реакцию своего читателя, а тот дает определенный бонус «инженеру души». При этом следует учитывать разные интересы читателей. Как и в еде: для мексиканцев деликатес — муравьиные яйца, для монголов — конина, для китайцев — змеи и воробьи, для африканцев — поджаренная саранча. А для белорусов-бульбашей — драники в сметане.

Главное, чтобы читатель, особенно молодой, понял, что дом без книги — это дом без окон, дом без солнечного света. С появлением человека на земле появилась разговорная речь, потом — слово литературное, художественное. С человеком пришли в наш мир Любовь и Поэзия. Все это и есть сокровище людское. Тысячу раз прав Михаил Стрельцов: писатель обязан, страдая и мучаясь, заботиться о хороших наследниках.

* * *

Недавно обнаружил в собственных архивах свою ученическую тетрадь. Она напомнила мне о далеких-далеких временах, когда я упивался чтением книг из школьной библиотеки. В ту тетрадь я записывал афоризмы, присказки, а то и просто новые, непонятные мне слова. Кто этому научил, теперь уже не припомню, но привычка читать книги и что-то выписывать из них осталась.

Наслаждаюсь повестью Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». Время от времени хватаюсь за ручку, раскрываю блокнот, хочется записать новые

слова, фразы. Так в моем бумажном носителе информации появилось слово «мухота». Это когда жарким летом к тебе пристают нахальные крылатые насекомые. Распутинская «мухота» напомнила устоявшиеся уже народные определения: быть под мухой, с мухами в носу, делать из мухи слона, мухи не обидит.

А как же не запомнить доказательства Дуси Сормовской, героини повести, что мужчина на самом деле женского рода. Почему? Да потому, что с ним рифмуются слова «скарлатина, скотина, щетина, ангина, равнина, образина, кручина, картина, турбина». Одно только слово мужское — выраженец.

Распутин по-своему всматривается, вслушивается в слова, которые привычны нашим ушам: «ворона» — вор она, «воробей» — вора бей, «сволочь» — сволочить, убрать что-то с глаз, с дороги, «подонок» — осадок на дне посудины, несъедобные, вредные остатки, их можно и нужно выплеснуть.

Когда читаешь Янку Брыля, нередко возникает такое ощущение, что будто хочется взять в руки его слова, подержать их, понаслаждаться ими и разгадать.

«Лапухі вушэй» — чтобы представить такие уши, надо вспомнить широкие роскошные листья лопуха, а потом их спроектировать на человека. Улыбка на вашем лице обеспечена.

«Раса пяклася холадам» — здесь роса сравнивается писателем с углями, она обжигает ноги, но не жаром, а приятной прохладой.

«Угрунтаваўся добра ў жыццё» — а это не что иное, как укрепился надежно, будто цемент в фундамент, держится крепко, основательно. Такой человек в жизни чувствует надежную почву под собой.

Повести, рассказы и романы Кузьмы Чорного также пестрят авторскими находками-золотинками. Их, конечно, надо воспринимать в оригинале, тогда чувствуешь их особую прелесть, упругость, как у футбольного мяча.

«І стаяла такая цішыня, здавалася — восень сочыць, ці не парушае што яе спакою» — хочется эту осеннюю «тишину» увидеть, ощутить и побыть наедине с ней, отряхнуть житейскую суету.

«Ты чалавек запечны, ціха жыў век» — прочтешь такое и начинаешь вспоминать, встречался ли тебе такой тип в жизни, почему за печкой, на печке прятался, неужели всерьез решил так провести свои годы?

Есть шеститомный словарь языка Янки Купалы. Готовится такое же издание богатой словесности Якуба Коласа. Народные поэты — творцы белорусского языка, его своеобразные открыватели, мастера художественного слова и собиратели народной мудрости.

Но как же все мы должны еще позаботиться о том, чтобы появились на нашей культурной ниве словари языка всех народных поэтов и писателей Беларуси. А еще словари Владимира Короткевича, Михася Стрельцова, Янки Мавра, Василя Витки, Ивана Пташникова, Виктора Карамазова, Анатолия Кудравца, Андрея Федаренко...

Хорошо бы собрать слова-зерна, рожденные, выращенные, воспетые всеми творцами национальной литературы. Пусть бы те, кто идет на смену ветеранам, сполна использовали их да задумались о своем севе на литературных просторах.

А ты, читатель, что скажешь на это?

* * *

Подхожу к своей библиотеке. Будто советуюсь с книгами, а получается — ищу собеседника. И каждый раз нахожу его, умного и рассудительного.

Когда читал роман Владимира Короткевича «Каласы пад сярпом тваім», было такое чувство, будто мы с писателем — родня. Бабушка моя Пелагея из рода Короткевичей, жила на хуторе Белая Гора около деревни Чирковичи, недалеко от местечка Паричи. Она родила мою маму Марию. А мама в первом замужестве была за Михаилом Короткевичем. Ну ей-ей мы с Владимиром Семеновичем однокровцы.

С чувством родства читал его «Каласы». И в который раз восхищался его эрудицией, мастерством, неустанным поиском новых слов. Легкость пера захватывает тебя с первых строк. Но когда понимаешь, какой за этой легкостью стоит титанический труд писателя, его бесконечные «археологические раскопки» в архивах, словарях, летописях, житиях, то, честно говоря, становится не по себе. Многим нашим нынешним писателям такая изнурительная работа «рудокопа» просто не под силу.

Читаю и будто вижу живого Короткевича. Вот он тихой, немного шаркающей походкой входит в приемную Шамякина, и комната озаряется небесным светом. Он умел смеяться, говорить, спорить. И все это получалось у него искренне, будто с широкого плеча, с позиции богатырской, с позиции независимой личности.

В белорусском говоре Владимира Семеновича всегда были живые, свежие, яркие слова. Он — щедрец на образные слова, которые выливались из его души, как песня, музыка.

Какое наслаждение читать Владимира Короткевича.

Часто открываю книгу Ивана Пташникова «Алімпіяда» с его искренним автографом мне. Шестьсот страниц сочного белорусского языка. Мастер слова не пересказывает, а будто рисует картину, только не красками, а неожиданными словами. У него все пахнет: и дороги, и пыль, и дома, и поля, и деревья. И мне кажется, все его слова имеют определенный запах. Да такой, что запоминается навсегда. Хочу для головоломки подбросить читателю несколько его словечек: «ад хады дугала ў галаве», «учарэпіўся дзвюма рукамі за вядро», «выцмуглы нос», «яе рукі па маёй галаве стрэпаюць», «пачыкіляла ў сельсавет»...

Очень жаль, что Иван Николаевич Пташников уже давно и упорно молчит. Его не видно и на публике. Последнее, что я читал из его произведений — рассказ «Львы». Потрясающая художественная золотинка.

В современном литературном процессе стараюсь не пропустить лучшие произведения прозаиков, поэтов, документалистов. Не хочу навязывать читателям свои предпочтения. У каждого человека свой вкус, свои интересы, а, значит, свои книги.

* * *

Литературная критика, как автонавигатор, ведет писателя и читателя по дорогам познания новых книг. Критика, по словам Владимира Даля, — это розыск и суждение о достоинствах и недостатках какого-либо труда, особенно сочинения. А настоящий критик — это творческий человек с Божьим даром писателя, ученого, аналитика, воспитателя, учителя.

Зачитываюсь статьями Чернышевского, Белинского, Добролюбова. Как же умело, тактично, непредвзято, а в то же время строго, откровенно и не злобно ведут они разбор произведений писателей своего времени.

Выросла плеяда талантливых критиков и в Беларуси, правда, одних уж нет, а другие в силу своего возраста не так активны, как прежде. Назову лишь несколько фамилий литкритиков, к мнению которых невозможно не прислушаться: Алесь Адамович, Олег Лойко, Виктор Коваленко, Григорий Березкин, Владимир Колесник, Павел Дюбайло, Николай Арочко, Владимир Юревич, Серафим Андраюк, Владимир Гниломедов, Степан Лавшук... Это многоточие оправдает меня перед творцами критического цеха, ибо вспомнил только тех, кого читал, с кем знался, кого ношу в своем сердце.

Есть и сегодня вдумчивые критики. И все же они, как мне кажется, в большом долгу перед писателями и читателями. Они не справляются «переварить» современный шквал книг. Зачастую действуют спонтанно, выборочно возносят или неумело оценивают авторов. А самое печальное, когда пироги начинает печь сапожник.

На моем рабочем столе уже год лежит книга Анатолия Сыса «Лён». Талантливый мой земляк, речичанин, очень рано покинул земной рай и переселился в вечность. А вот его стихи все с большей силой оживают в сердцах поклонников, число которых растет. Сысов «Лён» уже запрошен в семью моего сына Игоря, моей дочери Марины, моих соседей Жилинских. Но пока не могу выпустить из своих рук поэтическую книгу Сыса. Стихи его будто «пахнуць белымі туманамі», а сам поэт — «боская птушка», не находя понимания на земле, посылает свой голос в космос:

Дзе ж вы, мае родныя паэты?
Дзе ж вы, мае гора-чытачы?
Хоць ты свае бедныя санеты
Нямым зоркам у вакно крычы...

И даже теперь, когда не стало в этом мире поэта, «зялёнай галінкі радаводнага дрэва беларусаў», один из «критиков» публично унижает Анатоля Сыса, называя его «автором всего лишь десяти — пятнадцати неплохих стихотворений». Достается от того «начальника» и Павлюку Багриму, который, видите ли, «должен войти в вечность белорусской поэзии одним стихотворением». А он уже давно вошел! Попало и Миколе Гусовскому, который пятьсот лет назад выдал всего лишь сто экземпляров поэмы «Песня пра зубра». Но она, эта поэма, жива и сегодня!

Истина, говорят, от земли, она ценность разума человека. А вот правда — с небес, дар Божий. Так истина заключается в том, что сейчас каждый, кто пожелает, может стать литкритиком. Зачем топтаться у порогов редакций газет, журналов, издательств, открывай так называемый блог в интернете и, особо не задумываясь над словом и слогом, не придерживаясь даже элементарного литэтикета, можешь поливать всех и вся, да быть уверенным при этом, что ты — «конструктивный критик».

Хочу лишь напомнить, что в нашей истории уже бывали ретивые критики. Один из них печально известный Лукаш Бенде. Он в свое время претендовал на роль «рыцаря чести и морали» в литературе. Лукаш даже метал копья в адрес самого Янки Купалы. Выдавая себя за борца пролетарской литературы, он стремился политически дискредитировать народного поэта, духовного вождя нашей нации. Где сейчас Лукаш Бенде?

Верю, взрастает новое поколение литкритиков, которое разберется в подлинной литературе и даст объективную оценку труду каждого писателя. Верю, что и сами писатели уже «не лыком шиты». Они тонко чувствуют, что нужно им для подпитки собственной души. Мне же остается только помолиться:

«Боже милый, Боже праведный, дай мне разум и душевный покой, чтобы спокойно принять то, что я не в силах изменить.

Боже терпеливый, награди меня мужеством изменить то, что могу изменить, направив меня туда, где и в чем нужны мой ум и душевные мускулы.

Боже! Дай мудрости отличить подлинное мужество от псевдогероизма.

Властелин неба и земли! Образумь всех нас, детей Беларуси, пошли нам единство и взаимопонимание, укрепи нас Духом, чтобы мы стали признанным во всем мире народом. Помоги тем, кто это делал вчера, кто живет сегодня, кто верит в завтрашний день нашей суверенной, независимой Беларуси. Да исполнится воля Твоя».

* * *

Над нами, землянами, в высоком космосе — Млечный Путь. Он вечный, загадочный, интригующий, величественный. Будто охраняет нас, будто указывает дорогу, будто манит в далекие просторы. Тот путь — Млечный! Кажется,

звезды расплылись и своим туманным свечением напоминают величавую реку с кисельными берегами. Смотри, всматривайся, человек, в небо и верь, что все будет ладом на твоих земных путях.

В романе Кузьмы Чорного «Млечны Шлях» сюжет вроде бы прост, но автор заставляет читателя постоянно помнить, что все это происходит под надзором бессонных звезд.

Идет война. Рыжий бык обрел волю. Блуждает, плутает по лесам, полям, исхудал. И попал в беду. Заплутался хвост в колючем кусте шиповника, дико взывает бык о помощи. На его рычанье с разных сторон леса неожиданно собираются голодные, замерзшие, каждый со своей военной раной, белорус, поляк и два немца. Как же тонко писатель знакомит их, настороженных и недоверчивых даже к шуму ветра!

Им хочется есть, хочется погреться у огня. Вся эта роскошь наконец-то, кажется, у них есть, но люди остаются настороженными, не вполне доверяют друг другу. Тяжелое испытание!

Роман Кузьмы Чорного заставляет думать о главном: живем-то мы все под знаком Млечного Пути. Будто под млечными, мечеными звездами. У каждого свой путь, свои раны, шрамы, свои радости, праздники, победы. Нам остается только поверить, что на Земле под зонтом Млечного Пути, мы все друг другу родня. Мы — люди! Роман нашего классика заставляет думать, размышлять. Начинаешь по-другому оценивать свои слова, которые чаще всего определяют и поступки. А поступки воспитывают привычку, та, в свою очередь, определяет характер человека. Так рождается судьба.

Что же получается?

Писатель, его книги, пробуждают у читателя думанье, которое, в конце концов, может определить его судьбу. С такой ответственностью давайте зачинать своего очередного ребенка — новую книгу!

К 120-летию Максима Горецкого

Это история возвращения, растянувшегося на десятилетия, но все еще кажется, не завершившегося... Это история жизни, посвященной памяти...

В юбилейный год Максима Горецкого важно вспомнить не только о нем и его наследии, но и о его семье, особенно о его дочери — Галине Максимовне Горецкой. Именно благодаря ей в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства хранится уникальная коллекция личных вещей и документов семьи классика. Галина Максимовна передала в архив редкие фотографии, переписку, посвященную реабилитации писателя, изданию его произведений, одежду, предметы быта. В фондах хранятся конспекты уроков и редкие книги, абажур и чернильница, вышитые полотенца и галстуки. «Вот картуз Максима Горецкого, тот самый, с известной фотографии» — директор БГАМЛИ Анна Запартыко показывает нам музейные предметы. Анна Вячеславовна была знакома с Галиной Горецкой. И специально для читателей журнала «Нёман» она поделилась воспоминаниями об этом знакомстве и появлении в архиве уникального фонда семьи Горецких. Также в этом номере мы публикуем два письма Галины Горецкой директору издательства «Правда» — маленькая частичка, к счастью, сохранившегося эпистолярного наследия, которое без лишних слов рассказывает о характере и жизни Галины Максимовны. А в ближайших номерах вы сможете найти уникальные малоизвестные материалы о педагогической деятельности Максима Горецкого.

Редакция журнала «Нёман»

Анна Запартыко:
«Памятник может быть и архивным»

Это уникальный архив. Галина Максимовна Горецкая передала в Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства несколько тысяч документов и музейных предметов. Конечно, нужно помнить, что наследие семьи Горецких сегодня находится в двух хранилищах: у нас и в рукописном отделе Центральной научной библиотеки НАН Беларуси имени Якуба Коласа. Отдельные документы хранятся и в других архивах, но именно в этих двух хранилищах находится то, что семья берегла долгие годы в не очень приспособленных для этого (а часто и для самой жизни) условиях. В чем уникальность нашего архива? Во-первых, тут хранятся те рукописи-автографы Максима Горецкого, которые были неизвестны до момента передачи, те, что не были опубликованы в известном всем собрании сочинений. У нас хранится уникальнейшая переписка семьи — свидетельство возвращения творчества Максима Горецкого в белорусский и мировой литературный контекст. Больше тысячи писем, которые реконструируют весь процесс: возвращения, реабилитации, подготовки собрания сочинений Максима Горецкого. Хранятся уникальные фотоснимки, которые иллюстрируют множество изданий (их оригиналы находятся у нас). Этот архив свидетельствует про работу Галины Максимовны над рукописями отца, над их расшифровкой. Часто это большая проблема исследователей и издателей — расшифровать рукописи.

Галина Максимовна сама расшифровала почти все написанное отцом. И сегодня у нас есть тексты, которым можно доверять. Она хорошо знала отцовский почерк, очень внимательно работала с восстановленными, зачеркнутыми, заштрихованными фрагментами рукописей.

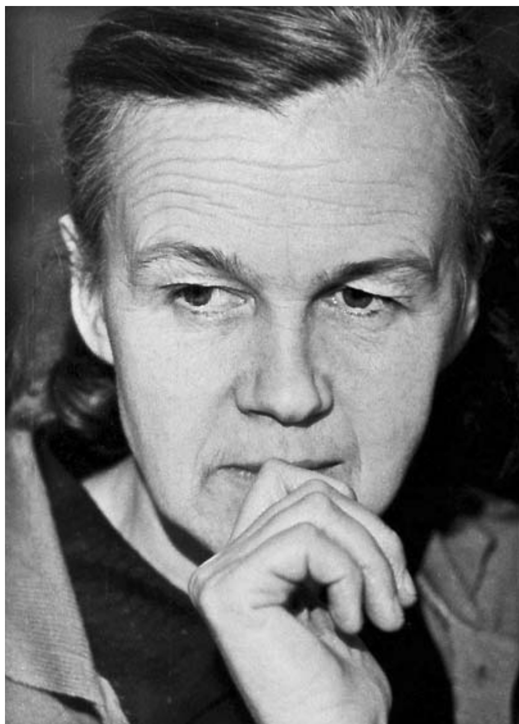
Этот архив — памятник. Памятники бывают разные: название улицы, присвоение имени школе, институту, библиотеке, скульптурный памятник. А может быть и архивный памятник. И он очень объемный и многогранный по наполнению. Таких существует немного. Этот — только благодаря семье, которая все сохранила. Перевозили на квартиры, куда переезжали, не потеряв ни единого документа, ни листочка, пережив репрессии, войны, неуважение, иногда скрывая то, чем обладали.

Я могу даже назвать день, в который мы познакомились: 25 апреля 1996 года, когда Галина Максимовна приехала на очередные Горецкие чтения. Она приехала с подругой — дочерью еще одного репрессированного литератора Адама Бабареко. Чтения проходили в Ждановичах, но я там присутствовать не могла — выступала с докладом на другой конференции. Но до этого с легкой руки ученого Алексея Кавки, я созвонилась с Алесей Адамовной Бабареко (лично я не была с ней знакома). Разговор получился очень искренним и теплым, мы договорились, что при первой же возможности она познакомит меня с рукописями отца и передаст их копии в архив. Случай представился как раз во время Горецких чтений. И 25 апреля 1996 года Алеся Адамовна, как и обещала, пришла в архив с копиями отцовских рукописей и привела к нам свою подругу — Галину Максимовну Горецкую. Я показала им хранилище, фонды. Показала те две оригинальные рукописи Максима Горецкого, которые хранились у нас в архиве (драматические миниатюры, они хранятся в фонде Бенде). Ее этот визит, впечатлил, взволновал, и, мне кажется, ей у нас понравилось: понравились условия, в которых хранятся документы, внимание ученых к ним, наш коллектив. И после этого мы стали поддерживать связь: я ездила в Москву к Алесе Адамовне, привозила документы; позже — в Петербург, к Галине Максимовне.

В первый раз я поехала к ней в Петергбург в 2000 году. И тогда она передала в архив около 1000 писем, написанных ее семье в 1960—1970-х годах, кроме тех, с авторами которых еще продолжала вести переписку. Но основную часть писем я привезла именно тогда, привезла книги, личные вещи. Отношение Галины Максимовны было очень искренним, она рассказывала обо всем: про то, что хранится в ее личном архиве, с кем она виделась, про то, чем она взволнована, как относится к тем или иным событиям. Мы могли всю ночь с ней проговорить. Мне кажется, ей нужно было выговориться, она

Анна Запартыко.

Галина Горецкая.

чувстововала рядом с собой заинтересованного человека. Я знаю, что она очень дружила с Терезой Голуб (заведующая отделом изданий и текстологии Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси). Работала с преподавателем Института журналистики БГУ, доктором филологии Татьяной Дасаевой. Кстати, доверяла ей и свои женские секреты. Галина Максимовна достаточно ревниво относилась к некоторым темам, которые касались жизни ее родителей и ее семьи. Но она охотно согласилась, чтобы Татьяна Николаевна написала очерк об отношениях Леонилы Устиновны и Максима Ивановича, который получился очень трогательным, пронзительным. Галина Максимовна дружила с Николаем Илькевичем, с Янкой Брылем. Дружила и переписывалась. Когда я ехала к ней первый раз, я приписывала себе в заслуги ее согласие принять меня и поговорить про архивное наследие. Конечно же, я знала, что рукописи Горецкого отданы в академическую библиотеку. Архивы — это ведь не только рукописи произведений. И вот я ехала с такой самоуверенностью, что это целиком моя заслуга, мое внимание к Галине Максимовне, ее ко мне особенное отношение. Но оказалось не совсем так. В разговоре промелькнула фраза: «Иван Антонович Брыль сказал отдать все в архив литературы и искусства в Минск». И потом я нашла этот совет в одном из писем. К Брылю Галина Максимовна относилась очень уважительно, прислушивалась, и этот его совет сыграл значительную роль в том, чтобы началась работа с нашим архивом.

В последний год жизни Галина Максимовна тяжело болела. За ней ухаживал ее троюродный брат (родственник по линии бабушки Ефвросии) Валентин Евгеньевич Теодорчук. Он жил и живет в Петербурге. Его мать была очень близка семье Горецких. Когда они работали в Горках, то мать Валентина Теодорчука даже жила у них какое-то время, сохранились фото этой красивой молодой девушки. Валентин заботился о Галине Максимовне. Потом хоронил. Потом занимался всеми вопросами, связанными с сохранением памяти семьи. Посоветовавшись со мной, с племянником классика, известным ученым Радимом Гавриловичем Горецким, он поставил на могиле Леонилы Устиновны и Галины Максимовны общий памятник, перечислив всех: и самого Максима Горецкого, и его сына Леонида, погибшего при обороне Ленинграда... Там упомянуты все.

Последняя наша поездка пришлась на сорок дней по Галине Максимовне. Тогда же в Петербург вместе со мной и Радимом Гавриловичем ехали на научную конференцию и его коллеги. Они обещали помочь мне привезти все, что мне отдадут для архива. И я им очень благодарна, потому что каждый потом был нагружен каким-то архивным багажом. Валентин Евгеньевич сказал мне тогда: «Ну, вот вам ключи, оставайтесь здесь (в квартире Галины Горецкой) сколько посчитаете нужным и забирайте все, что посчитаете нужным для архива». Вре-

мени в командировке у меня было немного, я работала почти сутки, но за этот короткий срок, кажется, успела собрать все документы, все, что стало архивным памятником этой семьи. Мы договорились с Валентином, что если в личных вещах, которые он будет разбирать, или во время ремонта найдется еще что-то, то он обязательно передаст это в архив (он, кстати, библиофил, человек понимающий ценность архивных документов). Но, похоже, я была так сконцентрирована, что мне удалось собрать все, что было в квартире. Это два огромных старых чемодана, которыми когда-то пользовалась семья. Один из них, кстати, потом развалился в дороге. И я помню, как на меня подозрительно поглядывал проводник: дескать, такая приличная женщина, а что-то тащит в чемоданах, перевязанных веревкой. У меня была еще своя сумка, которую я прихватила, не рассчитывая на такое архивное богатство. Я везла печатную машинку Галины Максимовны. И еще какой-то сверточек или пакетик достался каждому участнику конференции, которые обещали мне помочь. Мне все помогали: коллеги, семья Валентина Теодорчука, моя семья. Мой муж на чем свет стоит ругался, когда увидел меня на вокзале с этими чемоданами. Думал, что я одна волокла их через весь Петербург. Таким образом, все эти документы прибыли в архив. Были разобраны. Через некоторое время прошла научная обработка. И теперь документы, которые были привезены после смерти Галины Максимовны, составляет опись №2 фонда семьи Максима Горецких.

Как раз тогда и были выявлены документы, связанные с педагогической деятельностью Максима Ивановича. Они очень бережно хранились, завернутые в бумагу. Я даже допускала, что Галина Максимовна могла пользоваться разработками отца, и не потому что не могла сделать сама, а потому, что это как бы связывало ее с отцом. Единство, которое возникало, когда она пользовалась этими конспектами. Она хранила все. Каждую мелочь. Школьные сочинения, которые сдавали ученики ее отцу. Галина Максимовна, в какам-то смысле, — уникальная дочь. Я знаю многих наследников, и слава Богу, большинство из них, как правило, именно дети, очень заботливо относятся к наследию родителей, не устают напоминать о нем, говорить

Личные вещи Максима Горецкого из фондов БГАМЛИ.

о нем, пропагандировать. Но все равно в этом множестве заботливых людей Галина Максимовна занимает свое особенное место. Знаете, что больше всего удивляет? Она пережила многое, почти с самого ее рождения эту семью преследовали трагедии, потрясения, которые, конечно, отражались на характере детей. И Галина Максимовна, зная обо всех потерях, ощущая их, собственноручно переписала архивы отца и матери, сделала копии каждого документа, рукописей, писем, каких-то записей. Преписала от руки, напечатала на машинке. На тот случай, если что-то случится с одним экземпляром, чтобы второй сохранился. Цель была — сохранить при любых обстоятельствах. И еще одна цель — прочесть, изучить все, что было написано отцом и матерью. Она хотела опубликовать собрание сочинений отца. И она работала над ним, подолгу жила в Минске. Работала, спорила, ругалась. Я не была знакома с ней в то время, но она сама потом рассказывала об этом периоде. Вдруг проскакивала ошибка, кто-то настаивал на своем, отстаивал свои неразумные, как она говорила, подходы, которые противоречили объективной позиции в отношении произведений Максима Горецкого. И она все это стремилась исправить. Так что Галина Максимовна не просто дочь, она литературовед, исследователь творчества Горецкого, исключительный педагог — с каким восторгом она рассказывала о своей работе в Ленинграде! А какой прекрасной дочерью она была для своей матери. Как она ухаживала за матерью. Трудно представить, но, кажется она даже поступилась своей личной жизнью, отдавая всю заботу матери. Галине Максимовне была присуща жертвенность. Сохранился дневник Леонилы Устиновны, в котором она где-то с конца 1960-х годов пишет, как часто теперь нужно вызывать скорую, как часто нужно среди ночи бежать к телефону-автомату, к соседям, в дежурную аптеку. Она все время жалеет дочь: ей тяжело. Мать это знала, чувствовала, но Галина Максимовна ни одной строчкой, ни одним словом не пожаловалась. У нее не возникало и мысли на какое-то время оставить мать и заняться своими делами. Она целиком отдалась этой проблеме: поддержать мать в тяжелой болезни. Она оставалась с ней все время, до самого конца, не оставляя дел с возвращением и реабилитацией творчества отца. Такая вот необычная дочь. Конечно, она с многими конфликтовала. И мне кажется, что это была не просто особенность характера, а благоговейное отношение к текстам отца, к его творчеству, которое не позволяло простить даже маленькую неточность в переводе, в подаче текста, в комментариях. И сегодня это имеет для нас огромное значение. Она каким-то образом приучила тех, кто прикасался к биографии, творчеству ее отца, истории ее семьи к особенному ответственному и объективному к ним отношению.

В Петербурге она жила очень скромно: однокомнатная квартира в спальном районе, которая когда-то досталась ей ценой ее собственного здоровья. До получения этой квартиры они с матерью жили очень тяжело. Не из-за финансовых обстоятельств, а из-за жилищных. И тем не менее с ними в то время жила еще старшая дочь Адама Бабареко Элеонора, пока не получила какой-то свой угол. К ним часто приезжали люди. Читаешь письма к Галине Максимовне и не понимаешь, как могли в этой квартире умещаться бесчисленные визитеры, каждого из которых нужно было встретить, собрать на стол, хотя бы чаю предложить и положить спать. Но, по-моему, эти две женщины принимали всех, кто приезжал в Ленинград и знал их адрес. Галина Максимовна жила в очень скромных условиях: минимум мебели, минимум удобств (за исключением газовой плиты и горячей воды). И не потому что денег не хватало. Кажется, она не могла жить иначе, как будто сказав себе: «Я не имею права жить по-другому», — потому что перед ней, за ней, в памяти, внутри нее всегда была судьба ее родителей, и малейшей роскоши позволить себе она не могла. Все, что у нее было, она отдавала на то, чтобы поддерживать память, возвращать творчество отца. Конечно же, все дела и поездки требовали средств.

Галина Максимовна была петербургской интеллигенткой. И в первую очередь, про это свидетельствует ее дневник. Она любила театр. Она посещала все выставки, все музеи. И в дневнике могла написать, что была сегодня в Русском музее, а потом написать обо всех картинах, которые она в этот день увидела, изучила. Через неделю она снова шла в музей и снова записывала картины. Она не просто, прогуливаясь, ходила по залам музея, она изучала, описывала, осмысляла: сюжет, эпохи, школы. Она посещала библиотеки, в первую очередь, пытаясь отыскать следы отца, даже просто фамилию в публикации. Но интересовалась и мировой литературой. Ей нравилось все красивое: в квартире было множество папок с репродукциями из журналов. Галина Максимовна любовалась шедеврами мировой живописи, до которых у нее не было возможности дойти, доехать, увидеть оригиналы. Но она всем этим интересовалась. У нее была хорошая библиотека, прежде всего белорусской литературы, много подаренных книг (больше после 1960-х), много книг с автографами.

Она любила своих родных. Была одной из тех, кто сплачивал в Петербурге род Горецких. Про своих родных она знала все. Она как никто другой поддерживала дух своего родовода. О прототипах «Комаровской хроники» рассказывали и Радим Гаврилович, и Гаврила Иванович, но мне кажется, основной рассказчицей была именно Галина Максимовна. Очень любила свою бабу Фросю и деда Ивана, очень много вспоминала о них, вспоминала о своих детских впечатлениях: пыль была солнечная и теплая, весна была ярче... Все лучшее на свете для нее было связано с Богатьковкой. Вспоминая, она во всем находила что-то хорошее. Тот, кто был знаком с ней неблизко, немного с ней работал, стал свидетелем каких-то ситуаций, может отметить: «У нее характер! Неуступчивый, принципиальный. Женщина с характером». Но при всем этом Галина Максимовна была очень оптимистичным человеком. Я видела ее взволнованной, умиленной, например, когда она вспоминала прошлое. Казалось бы, так тяжело приходилось и в Кирово-Вятке, и в Песочне, и в Ленинграде, но она видела в этом какой-то судьбоносный смысл и все равно вспоминала о чем-то приятном. С ее кировской подругой Алесей Адамовной, которая и сегодня живет в Москве, они поддерживали связь всю жизнь. А это ведь совсем непросто быть привязанным к одному человеку всю жизнь, и мне кажется, что их дружба достойна уважения. Такое дано не каждому. Галина Максимовна переписывалась с родственниками, с друзьями матери, с учениками отца. Находила людей, которые могли хоть что-то вспомнить о Максиме Ивановиче, завязывалась переписка, дружба. Все это требовало энергии и внутреннего стержня, чтобы с таким вниманием относиться к людям, к творчеству отца, матери, и воообще ко всему, что тебя окружает.

Записала Елена МАЛЬЧЕВСКАЯ.

Фото Константина ДРОБОВА
и из фондов БГАМЛИ.

ГАЛИНА ГОРЕЦКАЯ

Два письма

Директору издательства «Правда».

К сожалению, я только недавно узнала, что в 1988 году издательство «Правда» выпустило сборник «Русский военный рассказ XIX — начала XX века», включив в него отрывок (с. 553—584) из документальных записок «На империалистической войне», автором которых является мой отец, классик белорусской литературы Максим Горецкий. Составитель сборника Е. А. Глущенко ни во вступительной статье, ни в комментарии ни разу не сказал, что произведение это написано на белорусском языке, не отметил, что представлено оно в отрывке, взятом в переводе Л. Соловья из книги «Максим Горецкий. Красные розы». Минск, 1976 год. Сделано ли это потому, что Е. А. Глущенко не обратил внимания на фамилию переводчика на титульном листе книги, приняв скверный перевод за оригинал, или в силу каких-либо иных причин, понять трудно. В итоге, почти полмиллиона читателей введены в заблуждение. Есть большая доля вины в этом и редактора И. А. Бахметьевой. Я не знаю, как это делается, но считаю, что издательство «Правда» должно сообщить читателям о допущенной оплошности. Непонятно, почему Е. А. Глущенко не обратился в минское издательство «Мастацкая літаратура», не уточнил, нет ли лучшего перевода на русский язык записок «На империалистической войне». Это тем более обидно, что еще в конце 1987 года минчане могли предложить для русского сборника, изданного в Москве, иной перевод этих документальных записок, творчески, с уважением к авторскому тексту, исполненный ленинградской переводчицей И. И. Кононец (включен в книгу «Максим Горецкий. Избранное». Минск, 1989 г.).

Боюсь, что без моего ведома в каком-либо новом издании могут появиться в переводе Л. Соловья антивоенные рассказы М. Горецкого («Литовский хуторок», «На этапе», «Русский», «Генерал») или другие произведения писателя. Нужен новый, добросовестный перевод.

Сборник «Русский военный рассказ XIX — начала XX века» достать не смогла, прочла его лишь в Публичной библиотеке. Прошу, если будет в издательстве возможность, выслать мне эту книгу наложенным платежом по адресу: <...>

С уважением, Горецкая Г. М.
7.X.1989 г.

Директору издательства «Правда».

На мое письмо Вам от 7.X.89 года я получила ответ за подписью редактора И. А. Бахметьевой лишь через два месяца, в начале декабря. Как ни пытаюсь, не могу смириться с этой отпиской. Речь идет о сборнике «Русский военный рассказ XIX — начала XX века», в котором есть (в переводе Л. Соловья) отрывок из записок белорусского писателя Максима Горецкого «На империалистической войне». И. А. Бахметьева пишет: «...в книге допущена ошибка — не указан переводчик текста. При дальнейших переизданиях сборника это будет учтено». И все... Но ведь я, защищая права отца моего — М. Горецкого, писала Вам, что перевод Л. Соловья скверный, что есть несравненно лучший текст перевода — работа ленинградской переводчицы И. И. Кононец (в книге «Максим Горецкий. Избранное». Минск, 1989; текст страниц 226—255 соответствует тексту, на страницах 553—584 в сборнике «Русский военный рассказ»).

Как можно допустить повторение таких, например, «неточностей» в переводе Л. Соловья:

Автор: Я жыў... (в смысле: «живой»).

Л. Соловей: Я жил...

Автор: ...аруддзе засыпана снарадам.

Л. Соловей: ...орудие разбито (?) снарядом.

Автор: ...біў яго за вішні.

Л. Соловей: ...отчитал (?) его за вишни.

Автор: ...ён кінуўся ў акоп на дно, ёрзаў на спіне і як бы хацеў урыцца ў зямлю.

Л. Соловей: ...он упал на дно окопа и долго ползал на животе, словно хотел зарыться в землю.

Напрасно переводчик перевернул героя-телефониста со спины на живот и позволил ему «долго ползать» во время напряженного боя.

Когда Л. Соловей затруднялся точнее перевести, то либо пропускал «трудное» место, либо заменял сказанное автором весьма по-своему. О высококвалифицированном, по-настоящему творческом переводе в данном случае говорить не приходится. Вот почему сборник М. Горецкого «Красные розы» (1976, перевод Л. Соловья), откуда взят отрывок для книги «Русский военный рассказ», на мой взгляд, переизданию подлежать не может, ни полностью, ни в отрывках.

Прошу при переиздании сборника «Русский военный рассказ XIX — начала XX века» вместо отрывка из военных записок М. Горецкого «На империалистической войне» в переводе Л. Соловья включить в сборник ту же часть текста, но в переводе И. И. Кононец.

С глубоким уважением, Г. М. Горецкая.

БГАМЛИ, ф. 426, оп. 2, дел. 223. л. 6—7

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

Василий Корж. Уроки правды...

«Память — это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцом».

Английский философ Джон Локк

Василий Захарович Корж — Герой Советского Союза, легендарный партизан, командир Пинского партизанского соединения, генерал-майор. Казалось бы, довольно много книг, публикаций, кино и телефильмов, в том числе и моих, о судьбе этого незаурядного человека, мечтателя-реалиста, романтика и, вместе с тем, бойца по жизни появилось в течение быстро пронесшихся десятилетий. Однако каждый год, месяц открываются все новые и новые факты из его жизни и деятельности, а также другие свидетельства о той, далекой, великой, суровой, противоречивой и в чем-то загадочной эпохе. Это естественно...

На долю Василия Захаровича выпали многие переломные для Беларуси события XX столетия: присоединение в 1921 году его родных белорусских старобинских краев ко Второй Речи Посполитой, побег из-за издевательств над белорусами из польской армии, участие до 1925 года в «активной разведке» по линии Разведупра РККА на территории Западной Беларуси, затем в колхозном строительстве, подготовка в 1931—1936 годах совместно со своими друзьями К. П. Орловским, С. А. Ваупшасовым, А. М. Рабцевичем, А. К. Спрогисом, партизанского резерва по линии Спецбюро НКВД БССР, партизанская война в Испании. При этом главным кредо Коржа в любом деле, в самых сложнейших жизненных и боевых ситуациях всегда были народная мудрость и высокий профессионализм...

А в печальном 1938-м в минском Пищаловском замке оклеветанный Корж впервые познал, что такое «запах тюрьмы». Это когда после возвращения из Испании его арестовал «родной» НКВД Белорусской ССР, коим в те лихие годы руководил печально известный Борис Берман — креатура наркома НКВД СССР Ежова. Василия Захаровича попытались «сделать» тогда «польским шпионом». Но смерть пронеслась на тот момент мимо, оставив лишь болезненную зарубку на сердце патриота Беларуси и высокого профессионала. И после реабилитации он, бесповоротно оставив службу в НКВД, успешно руководил зерносовхозом на Кубани, где немало претерпевшие в годы Гражданской войны казаки дружно сказали ему: «Любо!»

Во второй раз пришлось Коржу испытать «недоверие» к себе уже во время Великой Отечественной, когда в Москву мутным потоком шла на него, «партизана первого часа», создателя прославленного Пинского партизанского соединения в почти пятнадцать тысяч бойцов, некоторых руководящих «друзей-партийцев» «клевета ядовитая», как писал в свое время русский поэт Михаил Лермонтов.

Увы, не оставили Коржа эти «друзья закадычные» и по окончании боев Великой Отечественной, когда вдруг «срочно» понадобилось отослать его подальше от Беларуси: на учебу в Академию Генерального штаба ВС СССР. Хотя Василий Захарович по праву своему партизанскому, авторитету и опыту вполне мог бы возглавить, как и предполагалось, послевоенную местную власть в Пинской области...

А ведь деятельность этого незаурядного и бесстрашного человека во

многом определила размах и характер партизанского движения в Беларуси. Недаром бывший боец-комаровец Пинского партизанского соединения, а потом поэт и журналист Владимир Иванович Ефимович посвятил своему дорогому отцу-командиру эти строки:

Ён гром сорак першага года
Сустрэў у смяротным баю
І грудзьмі ўсе дні непагоды
Стаяў за Радзіму сваю...

Ад Піны да самай Арэсы
Вадзіў праз агонь змагароў
Герой беларускі з Палесся,
Па клічцы «Васіль Камароў».

Но последний «нож в спину» воткнули нашему герою уже в первой половине «лихих» 1990-х некоторые свои же земляки посмертно. Это когда местная бюрократия начала было воспринимать народ, как население, а посему «явочным порядком» из названия хозяйства «незаметно» в ходе «реформаций и разукрупнений» вообще исчезло всем миром селянским и партизанским присвоенное, кровью пролитой заслуженное — «Партизанский край» имени Героя Советского Союза Василия Захаровича Коржа». И это все видно «за то», что уже после войны, добровольно оставив пост зам. министра лесного хозяйства БССР, Корж возглавил на своей малой родине вконец разоренный колхоз, сделав его одним из передовых в республике.

После ряда лет беспамятства хозяйство вновь обрело свое прежнее гордое имя лишь в XXI веке. Однако чего это стоило! Это я к тому, что историю свою на всех «уровнях» надо знать и почитать, иначе она может вернуться к вам на новом витке уже в виде фарса или же вообще выпадающей за всякие рамки дикости. Недаром великий испанец Мигель Сервантес некогда справедливо отмечал: «История — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего»...

Увы, известный российский историк Ю. В. Рубцов, говоря о ситуации с историческими документами и фактами, оценивал ее так: «Сегодня нас понуждают полностью сдать позиции, которые всегда считались незыблемыми, потому что отражали объективную реальность. А именно: усвоить, что все в нашей истории было либо «неправильным», либо вовсе преступным; признать агрессором не фашистскую Германию, а Советский Союз; согласиться с тем, что не военная машина Гитлера, а кремлевское руководство планомерно уничтожало во время войны советский народ, что наши полководцы — бездари, способные побеждать не иначе, как большой кровью»...

Генерал-майор В. З. КОРЖ.

Однако времена не выбирают — в них живут и умирают. Это — данность. И как бы кому-то того не хотелось, но прошлое из жизни не вычеркнешь — оно всегда с нами. Без прошлого нет и будущего. Ведь человек, забывший прошлое, — это все равно что человек без Родины. Эти и другие не слишком оптимистичные мысли на исторические и философские темы проносились у меня в голове, когда в очередной раз довелось проехать и пройти некоторыми партизанскими стежками-дорожками, по которым в лихие военные годы

водил своих комаровцев их командир Василий Захарович Корж. Так в сомнениях, поисках и размышлениях рождались новые строчки и документальный фильм о нем, упрямом и несгибаемом белорусе-полешуке.

Сначала пути-дороги привели нас в Солигорск, Старобин и на малую родину Коржа — Хоростово. Затем направили в Пинск, где о Василии Захаровиче помнят. Даже во вновь открывшемся Полесском государственном университете. Остановились затем возле музыкальной школы, на стене которой установлена мемориальная доска с портретом Коржа: «Здесь 26 июня 1941 года был организован один из первых в Белоруссии партизанских отрядов, которым командовал В. З. Корж». Идем дальше. Вот улицу Константина Заслонова пересекает улица Василия Коржа, выходящая на улицу Веры Хоружей. Вон и памятник любимцу прославленного командира и его партизан, бесстрашному Ивану Чуклаю. Имя Коржа увековечено на фасаде одной из лучших гимназий города. Бессмертны имена героев-комаровцев на плитах мемориала Партизанской славы, всю душу в который вложил соратник Коржа, генерал-майор КГБ Эдуард Болеславович Нордман. В новом микрорайоне на одном из домов есть мемориальная доска в его честь. Но об этом отдельный рассказ...

Судьба подарила мне в прошлом веке счастье общения в подмосковной Балашихе с легедарным диверсантом-практиком, одним из создателей советского спецназа, боевым товарищем Коржа еще по Испании, профессором Ильей Григорьевичем Стариновым. В одной из бесед он как-то отмечал: «Вы даже не представляете себе всю глубину и масштаб личности этого человека! Когда мы говорим о трагическом июне 1941-го года, то обычно вспоминаем таких организаторов партизанской борьбы и специальных операций на территории Белоруссии по линии НКВД — НКГБ, как Орловский, Ваупшасов, Рабцевич, Озмитель, Неклюдов, Мирковский, Шихов и многих других. И это верно. Но если за спиной перечисленных мной чекистов стояла страна и могучее ведомство, то за спиной Коржа в тот критический момент никого, кроме земляков его, не было! Почувствуйте, как говорится, разницу!»

Да, когда грянуло трагическое утро 22 июня 1941 года, не глядя на то, что «указаний сверху» не было, зав. финотделом Пинского обкома Василий Захарович Корж сразу заявил: «Эта война надолго! Надо организовывать партизанские отряды!» И этот знойный, переломный день летнего солнцестояния 1941 года стал для Василия Захаровича своеобразным моментом истины, ибо иначе он не мог, понимая, что отсчет резерва времени для организации отпора врагу пошел уже не на дни, а на часы.

И в первые дни все необходимое делалось Коржом, который не оглядывался на «перестраховщиков», пытавшихся приписать ему «пораженческие настроения». Борьба его начиналась с мучительной ломки многих бытовавших среди партфункционеров стереотипов и губительных иллюзий в деле организации партизанского сопротивления...

Из дневника Коржа: «...К вечеру 22 июня 1941 года был организован Пинский партизанский отряд из 60 человек. Его разбили на три группы: по 20 бойцов в каждой. 1-ю возглавил я, командиром 2-й назначил Карасева, 3-й — Корнилова. Отряд занялся охраной города, разведкой, эвакуацией граждан-восточников и учреждений». Василий Захарович Корж открыл первую страницу славной трехлетней истории партизанского движения в Беларуси. Его не пришлось «забрасывать» в тыл противника из Центра. Он был из когорты белорусских «партизан первого часа».

Вот лишь одна цитата из отчета В. З. Коржа в Белорусский штаб партизанского движения о работе в тылу врага в 1941—1942 годах: «...Вооружен был отряд только винтовками и у некоторых, более знакомых с военным делом, были гранаты. Вооружиться пулеметами и автоматами не удалось, поскольку нам не оказали в этом никакого содействия ни военные части, которые там находились, ни НКВД...»

В том-то и заключалась вся тяжесть партизанской борьбы в первые месяцы Великой Отечественной войны. Нехитрый партийный призыв: «Партизан! Сам добывай себе оружие в бою!» — приводил, зачастую, к весьма драматическим последствиям. Отмечу и тот факт, что в первые недели войны оружия, боеприпасов, средств взрывания партизанам катастрофически не хватало. Вспоминая довоенные «партизанские мероприятия» Спецбюро НКВД БССР, Василий Захарович неоднократно вместе со своими комаровцами пытался разыскать прежние базы «НЗ» и крупногабаритные тайники в глухих лесах вдоль прежней границы по реке Случь. Тщетно! Все это богатство было тупо, бессмысленно «изничтожено» и «изъято» еще четыре года назад. «Стратеги»-то на случай нападения запланировали «войну малой кровью» да непременно «на территории агрессора»...

В первый день Великой Отечественной войны к вечеру в Пинске появились первые беженцы из Бреста. Они рассказывали, что немцы прорвали советскую оборону на государственной границе. В Брестской крепости воины гарнизона ведут ожесточенный бой, а гитлеровские войска неумолимо движутся дальше и уже заняли Кобрин. Это вызвало немалую тревогу среди населения. Многие, кто на чем мог, поспешили покинуть город — автомашинами, пароходами, на подводах, телегах. Шли и пешком...

Из многих отрывочных данных, доходивших до Пинска, было видно, что войска Западного фронта на всех рубежах сражались упорно, стремясь не дать врагу развить наступление, переходили в ожесточенные контратаки. На многих участках шли кровопролитнейшие сражения. И все же нацисты, напавшие внезапно и имевшие численное превосходство, постепенно продвигались в глубь Беларуси...

Тем временем по городу ходили всевозможные слухи. Кто-то говорил, что немцы заняли уже западную часть Пинска. Кто-то, наоборот, утверждал, что их уже видели на железнодорожной станции и даже в центре города. Бойцам из отряда «Комарова» приходилось непрерывно мотаться по всему городу, выяснять, уточнять и анализировать информацию наряду со всякими паническими слухами. В конце концов, было установлено, что все это ложь и дезинформация. Как выяснилось позднее, город попросту оказался в стороне от главного направления их наступления, в своеобразном котле. Группа армий «Центр» пошла южнее и севернее Пинска, встречая упорное сопротивление войск Западного фронта. До оккупации города оставались считанные дни...

И в этот момент произошло событие, которому трудно найти какое-либо логическое объяснение на уровне современных понятий о территориальной обороне страны. Впрочем, обратимся к спецсообщению от 18.7.1941 г. начальника УНКГБ Пинской области М. Горбачевского в адрес секретаря ЦК КП(б) Белоруссии Г. Эйдинова: «Из имеющихся у нас данных видно, что в отдельных случаях начальники гарнизонов и командование воинских соединений преступно относятся к сохранению вооружения и боеприпасов».

В последних числах июня 1941 года был произведен взрыв артиллерийского склада в гор. Пинске начальником гарнизона — облвоенкомом Пинской области — майором Емельяновым, в котором находилось около 500 вагонов артиллерийских снарядов. Емельянов сделал это без предупреждения обкома КП(б)Б и других органов.

О взрыве склада Емельянов ставил вопрос еще за несколько дней до этого, но мер к эвакуации не принял, несмотря на имевшуюся возможность.

Как начальник гарнизона, Емельянов не принял никаких мер к охране города Пинска. Разрозненные воинские группы, отступавшие через Пинск, не организовывал и не привлек их для обороны города. За данное преступление Емельянов арестован. Следствие ведет 3-й отдел НКО 4-й Армии (напомним, что в феврале 1941 г. особые отделы НКВД были переданы в Наркомат обороны СССР, а уже во второй половине июля того же года — обратно в состав органов госбезопасности. — *Прим. авт.*)».

Все эти первые тревожные дни войны партизанский отряд «Комарова» охранял в Пинске вокзал, типографию, ТЭЦ, вел активную разведку на дорогах. В городе еще оставалось около роты красноармейцев, отряд чекистов и милиции. Был заодно насколько возможно вооружен партийный, советский и комсомольский актив. Предстояла организация активной фазы сопротивления врагу, которая не заставила себя долго ждать...

По сему поводу уже в XXI веке в одной из публикаций в белорусской прессе как-то промелькнуло: «Первый партизанский бой на белорусской земле состоялся 28 июня 1941 года на тракте Пинск — Логишин в Брестской области (заметим, что тогда это была Пинская область)»... Все верно, вне всяких сомнений! Но вот дальше, видимо из неких «благих побуждений», следовало такое утверждение: «...Этот бой также считается первой партизанской акцией Второй мировой и Великой Отечественной войн, проведенной с участием (а вот здесь — внимание!) сотрудников органов государственной безопасности Беларуси» (!)...

Думается, что Василий Захарович Корж подобный «пассаж» никогда бы не одобрил. Да и документы, факты конца июня 1941-го беспристрастно говорят об ином. Корж категорически не терпел разного рода попыток «натянуть на себя чужое одеяло» и имел свою выстраданную точку зрения о судьбоносных событиях войны, в гуще которых сам находился. Он отражал правду жизни, которая отнюдь не всегда совпадала с «официозом». Еще в письме В. И. Козлову по поводу его книги «Люди особого склада» Василий Захарович справедливо указывал: «Вас захлестывает стремление к славе? Так берите ее, свою, заслуженную славу! Берите свое, вами по праву завоеванное, не приписывайте себе чужое, не вами свершенное!» В этом и был весь Корж, ибо он сам — история.

И действительно, 28 июня 1941 года, группа партизан во главе с Григорием Карасевым, проинструктированная Коржом — «Комаровым», была послана им на тракт Пинск—Логишин. Двадцать человек, вооруженных лишь винтовками и гранатами, выехали туда на машине. Чекистов, как в группе так и в отряде, не наблюдалось. В районе деревни Подболотье, что находилась в 13-и километрах северо-западнее Пинска, комаровцы заметили движущиеся легкие немецкие танки. По команде Карасева партизаны залегли в канавы по обеим сторонам дороги и, подпустив вражеские машины поближе, открыли интенсивный огонь по их смотровым щелям. Инструктор Пинского горкома партии Солохин бросил первую связку гранат под головной танк.

Тот резко закрутился на одной гусенице, задымил и остановился. Второй танк тут же повернул обратно. Партизаны мгновенно окружили подбитую машину, вытащили из нее двух гитлеровцев. Среди бойцов группы нашлись специалисты во главе с Иваном Чуклаем, которые сняли с машины пулемет. Забрали также карты, боеприпасы и другие трофеи, а танк подожгли. Созданный именно из числа добровольцев, отряд «Комарова» первым в истории партизанского движения в Беларуси оперативно, тактически грамотно вступил в бой с нацистскими оккупантами, одержав в нем победу и нанеся врагу ощутимые потери, захватив при этом важные трофеи и первых пленных из 293-й дивизии вермахта. Вот в чем заключалась истина!

«Мы переправились через Буг и двинулись на Пинск, — свидетельствовал позже один из солдат той самой 293-й пехотной дивизии вермахта. — Теперь по шоссе спокойно не проедешь. Эту истину офицер штаба дивизии Кальбфель, наш шеф, успел уяснить быстро. Его «мерседес» уже не смог возглавлять колонну»...

В числе партизанских трофеев комаровцев тогда оказалась и добротная немецкая книжица в кожаном переплете, в которой Василий Захарович вел потом свои партизанские дневниковые записи. На внутренней стороне ее обложки некая немецкая фроляйн начертала краткое посвящение своему белокурому арийцу и «верному сыну III рейха», благословляя на фиксацию «впечатлений» о «славных делах» его

на Восточном фронте. Книжечка эта ныне хранится в Национальном архиве Республики Беларусь...

А 28 июня 1941 года партизаны-комаровцы заслуженно торжествовали. Ведь произошла первая серьезная схватка с противником и такой успех! Весть об этом знаковом событии быстро разнеслась по городу. Стали поговаривать, что фашисты не такие уж сильные и «непобедимые», что их можно и нужно бить, даже в их же танках.

Но, как оказывается, о партизанском сопротивлении, и, в частности, о вышеприведенном эпизоде, можно писать «опусы», даже не заглядывая в исторические «святцы». Методом так называемого «глумливого сомнения» (взяв фрагменты чьих-либо воспоминаний о войне), как это периодически делал российский «историк» некто Б. В. Соколов, уже как-то излагавший свои «сентенции» по поводу якобы «кровавого сталинского мясника» Маршала Победы Г. К. Жукова на официальных российских телевизионных каналах. В очередной раз он «выдал» в своей книге «Фронт за линией фронта» такой «глубокомысленный перл», о котором, говоря о его авторе, только и можно сказать — «врет, как «очевидец».

Приведу лишь одну цитатку: «...Насчет книжки Эдуард Болеславович (имеется в виду Нордман), наверное, не соврал. А вот насчет остального... Читателям остается только гадать, откуда в немецкой пехотной дивизии в июне 1941 года взялись танки, если по штату им даже бронетранспортеров не полагалось» (?!).

Вот так и «никак иначе». Как говорится, «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Вернее, даже не желает его видеть в силу банальной «безграмотности». А надо бы и в немецкие, и в белорусские, и в российские архивные военные документы той поры хоть иногда заглядывать. Тогда и понятно станет что, кто, когда, кому и почему для усиления и поддержки в боевой обстановке в «героическом вермахте» выделялось...

Но это еще, как оказалось, не все. То, что связано с трагическим началом войны, обретало весьма «своеобразные» интерпретации в растиражированных версиях отдельных событий, как, скажем, у российского «историка» — теперь уже ясно, «какой ориентации» — Марка Солонина, да и не только у него. Очередным своим «опусом» Солонин разразился по поводу трагических обстоятельств гибели в конце июня 1941-го полковника Муравьева, смертельно раненного «диверсантом-пастухом», как говорилось в докладе командованию Западного фронта.

По сему поводу господин Солонин безапелляционно и торжествующе «изрекал»: «Был ли это «немецкий диверсант, переодетый в одежду пастуха» или самый натуральный пастух, решивший свести счеты с полковником армии освободительницы (и местечко Мир и Столбцы находились на территории так называемой Западной Белоруссии (?!), то есть оккупированной СССР в сентябре 1939-го Восточной Польши) — этого мы уже не узнаем никогда».

Вот так, родимые белорусы, мы, как «оказалось», все еще находимся согласно «пану» Марку Солонину и всему иже с ним «псевдолиберальному стебу», на территории так называемой «оккупированной Восточной Польши»! Браво! И это вам не буквальные и бесплодные ассоциации себя и судьбы своей исключительно с «каким-то там» Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемайтским, безальтернативно поглощенным, в конце концов, Первой Речью Посполитой!

Оказывается территорию Западной Беларуси отдельным представителям государств-соседей можно именовать как Бог на душу положит. Преобладает, однако, полонийная версия — «захваченная» восточная Польша», а проще — «крессы всходние». А теперь задумаемся, какие кликушества и вопли раздались бы, если бы уже с нашей стороны «невзначай» прозвучали «невинные сентенции» типа: «территория так называемой Смоленской области, находящаяся пока в составе России», или «так называемый Виленский край, входящий пока в состав Литвы», или же «побережье Пруссии и часть Восточной Германии, временно «числящиеся» в составе Польши»?

И пока не будет трезво осознано, что же произошло начиная с 17 сентября 1939 года, «дагэтуль будзе існаваць агульнае “блуканне па пакутах”»...

Однако мы несколько отвлеклись. Что касается деятельности органов УНКГБ — УНКВД Пинской области, то они также внесли свой вклад в дело организации сопротивления врагу. Однако здесь имелись и свои сложности в организации координации и взаимодействия с войсками. Согласно спецсообщению начальника УНКГБ М. Горбачевского от 14.07.1941 года на имя наркома Л. Цанавы в тот момент, когда войска вермахта находились еще в 30 километрах от Пинска, Пинская военная флотилия в соответствии с поступившей ей директивой отошла из города в Лунинец. А в ночь на 3 июля Пинск оставили части 75-й стрелковой дивизии. Характерно, что о подобном отходе не были уведомлены ни обком, ни УНКГБ с УНКВД. Днем же 3 июля, когда были получены разведданные о приближении к Пинску войск вермахта, органы НКГБ и НКВД совместно с обкомом начали организовывать оборону города своими силами. Из их состава был также организован сводный партизанский отряд, занявший оборону на подступах к Пинску по Брестскому шоссе и Логишинскому тракту. Был в составе этих сил и созданный из местных жителей отряд «Комарова».

В связи с этим в партизанских дневниках Василий Захарович отмечал: «После первого боя (28 июня) я подумал: хорошо, что мы не медля создали партизанский отряд... Я предложил выдвинуть его севернее, на тракт Телеханы-Логишин. Расчет был такой: если появится противник, обстрелять его и заставить развернуться не у самого города, а на подступах к нему, и этим выиграть время для ухода последних машин на Столин. Товарищи из обкома согласились, создали группу из работников НКВД, которая вместе с моряками Днепровской флотилии должна была сжечь мост на реке Пине после переправы всех отъезжавших и отходивших из города.

В ночь с 3 на 4 июля 1941 года наш отряд вышел за город Пинск по Логишинскому тракту и занял оборону ближе к деревне Галево, т. е. отряд был разбит на три группы по 20 человек в каждой. Передо мной были немолодые люди, в основном члены партии, работники обкома, облисполкома, горсовета и других областных организаций...

В полдень, 4 июля, кавалерия противника в количестве двух эскадронов показалась из леса и двигалась на Пинск. Они ехали, как у себя дома, по двое, весело переговаривались и смеялись. Моя группа на близком расстоянии начала в упор расстреливать фашистскую кавалерию, завязался бой. Слева нам помогли первая и вторая группы. У врага было полное замешательство. Фашисты все спешились и начали вести сильный пулеметный огонь. В этом бою мы потеряли командира группы Корнилова (мужа Веры Хоружей) и три товарища были ранены. Фашистов, как мы узнали потом от жителей, было убито 20 человек. После этого боя мы отступили по ржи в город...

...На окраинах города лежали в цепи небольшие воинские части. Мы отправили своих раненых, а сами заняли позиции рядом с красноармейцами, после чего был приказ лейтенанта войск НКВД Матвеенко, уполномоченного по обороне города, отступить за город, за реку Пину, поскольку противник хотел нас отрезать от переправы и пустить по Брестскому шоссе танки.

Мы последними, под обстрелом минометов переходили мост, который был подготовлен к уничтожению. После нашего перехода он был сожжен. Когда мы следовали в Столинский район, то по дороге, километров за пять от Пинска, встретил меня первый секретарь Пинского обкома Минченко с указанием от ЦК КП(б)Б по организации партизанских отрядов, диверсионных групп для борьбы с фашизмом в тылу врага.

5 июля по приезде в Столин я был повторно утвержден обкомом партии командиром партизанского отряда, а моим заместителем — некто Березин, что, как вскоре выяснилось, оказалось далеко не самым лучшим выбором нашего партийного руководства.

Но мне некогда было разгадывать эти партийные «ребусы, да шарады»...

Кроме того, в Столине, в городском парке, было проведено совещание областного партийного актива. Коммунисты в гражданской и полувоенной одежде, кое-как вооруженные, сидели на скамейках, траве. Был здесь и представитель Центрального Комитета Компартии Белоруссии Петр Андреевич Абрасимов. Он ознакомил нас с директивными документами ЦК КП(б)Б о развертывании партизанской войны в тылу врага. Со Столинским партизанским отрядом оставался первый состав Пинского подпольного обкома партии.

С моим отрядом оставался только что созданный Пинский обком комсомола, секретарем которого утвердили Ш. И. Берковича, заместителями — Э. Б. Нордмана и И. А. Буйницкого, инструкторами — И. И. Чуклая и В. Н. Лифантьева. С отрядом оставался также Пинский горком ЛКСМБ. Кроме Берковича секретарем подпольного горкома комсомола утвердили Эдуарда Нордмана».

После того собрания в Столине обком партии направил во все районы области организаторов партизанской борьбы. Конечно, в самом начале войны он не имел возможности подготовиться к действиям в тылу врага. Бои на территории области начались 25 июня 1941 года. 4 июля нацисты ворвались в Пинск, а 8 июля оккупировали всю область. Областное партийное руководство эвакуировалось в Мозырь, а на месте оставалась лишь часть обкома партии во главе со вторым секретарем П. Г. Шаповаловым. К сожалению, позднее его партизанский отряд, который должен был взаимодействовать с отрядом «Комарова», попал в засаду и был разгромлен нацистами. Василий Захарович узнал об этом лишь год спустя...

Вечером 5 июля партизаны во главе с командиром группы Куньковым поймали немецкого парашютиста, который ракетой подавал сигналы своим самолетам в районе моста через реку Горынь в окрестностях Давид-Городка. 6 июля, на рассвете, отряд направился к станции Микашевичи, что в Ленинском районе.

Южнее станции, по реке Припять, продвигалась на восток Пинская военная флотилия. Ее корабли обстреливали из орудий станции Лахву и Синкевичи, занятые нацистами. В этом районе потрепанные в напряженных боях советские части вели кровопролитные бои с немцами. Партизаны отряда Комарова помогали им, устраивали засады на путях движения врага.

Василий Захарович в своих записях далее отмечал: «...7 июля 1941 года наш отряд переправился через реку Припять и высадился в устье реки Случь. Переправа нашего отряда была осуществлена Пинской речной флотилией, после того, как я доложил о создавшейся обстановке ее командующему адмиралу Рогачеву, который по моей просьбе отпустил нам 30 килограммов тола, капсюлей, бикфордова и детонирующего шнура и немного продуктов питания. Пулеметов он нам дать не смог ввиду отсутствия их в достаточном количестве у него самого. Долго еще наш отряд прислушивался к пушкам Пинской флотилии, выстрелы которых поднимали дух бойцов.

Я сразу распределил среди партизан взрывчатку и приказал носить всегда с собой, хранить и отвечать за нее головой. Потому что с ней мы были во сто крат опаснее для врага»...

Прошло буквально несколько дней, и так посодействовавшая Коржу в его боевых партизанских делах Пинская военная флотилия понесла первые, причем не боевые, потери. О чем зам. начальника особого отдела (военная контрразведка) НКВД 21-й армии полковник Агеенков и докладывал в ЦК КП(б)Б: «По поводу обстрела 13 июля с. г. батареей 487 сп Пинской флотилии на р. Березина в районе Паричей Особым отделом НКВД 21 армии произведено расследование, которым установлено:

13 июля с. г. в местечке Паричи было проведено гарнизонное совещание командования Пинской флотилии, партизанского отряда тов. Миклашевича и 487 сп, на котором было решено повести совместное наступление с целью ликвидации немецкой группировки, оперировавшей в районе Паричей.

На этом же совещании договорились, кто и в каком направлении должен вести наступление, о взаимной поддержке и условной сигнализации.

Командир 487 сп майор Гончарик руководить этой операцией приказал командиру батальона Рябикову, которого в присутствии комиссара полка Пелюшенюка, своего помощника по строевой части майора Соколова и других командиров предупредил и проинструктировал, что операция будет проходить с Пинской флотилией и партизанским отрядом и здесь же дал Рябикову указание поставить об этом в известность весь личный и командный состав, который будет принимать участие в операции. В районе деревни Новая Белица была послана батарея под командованием мл. лейтенанта Ломакина.

Как это видно из материалов расследования, мл. лейтенанта Ломакина должен был проинформировать о проводимой операции командир батальона Рябиков. Но Рябиковым этого сделано не было. В результате чего Ломакин, заметив замаскированные башни кораблей Пинской флотилии, принял их за танки противника и открыл по ним огонь.

Флотилией был открыт ответный огонь по батарее, другим частям 487 сп и партизанскому отряду Миклашевича, которые находились на берегу. В результате перестрелки из команды, находившейся на флотилии, было 5 человек убито и 5 человек ранено.

Материалами расследования преступных действий со стороны Соколова не установлено. Основным же виновником происшедшего является командир батальона Рябиков»...

Да, случались на первых порах, увы, подобного рода трагические «нестыковки». А партизан-комаровцев ждала уже полная опасностей нелегальная лесная жизнь. О чем Василий Захарович позже писал: «...Отряд ночевал в лесу, возле деревни Запросье. В полдень дозорные заметили большую группу вооруженных людей, идущих к лагерю. Мигом объявили тревогу. Но она оказалась напрасной. Это был партизанский отряд, возглавляемый теперь уже бывшим начальником Ленинского райотдела НКВД Сахаровым...

Но из разговоров с ним я с сожалением понял, что к самой возможности активных действий в тылу врага он относится крайне скептически. Не говоря об этом прямо, этот командир отряда исподволь все чаще заводил речь о том, что на фронте сейчас идут бои, там дорог каждый человек и уж лучше, наверное, голову сложить в открытом бою, чем в безвестности и непонятно где...

А через пару дней выяснилось, что партизанский отряд из Ленинского районного актива, организованный обкомом для борьбы с немцами в их тылу, Сахаров спешно повел на восток, за линию фронта. И этот их уход больше походил на бегство»...

Свершалось то худшее, чего так опасался Корж. В это смутное время начал «хныкать», как выражался Василий Захарович, «испытанный партиец» Березин, который затем покинул отряд с группой бойцов. Спустя некоторое время вслед за ним ушел на восток такой «маловер», как парторг Положенцев. И тоже не один. Ведь с «коллективом»-то оно было «повеселей». А Большая земля, как ее стали чуть позже называть, продолжала между тем неумолимо отдаляться от партизан-комаровцев. И на первых порах помощи ждать им было неоткуда и не от кого.

Ранее упоминавшийся начальник УНКГБ по Пинской области М. Горбачевский направлял уже свои докладные записки в адрес секретаря ЦК КП(б)Б Ванеева из Мозыря. Из их числа небезынтересен документ от 25 июля 1941 года, в котором отразилась некая квинтэссенция всего того, что творилось в это время в пинских краях, и кто и как отнесся к вопросу о том, что пришел-таки нелегкий час, когда Родину свою всеми возможными мерами, в том числе и активными действиями в тылу нацистских оккупантов, защищать надо. Василию Захаровичу Коржу тоже пришлось сполна хлебнуть из этой горькой чаши.

Итак, внимательно вчитаемся в эти строки: «В докладной записке от

21.7.1941 г. мною было указано, что на территории противника осталась диверсионная группа, руководимая начальником Лунинецкого райотдела НКГБ тов. Голдыревым.

Установлено, что в Лунинецком районе, после эвакуации гор. Пинска и УНКГБ, связь с которым после этого была прервана, из числа сотрудников РО НКГБ, НКВД и партийного актива было организовано при эвакуации из Лунинца 7 групп по 10—12 человек в группе, руководителями которых были назначены: начальник РО НКГБ тов. Голдырев, старшие оперуполномоченные РО НКГБ т. т. Тихомиров и Тарасенко, оперуполномоченный РО НКГБ тов. Сметанкин, пом. нач. РО НКГБ тов. Пятириков и остальными двумя — члены ВКП(б) из числа райпартактива.

Все группы были достаточно вооружены винтовками, гранатами, револьверами, ручными пулеметами, имелся и один станковый пулемет.

Большинство из этих групп с первых же дней нахождения на полулегальном положении в тылу врага на территории Лунинецкого и Ленинского районов подвергались преследованиям со стороны банд и неоднократному обстрелу их последними. Вследствие этого группы, не сумев обосноваться на порученных им участках местности, вынуждены были с оккупированной врагом территории уйти в тыл.

Кроме этого, поводом к уходу групп в тыл послужило паническое настроение и трусость отдельных участников групп из числа партийного актива. В частности, председатели Лунинецкого райисполкома Манышев и Ивановского Кейзеров (позднее ему удалось перейти линию фронта на востоке, после чего он категорически отказался возвращаться в тыл противника. — *Прим. авт.*) как руководящие работники своими разговорами, «что мы никакой пользы не принесем» и т. д., разлагали группу и создавали панику. Они же, не соблюдая правил конспирации, сообщали населению, кто они и т. д.

Левин, зав. парткабинетом Лунинецкого РК КП(б)Б, Драхлер, Герасимов, Сычев и другие проявляли трусость и паникерство, Шелег — член ВЛКСМ, милиционер Лунинецкого РО НКВД — дезертировал.

Подбор диверсионных групп РК КП(б)Б произведен был несерьезно, формально, поэтому многие из участников групп оказались больными, не способными к деятельности партизан и даже ношению оружия.

Все это вместе взятое привело к распаду групп и возвращению их, за исключением группы т. Голдырева, местонахождение которого пока не установлено (он погиб. — *Прим. авт.*), не выполнив своего задания в тылу, а также к потере во время перестрелок с бандами ряда участников групп.

При перестрелке с бандой в дер. Хворостово Ленинского района был убит прокурор Лунинецкого р-на. Ранены пом. нач. РО НКГБ Пятириков и зам. нач. РО НКВД Ильин, инструктор РК КП(б)Б Финкельберг, работник райисполкома Ильюк и оперуполномоченный РО НКГБ т. Сметанкин пропали без вести, причем по непроверенным данным Сметанкин якобы взят бандитами и передан немецким солдатам для конвоирования его в г. Лунинец (рапорта т. т. Тарасенко и Тихомирова о деятельности групп прилагаются).

Сведения разведывательного характера т. т. Тарасенко и Тихомировым через агентуру во время нахождения их групп в тылу врага добыты следующие: лица из числа враждебно настроенных к советской власти элементов, возвратившиеся арестованные, выпущенные из Брестской, Барановичской и Гродненской тюрем, ксендзы и другие радушно встречают немецкие войска, помогают в городах и селениях наводить фашистский порядок и устанавливать власть. Немецкие войска в местечках и селениях, занимаемых ими, устанавливают власть из местных кулаков и поляков, создают полицию, которая следит за порядком и выдает немцам советский актив. В городах немцы ставят в управление своего коменданта и несколько человек охраны, а войска проходят дальше к фронту...

За последнее время немцами издан приказ о сдаче населением оружия, которым вооружают нужных им лиц.

Кулачество и контрреволюционные элементы при содействии немецких властей терроризируют советский актив и лояльно относящееся к советской власти население, организуют и осуществляют провокации против органов НКГБ и т. д.

В городе Лунинец после отхода войск и всех советских организаций под руководством местных жителей Драко Ивана (член «союза освобождения русского народа» и офицер польской армии), Щетюка Андриана (бывший офицер банды Балаховича) и некоего Мартынова (назначен старостой — бурмистром города) были заняты здания райисполкома, НКГБ, почты и др.

Перечисленные выше лица еще до прихода немцев в город надели на рукава фашистские эмблемы, репрессировали и расстреливали население. В провокационных целях ими было расстреляно 8 человек жителей города из числа советского актива и брошено в подвал здания РО НКГБ. По прибытии же в Лунинец нескольких офицеров и взвода немецких солдат, трупы этих расстрелянных из подвала демонстративно были вытащены и показаны последним.

После этой провокации при содействии немецких офицеров указанными выше бандитами было собрано около 20 человек из числа населения, лояльно настроенного к советской власти, и тут же перед жителями г. Лунинца расстреляно.

Подобного же пошиба бандиты находятся во власти в м. Лахва, Кожан-Городка Лунинецкого района и др. В м. Лахва возглавляет власть на местах Гох Франц, бывший шофер рыбного хозяйства, по национальности немец. В м. Кожан-Городок — Алесик Андрей, бывший арестованный нашими органами, возвратившийся из Гродненской тюрьмы.

При встрече в гор. Лунинец населения с офицерами (немецкими) были заданы вопросы о предстоящей власти и жизни, на что офицерами было отвечено, что власть будет «социалистическая», вопрос о республике еще не решен, будет допущена частная торговля при условии передачи в пользу государства 90 % прибыли, немедленно вводится карточная система на продукты питания.

По данным агентуры немцы от границы до Баранович перешили ж. д. путь. Из Белоруссии сейчас усиленно вывозится скот, хлеб, лес. Лесоразработки ведут пленные красноармейцы. У населения немцы отбирают скот, хлеб, крестьянское полотно, принуждают кормить свою армию. Основное население западных областей (бедняки, середняки) недовольны грабежами немцев. Через Лунинец крупных соединений германской армии не проходило.

Одновременно сообщаю, что в дополнение к мероприятиям, указанным в записке от 21.7.41 г. и проводимым в жизнь мною в соответствии с Вашими указаниями, полученными через сотрудника 1-го управления НКГБ БССР (внешняя разведка. — *Прим. авт.*) т. Формашова, создано три оперативных группы, которые направлены в районы Полесской области, прилегающие к территории, занятой врагом: 1. Нач. КРО УНКГБ т. Григорьян с группой в количестве 6 человек в Петриковский район; 2. Нач СПО УНКГБ т. Силагин с группой в количестве 5 человек в Октябрьский район; 3. Зам. нач. СПО т. Лучко с группой в количестве 4 человек в Лельчицкий район.

Этим группам поручено: 1. Подобрать и завербовать из числа жителей указанных выше районов агентуру; 2. Направить эту агентуру на территорию Пинской области занятую врагом с заданием: а) выяснения настроений жителей населенных пунктов, занятых врагом, и деятельности в связи с этим враждебно относящихся к советской власти элементов; б) выяснения фактов деятельности немецких властей и армии на оккупированной территории; в) сбор сведений разведывательного характера о местонахождении и численности воинских частей врага.

Отдельным из агентов, более надежным, будет поручено связаться на местах с 2—3 нашими агентами, оставшимися на территории врага. О результатах проделанной этими группами работы доложу дополнительно.

Оставшийся оперсостав в г. Мозыре проводит эту же работу на месте, где уже завербовано и направлено на территорию Пинской области два агента. Агент «Рива», уроженка Ивановского района Пинской области, направлена с изложенным выше заданием в г. Пинск. Агент «Король», уроженец и житель Пинского района, направлен с таким же заданием в Пинский район. Подрабатываем двух агентов на вербовку для посылки 26—27 июля в Лунинецкий район.

Кроме этого, в Пинск и район мною направлена сегодня, 25.7.41 г., оперативно-разведывательно-диверсионная группа в составе начальника Пинского РО НКГБ тов. Лаврова и оперуполномоченных этого же РО т. т. Третьякова и Апарина с заданием разведывательного и диверсионного характера, установления военных объектов, состояния их охраны, связи с агентурой, создания в районе резидентур и организации в дальнейшем связи с резидентами и отдельными агентами.

В Давид-Городокский район с таким же заданием направлен 24 июля с. г. старший оперуполномоченный этого же РО т. Шабалин. В Глусский и Любанский районы БССР мною для сбора сведений разведывательного характера направлено два негласных сотрудника 3-го отделения УНКГБ т. т. Ласточкина и Бадытчина.

О результатах проделанной работы посланными оперработниками и агентурой донесу по возвращении их с территории занятой врагом»...

Увы, далеко не сразу Василию Захаровичу Коржу довелось встретиться в глубоком тылу противника со своими бывшими коллегами по недолгой довоенной работе в органах НКВД. А пока все рискованные и смертельно опасные задачи ему с относительно немногими соратниками приходилось решать исключительно самостоятельно. Впереди были годы каждодневной партизанской борьбы — борьбы отнюдь не за чины да награды...

6 августа 1941 года командирам отрядов Т. Б. Бумажкову и Ф. И. Павловскому, первым из белорусских партизан, было присвоено звание Героя Советского Союза. Василий Захарович Корж, создавший Пинское партизанское соединение, получил это высокое звание, в отличие от некоторых партийных вождей, последним: 15 августа 1944 года. Уже после освобождения Беларуси. Справедливость хоть и запоздало, но восторжествовала...

Четыре десятилетия спустя соратник Василия Захаровича Коржа по партизанскому отряду «Комарова», генерал-майор КГБ Э. Б. Нордман как-то задал бывшему начальнику ЦШПД П. К. Пономаренко вопрос «на засыпку»: «Почему в Центре к Коржу относились несправедливо?»

И Пантелеймон Кондратьевич ответил: «Знаю, что жить мне осталось недолго. Уношу в могилу свою вину перед Коржом. Если бы ты почитал, что писали в шифровках о нем известные тебе партийные товарищи... Выставляли чуть ли не анархистом, этаким белорусским батькой Махно. Моя вина — поверил наветам высокопоставленных клеветников... Понадобилось время, чтобы разобраться, кто же такой Корж на самом деле. Он был законопослушным, но садиться себе на шею никому не позволял. Очень сожалею, что так поздно в этом разобрался. Увы, прошлое не вернуть и не исправить»...

Весьма прискорбно, что этих запоздалых слов покаяния Пономаренко так и не дождался еще при жизни партизан первого часа и национальный герой Беларуси Василий Захарович Корж...

С точки зрения рецензента

Кто на «Ланцугу»

В шести произведениях, которые составляют книгу Андрея Федаренко «Ланцуг» (Ланцуг: аповесці. — Мінск: Маст. літ., 2012), один общий и главный герой — литература, и, отчасти, один сюжет — ее создание. Литература о литературе, созданная подчеркнуто литературными средствами, приправленная густым соусом из литературных аллюзий — королевский бифштекс, избыточная роскошь, реверанс (или, как теперь говорят, «трибьют») минувшей и славной эпохе литературоцентризма.

Достоевский, Чехов и другие

«Литературность» книги считывается на разных уровнях. На поверхности персонажи «проговариваются», выдавая самым нетерпеливым читателям желанный ключик: Винярский в первом произведении определяет свои рефлексивные митренги как «достоевщину какую-то», книжный человек Володин в последнем произведении все Чехова вспоминает. На уровне структуры произведений ключик Достоевского отпирает фабульный замок убийства из-за денег, открывает тематические двери преступления и наказания. Однако из основного сюжетного туннеля, как оказывается, идут еще несколько интересных для исследования побочных ходов и слоняется белесый литературный минотаврик. Чеховский ключ хорошо укладывается в фабулу крымского курортного романа, но двери с «подвывертом» ведут не столько к «Собачке с дамой» (юмор Володина), сколько к футлярному циклу (в непосредственно-текстовом слое торчит видная издалека вешка «я из своей скорлупы в ваш мир не вылезу») и наиболее — к «Ионычу». Глубже, достоевщиной будет пристальное внимание к тончайшим эмоциональным движениям, изменениям душевного состояния героев (упомянутое в аннотации стремление «постигнуть духовный мир современника»), а чеховщиной — психологический параллелизм пейзажно-интерьерных зарисовок, сюжетный лаконизм (в том числе способность создать «рассказик про пепельницу», то есть применить для возведения сюжета любую мелочь, которая попалась на глаза), работа детали, например: белый плащ Винярского не только знак его презрения к серости отечественной жизни и признак некоторой зажиточности, достигнутой спекулятивным путем, но и контраст с реальностью, в которой люди заталкивают друг друга в троллейбус, и повод герою пройтись пешком, а нам — посмотреть на местность и на людей его глазами.

Когда «крайние» произведения книги напрямую отсылают читателя к мировой классике, то «срединные» апеллируют к разным слоям в «деревенской» прозе, как русской, так и отечественной. Притом ключи, которые по-прежнему щедро подбрасывает читателю автор, более замысловатые и более хитрые. В частности, приятно в этом плане расчитывать «грибную» повесть («З кошыкам, або Гісторыя ненапісанай аповесці»), где воспоминания о разных литераторах наслаиваются, перемешиваются так, что вскоре понимаешь: на самом деле неважно, действительно ли существовал русский писатель Б. Василевский, который ссылается на другого русского писателя

В. Солоухина, и действительно ли белорусский писатель Василь Витка нахваливал белорусскому писателю Янке Брылю рассказ еще одного белорусского писателя (нарратора). Тому, кто сегодня хочет создать повесть, пусть себе про грибы, мешает не конкретный литератор или конкретный текст, а вся литературная традиция, где уже все, что возможно было сказать, в данном случае про грибы, сказано. Остается только сделать само создание рассказа сюжетом рассказа. Между прочим, этот прием используется не только в грибном эссе, но и в повести «Пра аднаго пісьменніка». С точки зрения литературных игр, повесть самая интересная: тут и история писателя, который спасся от смерти литературой (как он думает), и история любви в исполнении двух нарраторов (по сути, двух литературных традиций, которым разрешено спорить), и примечания редактора во время работы с текстом, и даже разнообразные реакции читателей. И при этом произведение цельное, приращение смыслов происходит, новая литература прорастает сквозь толстый омертвевший литературный слой, при этом поднимает (актуализирует) его...

Король умер — да здравствует король!

Потерянный рай

Если литература — главный герой книги, то деревня — ее боль, та самая, которая делает искусство искусством. В композиции сборника крайние «городские» произведения задают литературные рамки, правила игры, а четыре срединные, «деревенские», образовывают живую плоть: композиция моллюска, который прячет в ракушке нежное тело, а может и жемчужину выращивает. Такой жемчужиной является «Дзікі луг» — выразительная картинка рая, который мы утратили. Туда, в деревенский рай, можно возвратиться и там ожить, как в повести «Пра аднаго пісьменніка», можно желать возвратиться и ради этого рисковать жизнями, как в «Салдаце», можно возвращаться в воспоминаниях, как в «ненапісанай аповесці». Воспоминания — та оптика (земляничное окошко), через которую в книге подан белорусский золотой век: земля цветет картошкой, зеленеет орешником (чем не молочные реки — кисельные берега?), дает здоровье больным (без разницы — старому писателю или больной корове). Люди этой земли во время работы похожи на богов — сильные и красивые (задание для собирателей литературных аллюзий: подберите мележевский ключ, брошенный в «Аповесці пра аднаго пісьменніка», и сравните сцену косьбы «Дзікага лугу» и «Людзей на балоце»). Правда, стоит только попробовать навести резкость, и картинка рая «плывет»: деревенские люди больше напоминают то ли хоббитов-недоростков, которые держатся каждый своей норки, то ли суеверных дикарей Борщевского, которые верят во что-то, что «вогненным шарам гарыць і пужае» («Дзікі луг»). В раю («Дзікага лугу») есть свой запрет: нельзя ~~есть плодов~~ быть счастливым. То есть, быть-то счастливым можно, а вот говорить об этом, показывать — ни в коем случае. А то налетит беда и все счастье отнимет. Тема счастья, счастливого человека еще раз всплывет в конце книги, где любитель поспорить с Чеховым предложит особенно оберегать счастливых людей, так как очень уж легко их беды находят («У Крыме»). Внешняя грубость деревенского обхождения (и, додумаем, быта) в свое время и была таким оберегом. В «Дзікім лузе» приватное несчастье семьи Кулиничей — смерть ребенка, увечье мужа, безумие жены — проходит параллелью с общим несчастьем деревни: «Ужо тады абазначыўся крах вёскі — задоўга да Чарнобыля і перабудовы, пачыналіся яе перадсмяротныя сутаргі... яны [пакаленне, звязанае з зямлёй] ведалі, што апошнія, што на іх усё скончыцца». Где же мы недосмотрели, где выхвалились своим деревенским счастьем, где вырастили свою хвастунью-калину, которая погубила белорусскую деревню — автор прямо не говорит. Но на его «ланцугу» ходит и ходит по кругу литература, шагая сама себе в след, выбивая тропу-колею. Не она ли в прошлом столетии похваста-

лась деревней, нарушив запрет и обусловив изгнание из рая?

Литература — тот самый «кабыздох», которого сегодня традиционно держат в черном теле и, боже упаси, если начнут хвалить, определять породу и называть по имени. Хотела вот похвалиться хорошей книгой, а суеверия? Лучше скажу, как народ говорит: ой, нет, нет у нас, милые, ничего. Литературы нет, литераторов нет. И премий нет литературных, это вам показалось. А если и есть, так лишь бы кому их дают, а то уж, конечно...

Избыточное

Неспешная экспозиция повествования... Сегодня мало кто из писателей может себе ее позволить, потому как боится упустить верткую читательскую рыбку: лучше сразу веслом по голове. А проза Федаренко вначале не спешит: долго разматывает лески, разбрасывает прикорм, надежно вешает приманку. Эти обстоятельные, подробные описания внешности, обстоятельств многословные и многослойные: «Ласіца завучана, бы робат, паўтарыў тым строгім, не сваім, дзеравянна-салдафонскім голасам, які выпрацаваў у сябе за апошнія тыдні; голасам, якім на занятках адказваў параграфы вызубранага статута, адзываўся на каманды, якім пачаў гаварыць з іншымі салдатамі і нават сам з сабою ў думках; голасам, што так дапамог яму дабрацца да гэтага каравула» («Салдат»). Кое-где читательский глаз, привычный к интернетному серфингу, скользит мимо очередного однородного члена предложения, однако потом приходится возвращаться: большинство мелочей завязаны на сюжете, или необходимы для каких-то других художественных целей (будто бы излишние для будто бы основного сюжета мини-портреты граждан «отдыхающих» в «крымской» повести создают колорит, подкрепляют литературные коннотации и оттеняют «основную» линию). Что до развязок, которые показались слишком предсказуемыми моему сослуживцу (см. рецензию А. Адамовича «Ни ради денег, ни ради женщин, ни ради добра...» на сайте премии Гедройца: http://gedroyc.by/index.php?newsid=-21), так тут срабатывает (в моем, по крайней мере, случае) эффект дважды обманутого ожидания. Ждешь, что все закончится хорошо и герои разойдутся каким-то образом осчастливленные, но знаешь, что это слишком просто для сегодняшней замысловатой литературы. Тогда ждешь, что все закончится скорей вопросительным знаком, чем счастливой улыбкой, а то и вообще не закончится, а оборвется, или закольцуется (конец в начале, начало в конце, и вообще, это был кроссворд, который нужно было читать поперек), или еще превратится в волшебную птицу Феникс да исчезнет где-то над просторами Гомельщины. И если вдруг приходит стройная, логичная, предыдущим развертыванием действия подготовленная концовка — ее уже не ждешь и снова ей радуешься, как дитя малое, которому на праздник конфетку подарили. Радость возвращения в счастливое детство, эти мило-наивные чары возможны только под толстым-толстым слоем литературы.

Маргарита АЛЕШКЕВИЧ

С точки зрения рецензента

О Максиме Танке, известном и неизвестном, или Когда забываешь, что ты критик...

Максиму Танку на критиков всегда везло невероятно: Владимир Колесник, Рыгор Березкин, Микола Арочко, Дмитрий Бугаев, Вячеслав Рагойша, Владимир Гниломедов... О нем писали даже тогда, когда некоторые горячие головы готовы были перечеркнуть чуть ли не всю советскую литературу.

Микола Микулич от своего Максима Танка не отрекался никогда. Еще в школьные годы стихия танковской поэзии поглотила его целиком. Поглотила своей художественной оригинальностью и самобытностью, идейно-эстетической силой, непохожестью на поэзию других белорусских авторов. Стихи М. Танка не просто понравились будущему критику и литературоведу — он почувствовал «*вялікую ўнутраную блізкасць*»[1]. Эту «большую внутреннюю близость» к поэту М. Микулич несет в себе уже не одно десятилетие. И не только близость, но и глубокий научный интерес. Редкий случай в отечественном литературоведении: ему принадлежит целых три книжных издания, посвященных М. Танку, — «Максім Танк і сучасная беларуская лірыка» (1994), «Максім Танк на скразняках стагоддзя» (1999) и «Паэзія рэчаіснасці: у свеце Максіма Танка» (2001), не говоря уже о многочисленных литературно-критических статьях. Все уже изрядно привыкли к тому факту, что слово М. Микулича о Максиме Танке является глубоко прочувствованным, выверенным и основательным.

Новое фундаментальное монографическое исследование М. Микулича «Максім Танк: талент, заручаны з небам» можно считать итогом многолетнего научного интереса талантливого критика и литературоведа к гению Максима Танка. Книга существенно отличается от ранее изданных. Это своеобразный триптих, где автор исследует определенные грани жизни и творческой деятельности великого Поэта, повествует о жизни подвижнической, общественной и государственной, в конце концов, создает портрет неординарной личности — человека-эпохи в истории новой Беларуси. Монография богато иллюстрирована. В помещенных более ста (!) фотографиях отражается не только история одной судьбы, но и история времени, национальной литературы, страны в целом.

Первый раздел книги — «Прастор мастацкага слова» — посвящен историко-теоретическому исследованию творческого наследия М. Танка. Работа отличается оригинальностью теоретико-методологического мышления автора. М. Микулич фокусирует свое внимание на специфике художественного, идейно-образного мира М. Танка, на характерологических, индивидуально-особенных стилеобразующих аспектах его поэтических дискурсов, стремясь проникнуть в их глубинный внутренний смысл, постичь философию текста.

Концептуальным и новаторским является то, что М. Микулич вкладывает в это научное исследование много личного и личностного (но не субъек-

---

[1] Мікуліч, М. Максім Танк: талент, заручаны з небам / Мікола Мікуліч. — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2012.

тивного), эмоционально-чувственного, что существенным образом влияет на академический стиль литературоведческого анализа, оживляет его, приближая к широкому «потребителю», «среднестатистическому» читателю.

Ученый рассматривает поэзию М. Танка как некую своеобразно синтезированную художественную модель слова и мысли, основанную на широкой гуманистической концепции жизни человека и общества, модель, которая органически впитывает в себя «*аб'ектыўна выяўленчы і суб'ектыўна выразны пачаткі*». Вместе с базисной философией М. Микуличу в поэтике М. Танка важны и такие характерологические аспекты, как «*багацце і разнастайнасць душэўных перажыванняў, шматмернасць ідэйна-эстэтычнага зместу, сэнсавая ёмістасць вобразнага малюнка*». Они, по мнению исследователя, с одной стороны, раскрывают превалирующую общественно-социальную эмоцию, а с другой — «личностно-психологическую» составляющую мира. Вместе с этим автор подчеркивает и мастерство М. Танка в обобщении единичного, частного, индивидуального до уровня социально-философского, когда Поэт конкретные человеческие проблемы и противоречия соизмеряет «*з магутнымі пластамі векавечнага людскога вопыту і народных традыцый*».

М. Микулич считает, что идейно-художественные поиски М. Танка 1920—1930-х годов проистекали достаточно сложно, в многочисленных сомнениях, в тяжелом труде и поступательном развитии. Молодой поэт стремился к сочетанию традиционно-национального, самобытно-белорусского и «адкрыўчага», новаторского, которое несла с собой европейская литература и культура. Кстати, полемика вокруг традиций и влияний в творчестве М. Танка не затихает и по сей день. Особенно дискуссионной представляется связь поэтики М. Танка с польским авангардизмом, в частности, с виленскими «Жагарами». Этой теме посвящена и чрезвычайно интересная и обстоятельная статья М. Микулича «Каардынаты лёсу», недавно помещенная в газете «Літаратура і мастацтва». В статье он, что называется, расставляет все точки над «і» посредством своей изысканной методики литературоведческого анализа и фактурной осведомленности с использованием неизвестного признания самого М. Танка: «*Я ніколі не быў звязан ні з кракаўскай «Авангардай», ні з віленскімі «Жагарамі», як і з іншай мадэрнісцкай паэтыкай, бо іх стыль — гэта нешта зусім іншае, чаго ў мяне і не было, дый наогул, я ведаў тады пра іх значна менш, чым наша сучасная крытыка. Калі ўжо гаварыць пра ўплывы, то праўдай будзе тое, што мая творчасць з самага пачатку развівалася і натхнялася, у першую чаргу, заходнебеларускім жыццём, вусна-паэтычнай творчасцю народа і савецкай сацыялістычнай літаратурай*» (ЛіМ, 21 декабря 2012 г., с. 4).

Безусловно, поэтика М. Танка прежде всего впитывала в себя традиции национальной литературы, художественный опыт Я. Коласа, Я. Купалы, М. Богдановича, а также А. Пушкина, А. Мицкевича, других авторов, предшественников и современников. Вместе с тем, М. Танк творил в контексте западнобелорусской поэзии, которая также не могла не влиять на его эстетическое сознание, развитие его творческой индивидуальности. Не вызывают сомнения определенные связи молодого белорусского поэта с польской литературно-художественной школой, с художественными исканиями других европейских литератур. Именно широта и многообразие литературно-художественного контекста выгодно отличают М. Танка от многих писателей Советской Беларуси, подверженных идеологическому диктату и эстетической однолинейности и шаблонности. Как раз этот контекст и «подтолкнул» уникальный талант М. Танка к новаторской поэтике. По мнению М. Микулича, оригинальный и мощный стиль М. Танка существенно раздвинул «*ідэйна-творчыя далягляды нашай паэзіі, забяспечыў актыўнае развіццё яе інтэлектуальна-вобразнай культуры*», «*запачаткаваў якасна новы кірунак у развіцці літаратуры Заходняй Беларусі*».

Большое внимание в монографии уделяется проблеме индивидуального стиля М. Танка. М. Микулич рассматривает стиль народного поэта Беларуси как сложное художественное целое, в котором синтезированы «*адзнакі выразнага сілагічнага роздуму, аўталагічнага пісьма і яркіх умоўна-асацыятыўных карцін і малюнкаў, формаў унутрана сабранага, традыцыйнага верша і дольніка, верлібра, якія абумоўлены напружанымі пошукамі мастака ў галіне паэтычнай версіфікацыі*». Именно стиль, считает ученый, является главным критерием гармонического соотношения личностного и традиционного, авторского креатива и уже сложившихся жанрово-структурных форм в литературе. Движение стиля в целом обеспечивает «*актыўны рух і абнаўленне паэтыкі, асаблівасці сімволіка-алегарычнага дыскурсу*» и др.

В качестве доминантного в поэзии М. Танка М. Микулич выделяет возвышенно-романтическое стилевое течение и связывает его появление и развитие с влиянием на художественное сознание Поэта прежде всего энергетики его малой родины, родной Пильковщины. Нарочанский край, родительский хутор, родное «*котлішча*» и есть первоисток самобытного таланта М. Танка, его творческого гения. Как проникновенно отмечает исследователь, это святое для М. Танка место и теперь находится во власти «*святла і паветра, гарманічных колераў і фарбаў і чароўных гукаў*», здесь во всем «*уладарыць высокая боская жыццёвая сіла і праўда*», «*паўсюль ляжыць паэзія*». На этой благодатной земле автор находит много и эпоса, и лирики, здесь «*паўсюль ляжыць каларытная, ядраная, крамяная натура*». Именно Нарочанский край, Нарочанская земля формировали поэтическое мироощущение Художника. Родина и песня тесно взаимосвязаны в творческом сознании М. Танка: «*Толькі на радзіме народнага паэта па-сапраўднаму адчуваеш усю каранёвую моц і вялікую духоўна-сацыяльную сілу і эстэтычную вабнасць яго песні, глыбіню і значнасць выяўлення ў ёй адвечных зместавых таямніц жыцця і чалавека. Тут, у сваёй роднай стыхіі, гэтая песня, як і належыць ёй, лунае шчыра і натуральна, урачыста і велічна, ачышчаючы душы і супакойваючы сэрцы сваіх шматлікіх прыхільнікаў*».

Постигая философию творчества М. Танка, М. Микулич очень тонко подмечает, что он был прежде всего белорусом, белорусским поэтом. Идея белорусскости была смыслообразующей в поэтике М. Танка, она двигала его творчество изнутри, наполняя особым духовно-социальным содержанием и подтекстом. «*Ідэя беларушчыны...* — приводит исследователь слова М. Танка. — *Я хачу ўкрапіць яе ў свае творы, каб яна была як вітаміны ў ежы: не так вылазіла са сваімі вушамі, але каб дзейнічала...*» Отсюда, от земли белорусской, народа белорусского, его древней истории, хлеба и песни исходит высокий дух, которым полнилось поэтическое слово великого художника и устремлялось ввысь, насыщалось космическим содержанием, обретало планетарный масштаб выявления бытия.

Прослеживая путь идейно-художественных поисков народного поэта Беларуси, М. Микулич приходит к заключению, что в 1960—1980-е годы творческая индивидуальность М. Танка выявилась наиболее полно и многогранно — во всей своей нравственно-философской и моральной глубине, идейно-эстетической силе. В эти годы поэзия М. Танка стала по-настоящему «*шматколерна-поліфанічнай*». Вместе с тем, талант Поэта требовал новых эстетических решений. М. Танк был в постоянном творческом поиске. В его последнем прижизненном сборнике «Мой каўчэг» (1994) М. Микулич выявляет новое качество художественной концепции великого мастера: глубокую *«заангажаванасць лірычнага героя ў асновы народнага быцця, усведамленне яго адвечных першакаштоўнасных дамінант», «засяроджаны роздум над экзістэнцыяльнымі праблемамі жыцця і часу, тымі зменамі, якія адбываліся ў грамадстве», «асэнсаванне самой прыроды чалавека, сутнасці яго духоўна-грамадзянскай місіі на зямлі»*.

Развитию художественной индивидуальности М. Танка, по мнению

М. Микулича, содействовали и переводы стихов поэта на русский язык. И с этим нельзя не согласиться. Переводы значительно расширяли географию известности поэта, укрепляли его авторитет за пределами Беларуси. Переводили М. Танка широко, масштабно, начиная фактически с его первых шагов в литературе и до конца жизни. К стихам М. Танка обращались десятки переводчиков из разных уголков бывшего Советского Союза, в том числе и такие известные поэты, как А. Прокофьев, О. Берггольц, И. Сельвинский, П. Кобзаревский и др. Однако М. Микулич отмечает, что даже лучшие переводы на русский язык «*не перадаюць ёмістага каларыту і своеадметнасці мастацкай свядомасці М. Танка*». Во многих переводах, пишет исследователь, «*неяк выветрываецца глыбокая жыццёвая мудрасць лірычнага героя паэта, становіцца непазнавальнай яго насычаная духоўна-філасофская медытацыя, эпічная важкасць прадметна-рэчыўнага слова*», в них «*істотна зніжаецца эмацыянальна-пачуццёвая энергія танкаўскага пісьма, абяскроўліваецца яго вобразна-выяўленчая сістэма, парушаецца характэрная рытміка-інтанацыйная мернасць і гарманічнасць*».

Раздел «Сэрца насцеж, або Моваю дакументаў і фактаў» — это уже совершенно иной повествовательный формат. Здесь М. Микулич стремится познать еще одну «грань» феномена Максима Танка, показать его как общественного и государственного деятеля, но еще больше — как человека, сына, мужа, отца, друга, коллегу по творчеству, редактора, депутата-ходатая... Именно ходатайство в широком значении этого слова было главным призванием его человеческой натуры. М. Танк «*як ніхто іншы ўмеў слухаць сваё сэрца і ў той жа час тонка адчуваў чалавека, яго стан, настрой і характар...*» — отмечает автор. М. Танк, далекий от Бога и Библии, руководствовался христианской моралью в своих поступках. Или, как точнее подметил его сын Максим Евгеньевич, «*ён усё вымяраў асновамі народнай маралі*». В стихотворении «Я веру» поэт написал, что нужно «*з галодным свой хлеб разламаць напалову. З бяздомным — начлежным Цяплом ачага падзяліцца*».

Необходимо особенно подчеркнуть: Микола Микулич проделал огромнейшую работу поискового характера. В книге представлены сотни (!) документов из многих хранилищ: из Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, отдела редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси, Гродненского государственного историко-археологического музея, из частных архивов.

Поражают объемы эпистолярного наследия художника, богатство фактологического содержания книги. Здесь письма и открытки, написанные самим М. Танком и адресованные ему, посвященные поэту статьи, стихотворения, эпиграммы, а также бесконечные обращения, просьбы, жалобы, предложения известных деятелей, ответственных работников и рядовых граждан и многое, многое другое. Создается широкая и многообразная панорама человеческих отношений, эмоций и страстей. Сюда же вписываются жизни отдельных художников, необычные судьбы людей, жизненные эпизоды, «загадки» истории и т. д. Но главное — это лица, лица, лица... Павлина Меделка, Пантелеймон Пономаренко, Сергей Новик-Пеюн, Петр Битель, Филипп Пестрак, Лариса Гениюш, Сергей Граховский, Нил Гилевич... «*Хто яшчэ з нашых літаратараў, сучаснікаў паэта,* — ставит риторический вопрос М. Микулич, — *мог бы паганарыцца-пацешыцца такой, без перавелічэння, усеагульнай увагай, прызнаннем у пашане і любові, акром М. Танка?.. Бадай, аніхто. Ні з паэтаў, ні з празаікаў, ні з драматургаў*».

Из всего этого, на первый взгляд, хаотично набросанного «материала» создается яркий, многоликий образ конкретного времени, в центре которого, как цементирующее звено, — Максим Танк, неординарный человек, глубоко ответственный за все происходящее вокруг, за людей своей страны, национальную литературу и ее таланты.

Отдельной страницей в историю национального «поэзиятворчества» вписываются отношения Максима Танка и Пимена Панченко. Как известно, их связывала многолетняя крепкая дружба. Оба они, как отмечает М. Микулич словами Р. Бородулина, были «*вырачаны на вечную любоў да беларушчыны*». Не меньший читательский интерес вызывают и разносторонние отношения М. Танка и В. Короткевича. Глубоким знанием литературного процесса, удивительной корректностью отмечены связи народного поэта Беларуси с исследователями его творчества — В. Колесником, М. Арочкой, В. Рагойшей, А. Клышкой, а также с другими литературоведами и литературными критиками. Не менее интересен и познавателен и его диалог с краеведами, историками, языковедами, публицистами и т. д. Непроизвольно возникает ощущение движения самой истории, взаимодействия литературно-творческой, общественной и культурной жизни страны с отголосками встреч, полемики, дискуссий.

Здесь же М. Микулич затрагивает и очень важную для национальной литературы тему преемственности идейно-эстетических традиций М. Танка, его взаимосвязей с коллегами по поэтическому цеху, младшим поколением творцов. Р. Бородулин очень красноречив в определении новаторства поэта: «*Максім Танк стварыў сваю школу паэзіі. Натуральна паядналіся эўрапейскасьць і беларускасьць, зорны палёт думкі і босы сьлед вобраза на ўраселай сьцяжынцы... Максім Танк распрацаваў дзялянкі белага верша і верлібра, рэпартажна-вандроўніцкіх вершаў*». Н. Гилевич назвал М. Танка «*паэтам несумненна ўсясветнага маштабу і значэння*». Р. Боровикова рассматривает М. Танка в контексте вечности: «*...Сапраўднае адкрыццё Паэзіі Максіма Танка — наперадзе, мы яшчэ не асэнсавалі Яе як след. Толькі пачынаем уваходзіць у гэтую нязгасную мудрую крыніцу... І кожнае наступнае пакаленне будзе знаходзіць, будзе браць з Яе нешта новае, адкрываць сваю старонку любові да Яе. Гэта ўжо як дотык вечнасці. Прыйшоў, аддаў, адыйшоў. І, аддадзенае, застаецца назаўсёды... Як паэзія Купалы, Пушкіна, Шэкспіра... Гэта тая ж самая вышыня*».

Необыкновенным чувством душевной теплоты отмечены письма М. Танка к своей жене Любови Андреевне, близким родственникам. Трогательным было его отношение к матери. Образ матери Домны Ивановны Поэт пронес через всю свою жизнь. Этот образ вдохновлял его на творческие поиски, живил его Слово особой энергетикой, освещал изнутри. Матери, утверждает М. Микулич, посвящены лучшие стихи поэта. Поэтому и ее смерть стала для М. Танка невосполнимой потерей. Таким же невосполнимым стал уход из жизни жены и дочери Веры...

Раздел «З паэтам tête-â-tête» выполнен в новом повествовательном формате. М. Микулич рассказывает о своих личных встречах с Евгением Ивановичем. Он стремится донести до читателя «живое» слово самого Поэта.

Вместе с тем, это диалог близких людей, единомышленников, одинаково заинтересованных в сохранении и передаче потомкам объективной истории. Именно объективной, ибо она воспроизводится памятью и голосом непосредственного и активного участника прошедших событий.

В рассказах М. Микуличу М. Танк все глубже и глубже уходит в историю. Видя в своем собеседнике родственную душу, он вспоминает, «проговаривает» события, в которых сам участвовал, касается известных общественных и политических изменений и преобразований, останавливается на многих фактах из своей биографии, семейной жизни, но главными героями его воспоминаний остаются люди.

В беседах с М. Микуличем чрезвычайно остро проявились патриотическая заангажированность М. Танка, его гражданственность, преданность национальной идее, государственность мышления, стремление к философскому осмыслению роли человека в истории. При этом он оценивает события и поступки людей (особенно это касается Западной Беларуси) с высоты 90-х годов прошлого века, с учетом нового общественного и эстетического сознания.

Мы явственно слышим голос Максима Танка, голоса участников событий того времени, которые складываются во все разрастающийся разноголосый хор самой истории. Очень далекой и совсем близкой. Кажется, хочется уже остановиться, передохнуть, осмыслить сказанное, но интервьюер неумолим. Он озвучивает все новые темы, новые вопросы, новые имена. Он спешит... Он аккуратно подталкивает Поэта к новым воспоминаниям и размышлениям, к новым загадкам истории, просит разъяснений, уточнений, ибо понимает, что может не успеть...

Этот раздел книги «Максім Танк: талент, заручаны з небам» читается на одном дыхании. Забываешь, что ты критик, что перед тобой стоят научные и другие задачи, забываешь обо всем. Текст буквально поглощает. Слышишь национальную историю, удивительно трудную, социально сложную, неоднозначную, но историю живую, правдивую, наполненную кровью, болью, человеческими страданиями, эмоциями и надеждами...

Давно я не испытывала таких переживаний. А может, и никогда не испытывала, читая работу литературоведа и литературного критика...

Драма М. Танка в последние годы его жизни — это особенные страницы книги и особенно глубокая боль ее автора. Социальные катаклизмы, повлекшие за собой развал великой державы и попрание, казалось бы, незыблемых ранее нравственных и социальных норм, не могли не отразиться на внутреннем состоянии Поэта. К тому же М. Танк был измучен тяжелыми болезнями, потерей самых близких и дорогих людей. Очень хорошо эту ситуацию описал И. Шамякин в своей статье, посвященной 80-летию М. Танка. М. Микулич цитирует «*цяжкія, горкія, але праўдзівыя словы*» народного писателя Беларуси, который признается, что тяжело ему писать о Танке. «*Прабач мне, дарагі Яўген Іванавіч, за гэтае прызнанне,* — отмечает И. Шамякин. — *Не магу крывіць душой: сапраўды цяжка. Што віной таму? Твае гады, дружа, і час, павароты і пераваротьі, якія так абяздолілі нашу старасць. Не такой мы яе ўяўлялі. Калі Паэт, імя якога вядома паўсвету, мусіць думаць пра скарынку хлеба — тут не да скокаў, не да ўдзячнасці партакратам, дэмакратам і роднаму ўраду*». И далее: «*Пачуй крык душы сваіх паэтаў, наш мудры народ! Пачуй нас, Вярхоўны Савет і ўрад! З кім вы будзеце будаваць незалежную дзяржаву і незалежную культуру? Зберажом жа тое, што ўжо стала здабыткам агульначалавечай культуры!*»

Действительно, очень горькие и очень правдивые слова. Но правдой является и то, что даже в этих тяжелых условиях М. Танк сумел остаться духовно не сломленной, светлой личностью, цельной, гармоничной, богатой на человекопонимание. Он до последнего своего дня оставался Поэтом, Художником, Патриотом, Гражданином. И это убедительно показал М. Микулич. Добавилась только горечь в его стихах, и, как никогда ранее, «*нізкім і змрочным стала неба над галавою*». Ярким подтверждением этого является стихотворение «Калі горыччу перапоўнена сэрца...», написанное М. Танком 17 сентября 1994 года в день своего рождения, который Поэт отмечал в последний раз.

Калі горыччу
перапоўнена сэрца
І дыхаць і жыць немагчыма, здаецца,
Заўжды ўспамінаю
сасну
над абрывам,
Падсечаную нарачанскім прылівам.
Сасну, што трымаецца рэшткай карэння
За грунт,
а вяршыняй сваёю высокай
Да сонечнай цягнецца
высі праменнай,
Над тонню смяротнай калыша аблокі.

М. Микулич признается, что это стихотворение он не может читать спокойно. И никогда не мог. «*Прыгадаеш яго ў памяці,* — отмечает исследователь, — *і перахоплівае дыханне, сцінае горла, у душы пасяляецца цяглы боль. Колькі ў ім глыбіннай жыццёвай філасофіі і сэнсу, нечага да канца невыказнага, падсвядомага, таго, што нязменна прысутнічае ў біялагічнай і сацыяльнай прыродзе і*

заўсёды будзе прыцягваць у асобе чалавека, яго ўнутраным свеце, паводзінах і ўчынках даследчыкаў — філосафаў, псіхааналітыкаў, педагогаў і інш.»

Именно этой глубинной жизненной философией и подпитывался Поэт в последние годы и месяцы своей жизни, когда встречался с критиком и литературоведом, именно она удерживала его веру и поддерживала его дух. Огромным сопереживанием полнится душа М. Микулича, когда он пишет о драматических и трагических страницах семейной биографии М. Танка, о драме последних дней жизни Великого Поэта. О жизни и смерти в одиночестве... «*На вялікі жаль, ніхто не ўмяшаўся. Ніхто не дапамог М. Танку ў найцяжэйшыя хвіліны яго жыцця на зямлі і змагання з хваробамі, не аблегчыў яго пакут.*

Ніхто не дапамог таму, хто ўсё сваё жыццё прысвяціў дапамозе іншым...

І ад усведамлення гэтага цяжкога факта, мабыць, зашчыміць не адна шчырая, сумленная і трапяткая людская душа...»

Каждый раз, после продолжительной беседы, собираясь уходить, М. Микулич просил М. Танка:

«*— Калі ласка... пачытайце штонебудзь з новага.*

— З новага...»

И Евгений Иванович, вновь воодушевившись, читал...

Книга Миколы Микулича «Максім Танк: талент, заручаны з небам» уникальна концептуально-методологически. Она совершенно необычная в сюжетно-композиционном решении. В ее структуре сублимируются и конвергируются разные жанрово-стилевые повествовательные пласты. Она вмещает в себе научное теоретико-аналитическое и историческое исследование, хронико-документальное письмо и авторское эссеистическое повествование. Монография представляет нам известного и нового Максима Танка, представляет объемно и глубоко — в контексте великой эпохи. И не только той, что была, но и будущей.

А еще она представляет Учителя, который изменил и его, автора, мироощущение, его понимание мира и человека.

Спасибо вам, Николай Владимирович, за этот труд, в который вы вложили свою душу!..

Валентина ЛОКУН

Книжная полка

Выбор Геннадия Михленко

Предлагает «Издательский дом «Звязда»

Аляксандр Гужалоўскі. Чырвоны аловак. Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР. *У дзвюх кнігах. Кніга першая. 1919—1941 гг. Мн.: 2012.*

Доктор исторических наук Александр Гужеловский, обращаясь к теме советской цензуры, выступает, по сути, первопроходцем. До него никто из исследователей так обстоятельно, с привлечением столь обширного фактического материала (использованы документы, найденные в архивах и библиотеках, а также опубликованные в периодике) не анализировал то непростое для литературы и искусства время, когда действовали жесткая цензура и контроль. Думается, эта книга будет, в первую очередь, интересна молодым читателям. Они, наверное, не знают, что в советские годы судьбу того или иного произведения, а если глядеть шире, то и писателя, деятеля искусства, решали Главлит и Главрепертком — организации, являющиеся всесильными, поскольку от них зависело, зажигать ли зеленый свет перед тем или иным произведением, или наложить табу. Впрочем, книга будет интересна всем, кто хочет лучше узнать историю своей страны, заинтересован в том, чтобы в ней было меньше «белых пятен».

Пад крыламі дракона. Сто паэтаў Кітая. *Укладанне і пераклад на беларускую мову Міколы Мятліцкага. Мн.: 2012.*

Издание, без преувеличения, уникальное. Под одной обложкой собраны стихи ста самых значительных китайских поэтов в переводе на белорусский язык. При этом охват авторов такой, что, по сути, можно как бы проследить путь китайской поэзии на протяжении двадцати четырех столетий — именно таков ее «возраст». Эта, по сути, антология китайской поэзии, открывается стихами известного поэта Цюй Юаня (340?—278 до н. э.), а завершается восьмистишием современного поэта Бянь Чжилиня «Цішыня». Помещены произведения еще 98 поэтов. Читатель, несомненно, особое внимание обратит на двух авторов — Ли Бая и Ду Фу, которые являются наиболее любимыми у своего народа. Их иногда даже называют сокращенно — «Ли и Фу». Интересна их жизнь. Она красноречиво свидетельствует о том, что пути... поэтические неисповедимы. Ду Фу (712—770), например, не имел жизненных благ. В последние годы он жил в джонке, умер в бедности глухим и частично парализованным. А вот Ли Бай (701—762) был магнатом, ученым-академиком. По-своему интересны биографии и других поэтов. Кстати, в Китае уже по достоинству оценили это издание. Вот слова старейшего переводчика этой страны Гао Мана: «[...] Поздравляю белорусских друзей, которые выпустили сборник ста поэтов Китая. Это великое дело. Спасибо Н. Метлицкому за его тонкое чутье и творческий труд по сближению наших народов!»

Алесь Пісьмянкоў. Не знікай... *Выбранае. Укладанне Алены Пісьмянковай. Мн.: 2012.*

Творческая судьба Алеся Письменкова, безусловно, была счастливой. В чем-то предопределило ее то, что в большую литературу поэт входил с благословения самого Алексея Пысина. В небольшом слове-напутствии

«У школе матчынай мовы» к подборке стихотворений А. Письменкова, тогдашнего студента Белорусского государственонго университета, на страницах еженедельника «Літаратура і мастацтва» Алексей Васильевич отмечал: «На касцюковіцкім семінары (начинающих литераторов. — Г. Я.) асабліва прыемным было знаёмства з семнаццацігадовым Алесем Пісьмянковым. Нядаўні дзесяцікласнік, ён працаваў карэктарам у раённай газеце, а жыў у сваёй вёсцы Бялынкавічы, якая паблізу. Танклявы, светлавалосы, знешне ён нагадваў гарадскога падлетка, але занадта ціхі і сарамлівы. Можа, разумеючы гэта, у сваіх вершах хацеў быць крыху «байчэйшым», надаваў свайму лірычнаму герою больш сталасці і мужнасці. А лепшыя яго вершы па-юнацку шчырыя і непасрэдныя, у іх шмат пачуцця і такой добрай наіўнасці, якая асабліва кранае». Искренность, непосредственность, а временами та же «добрая наіўнасць» характеризовали и стихи, опубликованные А. Письменковым в «Дні паэзіі». Рукописи его сборников в издательстве «Мастацкая літаратура» долго не залеживались, вскоре становились книгами. Следом за первой — «Белы Камень» (1983) — появились последующие. Правда, в отличие от многих других поэтов, печатался он не так и много. Но все, за редким исключением, что выходило из-под его пера, было самой высокой художественной пробы. В чем убедила и книга «Я не памру, пакуль люблю» (2000) из серии «Беларуская паэзія XX стагоддзя». Эту же мысль подтверждает и томик избранного «Не знікай», в котором помещены стихотворения А. Письменкова и его размышления «Думаць вершы...» Можно отметить удачное художественное решение обложки книги (художник Янина Ващенко): глубокие следы на снегу, ведущие вперед, исчезают на горизонте. Там исчезают, где присутствует сама вечность. Что ж, поэзии А. Письменкова также уготована вечность. В этом лишний раз убедится каждый, кто познакомится с книгой «Не знікай...».

С думой о Родине. Сборник произведений писателей Беларуси и России. *Составитель Алесь Бадак. Мн: 2013.*

Книжная серия «Созвучие сердец» (автор идеи Лилия Ананич), выпуск которой осуществляет «Издательский дом «Звязда», ставит своей целью познакомить читателя с лучшими произведениями писателей из стран, входящих в Содружество Независимых Государств. Не удивительно, что эту библиотечку открывает белорусско-российский выпуск. Связи между нашими народами — белорусским и русским — как известно, давние и крепкие. Произведения Валентина Распутина, Владимира Кострова, Юрия Бондарева, Константина Ваншенкина, Владимира Крупина, Николая Добронравого, Виктора Лихоносова, Глеба Горбовского, Евгения Шишкина, Станислава Куняева представлены в разделе «На виду у судьбы и страны». В разделе же «Музыка слова, дыханье строки...» в переводе на русский язык помещены произведения Алеся Савицкого, Валентина Лукши, Виктора Гордея, Раисы Боровиковой, Виктора Супрунчука, Геннадия Пашкова, Валерия Гапеева, Миколы Метлицкого, Андрея Федаренко, Олега Салтука, Виктора Шнипа, Николая Чергинца. В предисловии «Художественное слово, национальные литературы — мост содружества и единства» Алесь Карлюкевич отмечает: «Следом за этим сборником появятся коллективные портреты азербайджанской, армянской, молдавской, туркменской, узбекской, таджикской, киргизской, украинской, казахской литератур. Идея этого проекта родилась в год, когда Беларусь председательствует в Содружестве Независимых Государств. Традиции книгопечатания, созидательной роли художественного слова на родине Янки Купалы и Якуба Коласа — широкая река, своей свежестью и красотой объединяющая разные художественные миры... Надеемся, что книги не только заметят во всех странах СНГ, но они получат постоянную прописку в библиотеках стран Содружества».

Имена

«Баюся жыцці без ідэалу...»

Зоська Верас. 1970-е годы.

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси) является хранительницей большого массива научной литературы, выполняет функции республиканского депозитария и отраслевого центра межбиблиотечного абонемента по естественным и точным наукам, по сельскому и лесному хозяйству. Библиотека успешно решает одну из главных своих задач — своевременного предоставления научному сообществу наиболее востребованных, ценных, актуальных информационных ресурсов.

Наряду с современными документами в фондах библиотеки представлены ценные издания XV—XX вв., в том числе инкунабулы, коллекция книг из знаменитой библиотеки Радзивиллов, частные собрания известных ученых и писателей, кириллические книги и другие редкие книжные документы, периодика.

Кроме того, ЦНБ НАН Беларуси располагает богатым рукописным фондом. Здесь, наряду с личными архивами известных ученых, писателей, общественных и культурных деятелей, внесших неоспоримый вклад в развитие отечественной и мировой науки и культуры (свыше 60 фондов личного происхождения), хранятся уникальные документы, составляющие «Коллекцию материалов по истории, науке, культуре», хронологические рамки которой охватывают период 1506—1983 годов.

В состав «Коллекции...» среди прочих входит раздел под названием «Мелкие личные фонды» (содержит 16 личных фондов). Он сформирован из материалов, некогда хранившихся в личных архивах общественно-политических, религиозных, культурных деятелей, историков, краеведов Беларуси, России, Латвии. В разное время эти документы были приобретены ЦНБ НАН Беларуси у самих владельцев, их родственников, получены в дар.

Данные фонды, несмотря на их сравнительно небольшое наполнение, содержат ценный, а порой и уникальный фактический материал и, бесспорно, являются важным документальным источником в деле исследования истории и культуры Беларуси.

Среди этой группы материалов хранятся и документы из личного архива белорусской писательницы, общественного и культурного деятеля Зоськи Верас (1892—1991).

Зоська Верас (Людвика Антоновна Сивицкая, по мужу Войтик) прожила долгую, насыщенную разнообразными событиями жизнь.

Родившись в конце XIX столетия, она стала свидетельницей грандиозных процессов и изменений, происходивших в современном ей мировом сообществе.

Для формирования яркой, гармонично развитой личности, кроме прирожденного таланта, необходимы еще и дополнительные источники и средства, которые способствовали бы развитию и усилению природных качеств.

Зоське Верас в этом отношении повезло. Она родилась в интеллигентной семье. Родители были выходцами с Гродненщины. Они придерживались славных традиций своих предков, имели прогрессивные для своего времени взгляды на жизнь. Отец служил офицером в царской армии, имел широкий кругозор, увлекался поэзией. Среди любимых его поэтов были А. Мицкевич, В. Сырокомля. Мать получила образование в Кракове, владела несколькими иностранными языками. Увлечение классической литературой, музыкой, обогащало их духовный мир, двери в который были всегда распахнуты для дочери Людвики. Кроме того, в семье царила атмосфера уважения и взаимопонимания, что также оказывало позитивное влияние на развитие девочки.

Знакомство с основами наук, миром литературы и искусства, проходило под сенью родительского дома в местечке Меджибож в Украине, где нес службу отец. Он преподавал дочери основы математики, мать обучала всему остальному. Людвика рано приобщилась к литературе и искусству. Как впоследствии вспоминала Зоська Верас, уже в 9—10 лет у нее появилось желание сочинить что-либо самой, и, как результат — первые пробы пера в виде наивных детских стишков и рассказов.

Для продолжения образования Людвики Сивицкой в 1904 году родители избрали одно из лучших в Киеве учебных заведений — частное Женское коммерческое училище Л. Н. и Н. Н. Володкевичей, прогрессивное по тем временам образовательное учреждение, в котором удачно совмещалось изучение точных и гуманитарных наук и весь учебный процесс был подчинен интересам детей, воспитанию личности. Для этого в распоряжении учащихся была богатая библиотека, разнообразные кружки по интересам, свой литературный журнал, для которого писала и Людвика. Но, к сожалению, окончить училище не пришлось: печальное событие, связанное со смертью в 1907 году отца Людвики, вынудило мать с дочерью вернуться в родные места на Гродненщину.

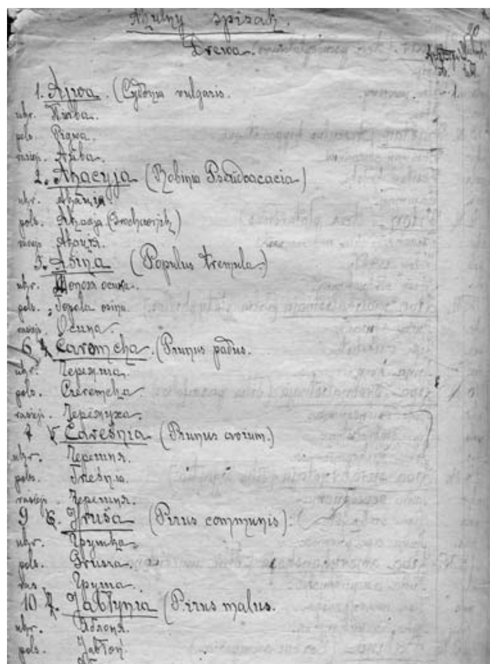
Дальнейшая учеба была связана с Гродненской частной женской гимназией Е. Барковской (1909—1912). Учась в гимназии, Людвика Сивицкая примкнула к белорусскому движению за национальное возрождение, с которым была знакома заочно: через печатное белорусское слово в газетах «Наша ніва», «Наша доля», книгах Ф. Богушевича «Дудка беларуская», «Смык беларускі», а тут появилась возможность проявить себя на практике, реализовать свои замыслы, мечты, которые поселились в ее душе.

Практические действия Людвики Сивицкой вместе с друзьями-единомышленниками вылились в создание в 1909 году Гродненского кружка белорусской молодежи (1909—1914), целью и задачами которого являлось изучение истории, культуры и быта родного края, распространение национально-возрожденческих идей среди белорусского населения. Л. Сивицкая по всем вопросам занимала активную позицию: заведовала библиотекой, налаживала контакты с редакциями белорусских газет, издательским объединением «Загляне сонца і ў наша ваконца», отдельными деятелями белорусского национального движения, занималась широкой пропагандистской и просветительской деятельностью.

В 1911 году на страницах газеты «Наша ніва» появилась первая литературная публикация Людвики Сивиц-

кой — стихотворение «Песня сіраты», подписанное псевдонимом «Мірко».

Как натура чувственная, тонко организованная, Людвика Сивицкая ощущала себя в неразрывном единстве со своим народом, неповторимой природой родного края. После окончания гимназиии осенью 1913 года она уезжает в Варшаву, где в течение 10 месяцев занимается на курсах по огородничеству, садоводству и пчеловодству. Любовь и интерес к природе проявились у девушки еще в детстве. Гостя́ у своего деда в поместье Ольховники на Гродненщине (теперь Подляское воеводство, Республика Польша), она с интересом наблюдала за необычной жизнью ее природного окружения, собирала цветы, душистые травы, следила за неутомимой работой пчел, старательно собиравших чудодейственный нектар (дед Людвики владел большой пасекой). Это детское увлечение природой нашло продолжение и во время учебы в киевском Женском коммерческом училище, где Людвика Сивицкая с удовольствием посещала биологический кружок и организованные в его рамках ботанические экскурсии. Так что ко времени обучения на курсах

Фрагмент рукописи «Медоносные растения».

в Варшаве у нее уже имелся определенный природоведческий фундамент.

В этот период и даже несколько раньше Людвика начала работу по составлению травника, где названия растений она записывала на белорусском, латинском, русском и польском языках. Позже на его основе был издан подготовленный ей «Беларуска-польска-расейскі батанічны слоўнік» (Вільня, 1924), который получил положительные отзывы.

Пребывание в Варшаве сыграло позитивную роль, как в плане образовательном, так и в коммуникативном. Курсы давали глубокие знания по специальным дисциплинам, в том числе и по пчеловодству (им Людвика Сивицкая впоследствии займется довольно основательно). Знакомство, а потом и дружба с талантливым белорусским поэтом Гальяшем Левчиком, а через него и с местными белорусами, встреча с известным польским фольклористом, этнографом, археологом Михалом Федеровским сделали ее жизнь более разнообразной и насыщенной.

По окончании курсов — перед самым началом Первой мировой войны — Л. Сивицкая поехала в Ольховники, но там пробыла недолго: приближение фронта вынудило ее оставить дорогие сердцу места и вместе с матерью перебраться в Минск.

Минский период растянулся на три года (1915—1918), оставив заметный след в жизни Людвики Сивицкой. Новые знакомства с интересными людьми были особенно полезны для ее духовного роста и во многом определили ее дальнейшую судьбу.

В то время в Минске жили и работали такие яркие личности, деятели белорусского национальнаго движения как А. Смолич (1891—1938), А. Власов (1874—1941), Ядвигин Ш. (1869—1922), С. Рак-Михайловский (1885—1938), В. Голубок (1882—1937), Ф. Шантыр (1887—1920) и другие. Они наряду со своей профессиональной деятельностью вели большую и разностороннюю общественную работу, к которой сразу же и примкнула Людвика. Она с рвением бралась за любое пору-

чение, ко всякого рода заданиям относилась добросовестно и ответственно. Иногда и сама проявляла инициативу при решении отдельных организаторских вопросов. Достаточно вспомнить ее разностороннюю деятельность в Комитете общества помощи жертвам войны или работу в качестве секретаря в Белорусском национальном комитете, Центральном объединении белорусских организаций, в Белорусской социалистической громаде. И везде она была востребована. К ней, одержимой благородной идеей всепомощи, тянулись люди из самых разных слоев населения, видя в этой миниатюрной, хрупкой девушке друга с большим, горячим сердцем, способным отдать каждому нуждающемуся частичку своего душевного тепла, найти нужные слова утешения.

Не случайно, что такой талантливый, интеллигентный человек и тонкий поэт, как Максим Богданович во время своего непродолжительного пребывания в Минске в 1916 году сразу же обратил внимание на Людвику Сивицкую. Он увидел в ней родственную душу, искреннего и порядочного человека. Время, проведенное с поэтом, совместная общественная работа, нашли свое отражение в воспоминаниях Зоськи Верас под названием «Пяць месяцаў у Мінску: З жыцця Максіма Багдановіча» (1975).

Именно в Минске возник литературный псевдоним Людвики Сивицкой «Зоська Верас»: Зоська — ее второе имя, Верас — по названию любимого растения «вереск» (белорусский вариант — верас). Вернувшись в Ольховники, Людвика продолжала литературную деятельнось: писала стихи, рассказы. Кроме того, работала над ботаническим словарем и параллельно с ним готовила и энциклопедический справочник «Медадайныя расліны». Однако идеи национального возрождения Беларусі, захватившие ее еще в юности, не оставляли девушку. Она ощущала потребность в действии, хотела на практике реализовать свой накопленный потенциал, немалый опыт.

В конце 1923 года Зоська Верас переезжает в Вильно, чтобы навсегда поселиться в этом древнем городе над Вилией, своеобразном духовном центре общественной и культурной жизни. Со временем он займет свою нишу в ее сердце, но так до конца и не заменит родной Гродненщины.

В Вильно молодая патриотка сразу же вливается в белорусское демократическое движение. Зная ее организаторские способности, умение общаться с людьми, литературный дар, Зоську Верас назначают администратором белорусской радикальной прессы. Инициативный, ответственный человек, она старательно исполняет свои служебные обязанности, а в свободное от работы время почти целиком отдается разносторонней деятельности на благо общества: поддерживает тесные контакты с политзаключенными, играет роль своеобразной связной между ними и их близкими, передает осужденным продовольственные посылки, книги, бумагу. На свои собственные средства издает небольшой сборник стихов отбывающего заключение западно-белорусского поэта Михася Машары. Кроме того, она находит время для посещения культурных мероприятий, часто выступает на литературных вечерах, печатается в западно-белорусской периодике и вынашивает новые интересные идеи.

Так, совместно с журналистом, писателем и художником, ответственным редактором журнала «Маланка» Я. Морозовичем, литератором, художником, этнографом В. Павлюковским и владельцем книжного магазина С. Станкевичем издает по инициативе и на средства последнего первый белорусский отрывной календарь на 1926 год. К сожалению, весь тираж его был конфискован из-за стихотворения, не прошедшего цензуру. Однако благодаря стараниям одного из друзей Виленского кружка белорусской молодежи А. Зенюка, юриста по образованию, тираж был возвращен, с условием изъятия странички с запрещенным стихотворением и заменой ее на новую. Из-за этого

календарь вышел с большим опозданием и тираж не удалось реализовать полностью. В дальнейшем, учитывая большую популярность такого издания среди белорусского населения, календарь ежегодно большими тиражами издавался Белорусским издательским товариществом вплоть до самой войны.

Но Зоське Верас хотелось большего. По ее словам, упрямая мысль-мечта о детском журнале не давала покоя. Отсутствие средств не испугало. Благодаря своему незаурядному организаторскому таланту и большому желанию порадовать белорусских детей печатным словом, Зоська Верас сумела раздобыть немного денег через Белорусский посольский клуб, и в 1927 году увидел свет первый номер детского журнала под названием «Заранка» (1927—1931). Журнал имел, прежде всего, воспитательную и образовательную направленность, но кроме того, Зоська Верас большое внимание уделяла и чистоте белорусского языка. «Заранка» пользовалась большим успехом у юных читателей, многие из которых начали активно с ним сотрудничать. К сожалению, журнал продержался недолго, да и то только благодаря энтузиазму Зоськи Верас и отдельных корреспондентов-единомышленников, а также пожертвованиям американских белорусов.

На протяжении двух лет Зоська Верас вела раздел для подростков в журнале «Шлях моладзі», регулярно писала для него рассказы разнообразной тематики.

В 1928 году было образовано Белорусское кооперативное общество «Пчела» (1928—1938), председателем которого избрали Зоську Верас — Людвику Антоновну Войтик. Вот когда пригодились знания, полученные на варшавских курсах и дедовы уроки в Ольховниках! Общество работало слажено и принесло большую пользу белорусским сельским жителям. Были налажены контакты по обмену опытом, организованы заочные курсы по сбору лекарственных растений, а с 1934 года стал выходить профессиональный журнал «Беларуская борць» (1934—1938), который возглавила Зоська Верас. На страницах этого издания печатались самые разнообразные материалы по пчеловодству, огородничеству, давались полезные советы, в том числе и для женщин. Автором многих статей была и сама редактор. Кроме того, она вела переписку с читателями, отвечала на их вопросы.

Как видим, период, связанный с Вильно, был для Зоськи Верас насыщенным и плодотворным. Она удачно проявила себя в самых разных качествах, многого добилась и смогла бы сделать еще больше, если б не неблагоприятное стечение обстоятельств в конце 1930-х — начале 1940-х годов. В этот период белорусское национально-патриотическое движение было фактически парализовано. Общественная жизнь замерла.

Уйдя от активной профессиональной и общественной деятельности, Зоська Верас сконцентрировалась на ведении домашнего хозяйства, повседневных домашних хлопотах. По ее словам, она находилась как бы в продолжительном летаргическом сне, от которого пробудилась только в начале 1960-х годов.

Постепенно то, что долгое время было спрятано где-то в глубине души, удерживалось ее феноменальной памятью, наконец, потребовало выхода. Начали появляться интересные воспоминания, наладились широкие контакты с белорусской общественностью, возобновились связи со старыми соратниками. К Зоське Верас, как и в молодости, потянулись самые разные категории людей: от ученых и литераторов до школьников, которые интересовались историей своего края, были неравнодушными к судьбе Беларуси. Людвика Антоновна — живая свидетельница белорусского национального Возрождения, была для них настоящим открытием, своеобразной энциклопедией западно-белорусской жизни.

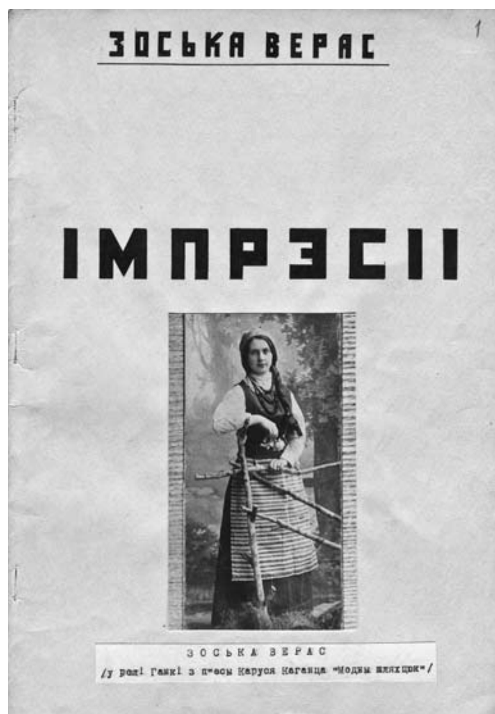
Наконец, были замечены и ее литературные заслуги: накануне своего 90-летия Зоська Верас была принята в Союз белорусских писателей.

В конце 1968 года с Людвикой Антоновной познакомилась Лидия Ивановна Збралевич, на то время заведующая отделом редких книг и рукописей библиотеки Академии наук БССР. Она заботилась о фондах отдела, старательно пополняла их материалами по истории и культуре Беларуси с тем, чтобы сохранить их для потомков. Между Зоськой Верас и Л. И. Збралевич установились доверительные отношения, завязалась переписка. В результате этого знакомства в фонд отдела попали некоторые материалы из личного архива Людвики Антоновны Войтик. Их не много — всего 25 единиц хранения. Но даже такое небольшое количество, безусловно, представляет научную и культурную ценность и вызывает заметный интерес у исследователей.

Среди них — документы творческого характера. Прежде всего, рукопись основательного ботанического труда «Медадайныя расліны», а также машинописные экземпляры сборников стихов и рассказов «Каласкі», изданного в 1985 году, и «Імпрэсіі», воспоминания, печатавшиеся в свое время в периодике, полемические заметки, замечания. Познавательным является рукописный сборник биографий белорусских общественно-политических и культурных деятелей. Определенный интерес вызывают и другие материалы, подаренные отделу редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси Зоськой Верас, например, автограф отрывка из фантастической драмы З. Бедули «Плач в горах», программы различных белорусских организаций Западной Беларуси, фотографии. На многих документах имеются дарственные надписи.

Остановимся более подробно на некоторых из них.

Так, рукопись ботанического справочника «Медадайныя расліны» имеет свою историю. Из небольшой заметки-вступления узнаем, что работа над ним была начата в 1921 году. Параллельно с белорусским вариантом книги планировался и украинский, над которым работал украинский студент-агроном М. Боровский (в 1931 году издал свою часть, снабдив ее иллюстрациями).

Зоська Верас.
Машинописный сборник.

В книгу вошли некоторые материалы из ботанического словаря, который к тому времени был почти подготовлен. Работа над «Медадайнымі раслінамі» продолжалась и по приезду Зоськи Верас в Вильно и, приблизительно, к 1925 году была завершена. Об этом свидетельствует небольшая заметка в месячнике белорусских студентов в Вильно «Студэнцкая думка», где была дана высокая оценка этой работе, выражалась надежда на скорое ее издание. Некоторые разделы справочника печатались в журнале «Беларуская борць», но, к сожалению, в полном объеме этот важный и полезный труд так и не был издан.

В 1981 году рукопись этой книги получил от Зоськи Верас известный белорусский литератор, профессор Ф. Янковский. Через два года он, видимо, с согласия автора, передал ее на хранение в отдел редких книг и рукописей академической библиотеки.

Рукопись солидного возраста всегда вызывает как интерес, так и определенный трепет. Это в полной мере относится и к рассматриваемому доку-

менту, который пролежал в рукописном виде свыше 90 лет, и до настоящего времени не только не утратил своей актуальности, но и является по-своему уникальным ботаническим трудом, заслуживает быть напечатанным в полном объеме.

Работа содержит 47 листов (94 страницы) большого формата, написана на белорусском языке латиницей, аккуратным, своеобразным, убористым почерком. Страницы пожелтевшей от времени бумаги хранят интересную, познавательную информацию о медоносных растениях, которые поделены автором на несколько видов: деревья, кусты, травы. Каждое растение снабжено подробной характеристикой: внешний вид, происхождение, способ размножения, полезные свойства и др.

Названия приводятся на белорусском языке, в скобках указано их латинское соответствие.

Справочник имеет большой вспомогательный аппарат, включающий «Общий список», где в алфавитном порядке на белорусском, латинском, украинском, польском и русском языках помещены названия всех растений, вошедших в соответствующие разделы; Алфавитный указатель («Alfabetny sprawachnik») также на пяти языках. Кроме того, приводится список медоносных растений, разделенных на группы по способу их использования: фруктово-медоносные, промышленно-медоносные, декоративно-медоносные и др. Всего в работу включено свыше 200 названий медоносных растений.

Другой документ из личного архива Зоськи Верас, также представляющий определенный интерес, — машинописный сборник «Биографии». Он переплетен в книгу среднего формата с твердой обложкой, обтянутой тканью желтого цвета с изображением белорусского орнамента. На книжке — дарственная надпись автора отделу редких книг и рукописей, датированная 22.04.1984 г.

Сборник посвящен участникам белорусского национального Возрождения, соратникам Зоськи Верас. В небольших по объему статьях сконцентрированы ценные биографические сведения, взятые автором из различных источников, а также собственные мысли и воспоминания относительно той или иной личности. Всего в книжку включена 21 биография. Почти каждая из персоналий имеет библиографические приложения, в которых указаны не только печатные работы, но и доклады, выступления. Биографии снабжены фотографическими портретами их носителей.

Сборник «Биографии» — своеобразная дань памяти и уважения самоотверженным борцам за национальное Возрождение Беларуси. Безусловно, он имеет познавательное значение, является фактографическим подспорьем для исследователей и всех тех, кто интересуется историей Беларуси.

Литературный сборник «Импрессии», объемом 23 машинописных страницы, включает 15 прозаических произведений и одно стихотворение. Листы сброшюрованы и «одеты» в самодельную белую обложку, на которой черной тушью выведено имя автора «Зоська Верас» и название сборника. Также на обложке разместилась фотография писательницы в сценическом белорусском национальном костюме. На титульном листе дарственная надпись: Лидии Ивановне Збралевич.

Сборник открывается стихотворением 1915 года «Я не боюсь...», которое является своеобразным выразителем жизненного кредо Зоськи Верас:

«Я не баюся жыццёвай буры...
....
Але ж баюся утраты веры,
Траты энэргіі баюся без меры,
Баюся жыці без ідэалу,
Бо ў чорнай пустцы сэрца б сканала...
Больш чым цялеснай баюся смерці —
Душой умерці...».

Прозаическая часть сборника представлена миниатюрами философского содержания, литературными зарисовками. Некоторые из них датированы 1915, 1916 годами.

В качестве справочного аппарата приведено содержание и список произ-

ведений, вошедших в сборник с указанием времени и места написания или публикации.

Основная часть составляющих книгу произведений в свое время была напечатана в различных белорусских периодических изданиях и в «Хрестоматии новой белорусской литературы» И. Дворчанина.

Кроме интересных и познавательных материалов из личного архива Зоськи Верас, хранящихся отдельным массивом в составе фонда 23 «Коллекция...», в рукописном фонде отдела редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси, в частности, в архивах личного происхождения известных деятелей культуры можно найти немало документов из эпистолярного наследия писательницы. Как известно, она вела широкую переписку. В своих содержательных и интересных письмах Зоська Верас охотно делилась ценными фактами, касавшимися белорусского национального движения, выражала свое отношение к различным событиям общественной и культурной жизни, давала дельные советы, поддерживала, подбадривала добрым, теплым словом.

В целом, творческое и эпистолярное наследие Людвики Антоновны Войтик — Зоськи Верас, хранящееся в ЦНБ НАН Беларуси, хоть и не велико по объему, но является предметом постоянного внимания со стороны исследователей, так как содержит в себе своеобразную, во многом уникальную летопись событий, связанных с историей белорусского народа. Через неторопливые, ровные строчки ее повествований выразительно проступает образ талантливого, искреннего, непоколебимого в своих убеждениях человека, каким была и останется в нашей памяти Зоська Верас, до конца своих дней хранившая веру в высокие и светлые идеалы.

Марина ЛИС

Жизнь в искусстве

Браво! Броварская!

Она была актрисою. Народной артисткой Беларуси. Но я в душе всегда сожалела, что она выбрала сцену. Такой государственный ум. Такая масштабность мышления. Такое умение вести людей за собой. Достаточно сказать, что в родном Купаловском театре Зинаиду Ивановну Броварскую 14 раз подряд избирали парторгом. Это было в те времена, когда такая выборная должность была почти равна директорской. Это в коллективе, где каждый второй считает себя непризнанным гением... Ей бы в премьер-министры или просто в министры, на худой конец, стать послом. Но она выбрала сцену. И сделала это в раннем возрасте, в пять лет, потому что мама играла на рояле и пела в самодеятельности. Это так зачаровало Зиночку, что она надевала мамину длинную юбку и самозабвенно танцевала, сначала дома, а потом на железнодорожной платформе перед проходящими поездами, потому что жили они на станции Одесса-Дачная, где ее отец служил начальником. Она танцевала ежедневно, по несколько часов, перед каждым проходящим поездом, и вскоре их станцию стали называть «Та, на которой танцует маленькая девочка». Ее хвалили, ей аплодировали, иногда бросали конфеты. Но даже в столь нежном возрасте Зиночка поняла: чтобы иметь успех, надо очень много трудиться.

В девятом классе она сказала отцу, что хочет быть артисткой. «Ни-за-что!» — отрезал он. — Все актеры — голодранцы!» А ее мама, добрая, все понимающая мамочка, специально устроилась работать на железную дорогу. И по ее бесплатному билету Зина поехала в Москву поступать в ГИТИС.

Мама сшила ей голубое ситцевое платьице с белым воротничком и юбочкой клеш. А еще мама дала ей теплое одеяло (если не поступит, продаст и купит себе обратный билет). А она чувствовала себя такой красивой в этом платьице, что когда ее вызвали на вступительном экзамене, выскочила на сцену как пружинка и сразу же закружилась, чтобы все увидели, как ее юбочка колокольчиком вьется вокруг нее. На все вопросы комиссии Зиночка отвечала «Умею!» Танцевать — умею, петь — умею, играть на пианино — умею! Она, конечно же, мало что умела, но ее сумасшедшая жажда сцены, ее бешенная энергия покорили комиссию. Ее приняли. И она послала домой телеграм-

му: «Мамочка! Ура! Одеяло продавать не надо!»

Зине Броварской очень повезло с педагогами. Курс набирал Михаил Тарханов. Преподавали на нем Николай Плотников и Елизавета Телешева — жена Сергея Эйзенштейна. Это была блестящая школа. Зиночка училась самозабвенно, впитывала все, что давали институт и Москва. Окончила институт с красным дипломом и приехала в Белоруссию, потому что ее муж Оскар Гантман (а она вышла замуж на третьем курсе) получил назначение в Минский театр оперы и балета на должность директора.

Мы познакомились с Зинаидой Ивановной в 1963 году. Я приехала из Москвы после окончания университета работать на телевидении и едва успела сделать пару передач, написать несколько статей, выступить на обсуждении двух-трех спектаклей, как попала в больницу, где мне сделали очень сложную операцию. Я только стала подниматься с постели, как мне передали, что ко мне пришли. В хирургию не пускали. Я выглянула из окна — внизу стояли Мария Захаревич и Зинаида Ивановна Броварская. А ведь мы были едва знакомы. Так мы подружились и дружили до ее последних дней, более 40 лет.

Я не уставала учиться у нее, я восхищалась ее трудоспособностью, ее жизнелюбием, ее оптимизмом и умением противостоять жестокости судьбы. Она хотела всюду успеть, не пропустить ничего интересного. Она успевала за день столько, сколько иной человек не сделал бы и за две недели. Она работала в театре, снималась в кино и на телевидении, вела курс в институте. Не пропускала ни одной премьеры в других столичных театрах, ни одного интересного вернисажа или новой программы в филармонии.

А еще мы написали с ней не один телевизионный сценарий. Работали обычно дома у Зинаиды Ивановны, в гостиной. Я не знала белорусского языка, но знала, о чем хочу сказать в сценарии. Вышагивала по комнате и диктовала. Броварская блестяще владела языком и знала театр изнутри, добавляла то, что считала нужным, мы советовались, и она писала по-белорусски. У нее, безусловно, был литературный дар. Знаете ли вы, что знаменитую инсценировку «Людей на болоте», которая не одно десятилетие шла у купаловцев, сделала для родного театра вместе с Тамарой Абакумовской Зинаида Броварская? И для радио она написала более 40 инсценировок и многие из них поставила как режиссер.

У каждого времени свои каноны красоты. Зинаида Ивановна была эталоном красавицы 40—50-х годов. Большие глаза в дремучих от туши ресницах. Губки бантиком. Взбитые надо лбом, крашенные в белый цвет кудряшки. Шло время, менялись партнеры ее героинь, любимые, суженые, мужья — от пожилого Платонова до совсем еще молодого Тарасова, — а она все в героинях... Да только в героинях ли? Кто назовет «героиней» ее прощелыгу, секретаршу Зиночку Зелкину из «Кто смеется последним» Кондрата Крапивы или корыстную Юленьку из «Доходного места» Александра Островского, ее Клею, жену дряхлого философа Ксанфа, всеми правдами и неправдами жаждущую совратить умного и талантливого раба баснописца Эзопа, расчетливую Агнию Шабину из «Традиционного сбора» Виктора Розова, доктора филологии, променявшую любовь на выстроенный карьерный рост и успешную жизнь с нелюбимым, но выгодным мужем, или красотку Нихаль из хикметовского «Чудака», бросившую совестливого, талантливого и честного адвоката Ахмеда-резу и готовую вернуться к нему, когда его чековая книжка украсилась суммой со множеством нолей? Кто назовет их героинями — этих умных, подловатых, расчетливых женщин? Броварская и делала их умно и расчетливо, но называла свои создания «незаурядными женщинами с несложившимися судьбами». И не считала их отрицательными героинями. Она и Марию Александровну Москалеву из «Дядюшкиного сна» видела не просто провинциальной интриганкой, но человеком талантливым, неординарным, погибающим в мордасовском болоте, жаждущей любой ценой вырваться

из него, даже продав дочь-красавицу старому маразматику князю. Только можно ли платить любую цену? Можно ли погубить любовь, растоптать веру в добро и справедливость, все, что и делает человека человеком?

Великий актер нашего времени Богдан Ступка сказал мне однажды: «Творчество — это подсознание. А логика — уже не искусство». А Зинаида Ивановна буквально просчитывала своих героинь. Готовясь сыграть Божешуткову, главного конструктора и парторга фабрики игрушек из «Амнистии» Николая Матуковского, она исписала две толстых общих тетради. Ее героиня ради репутации родной фабрики могла учинить фарс под названием «товарищеский суд» и дебошира и пьянчугу Соловейчика объявить почти ангелом, а если надо, то и станцевать перед ним. Сколько мы смеялись во время спектакля над Божешутковой! Но вот в финале она снимет свои моднющие очки, а за ними такие беззащитные глаза... И скажет, что детей у нее нет, муж ее бросил, фабрика — это все, что у нее есть, она же хотела как лучше. И у нас защемит сердце. Очень много от себя подарила актриса своей Божешутковой...

Задолго до моего приезда в Минск Зинаида Ивановна пережила страшную трагедию. На ее глазах на мчавшегося к ней на велосипеде 12-летнего единственного сына наехал КамАЗ. В тот вечер у Зинаиды Ивановны был спектакль. И она его сыграла. Многие в театре осуждали ее. Осуждали и десятилетия спустя... Я не спрашивала. Но она однажды сказала: «Если бы я в тот вечер не играла, то сошла бы с ума». Она спасалась работой. Она обожала работу. Работа стала смыслом ее жизни...

Ее рациональному методу была близка рассудочная драматургия Брехта. Она сделала свою вдову Бэкбик в спектакле «Что тот солдат, что этот» вульгарной, грубоватой, дерзкой. В короткой юбке из солдатского сукна, быстрая, ловкая, она привыкла нападать и кусаться, потому что иначе в том мире было не выжить. Актрисе удалось соединить присущую купаловцам достоверность с брехтовской отстраненностью, и ей режиссер Валерий Раевский предложил исполнить в спектакле большинство зонгов.

«Лиса и виноград».

Зинаида Ивановна была очень гордым человеком и сама шутя говорила, что ее гордость родилась раньше нее самой. Она никогда не теряла выдержки и чувства юмора. Когда в уже очень почтенном возрасте от нее ушел муж, уехал в Москву к другой женщине, она сказала мне с горькой усмешкой: «Мая, что он не Мастрояни, это видно сразу, а что он не Рокфеллер, она поймет очень скоро и выгонит его». Так и случилось. Оскар Гантман вернулся в Минск, попытался снова жениться... Но с кем он мог быть счастливым, после стольких лет, прожитых с Броварской. И он вскоре умер, а хоронила его, забыв про все плохое, конечно же, Зинаида Ивановна.

Я ценила мастерски, профессионально выстроенные роли Броварской. Но одна роль, по-моему, лучшая в ее жизни, вылилась, как широкий раскованный вздох, как прекрасная песня. Такой стала Эржи Орбан из спектакля «Игра с кошкой» по пьесе венгерского драматурга Иштвана Эркеня. Смешная старушка в одном спущенном чулке, в нелепой шляпке с цветами, в ядовито апельсиновом купальном халате. Что-то такое щемяще трогательное было в этой женщине. Она так легко касалась самых потаенных струн нашей души. Она давала понять, что нельзя жить без любви, без умения прощать, и что жизнь — это абсолютное чудо. Та самая магия. Смех сквозь слезы. Все, что происходило с нею, становилось твоим, было откровением, действовало как музыка. Я начала реветь уже в первом действии. В антракте помчалась за кулисы, обнимала Зинаиду Ивановну, бормотала что-то восторженно-невразумительное, глотала слезы...

«Кто смеется последним».

Немного спустя мы говорили с нею об Эржи. Как досталась ей эта роль?

— Я про нее даже и не мечтала, — рассказывала Зинаида Ивановна. — Но режиссер Борис Владимирович Эрин после читки пьесы попросил меня остаться и сказал: «Зинаида Ивановна, у вас с нею нет ничего общего. Вы собранная и дисциплинированная, она расхристанная и анархичная. Вы человек долга, она необязательна. Вы красивая, она смешная, и вы будете ее играть. Но, пожалуйста, идите и умойтесь. Снимите весь макияж. Он меня дезориентирует».

— Но как же сделали вы эту так не похожую на вас Эржи?!

— Очень боялась. Она — как живое воплощение поэзии. Чуть-чуть что-то не так, и тогда прощай актер, здравствуй ремесленник. Но сколько я играю ее, столько она учит меня жить.

В этой роли соединились, на мой взгляд, личность актрисы, школа и озарение.

Зинаида Ивановна хотела играть до последнего часа. Когда в репертуаре театра ей ничего не предлагали, она сама отыскивала пьесы, и начинающий режиссер Геннадий Давыдько поставил для нее два дуэтных спектакля: «Игру в джин» Дональда Кобурна, где она была Понсией, и «Смех лангусты» Джона Маррелла, где она сыграла Сару Бернар. Ее партнером в оба спектакля был приглашен из ТЮЗа народный артист Беларуси Виктор Лебедев.

Сару Бернар сыграла Броварская и в день своего 80-летия. На юбилее было много цветов, поздравлений, приветствий. Зинаида Ивановна станцевала вальс с одним из молодых поклонников, много шутила, смеялась. И совершенной правдой, без преувеличения, прозвучали слова поэта Владимира Скоринкина:

Браварская ад слова «брава!»
І я крычу ей «брава», «біс»
І зычу шчасця самай бравай
І самай маладой з актрыс!

Мы, конечно, снимали торжество, и я весь вечер любовалась своей «родственницей». А породнились мы

с Зинаидой Ивановной при весьма комических обстоятельствах. Это было еще в 70-х годах. В то время знаменитых зарубежных фильмов в СССР не закупали, но их пиратские черно-белые копии показывали профессионалам: актерам, киношникам, журналистам на так называемых «закрытых просмотрах» в Доме актера.

И вот тогда наступал звездный час для чиновников. Они, как боги, решали, кого пустить на просмотр, а кого — нет. Показывали «Blow up» («Крупный план») Антониони. Не знаю, что такого вредоносного было в истории о том, как фоторепортер нечаянно заснял в парке момент убийства, только меня как телевизионщика пустили, а моего мужа, тоже журналиста, но газетчика — нет. И тогда Зинаида Ивановна, громко крича на весь зал «Это мой брат! Родной брат, как же его не пустить?!», буквально протащила его через контроль. Так Альберт стал братом актрисы, и она шутя всегда его так называла.

Зинаида Ивановна часто приглашала меня на спектакли своих студентов. Ее курс окончили Зоя Белохвостик, Ирина Норбекова, Оксана Лесная, Тамара Пузиновская, ставшие известными актрисами в стране. Ее студентом был и Виталий Редько, когда он работал в Купаловском театре, то был лучшим из молодых. Стало быть, Броварская умела и разглядеть талант, и отшлифовать его.

В начале 2005 года мне заказали интервью с актрисой для журнала «Мастацтва». Мы проговорили часа три. Я уходила, а она стояла на пороге своей квартиры такая одинокая, такая беззащитная, почти потерявшая зрение. В лифте у меня от плохого предчувствия сжалось сердце: только бы это было не последнее интервью с ней. Интервью оказалось последним. Зинаида Ивановна ушла в феврале 2005 года на 89-м году жизни.

Мая ГОРЕЦКАЯ

Фото предоставлены Национальным академическим театром имени Янки Купалы.

Литературное содружество

Агагельды Алланазаров и Беларусь

Года два с половиной назад собрались на заседание президиума Союза писателей Беларуси. Не успел зайти в мемориальную комнату Дома литераторов, где обычно и спорим, и в согласии беседы ведем, как машет рукой, зовет к себе Валентин Антонович Лукша. Долгие годы он возглавлял издательство «Юнацтва». К сожалению, не так давно ушел из жизни.

— Давно не видел тебя... Как там друзья-туркмены?.. Агагельды не пишет...

Туркменистан, туркменская литература... Нет в моем белорусском доме и дня, чтобы не заходил разговор о давно знакомых именах, о местах, где довелось побывать в 80-е... О людях, память о которых соединила меня с Туркменистаном навечно. И, конечно же, я часто думаю о туркменском прозаике, поэте, детском писателе Агагельды Алланазарове. Вспоминаю не только давние 80-е... Но и выставку «Золотая Книга» в 2009 году, когда мы снова встретились с Агагельды в Ашхабаде, и нашу весьма интенсивную переписку. А в 2010 году и вовсе удивительная история произошла. Стою я у памятника Николаю Калинковичу в Лунинце. В ноябре 2010 года Брестская писательская организация пригласила на праздник «Лунинская осень». Рядом со мной — писательница, краевед, журналистка Татьяна Конопацкая. Она много сделала для увековечивания памяти Николая на Брестчине, в Лунинце. А Коля в первой половине 1980-х жил в Ашхабаде. Издал в Туркменистане несколько книг. Дружил со многими писателями. И вдруг мой разговор с Татьяной прерывает звонок сотового телефона. Нажимаю кнопку и слышу голос Агагельды:

— Ты где сейчас? Не могу на работу дозвониться!

— Агагельды, что случилось?! Все ли в порядке?! Не поверишь, стою возле памятника Николаю Калинковичу!..

— Так это, наверное, неблизко от Минска, — продолжает разговор Агагельды. — Вот как, выходит, получилось, что звоню тебе и будто с Николаем повстречался...

А звонил мне тогда Агагельды, чтобы сказать, что выслал воспоминания о Николае, которого хорошо знал, много раз с ним встречался... Воспоминания Агагельды Алланазарова мы опубликовали в газете «Літаратура і мастацтва».

...С Агагельды я был знаком еще тогда, когда служил и работал в Ашхабаде. И хорошо помню, что в середине 1980-х гг., мой друг считался среди молодых писателей одним из самых талантливых. Именно тогда я прочитал его повесть «Семь зерен». И когда писал для журнала «Совет эдебияты» (сейчас — журнал «Каракумы») статью о современной туркменской литературе, посвященной армейской теме, среди других произведений рассматривал и эту повесть. Хотя и писал о творчестве нескольких писателей, «Семь зерен» выделил среди рецензируемых текстов особо. Статью опубликовали в журнале «Совет эдебияты», когда я уехал из Ашхабада... Нариман Джумаев, услышав мои устные положительные отзывы, заметил: «А на туркменском языке эта повесть звучит еще сильнее!..» Тогда я узнал, что повесть в свое время отметил и народный поэт Туркменистана Керим Курбаннепесов. Он опубликовал произведение в «Совет эдебияты», где был тогда глав-

ным редактором. Открыв Агагельды как писателя, работающего для детей, подростков, я долго не знал его стихов, адресованных взрослому читателю. Читал «Семь зерен», другие прозаические сборники, которые выходили в московских детских издательствах. Но потом открыл интересную поэтическую подборку в журнале «Ашхабад». И удивленно спросил у коллег: «А что же Агагельды так мало печатается как поэт-лирик?! Ведь у него свой оригинальный взгляд на мир, свое собственное видение окружающего мира. А это, как мне кажется, и есть отличительная черта настоящей поэзии — умение идти непроторенными дорогами...» И Александр Музюкин, и Александр Говберг, и Владимир Пу, и Николай Золотарев, и другие «ашхабадцы» со мной в оценках согласились. Будучи убежденным, что открываю интересного поэта, я написал для «Ташаузской правды» статью о поэзии Агагельды. Материал, отправленный в областную партийную газету, так и назвал — «Открытие Агагельды Алланазарова». И запомнились из того времени такие строки:

Жизнь-арба в четыре колеса,
идут дети — звонкие голоса,
Мы с женою — две рабочих клячи,
Что есть мочи, по дороге скачем...

...И вот после долгих лет расставаний я приехал в любимый город Ашхабат в 2009 году. Туркменские друзья пригласили большую белорусскую делегацию на книжную ярмарку-выставку «Золотой век — Золотая книга». Вместе со мной были известные организаторы книжного дела в Беларуси: заместитель министра информации Игорь Лаптенок (он — и переводчик французской литературы на белорусский и русский языки), поэт Алесь Бадак, детская писательница Елена Масло, директор Национальной Книжной палаты Беларуси Елена Иванова, заместитель директора издательства «Белорусская Энциклопедия имени Петруся Бровки» Маргарита Настенко, директор издательства «Кавалер», известный белорусский книжный график и художник-дизайнер Константин Хотяновский, директор Минской фабрики цветной печати Александр Аксененко, директор книготоргового и издательского предприятия «Макбел» Дмитрий Макаров... Не мог не рассказать своим коллегам, как изменился Ашхабат. Новый облик города поразил меня. Ашхабат похорошел и стал беломраморным, впечатляющим своей архитектурой, планировкой.

Здесь, в столице Туркменистана, я увидел много своих старых друзей, было много незабываемых встреч. И с Атамурадом Атабаевым, и с Тыркишем Джумагельдыевым, и с народным поэтом Туркменистана Каюмом Тангрыкулиевым — переводчиком стихотворений Ивана Муравейко, Эди Огнецвет на туркменский язык. Встретился и с Агагельды. Мы, конечно, вспоминали наших товарищей, говорили о современной литературе, о новинках в белорусской и туркменской национальных литературах. И договорились, что будем по мере сил и возможностей работать для укрепления дружбы между нашими народами. Будем служить развитию литературы, как бы патетически это ни звучало. Договорились почаще переписываться и обмениваться мнениями по самым разным вопросам. С той поры мы и поддерживаем переписку друг с другом. Агагельды часто присылает произведения своих соотечественников приблизительно с такими вот сопроводительными письмами, где и вежливость, и такт проявляет, и вместе с тем просит откровенно свою точку зрения высказать:

«Дорогой Алесь!

Присылаю тебе рассказ (или подборку стихов). Мне написанное понравилось. Прочитай, пожалуйста, может быть интересно и для белорусских читателей.

Если что-то написал о Керим-ага (Керим Курбаннепесов — народный поэт Туркменистана, с которым я дружил. — А. К.) или о других наших писателях, с которыми был знаком и чья память тебе особенно дорога, обязательно присылай мне! Я отдам в нашу газету «Эдебият ве сунгат» или в другие издания».

Иногда я прошу его написать статьи о наших белорусах, работавших на туркменской земле. Агагельды переслал мне статью о Михасе Федотовиче Карпенко, который долгие годы работал в журналистике и литературе Туркменистана. О белорусе Карпенко написал его друг, известный журналист Баба Караев из Ташауза. А я, в свою очередь, тоже отправляю Агагельды материалы, которые, на мой взгляд, интересны для туркменских читателей. Недавно в литературно-художественной газете Туркменистана напечатали рассказ одного нашего писателя — Ивана Каренды. Также, спасибо коллегам, «Эдебият ве сунгат» напечатала мои воспоминания о литературной жизни в Ашхабаде в середине 1980-х... От Агагельды знаю, что перевели на туркменский еще и сказки для детей одного из наших писателей. Их перевел Атамурат Атабаев. У нас также готовится к печати несколько туркменских авторов. Мы надеемся, что их произведения понравятся белорусским читателям.

Агагельды при любой возможности пропагандирует туркменское художественное слово, а в Ашхабате — белорусскую литературу. Я однажды поинтересовался у Агагельды: «Как это у тебя получается? Как на все хватает времени?» А он улыбнулся и ответил: «Ведь я бывший директор Бюро пропаганды Союза писателей Туркменистана. Туркменскую литературу пропагандировал и по всему Советскому Союзу. Когда народы близко знают друг о друге и ценят эти знания, тогда дружба бывает крепкой и полезной всем». По-моему, верны такие строки Керим-ага: «Dost gazanyp utulan ýök, utan bar» («Имеющий друга, не может проиграть, а только выигрывает»)...» Наш друг Агагельды в моем восприятии тот солдат, который служит для литературной дружбы народов.

А сейчас Агагельды — еще и исследователь белорусско-туркменских исторических, культурных и литературных отношений.

— ...С моим народом, — рассказывает Агагельды Алланазаров, — у братской Беларуси дружеские, верные, братские отношения в основном начали складываться в прошлом, XX веке. В годы Советского Союза. Мы тогда жили в одной семье. Считали Беларусь и Туркменистан своими и белорусы, и туркмены. Были друг другу братьями, ездили в гости, помогали, служили в разных краях Беларуси туркмены, служили в Туркмении белорусы... Особенные, братские отношения установились в годы Великой Отечественной войны. Не только Россия была тогда в огне и беде. Но и на белорусскую, украинскую земли, на Северный Кавказ, в Прибалтику пришли немецкие оккупанты. Сразу стало понятно, что враг очень сильный, жестокий и хорошо вооруженный. Если не соберутся все братья на врага, одержать победу невозможно. Тогда Родина-мать и позвала всех сыновей, все национальности огромной страны на помощь.

В те годы более трехсот тысяч солдат и офицеров из Туркменистана дрались с фашистами вместе с русскими, белорусами, представителями других национальностей. Недавно изданная у нас книга «Память» подтверждает, что многие из туркменских ребят пали на поле боя. Немало из них погибло, освобождая белорусские города: Могилев, Мозырь, Лоев, Калинковичи, Минск и другие. За освобождение Минска получили самую высокую награду наши земляки — Герои Советского Союза Ораз Аннаев, Клычнияз Азалов. Сегодня одна из улиц столицы Республики Беларусь носит имя Ораза Аннаева. И после освобождения Беларуси от фашистов, Туркмения помогала белорусам восстанавливать свою жизнь заново, всеми возможными и невозможными усилиями делала это наша республика, делал это весь туркменский народ. Мы делились последним куском своего хлеба. Сохранился такой архивный документ: «Постановление Бюро ЦК КП(б)Т «Об отправке эшелона с подарками для трудящихся г. Минска» от 5 сентября 1944 года. И вот что в этом документе записано: «1. Разрешить ЦК ЛКСМТ организовать и отправить эшелон с подарками для трудящихся г. Минска, Белоруссия.

2. День отправки эшелона утвердить 15 сентября 1944 г.

3. Для сопровождения эшелона с подарками утвердить делегацию. Руководство — зав. отделом крестьянской молодежи ЦК ЛКСМТ тов. Мухатова.

4. Поручить Совнаркому ТССР выделить ЦК ЛКСМТ для подарков за наличный расчет:

а) товары ширпотреба 50 000 руб.

б) оконного стекла 1 вагон.

в) дыни «Гуляби» 1 вагон.

г) зерна 12 200 кг.

д) скот 1755 голов.

е) рыбы 4500 кг.

5. Обязать Ашхабадскую железную дорогу предоставить 15 вагонов порожняка и 1 классный вагон для отправки и сопровождения подарков к месту назначения...»

Наверное, такие факты следует чаще вспоминать. И здорово, что Агагельды разыскал этот «фрагмент памяти».

Кстати, не только сегодняшние публикации в литературно-художественных изданиях связывают Агагельды с Беларусью. В 1980—1990-е гг. в минском издательстве «Юнацтва», директором которого и работал тогда поэт Валентин Лукша, вышли две детские поэтические книги Алланазарова. Произведения известного туркменского писателя представлены и в антологии детской туркменской литературы «Цветы Каракумов». Ее составитель и один из переводчиков — Любовь Филимонова. Она не единожды приезжала в Туркменистан. Перевела на белорусский язык книгу стихотворений Курбана Чолиева «Чудесное стеклышко». Кстати, Валентин Лукша и его коллеги Владимир Каризна и Владимир Анискович за создание библиотеки в пятнадцать томов, представляющей детские литературы народов СССР, были отмечены Государственной премией Республики Беларусь. А теперь в Минске подготовлена к изданию еще одна книга стихотворений Агагельды Алланазарова на белорусском языке — «Веселая азбука». Переводчик — известный поэт Виктор Гордей, который убежден, что «Веселая азбука» Агагельды нисколько не хуже, а наоборот, лучше многих других подобных опытов, написана с большим педагогическим чутьем... Услышать такое от Гордея о творчестве моего туркменского друга мне было приятно еще и потому, что переводчик сам много работает в детской литературе.

— ...Сегодня по-другому воспринимаются расстояния, — говорит Агагельды Алланазаров, — не такими подвижными мы стали в передвижениях. Но Беларусь по-прежнему кажется мне близкой страной. И теперь помню встречи в Артеке с Валентином Лукшей, который очень много сделал для развития межнациональных литературных связей. Кстати, тогда, в «Артеке», я преподнес Валентину Антоновичу такой сюрприз... Выступаем мы в лагере «Морской», он был частью «Артека». Там было много ребят из Туркменистана. Они приняли нас с восторгом. Я читал стихотворения на туркменском. Ребята громко аплодировали. А в конце я обратился к детворе: «Дорогие дети, а я вам не только свои стихи читал, часть из них принадлежит перу белоруса, которого вы видите здесь. Недавно его книга увидела свет у нас в Ашхабаде. Так что, половина аплодисментов должна быть адресована Валентину Антоновичу...» Дети еще больше развеселились. А Валентин Антонович был растроган неожиданной для него новостью о туркменской книге в издательстве «Магарыф»... А потом, уже вечером, мне и сказал: «Беру на себя обязательство познакомить с твоими стихами белорусских школьников...» Так и случилось. Вскоре я получил из Минска бандероль с альманахом «Ветразь», где была опубликована и подборка моих стихотворений. А затем и первая моя белорусская книга «Добрые слова», которая вышла в Минске. Большую часть переводов сделал сам Валентин Лукша. А когда в нашем «Магарыфе» готовилась антология белорусской детской литературы на туркменском языке, то я с удовольствием перевел для нее стихотворения Павла Мартиновича и Леонида Ширина... Уже в недавние времена познакомился с Алесем Бадаком, Аленой Масло, Геннадием Пашковым. Они в разные годы приезжали

к нам в Ашхабад на выставку «Золотая Книга». Всегда с теплотой вспоминаю своих белорусских друзей: поэта Михаила Карпенко, который работал главным редактором газеты «Ташаузская правда», и Николая Калинковича. Оба, к великому сожалению, уже покинули этот мир...

Да, мы часто переписываемся с Агагельды, хорошо знаем о творческих планах друг друга. И я благодарен судьбе за то, что долгие годы дружу с замечательным туркменским писателем, человеком, который чутко относится и ко мне, и к моей родине. И очень надеюсь, что выйдут в Беларуси новые книги Агагельды Алланазарова. И не только сборники, адресованные детям. Если бы зазвучали на белорусском или были опубликованы у нас, в Беларуси, хотя бы на русском, его романы «Очаг», «Тюлень», «Жаркое лето Хазара». Верю, что многие читатели стали бы добрее к людям, находящимся рядом. С бóльшим проникновением и сочувствием относились бы друг к другу. Потому что книги Агагельды Алланазарова — это прочный фундамент в утверждении гуманистических идеалов, нравственности и духовности. Ведь в годы независимости Туркменистана Агагельды особенно плодотворно работает на литературной ниве. В течение двадцати лет он написал три романа. Когда я был в Ашхабате, на книжной ярмарке, о его романе «Очаг» слышал много теплых слов и хороших отзывов. Роман «Жаркое лето Хазара» я читал по подстрочнику и был впечатлен им. Так же понравился мне его роман «Тюлень», который прочитал в переводе на русский язык и, помню, написал тогда автору такие строки: «Агагельды, с удовольствием читал твой роман и могу тебе сказать, что давно не открывал такой широкий художественный мир». От всей души поздравил друга с творческим успехом.

Каждое время создает свою литературу. Романы Агагельды Алланазарова, несомненно, показывают и отражают литературно-художественный уровень сегодняшнего Туркменистана. Надеюсь, творчество замечательного туркменского поэта, прозаика, доброго друга нашей страны станет более известным читателям и у нас в Беларуси, и в других странах.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

После публикации

Демоны рождаются на земле

Публикуя роман Георгия Марчука «Год демонов» в журнале («Нёман», № 1—3 за 2012 год), редакция, возможно, и не подозревала, что в то время, когда внимание многих поглощено интернетом и бытовыми проблемами, в библиотеках на него образуются очереди

Согласитесь, за последние годы таких случаев много не вспомнишь.

Роман «Год демонов» впервые был опубликован на белорусском языке в начале 90-х в журнале «Полымя». В нем описаны события, которые происходили в Беларуси накануне распада СССР, когда не все еще было известно и осмысленно. Но писатель раскрыл многое из того, о чем мы тогда только догадывались, хотя большинству из нас приходилось сталкиваться с отдельными проявлениями большого зла.

Роман стал документом целой эпохи. Произведение вышло из глубин духовных исканий автора. Писатель следует принципу Бомарше, который сказал, что исправить людей можно, только показав их такими, каковы они есть на самом деле.

И перед читателем предстает целая галерея героев из разных слоев населения, начиная от простого шофера и заканчивая вторым секретарем Центрального комитета партии.

Вот, к примеру, секретарь партбюро Института экономики Кузьма Дорофеенко. Внешне в нем ничего не было от «демона», однако он — демагог, любит поучать: «Ершистых и даже гордых берут ласкою». Этим принципом и воспользовались ему подобные, чтобы усмирить корреспондента «Правды» Любомира Горича, когда он попробовал встать на защиту обиженного ветерана войны и труда Николая Барыкина. Журналисту дают трехкомнатную квартиру, вне очереди принимают в Союз писателей, включают в состав государственной делегации, направляющейся в Аргентину...

Ректор института Константин Злобин (даже фамилия говорящая!) — приспособленец и карьерист, который обманом приписал себе годы сотрудничества с партизанами, хотя на самом деле в первый год Великой Отечественной войны сотрудничал с немецко-фашистскими захватчиками. Его принцип: «Подумаешь, дал слово, взял слово. Время диктует поведение». Его друг и «единомышленник» — второй секретарь ЦК Иван Горностай, который старых коммунистов называет «одуванчиками-маразматиками».

Лицемерно относится Иван Горностай и к Любомиру Горичу, которого он хочет использовать в своих интересах, сделав его доверенным лицом на выборах в народные депутаты СССР.

Писатель показывает смутное время в нашей стране, когда скрывалась правда о Чернобыле, все было подчинено целям пропаганды. Население спивалось, вокруг царили ложь и обман, общество деградировало, в воздухе стало витать «вселенское чувство несправедливости и беззакония», просыпались темные силы. Справедливы слова Юрия Бондарева: «Царство добра знает предел, проявление зла не знает предела». Перестройка, показывает Георгий Марчук, коснулась всех. Но по-разному. Например, дефициты, от которых страдали рядовые граждане, не были страшны крупным деятелям, стремившимся и в новых условиях отхватить кусок пожирнее,

стать народными депутатами, попасть в парламент, получить новые льготы, привилегии, уйти от ответственности за развал на прежней работе. Но «зачастую все решалось спонтанно, остро, бурно, хаотично» и не в пользу «демонов».

А вот для людей типа отца Любомира Горича времена были очень и очень трудными. Григорий Артемович — человек старой закалки, отстаивает свои взгляды и принципы. Но пришло новое время, появилось «новое мышление»...

Молодой Горич, главный герой произведения, разрывается между позицией отца и новыми веяниями, стремится осмыслить их, старается быть честным.

Он изображен с недостатками и грехами, что делает честь автору, который знает людей и жизнь. Так, после смерти Барыкина Любомир «стыда, что не исполнил долг перед Николаем Ивановичем, не чувствовал». Но Барыкин, оказывается, — родной дядя медсестры, работающей вместе с Олесей, которую горячо полюбил Горич. И любовь преобразила его: он снова встает на защиту идеалов Барыкина, который верил, что правда и истина должны торжествовать. «Пелена идеологической химеры развеивалась, к нему возвращалась решительность, — говорит автор. — Он (Любомир. — М. К.) писал, как в былые времена, душой и сердцем. Рефреном проходила боль за жизнь простого человека, который ее прожил честно, с верою и ответственностью перед Богом, не сомневаясь даже в горькие минуты унижения, что найдутся другие, которые будут жить по тем же законам. На них, совестливых и гордых, и держится Отечество».

Как подчеркнул однажды Геннадий Пациенко, писатель ценен тем, что он несет в душу читателя. Так вот, по-моему, Георгий Марчук несет в души читателей свет, веру в торжество добра. Писатель работает во имя общественного блага, активно противостоит силам зла.

...Вспоминаю случай, когда в толстом журнале был опубликован новый, на злобу дня, роман известного писателя. Прочитал на одном дыхании. Через некоторое время то произведение вышло отдельной книгой. Приобрел, начал читать — не пошло. Стало уже неинтересно! А ведь сказано (правда, не помню кем), что книга, которая не стоит того, чтобы ее прочитали дважды, не стоит и того, чтобы ее читали один раз...

Роман Георгия Марчука — остросюжетное, захватывающее произведение уже прочитал дважды. Уверен, что возвращусь к нему еще не раз.

Михаил КОВАЛЕВ

Из почты журнала

Надеюсь на Ваш ответ

Нынче письма в редакцию распечатывают на принтере, и письмо, пришедшее в отдел прозы осенью минувшего года, отпечатанное на пишущей машинке, вызвало дополнительный интерес…

Редакция

Простите, не знаю Вашего имени-отчества и сколько Вам лет. Вам пишет Светлана Судник из г. Витебска. Я инвалид 1-й группы по зрению и плохо слышу. Пишу рассказы. Три рассказа: «Ангелы», «На мосту» и «Совершенно секретно» передали в редакцию «Нёмана», и почти год назад я получила Вашу оценку. Огромное спасибо! Я написала еще два рассказа и могу Вам их подарить.

Ничего из того, что Вы советовали, я не сделала. Нет у меня ни сюжета, ни запоминающихся образов. Чудесный библиотекарь, который приходит мне читать, говорит, что мои творения похожи на заметки в газете. Но спасибо, что обратили на меня внимание.

У Вас очень красивое имя. Сколько себя помню, главным редактором в издательстве «Чтение» работает Ваш тезка Олег Николаевич Пилюгин. Это единственное издательство в России, которое издает книги рельефно-точечным шрифтом Брайля, книги для слепых. Они издают такие журналы, как «Литературные чтения», альманахи «Долгое чтение», «Поэзия», в которых по Брайлю перепечатывают из разных литературно-художественных журналов стихи, романы и рассказы. Коллектив редакции решает, что читать российским слепым. Издательство очень хорошо ко мне относится, постоянно дарит книги, сама-то я не могу купить их. Есть и еще пример. В этом году я подружилась с Олегом Туревичем. Олег живет на Украине, он почти не видит и не слышит, и другие заболевания у него есть, ему необходимо дважды в неделю принимать дорогие процедуры. Я спросила его: в чем предназначение инвалида? Он ответил: смотри на инвалида, как на человека, это не стол или умывальник, — вот и поймешь предназначение инвалида. Многое, конечно, зависит от характера. И все-таки, когда тебе говорят, что ты капризный человек с ограниченными возможностями, что у тебя даже физиологические процессы идут не так, как следует, — ты затаишься, дыхание и сердце замирают, ты с трудом глотаешь кусок «двинского» хлеба. Инвалидов не так много, чтобы обращать на них внимание!

Желаю Вам и всей редакции здоровья и сил, чтобы вы сами могли помочь и купить кому-то кулич, рогалик с маком, булку-плетенку или «двинский» хлеб с семечками подсолнуха.

Простите за ошибки, опечатки и бледность текста.

Всего Вам самого лучшего.

Светлана.
Сентябрь, 2012.

(От редакции: ошибок в письме не было, текст перепечатан почти без изменений).

Здравствуйте, Светлана!

Обращаться ко мне Вы вполне можете по имени (отчество Алексеевич). Литераторы, как правило, люди не чиновные и форма для нас не имеет значения. А возраст у меня почтенный — скоро стукнет 75 лет. Пора на пенсию.

Рассказы Ваши я прочитал. Опубликовать их мы, конечно, не сможем, но кое-что интересное я нашел в них. К примеру, в рассказе «Песня безумная роз» есть такой текст: *«...Я сама не красавица. Высокая, худая, мне никак не удается поправиться...»* и т. д. Или: *«На лестнице Женя взял у меня портфель. В моей комнате небрежно бросил его на стол...»* Спокойно, уверенно. А как хорош финал рассказа «Девочку звали Алиною»! *«И время пролетело незаметно, будто затканное золотым узором, но я ни разу не сказала этому человеку спасибо, огромное спасибо за все, низкий поклон Вам до земли»...* Так что литературные способности у Вас есть. Нет, может быть, школы и разнообразия жизненного опыта. Но так уж сложилась Ваша жизнь.

Хотелось бы узнать подробнее о Вас. Понятно, что жизнь Ваша трудна и сложна, но как хорошо, что Вы не замкнулись, не озлобились, как хорошо, что Вы человек добрый и способны ценить других. Замечательно и то, что интеллектуальные интересы тоже занимают значительную часть Вашей жизни.

Желаю Вам здоровья, верных людей рядом с Вами.

Олег Ждан.
Октябрь, 2012.

Здравствуйте, уважаемый Олег Алексеевич!

Вам пишет Светлана Судник из Витебска. Огромное спасибо, что прочитали мои рассказы. Они, может, и не похожи на рассказы. Никто не учил меня писать.

По окончании средней школы мы и не думали учиться дальше, мы были рады, что устроились на работу. И то, когда приехали в Витебск, пришли в контору УПК-1 Белтиз, заместитель директора сказал нам с мамой, что мест в общежитии нет, то есть и на работу не возьмут. Я вышла в коридор и заплакала. Что мне оставалось? Кормить кур, мести дорожки, чистить лук, гладить белье... Получилось так, что я плакала у двери кабинета директора. Тут он вышел и сказал: «Мы возьмем тебя на работу». Это был Константин Константинович Ломчановский. Место в общежитии нашли. И в моей жизни началась новая эра.

На предприятии была спецбиблиотека, работала в ней Лидия Михайловна Транкевич. Она лично читала мне вслух все, в чем хотела меня просветить и вразумить. После смены я шла к ней и выстаивала до пяти часов у стола-кафедры, слушала.

А еще были у нас занятия машинописью, но никому из слепых, ходивших на эти курсы, машинка не потребовалась, только мне. Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы меня отправили домой.

На штамповке головки булавки 3-го номера мне удавалось делать полтора тарифа; так же на сборке прищепки и щетки-массажки я с нормой справлялась. Вообще же я записана упаковщицей, и эта работа мне больше всего нравилась, но там нормы огромные. На упаковке шпильки я сидела всю смену не поднимаясь, но выполняла только полнормы. Мне помогали и мастера, и рабочие. Не раз слышала озабоченные голоса: «Как помочь Свете?» Увольнение меня страшило...

В это время я стала писать, хотя никто меня не учил, роман «Неверные кометы» и постепенно перешла на 4-х часовой рабочий день, потом — на 2-х часовой, а потом — в надомницы. Обычный шрифт я перестала читать, когда мне было 20 лет, черновики писала по Брайлю, иногда пользуясь краткописью Зубкова. Потом на машинке «Бразер» отпечатала 214 листов. Мне пока нравится этот роман.

Когда я ходила в библиотеку к Лидии Михайловне, слушала ее, я ждала какого-то чуда, ждала такой книги, которая подняла бы меня над землей... А потом я вообще уволилась с завода из-за боли в спине. И из-за гордыни. Я теряю равновесие при ходьбе, но не хочу шататься, махать белой тростью... Некрасиво все это. Теперь у меня есть сопровождающая — Катя, наша рабочая, она раз в неделю меня водит, и я этому очень рада. В Глубоком живет моя прекрасная мама, и

там я каждый день могу выйти во двор. Здесь я живу одна, у меня своя квартира, получаю пенсию. Мне 36 лет. Сейчас я ищу товарищей по несчастью. Я отправила письма в наш «говорящий» журнал «Таварыш» и на радио. Они обо мне рассказали, но пока ответов нет. Совсем слепоглухие — особая группа людей. Вы же видите: я тоже хочу быть человеком. Пить чай за столом, гулять по тротуару под липами или по снегу... Люди, лишенные чести, этого не понимают.

Теперь можно мне немного написать о Вашем романе «Государыня и епископ», помещенном в журнале «Нёман»? Текст этого романа для меня слишком сухой, но вы, конечно, проводите идею. У вас ведь тоже есть инвалид — хромоножка Рива. Мне надо читать его дважды, с первого раза не запоминаю.

Почему мы такие бедные? Кто-то же завел нас в тупик. Чем измерить бедность людей? Мне кажется, временем, которое человек работает не на себя, а на кого-то. Бессмысленное времяпровождение лишает человека надежды на бессмертие.

Белорусы слишком добрые, шчырыя, сардэчныя, ничего им не жаль для других.

Конечно, хорошо бы купить компьютер, «читающую машину», может быть, я слышала бы механический голос. И читала бы что хочу. Но сейчас мы собираем деньги на ремонт квартиры.

На Рождество я мечтаю поехать в Глубокое. Надеюсь, что на столе у нас будет гореть лампа, мама будет мне читать... К нам придут соседи... Пусть бы они были здоровы и физически, и душевно, пусть бы верили, что связаны со всем миром.

«Нёман» мы читаем больше других журналов, но пока фамилий авторов я не запомнила. Запомню. Давно ли Вы работаете в «Нёмане»? Есть ли у Вас другие произведения?

Поздравляю Вас с Новым годом и Рождеством, и с Днем рождения. Желаю всегда бодрого настроения и чтобы вас окружали друзья. Конечно же, надеюсь на Ваш ответ.

Светлана Судник.
Декабрь, 2012.

Здравствуйте, Светлана!

С радостью прочитал Ваше большое и открытое письмо. Понимаю его как доверие, и потому — спасибо. Оставляют впечатление слова и о Вашей матери, и о библиотекаре, и о директоре завода, на котором Вам довелось работать, и о безымянных людях, что помогали Вам выполнять неподъемные задания-нормы. Давно замечено: равнодушные проходят мимо, если у человека проблемы, хорошие — останавливаются.

Два года назад у нас образовалась дружба с одним из читателей «Нёмана» Владимиром Михайловичем Голубевым, человеком, у которого есть немалые проблемы со здоровьем, — дружба продолжается до сих пор. Одно из писем, в котором он рассказал о своей жизни, о житейских воззрениях, мы даже опубликовали под названием «Монолог» — это была публикация для неравнодушных людей.

С отрывком из Вашего романа я познакомился. Нет, романы писать Вам не стоит. Если привлекает занятие литературой, пишите рассказы и лучше всего не выдуманные, а о своей (из своей) жизни.

Что касается моего романа и Ваших замечаний — молчу, каждый читатель имеет право на собственное мнение. Есть у меня и другие книжки (повести и рассказы), но вполне достаточно, если Вы познакомитесь с «Государыней...» В «Нёмане» я работаю уже давно, наверно — с перерывами — лет двадцать... Журнал более-менее популярен в Беларуси, но далеко не все публикации равноценны.

Читать какие-то книги по стилистике художественных произведений не надо. Читайте хорошие повести и рассказы — там все есть.

Вы собирались съездить в Глубокое на Рождество к матери. Удалось ли? Как встретили замечательный праздник, с какими впечатлениями возвратились?

Всего доброго Вам. Здоровья и благополучия.

Олег Ждан.
Январь, 2013.

Здравствуйте, Олег Алексеевич!

Спасибо Вам за письмо. Отвечаю не сразу, так как сперва я должна была ответить моим незрячим и слепоглухим друзьям. Мой друг Владимир Нагорный — он не видит с детства, слух плохой и открываются раны на ножках — тоже считает, что романы мне писать не стоит. Я очень расстроилась, но у меня и в мыслях не было послать моего друга вместе с его критикой. Он тоже советует читать, читать запоем.

По Брайлю я прочитала роман Ч. Айтматова «Плаха». Это настолько глубокий роман, что я не могу его критиковать. На диске слушаю «Анну Каренину». А раньше слушала «На Западном фронте без перемен». Но лучше всего была начитана актером «Триумфальная арка». Анна Каренина мне сразу не понравилась. Мне ближе Кити. Анна Каренина попалась в сети собственного характера, как попадают многие люди.

На Новый год я была дома, в Глубоком. Мама почти каждый день водила меня гулять, читала мне, и мы прочитали Ваш роман «Государыня и епископ». Мама также прочитала мне рассказ «Верочка», автор Мушинская, а имя ее я не запомнила. Рассказ достоверный; я и сама общаюсь с инвалидами и родителями больных детей. Однако конец рассказа неестественный: ну, откуда у больного мальчика окажется удивительная судьба? А мама моя плакала, настолько мытарства Верочки похожи на наши мытарства. Мне очень понравился рассказ Алеся Асташонка «Беларускі акцэнт» — о сельском мальчике, который пришел в городскую школу, но говорил по-белорусски и стал изгоем — тогда он стал играть в свою, справедливую школу.

Вы читаете книги, получающие Нобелевские премии? О чем они? Вторая мировая война, о которой писали Шолохов, Белль, Хемингуэй, давно закончилась. О чем сейчас думают и пишут? Что Вы еще любите читать? Солженицына, Достоевского?

И все-таки я собираюсь писать романы. Печатать на плоскопечатной машинке мне гораздо легче, чем писать по Брайлю от руки своим друзьям. У меня есть черновик рассказа «Славянский базар». Можно я пришлю его Вам?

Я тоже желаю Вам всего самого хорошего. Надеюсь на Ваш ответ.

Светлана.
Февраль, 2013.

Здравствуйте, дорогая Светлана!

Приближается Женский день, как вы будете отмечать праздник? Будут ли с Вами друзья? Желаю Вам хорошего настроения и здоровья.

Вполне согласен с Вашими оценками наших публикаций. Я, конечно, читал и даже готовил к печати рассказ Татьяны Мушинской «Верочка». Печальный рассказ, и недаром плакала Ваша мать, читая его. Сейчас Мушинская с большой любовью написала документальную повесть-воспоминание о Грушевке — это район Минска, точнее, о своих прародителях: бабушке-дедушке, прабабушке-прадедушке. Возможно, «Нёман» опубликует повесть в конце года.

Алеся Асташонка я знал, любил его и как человека, и как писателя. Жаль, что он так рано ушел из жизни. Совсем не зря его называли «надеждой белорусской

литературы». «Белорусский акцент» — хороший рассказ, но на русский язык он, кажется, не переводился. Значит, Вы читаете и по-белорусски. Это замечательно, потому что при переводе текст все же что-то теряет.

Сейчас мы сдаем 3-й номер журнала. Очень спешим, чтобы не выпасть из графика. Следующий раз напишу Вам обстоятельнее.

Всего Вам доброго.

Олег Ждан.
Март, 2013.

Здравствуйте, Олег Алексеевич!

Спасибо Вам за письмо.

8 марта я праздновала хорошо! Правда, ко мне никто не приходил (брат Алеша неожиданно заболел — так, что пришлось вызывать «скорую»), но у меня были три коробки конфет и фрукт «помело», а еще — одиннадцать писем от моего друга Владимира Нагорного. Я очень люблю перечитывать их.

Главная моя проблема — нехватка свежего воздуха: сижу в квартире. Во дворе у нас есть столик, деревья, скамейка, качели, турник, на котором выбивают ковры, в двух шагах церковь. Инвалиды нашего дома спокойно выходят во двор, но мне он чужой, я не знаю, к кому подойти. Рядом живут прекрасные люди, но все заняты (кроме Кати Вороновой. Но о ней позже). Мама в Глубоком. Может, это роскошь и большая наглость — искать сопровождающего при живой маме, но мы искали. В российском журнале «Наша жизнь» писали, что со слепыми дружит молодежное объединение «Чердак». И я направила маму в местный филиал БРСМ, надеясь, что они найдут человека, который станет со мной ходить. Но они не нашли. Потом услышала по радио о работе Красного Креста, и в скользоту и слякоть мама пошла туда. Но там тоже не оказалось свободных людей.

Когда я только еще встала на обслуживание в территориальном центре, социальный работник Светлана Яскевич сказала: «Гулять будем вместе, будем общаться». Она жила рядом, ее родители слепые. Тогда было роскошно: я еще работала, и в счет зарплаты нам давали свиную тушенку, шпроты, консервы в томате, зеленый горошек... И каждый день Света покупала для меня мороженое «Лакомка Маруся».

Позже другой социальный работник Настя Акулова сказала: «Давай я буду водить тебя гулять, я же ничего у тебя не делаю». Она не убирала у меня, я сама убирала, но она покупала мне продукты. Мне ее было жалко: девочка, руки тонкие, после работы учится машину водить, недавно вышла замуж, должен родиться ребенок, и еще ей возиться с моим гулянием.

Последний раз я выходила гулять с Катей Вороновой — чудесный человек. (До последнего часа она ухаживала за своим мужем — он умер у нее на руках).

Маму мне больше всех жаль. С мамой я связываю свое счастье и свои надежды. Последний раз, когда она приезжала ко мне... Шел мелкий снег, мы говорили о том, что живо, о нашем доме в Глубоком, о том времени, когда Алеша был маленький. Мы зашли в магазин, купили шоколадных конфет с орешками и мороженое. И эта прогулка вошла в мою память белым атласным фоном с золотыми звездочками. Мы с мамой договорились быть вместе и перед холодом, и перед грубостью.

Недавно мы купили недорогой дисковый проигрыватель и прослушали прекрасную книжку «Вазьму твой боль» Ивана Шамякина.

Конечно, развлечения надо выбирать, бывают пустые и непристойные. В детстве я была в цирке и видела как дрессированные звери прыгают по тумбам...

Пустые (и грязные) развлечения только засоряют пространство, это вам скажет и Иван Батрак, и Константин Левин, и Роберт Фемель («Бильярд в половине десятого» Э.-М. Ремарка).

А вот стихотворение, которое я написала, когда мне было 22 года:

Наступает покой от отчаянных грез,
Немоты, нищеты и забвенья;
Все сбылось, ничего не сбылось,
Кроме зябко дрожащих смятений.

Я уже собираюсь в сиротский приют
От людей безнадежно кричащих;
Да, они не поймут... да, они не поймут
И последние крохи надежды растащат...

И приходит покой от отчаянных грез,
После бурных и долгих истерик;
Может, счастье мое еще не сбылось?
Я не верю, живу и не верю.

Спасибо, что обратили на меня внимание. Желаю Вам прекрасного здоровья и успехов. Надеюсь на Ваш ответ.

Светлана.
Март, 2013.

Светлана СУДНИК,
г. Витебск — ***Олег ЖДАН****, г. Минск*
(Переписка наша продолжается).

ПОПОВА Елена Георгиевна. Родилась в г. Лягтца (Польша). Училась на факультете журналистики БГУ, окончила Литературный институт им. М. Горького. Драматург, прозаик. Автор множества пьес, поставленных театрами разных стран. Произведения переведены на английский, немецкий, японский, польский, белорусский языки, включены во многие зарубежные антологии. Победитель Первого Европейского конкурса пьес. Включена в энциклопедию «2000 выдающихся европейцев XXI столетия». Живет в Минске.

ЩИТОВА (Кротова) Татьяна Викторовна. Родилась в Смоленске. Окончила Всесоюзный заочный институт пищевой промышленности. Стихи печатались в журнале «Здаровы лад жыцця», «Краязнаўчай газеце». Живет в Минске.

ДЕЙКУН Раиса Васильевна. Родилась в 1954 г. на станции Авраамовская (д. Партизанская) Гомельской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета. Подполковник милиции в отставке. Автор книг на правоохранительную тематику, книги-исповеди «Мой ЧарноБыль, або Я боль людскі... кранаў рукамі...», сказок «Прыгоды Бульбаёсціка», «Компания «Артём и К°» по уничтожению жука», «Бульбаёсцева сямейка». Живёт в Гомеле.

СТАСЮК Владимир Владимирович. Родился в 1973 г. в Минске. Окончил механико-математический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор книги «Читатель мыслей». Живет в Минске.

КРИВОШЕЕВА Татьяна Ивановна. Родилась в г. Мстиславль Могилевской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Печаталась в научно-методическом издании «Русский язык и литература», в журнале «Нёман». Живет в Минске.

ЕВСЕЕНКО Антон Борисович. Родился в 1991 г. в Минске. Окончил Минский государственный профессионально-технический колледж декоративно-прикладного искусства им. Н. А. Кедышко. Сейчас студент Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

ГОРГУН Олег Викторович. Родился в 1989 г. в д. Большие Чучевичи Лунинецкого р-на Брестской области. Студент Белорусского государственного медицинского университета. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

БУДОВИЧ Татьяна Васильевна. Родилась в 1977 г. в Минске. Окончила институт современных знаний, исторический факультет Белорусского государственного университета. Автор книги стихов «Дуэль паглядаў». Живет в Минске.

МАЛАХОВСКИЙ Рагнед Юрьевич. Родился в 1984 г. в поселке Сеймчан Магаданской области (Россия). Окончил факультет финансов и банковского дела Белорусского государственного экономического университета. Автор сборников стихов «Беражніца», «У дзённай мітусні». Живет в Минске.

ЛАШУК Татьяна Игоревна. Родилась в 1983 г. в Лиде. Окончила исторический факультет Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. В настоящее время аспирант кафедры истории Беларуси Гродненского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист. Печаталась в журналах «Першацвет», «Поколение», газете «Знамя Юности» и др. Живет в Лиде.

ПИМ Барбара Мэри Скрэмртон. Родилась в 1913 г. в Освестри (графство Шропшир, Великобритания). Окончила Оксфордский университет. Автор романов «Газель, которую приручили», «Превосходные женщины», «Джейн и Пруденс», «Совсем не ангелы», «Сосуд, полный благословений», «Осенний квартет», «Голубка умерла» и др. Умерла в 1980 году.